USSN 0135—1675

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 20

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 20

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР А. А. АСКАРОВ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1986

В сборнике излагаются результаты новых археологических исследований, проводимых на территории Узбекистана, подводятся итоги изучения эпохи мустье Ташкентского оазиса, включаются новые данные исторической топографии городища Пайкенд, материалы к археологической карте отдельных районов. Рассматриваются вопросы смежных с археологией наук: антропологии и палеоантропологии, закрепления живописи Зартепа и применения новейших методов при исследовании археологических памятников.

Для археологов, историков, а также всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
Г. В. Шишкина, М. Д. Джуракулов

И $\frac{0507000000-2817}{М\ 355(04)-86}$ 20—85

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1986 г.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОДЖАМАЗГИЛЬСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Самаркандский палеолитический отряд Института археологии АН УзССР в 1981—1982 гг. производил стационарные археологические исследования на верхнепалеолитической стоянке Ходжамазгиль, открытой еще в 1969 г.[1]

Ходжамазгильская верхнепалеолитическая стоянка находится в 70 км к юго-востоку от Самарканда у западного подножия Туркестанского хребта, в 35 км восточнее поселка Кильдон, в местечке Ходжамазгиль.

Восточнее Ходжамазгильского палеолитического местонахождения простирается предгорная полоса, состоящая из древних пролювиально-аллювиальных конгломератов и галечников[2]—Q_I^2. Согласно подразделениям среднеазиатской стратиграфической шкалы — это кошкурганский горизонт нижнеантропогеновых отложений[3].

Ниже прослеживаются более молодые отложения Ташкентского цикла и наконец отложения, где расположена Ходжамазгильская стоянка, относятся к области голодностепской серии отложений (лесс, лессовидные суглинки, галечники)[4]. Геоморфологическое местоположение стоянки вполне соответствует периоду —Q_3[5].

Слабо выраженная площадка, на которой размещается исследуемый нами палеолитический памятник, находится на склонах широкой надлуговой террасы. Ее поверхность большей частью неровная и довольно быстро повышается. Изучаемый нами небольшой раскопочный участок стоянки находится у северо-западного берега искусственного водоема.

---

[1] Аскаров А., Ташкенбаев Н. Древнейшее прошлое Самарканда. — ОНУ, 1970, № 9, с. 79—84; Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980, с. 76—79.

[2] Марковский А. П. Западная часть Туркестанского хребта. — В кн.: Геология Узбекской ССР. Т. 11. Ленинград, 1937, с. 34.

[3] Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 110.

[4] Марковский А. П. Западная часть Туркестанского хребта, с. 35.

[5] Юрьев А. А. О возрасте террас р. Зарафшан в связи с геолого-геоморфологическим изучением окрестностей пещеры Аман-Кутан. — Известия Всесоюзного географического общества. Т. 8. Ташкент, 1964, с. 129; Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия..., с. 147.

Раскопочными работами была охвачена площадь около 70 кв. м (раскоп 8 м×6 м) и три шурфа (2 м×2 м), заложенные на северном, восточном и южном берегах водоема.

Культурный горизонт исследуемого нами палеолитического памятника утолщается в западном направлении, имея мощность 0,30—0,45 м на глубине 2,85—3,35 м от дневной поверхности и представлен плотным суглинком коричневого цвета с желтоватым оттенком, содержащим большой набор каменных изделий.

Следы кострищ или зольных пятен не обнаружены, фаунистические остатки представлены в виде мелких, раздробленных, плохоопределимых косточек животных. Скорее всего это результат воздействия влаги. По всей вероятности, культурный горизонт стоянки большое время был залит водой искусственного водоема.

Культурный горизонт на всем пространстве исследованной площадки объекта дал нам множество расщепленных кремней, среди которых имеется значительное количество законченных орудий.

Находки в основном сосредоточены в средней части раскопа, у западнсй его стенки, к южным окраинам количество их заметно уменьшается.

Основным материалом, из которого изготавливались орудия труда в Ходжамазгиле, служил кремень темно-зеленого, светло-коричневого, серого, белого цветов. Выходы кремня темно-зеленого цвета нами были обнаружены в 12 км к юго-востоку от Ходжамазгиля в каньоне одного из глубоких саев.

Важное место в каменной индустрии занимают нуклеусы. В эпоху верхнего палеолита заготовки для орудий в основном производились из одно- двухплощадочных призматических или подпризматических неуклеусов. По общей морфологии нуклеусов, подготовке ударной площадки, снятию заготовок можно проследить весь процесс первичной обработки камня. Изучение нуклеусов позволяет установить своеобразие техники расщепления камня, которая характерна для того или иного памятника. Например, на Ходжамазгильской стоянке преобладают одно- двухплощадочные призматические нуклеусы, типичные для эпохи верхнего палеолита.

Из 15 нуклеусов 10 — одно-двухплощадочные, 3 — дисковидные и 2 — многоплощадочные.

Из трех экземпляров представленных одно- двухплощадочных нуклеусов два — параллельного раскалывания (рис. 1, *1*) с сохранившимися на рабочей поверхности параллельными фасетками. Заготовки снимались с двух противоположно лежащих ударных площадок, заранее подготовленных перед расщеплением. Первый нуклеус из кремня светло-коричневого, второй — темно-коричневого цветов имеют размеры: высота — 5,5 см и 7,0 см, ширина — 4,2 см и 6,0 см, углы ударных площадок по отношению к плоскости раскалывания составляют 90—95°. Третий нуклеус сохранил на одной плоскости фасетки одного направления, его параметры — 7,2×4,2 см (рис. 1, *2*).

Среди коллекции нуклеусов встречены два экземпляра подтреугольной формы из кремня темно-зеленого и белого цветов, их размеры: высота — 4,0 см и 3,0 см, ширина — 5,0 см и 4,0 см. Углы скалывания 90° (рис. 1, *4*, *5*). Два нуклеуса подпрямоугольной формы, на ударной плоскости которых хорошо сохранились

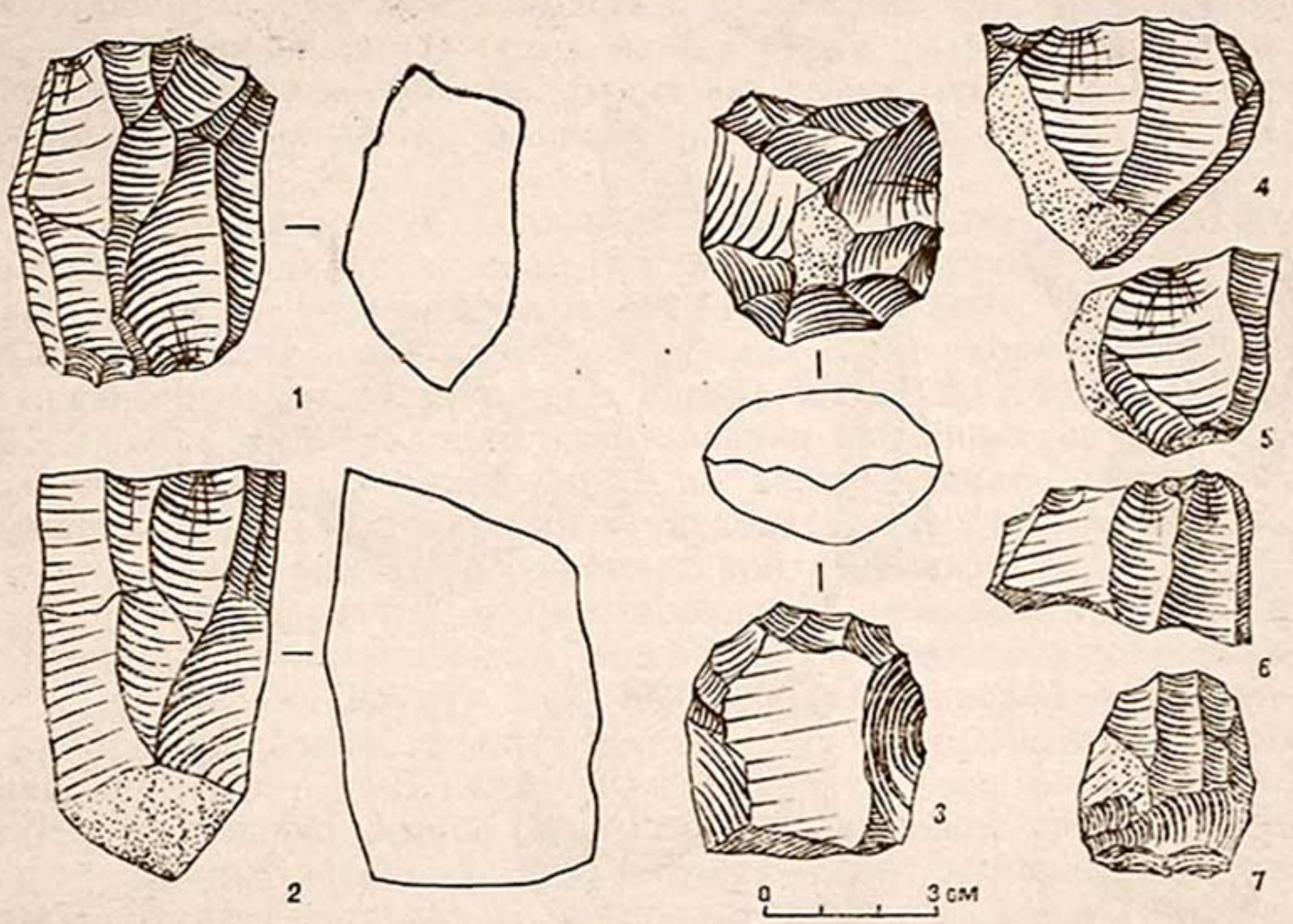


Рис. 1. Нуклеусы Ходжамазгильской стоянки.

параллельные фасетки сколов (длина — 3,0 см и 5,0 см, ширина — 3,6 см и 3,2 см) (рис. 1, *6*, *7*). Один из дисковидных нуклеусов (рис. 1, *3*) имеет радиальную систему скалывания с них заготовок, от периферии к центру. Его параметры: 4,5 см в диаметре, толщина — 3,0 см. Наличие небольшого процента дисковидных нуклеусов характерно и для каменного инвентаря Самаркандской[6] и Синабской[7] верхнепалеолитических стоянок.

Для кремневой индустрии Ходжамазгиля характерно наличие большого количества ножевидных пластинок правильных очертаний: от довольно крупных (более 12 см) до миниатюрных, являющихся здесь наиболее предпочитаемым видом заготовок для большинства кремневых орудий. На изучаемом объекте в незначительном количестве встречаются и кремневые отщепы, получен-

---

[6] Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде (исследования 1958—60 гг.). — Труды СамГУ, 1964, № 135, с. 60.

[7] Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века, с. 84.

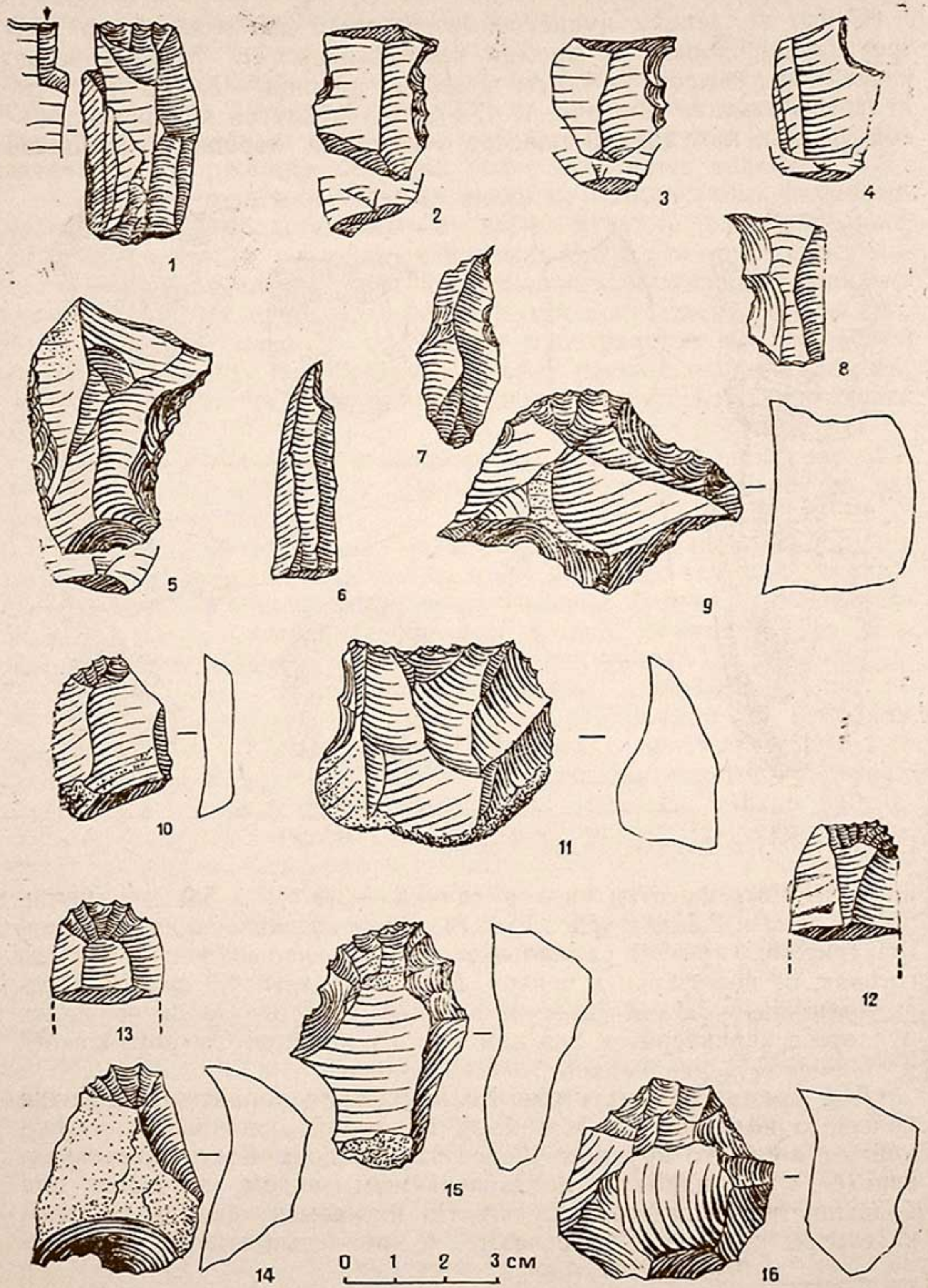


Рис. 2. Каменные орудия Ходжамазгиля.

ные, видимо, при первоначальной обработке нуклеуса или кремневого желвака.

Большинство пластинок, хотя и не подвергалось вторичной обработке, имеет острые лезвия. Рабочие лезвия некоторых ретушированных пластин создавались путем нанесения плоской и мелкозубчатой ретуши, которая образовывала выемку, видимо, выполнявшую функцию скобления. Слишком глубокая и частая ретушь на одной из заготовок между углом ударной площадки и продольным краем образовала острое выемчатое лезвие. Параметры данного изделия: длина — 3,0 см, ширина — 4,0 см, толщина — 0,7 см.

В коллекции орудий Ходжамазгильской стоянки имеется серия выемчатых орудий с лезвием, составляющим острый угол между продольным и усеченным краями заготовки (рис. 2, *2*, *3*, *4*, *8*). Данные изделия изготовлены из кремня светло-коричневого, темно-зеленого цветов, их размеры варьируют от 2,1×2,0×0,4 см до 2,9×2,4×0,8 см. Традиция изготовления подобных орудий, выполнявших функцию скобления и заглаживания поверхности деревянных изделий, возможно, исходит еще из мустьерской эпохи (по материалам Кутурбулакской стоянки)[8].

К числу предметов, удовлетворявших производственные потребности ходжамазгильского первобытного обитателя, относились также кремневые орудия типа резцов с их основной функцией— обработки наиболее твердых материалов: кости, камня, может быть, дерева и т. п. В культурном горизонте Ходжамазгиля обнаружено несколько резцов, один из них —угловой кремневый резец серого цвета (рис. 2, *1*), изготовленный из фрагмента пластины снятием продольного резцового скола с одного из его углов.

В комплексе культурного горизонта стоянки помимо описанных выше типов имеются комбинированные или сложные орудия. Они характеризуются тем, что на разных краях или концах заготовки образовано по нескольку рабочих лезвий различного назначения. Например, одно из таких орудий выполняло функции ножа скобеля (рис. 2, *5*). Размеры изделия: длина — 4,8 см, максимальная ширина — 3,0, толщина — 0,8 см.

В технике верхнего палеолита и, соответственно, в его каменном инвентаре существенное место занимают небольшие орудия с удлиненным жальцем-проколкой, особенно необходимые при шитье одежды из меха или кожи, просверливании отверстий в дереве, кости, камне и т. п. Таких проколок в Ходжамазгиле найдено около 20 экземпляров. Две из них изображены на рис. 2, *6*, *7*. Их параметры: 4,1×1,2×0,7 см и 3,7×1,5×0,6 см.

Наиболее устойчивым видом орудий в каменной индустрии верхнепалеолитических памятников являются так называемые

---

[8] Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века, с. 27.

скребки. Их основой могли быть пластины или отщепы, оформлявшиеся дугообразным рабочим лезвием, отделанным более или менее тонкой ретушью. В культурном горизонте Ходжамазгильской стоянки собрано более десятка скребков из кремня разных цветов. Размеры их варьируют от 1,6×2,0×0,7 см до 4,2×4,5× ×2,0 см. Они изготовлены из целых пластин, их фрагментов, крупных отщепов, нуклевидных кремневых кусков и т. д. Несколько скребков на массивных отщепах имеют широкие округлых очертаний рабочие края, оформленные крутой ретушью (рис. 2, *9*, *11*, *14*, *15*, *16*). Скребки на массивной основе часто встречались в культурных слоях Самаркандской верхнепалеолитической стоянки[9]. Есть скребки на пластинчатой основе с рабочим лезвием, обработанным тщательной чешуйчатой ретушью (рис. 2, *10*, *12*, 13). Рабочие лезвия ходжамазгильских скребков вполне отвечают той функции, которая обычно приписывается скребкам как основному орудию, служившему для выделки шкур животных и других подобных целей.

Следует остановиться на орудиях, которые представлены всего лишь тремя-четырьмя экземплярами. Одно из них — массивное, двусторонне-обработанное рубящее орудие (чоппинг-тул). Его рабочее лезвие широкое, обработано глубокой крутой ретушью с некоторой дополнительной подправкой. Противоположный лезвию конец, сохранивший естественную корку сырья, образует как бы пятку или рукоять. Размеры орудия: длина — 7,7 см, максимальная ширина — 6,2 см, толщина — 4,0 см. Подобное орудие было найдено там же, в Ходжамазгиле, в 1969 г. в пункте 1, рядом с родником, в 50—60 м северо-восточнее нынешнего раскопа 1[10]. Рубящие орудия, также с остатками валунной корки, имеются в коллекции Самаркандской верхнепалеолитической стоянки[11].

В культурном горизонте Ходжамазгильской стоянки найдено также изделие, изготовленное из сечения крупной кремневой гальки темно-зеленого цвета, один из длинных краев обработан крутой подтеской, образуя дугообразное лезвие, характерное для мустьерских скребел. Тыльная сторона данного предмета полностью сохранила естественную галечную корку. Описанное орудие имеет параметры: 9,4×4,4×2,5 см. Еще один артефакт представляет собой изделие с острым режущим лезвием. Возможно, оно выполняло функцию режущего инструмента или же использовалось в качестве скобеля из-за вогнутости края, противоположного пятке данной галечной заготовки. Размеры предмета: 5,2× ×5,0×3,0 см.

Морфолого-типологические особенности каменного инвентаря Ходжамазгильской стоянки по большей вероятности синхронны

---

[9] Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века..., с. 27, 33, 64.

[10] Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века..., с. 77, табл. XI, 14.

[11] Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века..., с.79, рис. 57.

материалам Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. Это подтверждает и характер использованного сырья.

Таким образом, согласно технике расщепления, типологической форме заготовок и орудий материал Ходжамазгиля относится к эпохе верхнего палеолита. Расщепление здесь, как и на Самаркандской стоянке, представлено, помимо призматических, грубопризматическими и дисковидными нуклеусами и отщепами с малым количеством неправильных пластин. Типология Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки характеризуется пластинами и ретушированными отщепами, в некоторых случаях скреблами, а также резцами, проколками, скребками и скоблеобразными, выемчатыми орудиями, наличием галечных орудий.

Кроме того, в каменном инвентаре Ходжамазгиля, как и Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, явно выражено долгое переживание архаичных приемов раскалывания камня, характерное для всего среднеазиатского верхнего палеолита.

У. И. ИСЛАМОВ, Т. ОМАНЖУЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ МУСТЬЕ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

В настоящее время на территории Ташкентского оазиса следы первобытного человека обнаружены более чем в 30 местах. Они представлены пещерными (Пальтау, Оби-Рахмат, Чаткал 1—2, Ходжакент 1—2, Кук-Яйлов, Акташ, Кумхона), открытыми стоянками (Кульбулак, Кухисим), местонахождениями с разрушенными культурными слоями (Бозсу 2, 3, 4; Бургулюкские комплексы 1—9, Шиванбой, Яккабог), мезолитической стоянкой Кушилиш и рядом пунктов подъемных сборов на территории Чарвакского водохранилища.

Историю исследований памятников палеолита и мезолита Ташкентского оазиса можно разделить на два этапа изучения. Первый этап охватывает 50—60-е годы. В это время были обнаружены пещерные памятники Ходжакент 1, 2, Оби-Рахмат, верхнепалеолитическая стоянка Акташ, памятники с разрушенными культурными слоями Бозсу-2 и др. Археологические материалы этих памятников были изучены и частично опубликованы А. П. Окладниковым, Р. Х. Сулеймановым и Х. Н. Насреддиновым[1]. Исследуя материалы из Ходжакента, А. П. Окладников пришел к выводу, что индустрия Ходжакентских гротов сходна с индустрией из Тешикташа и типологически имеет связь с мате-

---

[1] Окладников А. П. Ходжакентская пещера. Новый мустьерский памятник Узбекистана. — КСИА, вып. 82, 1961; Палеолит и мезолит. — В кн.: Средняя Азия эпохи камня и бронзы. М., 1966; Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972; Насреддинов Х. К. Ходжакентская пещера № 2. Мустьерский памятник близ Ташкента. — ОНУ, 1962, № 4.

риалами где обнаружены леваллуа-мустьерские памятники Средней Азии и сопредельных территорий.

Материалы, полученные в открытых местах на территории Ташкента (Бозсу 2, Шуралисай), отличаются от индустрий Ходжакента и Оби-Рахмата. Мустьерские орудия изготовлены из коротких и толстых отщепов и пластин, которые свойственны леваллуа-мустьерской группе памятников[2].

Таким образом, первоначально при исследовании материалов вышеуказанных памятников Ташкентского оазиса А. П. Окладников обнаружил два вида техники раскалывания индустрии: леваллуа-мустьерский и мустье-типичный. При более позднем изучении техники индустрии Оби-Рахмата и сопоставлении с материалами других памятников Средней Азии Р. Х. Сулейманов характеризовал, что материалы Оби-Рахмата и ряд материалов других памятников представляют собой более пластинчатую технику расщепления, чем леваллуазская[3]. Сущность этой техники раскрывается в том, что здесь широко употреблялись пластинчатые и грубопризматические сколы, соответствующие им протопризматические и полюсные нуклеусы.

На основе статистико-метрического анализа индустрий Оби-Рахмата Р. Х. Сулейманов установил стадиальную эволюцию памятника. Развитие прослеживается с переходом от позднего мустье к верхнему палеолиту.

Следовательно, в 50—60-х годах на территории Ташкентского оазиса определено два технических варианта леваллуа-мустьерских культур: а) по А. П. Окладникову — леваллуа-мустье (леваллуазская техника); б) по Р. Х. Сулейманову — культура Оби-Рахмат (пластинчатая техника с примесью леваллуа).

Второй этап исследования палеолита Ташкентской области охватывает 70—80-е годы.

Начиная с середины 60-х годов в верховьях Чирчика, Ахангарана и на территории г. Ташкента археологические поиски и разведки производились интенсивным путем. В это время были обнаружены новые памятники пещерного типа (Пальтау)[4], открытые (Кульбулак) и ряд местонахождений палеолита, мезолита, расположенные в бассейнах рек Чирчик и Ахангаран. Среди этих памятников стоянка Кульбулак, расположенная в верховьях р. Ахангаран, дала материалы разновременного облика. Исходя из характера индустрии памятника, М. Р. Касымов разделил ее на три эпохи палеолита — поздний ашель, мустье и верхний палеолит[5].

---

[2] Окладников А. П., Исламов У. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2). — ИМКУ, вып. 2, 1961; Средняя Азия эпохи камня и бронзы.

[3] Сулейманов Р. Х. Указ. работа.

[4] Оманжулов Т. Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане. — ИМКУ, вып. 17, 1982.

[5] Касымов М. Р. Многослойная стоянка Кульбулак в Узбекистане. — МИА, вып. 185, 1972.

Прежде чем характеризовать мустьерские периоды данной области, коротко остановимся на вопросе первоначального ее заселения людьми эпохи палеолита. Индустрии, характерные для ашеля, в Узбекистане представлены слабо. В Ташкентском оазисе ранние материалы обнаружены лишь в нижних слоях Кульбулака, в лессовых отложениях. Эти материалы изготовлены из кремня и кремнистого сланца. По характеру обработки они грубые и архаичные. Отщепы и пластины с широкой гладкой ударной площадкой. Большинство из них имеет неправильные очертания. Орудия маловыразительны, есть скребла на массивном отщепе и грубо обработанные орудия.

Однако полученные позднеашельские материалы Кульбулака весьма отличаются от материалов Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении[6], где были обнаружены типы орудий —чоппер, чоппинг, кливер. Таким образом, позднеашельские материалы Кульбулака свойственны территории Ташкентского региона.

Раннемустьерские материалы были найдены лишь в Кульбулаке. Они еще изучаются М. Р. Касымовым. Материалы, характерные для среднего и позднего мустье, были обнаружены во многих местах Ташкентского оазиса. Все стоянки располагаются как бы отдельными группами. На территории бассейна р. Ахангаран выявляются следующие группы памятников: Кульбулакская (Кульбулак, Кухисим, Шиванбой, Яккабог, Саглам), Бургулюкская (1—9 пункты местонахождений), бассейн р. Чаткал, Оби-Рахматская (Оби-Рахмат, Пальтау, Чаткал 1—2, Ходжакент 1, 2), Наволисайская (Наволисай, Кук-Яйлов), памятники, расположенные вокруг зоны Чарвака и комплекс Бозсу (Бозсу 2, Шуралисай, Каракамиш, Зах). Как видно, каждая группа состоит из нескольких мелких стоянок и местонахождений, среди которых есть и раскопанные на значительной площади, что позволяет составить характеристику групп с учетом относительной хронологии внутри них.

Для всех групп стоянок и местонахождений мустьерской культуры характерно наличие определенно общих элементов: ретушированные пластины, остроконечники, скребла. Однако несмотря на общее сходство отдельных памятников, между ними существуют некоторые различия, что позволяет конкретным образом выделить локальный вариант или культуру. Различия между группами заметны уже в характере сырья первичного и вторичного расщепления материала. Исходя из этого, все группы памятников разделяются на два основных локальных варианта эпохи мустье.

---

[6] Лазаренко А. А., Ранов В. А. Новая палеолитическая стоянка Каратау-1. — В кн.: Успехи Среднеазиатской археологии (УСА), вып. 3, 1975; Алпысбаев Х. А., Костенко Н. П. Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок Южного Казахстана. — В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974; Юнусалиев. Саламат-булак. Палеолитические комплексы. — Известия АН КиргССР, 1981, № 3.

Для обоснования каждой группы памятников, как культурный вариант, требуются методы типологическо-технического анализа индустрии, трассологические наблюдения и статистически-метрический или системный анализ.

Учитывая вышеуказанные методы исследований, нами были обработаны материалы Оби-Рахмата, Пальтау и вновь просмотрены индустрии Ходжакента 1—2, из открытых — Кульбулак.

Анализ материалов из этих памятников позволил по характеру техники индустрии памятники Ташкентского оазиса разделить на два технически культурных варианта: зубчатое мустье (Кульбулак); леваллуа-мустье (Оби-Рахматская группа памятников). Памятники зубчатого мустье с тейякской традицией до 1970 г. не были обнаружены на территории Узбекистана и Средней Азии в целом. По техническим и морфологическим признакам к ним относятся лишь кульбулакские индустрии.

Для техники первичного расщепления материала характерны мустьерская (леваллуазская, протопризматическая) с небольшой примесью верхнепалеолитической техники[7].

У нуклеусов процент дисковидной техники гораздо выше (26%), чем леваллуазской (10%). Сколы разные, основную часть составляют мустьерские нелеваллуазские (92,2%), леваллуазских очень мало (7%).

Подобная картина характерна для некоторых памятников зубчатого мустье с тейякской традицией. Например, Чакмаклы-леваллуа — 12%, Стинка-2 — 7,3%. В остальных памятниках этой группы сколы леваллуа имеют более низкий процент.

В Кульбулаке фасетированные ударные площадки составляют 12,2%, что гораздо меньше, чем в Стинке-2 (31%) и Чакмаклы (27%)[8].

Основная часть сколов Кульбулака — отщепы разных форм (51,50%), причем число крупных отщепов круглых и овальных очертаний невелико (3,20%). Самая характерная черта отщепов — укороченность, при этом в большинстве случаев преобладают заготовки неправильных очертаний. Пластин значительно меньше, чем отщепов (21,70%). Это свойственно некоторым памятникам зубчатого мустье с тейякской традицией. Например, на Стинке-1 пластины составляют в нижнем культурном слое 6,2%, в верхнем — 17%, на Стинке-2 — 5,8%.

Еще одной характерной чертой сколов Кульбулака являются фрагментированные отщепы и пластины (10,4%).

Техника вторичного расщепления весьма разнообразна и имеет местный специфический облик.

---

[7] Оманжулов Т. Классификация нуклеусов мустьерских слоев Кульбулака. — ОНУ, 1969, № 9.

[8] Анисютин Н. К. Вариант Среднего палеолита в Приднестровье. — Труды Гос. Эрмитажа. 1978, № 19, с. 9; Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии тейяко-зубчатых индустрий на основе материалов местонахождения Чакмаклы. — МИА, вып. 185, 1972, с. 58.

Особое внимание привлекают орудия: зубчатые, выемчатые, с носиком, клювовидные, с черенком, и немногочисленные изделия верхнепалеолитического облика[9].

По общим типолого-техническим признакам Кульбулакская индустрия резко отличается от леваллуа и леваллуа-мустьерских памятников. Это, в основном, прослеживается на рабочих элементах орудий. Так, зубчато-выемчатые элементы занимают одно из основных мест в мустье Кульбулака (33%). Здесь встречаются крупные клектонские выемки, крутая притупливающая ретушь, а также пологая приостряющая ретушь. На других памятниках эти виды распространяются следующим образом: в Чакмаклы — 37%. Осипке — 26, Стинке-2, Стинке-4 — 16,3, Стинке-1 (нижний слой) —21, Лусакерте-1 — 15 и 21, Губском навесе — 13,75, Монашеской пещере — 17, Ябруде-IV — 27,5%.

Зубчатые и выемчатые типы орудий характерны также и для некоторых памятников Узбекистана. Они представлены в комплексах Бозсу — 21,4%, Наволисае — 25,1%, Кутурбулаке — 23%.

Скребла. Эти типы орудий в Кульбулаке составляют 8,15%. Морфологически они разделены на десять подтипов. Типологически среди скребел выделяются крутые, прямые, вогнутые, с крупнозубчатыми краями.

Остроконечников мало (1—2%), клювовидных изделий — 3,5%, проколок — 1,2%. Лотовидные изделия встречены лишь в IV слое памятника, они изготовлены из мелких отщепов и сколов. Острия с короткими выступами составляют 1,3%, ножи и ножевидные пластины — 2,7%.

Для всех слоев Кульбулака характерны элементы позднепалеолитических индустрий (13,1%). Одной из этих групп являются скребки, однако следует отметить, что они представлены различными формами, в большинстве случаев высокого типа с крутым рабочим краем, в V—IV слоях уже появляются концевые и оринъякские виды скребков. Сходные элементы скребков обнаружены в памятниках Чакмаклы, Монашеская пещера, Губский навес, Кутурбулак и Зирабулак.

Количество верхнепалеолитических типов изделий в Кульбулаке возрастает от нижнего слоя к верхнему.

Материалы местонахождений Бозсу 2 сходны с индустрией Кульбулака. При анализе материалов из коллекции Бозсуйской группы нами было просмотрено 420 экз. из них нуклеусов — 18 экз., отщепов — 216, пластин — 96 экз., все остальное — отходы от производства. Представлены разные нуклеусы — дисковидные, одно-двухплощадочные и призматические. Среди материалов первичного расщепления преобладают мелкие нуклеусы, крупных мало. Сколы, в основном, укороченные, леваллуазских немного. Сколов со вторичной обработкой всего 193 экз.—46%.

---

[9] Касымов М. Р. Многослойная стоянка Кульбулак; Касымов М. Р., Тетюхин Г. Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. — ИМКУ, вып. 16, 1981, с. 7—11.

Орудия: отщепы с ретушью — 10,3%, пластины с ретушью — 4,1, ножи и ножевидные — 8,8, скребла — 3,6, остроконечники — 2,0%, выемчатые — 12,4, зубчатые — 6,7, зубчато-выемчатые — 8,2, скребки — 16,0, проколки — 2,5, резцы — 1,0% и проч.

Особенностью этого памятника можно считать разнообразие в нем скребел. Они двойные, обработаны ступенчатой ретушью.

Самой многочисленной категорией кремневых изделий являются зубчатые и выемчатые формы. Все они изготовлены из мелких и архаичных отщепов. Комбинированные изделия представлены двумя видами: скребло-нож и зубчато-выемчатая форма. Другим характерным типом орудий являются скребки. Морфологически они делятся, в основном, на два вида: скребки высокого профиля и концевые. Концевые скребки изготовлены из мелких тонких отщепов и утолщенных пластин.

Подобное сочетание зубчато-выемчатых и ярко прослеженных верхнепалеолитических элементов орудий характерно для Кульбулака IV—VI, Кутурбулака (1 слой), Чакмаклы, Губского навеса, Корман-IV (слой 8—9).

Следует отметить, что в индустрии рассматриваемого комплекса — мустьерские и верхнепалеолитические типы изделий. Основываясь на представленных материалах, их можно отнести к развитому периоду мустье зубчато-тейякской группы памятников. Материалы такого рода получены из Наволисая Бостанлыкского р-на (1980—1981 гг.)[10]. Изделия с выемкой обнаружены также в зоне Чарвакского водохранилища и в верховьях р. Угам[11].

Известный памятник Кутурбулак, расположенный в долине Зарафшана, отнесен к раннему этапу Оби-Рахматской культуры с преобладанием леваллуа-мустьерской техники. Это особенно хорошо прослеживается в первичном расщеплении материала. Нуклеусы леваллуазского облика составляют 9%, нуклеусы протопризматические или с параллельным расщеплением — 11%. Однако в IV—II слоях памятника представлена индустрия, характерная для зубчато-выемчатой техники расщепления материала. Многие изделия в этих слоях обработаны клектонской ретушью.

Сколов 5394 экз. Из них отщепов — 45,6%, пластин — 27,6%, леваллуазских — 9,2%. Заметна, прежде всего, ярко выраженная в Кутурбулаке пластинчатая техника расщепления, последняя леваллуазская. Многие сколы или заготовки, представленные здесь, имеют укороченные формы. Это характерно для Кульбулака, Наволисая, Нуакатской группы в Кайрак-Куме, Ахштыре и в Ябруде. Типичными являются также зубчатые и выемчатые орудия. Типологически они представлены несколькими видами: обычные выемчатые орудия, с одной выемкой по любому краю, орудия с двумя смежными выемками на конце заготовки.

---

[10] Исламов У. И. О результатах разведок палеолита. 1980. — АО, 1981.

[11] Ташкенбаев Н. Х., Касымов М. Р. Древности Чарвака. Ташкент, 1976; Алпысбаев Х. А. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана. — УСА, вып. 1, 1972.

Следует подчеркнуть, что зубчато-выемчатые изделия в основном характерны для III и II слоев памятника. Например, в III слое зубчатые орудия составляют 213 экз. (18, 13%), выемчатые — 85 экз. (7,37%). Кроме того, зубчатая ретушь прослежена на отщепах и пластинах, на массивных сколах и на многих орудиях комбинированных форм. Однако встречены струги, резцы которых не характерны для материалов Кульбулака.

Среди индустрий пещерных памятников Ташкентского оазиса наиболее изученными являются материалы стоянки Оби-Рахмат.

Коллекции Оби-Рахмата, собранные с 1967 по 1980 г. очень обильны и разнообразны. Составленные на их основе классификации индустрии несколько отличаются в описании материалов, а также в процентном отношении от тех, что указаны в монографии Р. Х. Сулейманова[12]. Следует упомянуть, что в статистическом и метрическом анализе материалов Р. Х. Сулейманов выбрал часть коллекции индустрии Оби-Рахмата.

Нуклеусы и нуклевидные обломки в коллекции составляют 16 экз.—3,1% из общего числа индустрии. Морфологически они разделены на несколько типов: дисковидные — 7,11%, многогранные — 6,49%, леваллуазские — 7,78%, протопризматические — 41,58%, бессистемные — 14,61%.

Сколы — 15958 экз. Из них массивные сколы составляют 10,51%, пластинчатые отщепы и пластины — 29,7%, леваллуазские — 2,39, сколы призматические — 3,07 и бессистемные — 14,69%. Следует отметить, что большую часть сколов составляют невыразительные предметы в виде обломков и отходов производства, в том числе мелкие — 31,60%.

В слоях II и III этапов собрана большая коллекция мелких чешуек без определенного признака, которые невозможно включить в группу отщепов и отходов производства. Максимальные размеры — 1,30×0,2×1,0 см. Всего их более трех тысяч. Орудия — 1837 экз., 11,5% общего числа сколов. В первом этапе они составляют 9,63%, во втором — 12,33, в третьем — 9,72%. Низкий процент орудий характерен для некоторых памятников леваллуа-мустьерской техники расщепления. Например, в Кара-Бура орудий 6—7%, Тешик-Таше — 5%, Джаркутане — 4,16% и Кайрак-Куме — 9%[13].

Основными типами орудий в Оби-Рахмате являются скребла, ретушированные пластины и отщепы, резцы, ножи и орудия комбинированных форм, %:

Типы изделий	*I этап*	*II этап*	*III этап*
Скребла	32,40	27 70	12,00
Пластины и отщепы с ретушью	19,00	14,00	12,60
Комбинированные	14,90	14,23	12,50
Резцы	8,70	10,90	18,60
Ножи	1,30	7,80	16,60

[12] Сулейманов Р. Х. Указ. работа.

[13] Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

Типичных остроконечников мало, всего 99 экземпляров — 53%. Следует отметить, что в коллекции III этапа обнаружены лимасы — 5 экз., которые типологично включены нами в группу двойных скребел. Они обработаны грубо, продолговатой ретушью, иногда одна сторона дает зазубренные края. Аналогичные формы изделий встречены в Семиганче (Таджикистан) и памятниках Кавказа[14].

Сходной типологической характеристикой обладают материалы из пещеры Пальтау. Техника здесь имеет леваллуазский облик с параллельными расщеплениями индустрии. Типичных леваллуазских сколов всего 9%. Индекс пластинчатости — 42%. Орудия разнообразны — 44,2%. Основную группу составляют скребла — 26%, ножи — 18, комбинированные — 16 и остроконечники — 10%.

Для этого памятника не характерны верхнепалеолитические типы орудий.

В целом индустрия пещеры Пальтау по своей архаичности и массивности сколов соответствует нижнему этапу Оби-Рахмата и материалам Ходжакентской пещеры.

Материалы Ходжакентской пещеры, пересмотренные автором, позволили обнаружить здесь большее количество ножей и остроконечников по сравнению с опубликованными ранее. Преобладают нуклеусы полюсные, одно-двухплощадочные, дисковидные и многогранные, пластинчатые отщепы, пластины, отщепы атипичных форм (подчетырехугольных очертаний, с широкой ударной площадкой). Отщепы леваллуазские, короткие, широкие и треугольные. Изделий со вторичным расщеплением 27 экз.—5,19%. Основную часть орудий составляют ножи и ножевидные пластины — 9 экз. Они представлены тремя видами: лезвия оформлены на одном продольном крае отщепа, на массивной пластине, ножи с обушком. Остроконечников 5 экз.—18,5%. Один остроконечник без следов ретуши. Скребла боковые — 2 экз., с продольным выпуклым краем — 4, резец боковой на нуклевидном обломке — 1, серединные на конце бесформенного скола — 2 и ретушированные пластины — 3 экз.

Пластинчатая и леваллуазская техника ярко выражена в материалах Чаткала-1 и Чаткала-2. Отщепы и пластины удлиненные и широкие в сочетании с орудиями типа скребел, ножей и др.

Таким образом, типологическая проверка показывает общность индустрий пещерных памятников Ташкентского оазиса (Оби-Рахмат, Пальтау, Ходжакент и др.). Это сходство, в основном, прослежено на технике первичного расщепления материала. Оно обусловлено пластинчатостью (широкие и удлиненные отщепы и пластины).

Что касается разделения индустрии Оби-Рахмата на три этапа, то это вызвано заметными отличиями материалов каждого из

---

[14] Ранов В. А. Семиганч — новое мустьерское местонахождение в южном Таджикистане. — МИА, вып. 185, 1972; Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. М., 1977.

них. Например, на нижнем этапе материалы местами смешаны, а индустрии непотревоженных слоев гораздо более атипичны и массивны, т. е. аналогичны материалам пещеры Пальтау. Здесь ярко выражены массивные отщепы и пластины. Для материалов третьего этапа Оби-Рахмата характерны тонкие заготовки меньшего размера, пластины и отщепы призматической формы.

Еще одной особенностью Оби-Рахмата является чрезвычайная многочисленность мелких чешуек и отбросов производства. Это, в основном, прослеживается в VII, VIII и XV слоях памятника. Малочисленность индустрии со вторичной отделкой и высокий процент отходов производства позволяют отнести материал Оби-Рахмата к памятникам типа стоянка-мастерская, а пещеру Пальтау — к типам временных или сезонных охотничьих лагерей.

Сопоставление индустрии мустьерского времени палеолита Ташкентского оазиса показывает, что памятники разделяются, в основном, по двум техническим вариантам: пластинчатая и леваллуазская техника расщепления материалов (Оби-Рахмат, Пальтау, Ходжакент 1 и 2, Чаткал-1 и Чаткал-2) и зубчато-выемчатая с преобладанием тейякской техники (Кульбулак, Кухисим, Бозсу 1—6, Наволисай).

Подводя итоги технико-типологического анализа материалов исследуемых памятников Ташкентского оазиса, нами были определены существенные различия в двух культурных вариантах эпохи мустье и сходство между ними по конкретным типам орудий:

1. Техника первичного расщепления материала в Кульбулаке имеет своеобразный характер. Нуклеусы дисковидные, леваллуазские, одно-двухплощадочные, протопризматического облика. Сколы овально-круглые, атипичные, большей частью укороченные. В Оби-Рахмате нуклеусы протопризматические, призматические и в небольшом количестве леваллуазские. Сколы удлиненные, широкие, в основном пластинчатые и призматические.

В Кульбулаке индустрия со вторичной обработкой составляет 47% из общего числа сколов, а в Оби-Рахмате — 9—11%.

Мы подсчитали послойно и процентное соотношение всех орудий и изделий со вторичной обработкой, сюда включены также ретушированные отщепы и пластины.

Сопоставление индустрий двух памятников позволило выявить изменение процентных соотношений рабочих лезвий по всему периметру отщепа.

Кульбулак. VIII культурный слой:

m — общее количество орудий 1516;
ml — общая длина параметров заготовок — 24256 см.
а) h — высота каждого орудия (ср.) $= m - ml$;

$$h = \frac{1ml}{m} = \frac{24256}{1516} = 16 \text{ см.}$$

Определим средний коэффициент рабочего лезвия:
mp — общая длина рабочего лезвия 16676 см;

$$б)\ hp = \frac{mp1}{m} = \frac{16676}{1516} = 11 \text{ см};$$

$$в)\ K = \frac{11 \cdot 100}{16} = 63{,}7\%.$$

Оби-Рахмат. III этап:

$m - 334$; $ml - 6012$ см

$$а)\ h = \frac{6012 \cdot 1}{334} = 18 \text{ см};$$

$$mp = 3100 \text{ см}$$

$$б)\ hp = \frac{3100 \cdot 1}{334} = 9{,}3 \text{ см};$$

$$K = \frac{9{,}3 \cdot 100}{18} = 51{,}2\%.$$

Сравним индустрии верхних слоев памятника.

Кульбулак. IV слой:

$m - 512$; $ml - 6667$ см

$$h = \frac{6667}{512} = 13 \text{ см};$$

$$б)\ hp = \frac{4003 \cdot 1}{512} = 7{,}8 \text{ см};$$

$$в)\ K = \frac{7{,}8 \cdot 100}{13} = 60{,}0\%.$$

Оби-Рахмат. I этап:

$m - 147$; $ml - 2388{,}5$ см;

$$а)\ h = \frac{2388{,}5 \cdot 1}{147} = 15{,}5 \text{ см};$$

$mp - 1076$ см;

$$б)\ hp = \frac{1076 \cdot 1}{147} = 7{,}3 \text{ см};$$

$$в)\ K = \frac{7{,}3 \cdot 100}{15{,}5} = 47{,}1\%.$$

Коэффициент ретушированного края индустрии Кульбулака в VIII слое — 68,7%, IV слое — 60,0 в Оби-Рахмате I на нижнем

этапе — 51,2%. Количество изделий со вторичной обработкой, покрывающей весь периметр отщепа, в Кульбулаке уменьшается постепенно, по слоям, в материалах Оби-Рахмата эти изменения гораздо незначительнее. Это обьясняется тем, что в IV культурном слое Кульбулака ретушированных отщепов и пластин больше, чем в нижних слоях.

Для Кульбулака характерно большое количество скобляющих орудий зубчато-выемчатых форм, клювовидных, изделий с носиком, появление позднепалеолитических орудий, для Оби-Рахмата — струг, скобелей, резцов и ножевидных изделий.

3. Отмечаются значительные различия в количестве ретушированных отщепов и пластин: в Кульбулаке 4% в общем числе орудий, в Оби-Рахмате — 1—2%. Скребки высоких форм в Кульбулаке — от 6 до 24%, в Оби-Рахмате — не более 1%.

4. Сходные стороны двух групп памятников: скребла, изготовленные из отщепов и пластин, ножи и ножевидные изделия.

Сопоставление инвентаря этих памятников подтверждает, что в Ташкентском оазисе в эпоху среднего палеолита, возможно, существовали две локально-родовые группы неандертальцев.

Одна из них — ранее известная Оби-Рахматская (Оби-Рахмат, Пальтау, Ходжакент-1,2, Чаткал-1,2), вторая — Кульбулакская (Кульбулак, Кухисим, Бозсу 1, 2, Наволисай).

Оби-Рахматская культура базировалась на технике пластинчатого и леваллуазского расщепления материалов и имеет сходные черты с памятниками Средней и Передней Азии.

Кульбулакский вариант мустьерских культур базирован на типично мустьерской технике с тейякской традицией, и сходные памятники распространены на Кавказе, Передней Азии и в регионе Днестра — Прута в Европе.

С. Р. БАРАТОВ

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Наконечники стрел из камня, имевшие широкое распространение в археологических комплексах Средней Азии, до недавнего времени в полной мере не привлекались исследователями для морфоанализа. В литературе они использовались для решения частных региональных вопросов[1] и проблем их функционального изучения[2].

---

[1] Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, вып. 158. М. — Л., 1969; Скакун Н. Н. Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. — В сб.: Каракумские древности, вып. 4. Ашхабад, 1972, с. 161—166.

[2] Ширинов Т. Ш. Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапаллитепе. — СА, 1979, № 4, с. 126—137.

Целью настоящего исследования является сбор, систематизация и анализ имеющихся в нашем распоряжении наконечников стрел из камня, упорядочение всех процедурных уровней их морфоанализа (приведение объекта в рабочее состояние и отработка системы определения форм наконечников), построение на базе полученных результатов морфологической классификации и составление эволюционной схемы.

Основой исследования послужили опубликованные и неопубликованные коллекции каменных наконечников стрел от неолита до эпохи поздней бронзы. Собрано и изучено 364 наконечника.

Из них 188 происходят из Узбекистана, экз.:

Сапаллитепе — 60
Джаркутан 4А — 10
Гуджайли 1—1
Гуджайли 2—6
Гуджайли 3—1
Гуджайли 4—3
Гуджайли 5—1
Гуджайли 9—15
Гуджайли 11—2
Большой Тузкан — 5
Каптарникуми 4—5
Заманбаба — 47
Таджи Казган — 2
Бала Ишем 8—2
Бала Ишем 9—5
Р-н Кугунекских гор — 6
Кугунек 1—3
Кугунек 2—1
Кугунек 14—2
Кугунек 16—4
Кугунек 18—1
Р-н колодцев Ортакую — 2
Кават 7—1
Талайхон-ата — 6
Из коллекции кабинета археологии исторического факультет СамГУ — 5.

85 из Туркмении, экз.:

Алтын-депе — 65
Намазга-депе — 3
Ялангач-депе — 1
3 слой Джебел — 1
Ак-депе — 1
Тахирбай 3 — 3
Аучин-депе — 4
Геоксюр — 8

33 — из Таджикистана, экз.:

Кайраккумы — 17
Ак-таньга — 3
Тулхарский могильник — 3
Макони Мор — 2

Из Киргизии каменные наконечники в эпоху бронзы не известны.

54 экз.— из Афганистана:

Дашлы 1—10
Дашлы 3—30
Сеистан — 4
Мундигак — 10.

2 экз.— из Ирана: Бампур Макран — 2.

Почти все наконечники из хорошо изученных археологических комплексов. Датировка и хронологический период бытования большинства наконечников не вызывает особых сомнений. Подавляющее большинство их приходится на ареал распространения памятников древнеземледельческой культурно-исторической общности. Собранный материал в целом представляет собой комплекс особого типа каменного инвентаря, который существовал и развивался вплоть до завершающего этапа эпохи бронзы и имел в хозяйстве того времени далеко не последнее значение.

В археологической литературе в описании форм наконечников стрел из камня существует относительный терминологический разнобой. Исследователями часто смешиваются и в неравнозначных отношениях применяются названия наконечников совершенно различных форм. Замечено, что при определении формы наконечника, если он имеет ярко выраженный насад, почти всегда берется во внимание только перо. Когда же основание наконечника не выделено или выражено в незначительной степени, то за основу определения формы берется все тело наконечника. Это прежде всего такие известные формы, как ромбовидные, лавролистные, миндалевидные и ланцетовидные. Существующий разнобой препятствует систематизации и классификации каменных наконечников стрел и в то же время объективно является следствием отсутствия таковых. Очевидна необходимость упорядочения и унификации терминологии форм каменных наконечников стрел.

Предлагаемая система определения форм наконечников разработана на основе схемы конструктивных элементов наконечников-бифасов, составленной Г. И. Медведевым[3], и модифицирована нами в соответствии с освещаемым историческим периодом и специфическими особенностями артефакта, сложившегося в технологических условиях среднеазиатского региона.

За основу определения формы наконечников взята такая их конструктивная часть, как перо. Выделены две основные простейшие распространенные формы: листовидная и треугольная. Критерии их морфологических отличий определены следующим образом: если наибольшая ширина пера наконечника совпадает или максимально приближена к границе пера и насада, или же ниже ее, то он относится к треугольной форме; если же наибольшая ширина пера в достаточной степени удалена от этой границы, то наконечник — листовидный. При этом степень округленности краев пера находится в прямой зависимости от настоящего местоположения его наибольшей ширины.

Рассматривая форму пера каменных наконечников стрел как возможный основной типологический признак в классификации, обращает на себя внимание тот факт, что эта, безусловно, важная с функциональной точки зрения, конструктивная часть не располагает в силу своей консервативности целым рядом рабочих требований, предъявляемых классификацией к типу. Среди них: необходимость эволюции во времени, возможность выделения среди вариантов локальных производственно-технологических групп.

Вопросы унификации названий частей наконечников стрел из камня и выделения признаков, которые должны быть положены

---

[3] Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири. — В сб.: Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981, с. 16—36, рис. 4.

в основу их классификации, в одной из своих работ рассмотрел Леруа-Гуран. Автор, безусловно, прав, считая, что основой образования типа должна быть форма насада[4].

Предлагаемая морфологическая классификация построена на основе полученной системы определения терминов форм и схемы конструктивных элементов каменных наконечников стрел. В ней учитывались средняя величина каждой серии наконечников и пропорции каждого из них (соотношение длины пера к ее ши-

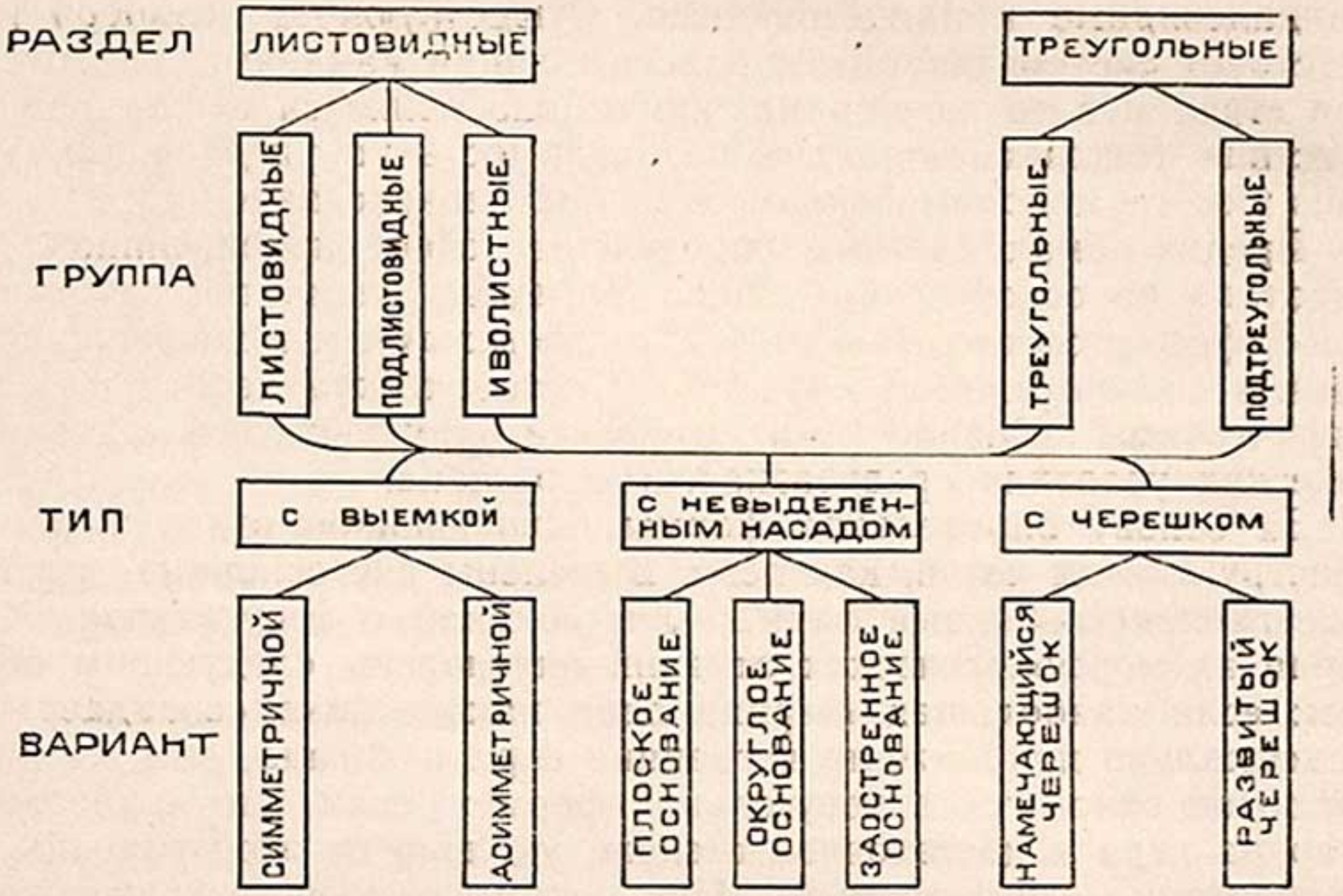


Табл. 1. Морфологическая классификация каменных наконечников стрел

не), а также форма и размеры насада (табл. 1).

Все исследуемые наконечники по форме пера отнесены к двум разделам: 1 — листовидный, 2 — треугольный. Разнообразие их пропорций позволило выделить в каждом разделе соответствующие группы, определенные разницей отношения длины пера к его ширине.

Наконечники с листовидной формой пера при пропорции длины пера к его ширине от 1 : 1 до 2 : 1 относятся к листовидной группе; от 3 : 1 до 5 : 1 — к подлистовидной группе; от 6 : 1 и более — к иволистной.

Наконечники с треугольной формой пера разделяются на треугольную группу — пропорции от 1,25 до 3 : 1 и подтреугольную — от 4 : 1 и более.

---

[4] Leroi—Gouran. La Práhistoire. Paris, 1966, p. 187—188.

По форме насада выделены 3 типа наконечников стрел из камня: 1 — с выемкой в основании; 2 — с невыделенным насадом; 3 — с черешком. Каждый тип, в свою очередь, делится на соответствующее ему число вариантов по характеру насада, разнообразие которого обусловлено хронологическими и технологическими различиями.

Тип наконечника с выемкой в основании насада делится на два варианта: 1 — с симметричной выемкой; 2 — с асимметричной.

Тип наконечника с невыделенным насадом делится на три варианта: 1 — с плоским основанием насада; 2 — округлым; 3 — с заостренным основанием.

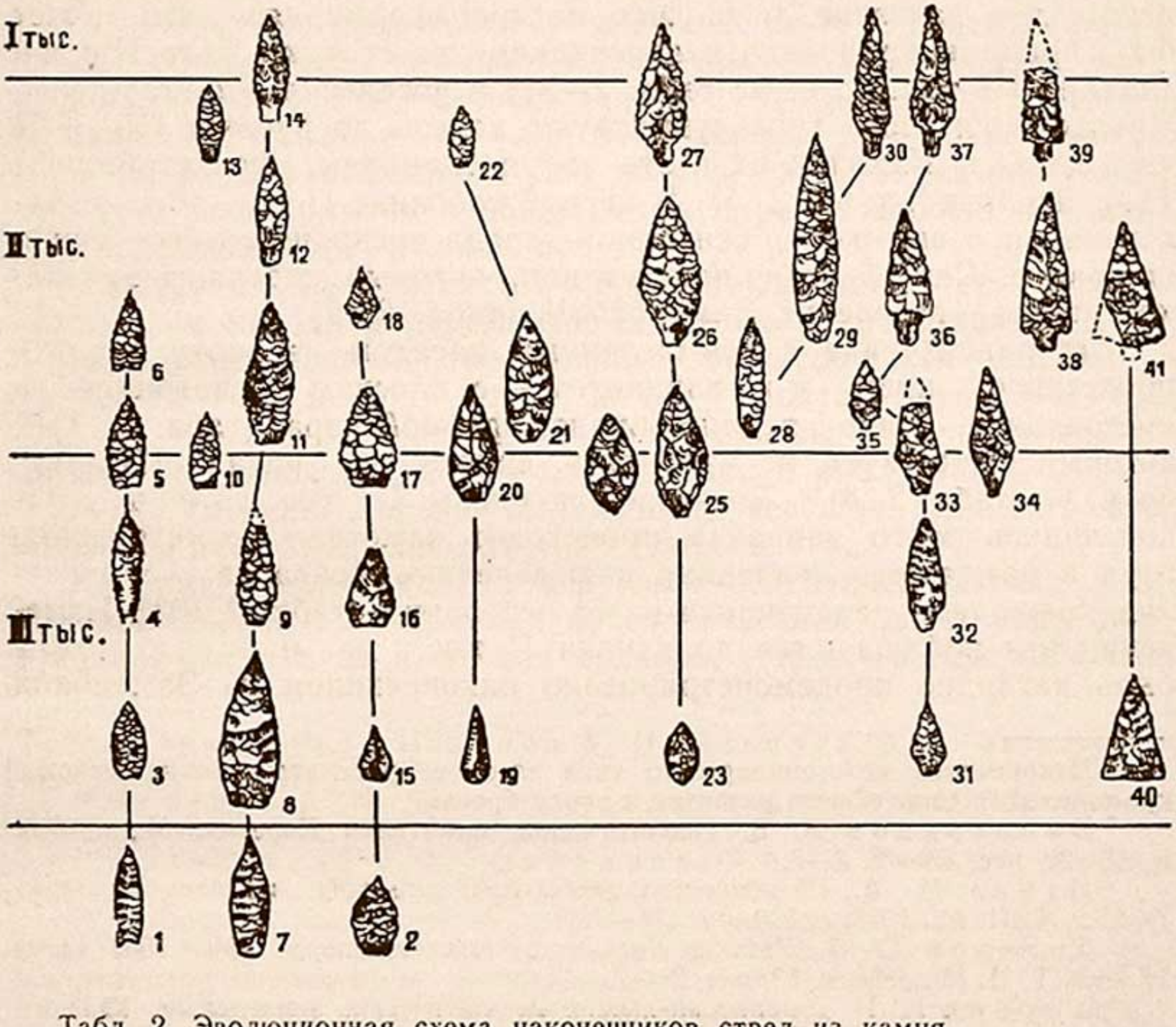


Табл. 2. Эволюционная схема наконечников стрел из камня.

Тип наконечника с черешком имеет два варианта: 1 — с намечающимся черешком; 2 — с развитым черешком.

Рассмотрев систему определения форм каменных наконечников и их морфологическую классификацию, предложенную в настоящей работе, представилась возможность продемонстрировать процесс их эволюции в Средней Азии от эпохи энеолита до поздней бронзы. Выявлено, что основным эволюционным критерием является изменение формы и размеров насада.

Приступая к описанию эволюционной схемы наконечников стрел из камня, необходимо наметить их генетические линии развития с эпохи развитого неолита, к которой относятся самые ранние находки наконечников стрел из камня на территории Средней Азии. В неолите существовали наконечники вариантов: с симметричной выемкой в основании насада и с плоским основанием насада типа наконечников с невыделенным насадом, как правило, с листовидной либо подлистовидной формами пера[5].

Наконечники с симметричной выемкой пера могут быть представлены экземплярами со стоянок Таджи Казган и Кават 7, датированные А. В. Виноградовым развитым неолитом (табл.2 *1*)[6], а также Бала Ишем 8 (табл. 2, *2*).[7] В энеолите они продолжают свое развитие, нисколько не трансформируясь, что может быть проиллюстрировано наконечниками со стоянки Бала Ишем 9 (начало III тыс. до н. э.; табл. 2—3)[8] и поселения Ялангач-депе[9]. Наконечники этого типа существуют вплоть до рубежа III и II тыс. до н. э. Находки их в это время единичны, но стабильны (Талайхоната[10], табл. 2, *5*). В первой половине II тыс. до н. э. наконечники с выемкой в основании насада прекращают свое существование. Самый поздний памятник, который содержит эти наконечники — поселение Заманбаба[11] (табл. 2, *6*).

Тип наконечника с невыделенным насадом в эпоху неолита представлен лишь его вариантом — с плоским основанием и листовидной, либо подлистовидной формой пера (табл. 2, *7*)[12], который существует, не изменяясь, вплоть до начала III тыс. до н. э. (табл. 2, *8*)[13]. Во второй половине III тыс. до н. э. у наконечников этого варианта происходит заметная геометризация пера и намечается тенденция к выделению насада за счет сужения краев тела наконечника в его основании (табл. 2, *9*)[14]. Изменения эти наблюдаются до начала II тыс. до н. э., что может быть наглядно продемонстрировано наконечником из Заманбаба

---

[5] Наконечники кельтеминарского типа здесь не рассматриваются, поскольку не находят дальнейшего развития в эпоху бронзы.

[6] Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1958, с. 92, 122, рис. 42—*13*, 2—*7*.

[7] Итина М. А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958, с. 300, рис. 11—*1*.

[8] Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции в 1942—1952 гг. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958, с. 53, рис. 21—*7*.

[9] Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. — ТЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1960, с. 222, табл. 16, *2*.

[10] Итина М. А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958, с. 265, рис. 2—*17*.

[11] Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскаров А. А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, табл. XIX /а—18/.

[12] Итина М. А. Указ. работа, с. 265, рис. 2, *7*.

[13] Толстов С. П. Указ. работа, рис. 18, *1*.

[14] Итина М. А. Указ. работа, с. 276, рис. 6, *9*.

(табл. 2, *10*)[15]. В эпоху развитой бронзы отмеченная выше тенденция приводит к сужению всего тела наконечника, в результате чего узкое перо наконечника у его основания плавно переходит в черешок (табл. 2, *12*)[16]. На завершающем этапе эпохи бронзы эти наконечники не претерпевают особых изменений, существуя вплоть до исчезновения этого вида орудия из обихода (табл. 2, *13*[17], *14*[18]).

В эпоху энеолита среди наконечников появляются экземпляры с плоским основанием и треугольной формой пера (табл. 2, *15*, *16*), причем все они имеют суживающийся к плоскому основанию насад (Геоксюр I[19], Чарышлы I[20]). Во второй половине III тыс. до н. э. сужение краев насада становится еще более заметным, в результате чего на рубеже III и II тыс. до н. э. граница пера и насада оформляется прямыми плечиками, а в основании наконечника формируется черешок (табл. 2, *17*[21]), приобретающий к середине II тыс. до н. э. уже законченные очертания (табл. 2, *18*[22]). Во второй половине II тыс. до н. э. наконечники описанного варианта растворяются в общей массе стрел с хорошо выраженным черешком и треугольным пером.

Следует отдельно отметить серию наконечников с плоским основанием насада и пером, форма которого представляет собой почти равносторонний треугольник, появляющихся впервые в начале III тыс. до н. э. (табл. 2, *40*) (Каптарникуми 4[23], Геоксюр 1[24], Бампур Макран[25]). В эпоху бронзы их генетическими преемниками можно назвать наконечники с аналогичной формой пера, но имеющие хорошо выраженный черешок, Они встречены только на поселении Сапаллитепе[26] (табл. 2, *41*).

Вариант наконечников с округлым основанием насада впервые появляется в материалах археологических памятников лишь в начале III тыс. до н. э., как правило, с треугольным либо под-

---

[15] Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскаров А. А. Указ. работа, табл. XVIII—*14*.

[16] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 193, табл. XXIX—11.

[17] Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с. 278, табл. 115—9.

[18] Наконечник происходит из погребения молалинского этапа мог. Джаркутан 4А. Автор выражает глубокую признательность Б. Н. Абдуллаеву, доставившему возможность воспользоваться этим материалом.

[19] Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. — ТЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1960, с. 268, 317, табл. XIV—17.

[20] Итина М. А. Памятники первобытной культуры, с. 271, рис. 5—1.

[21] Там же, с. 265, рис. 2—13.

[22] Там же, с. 276, рис. 6—4; Аскаров А. А. Сапаллитепе. Ташкент, 1973, с. 166, табл. 28—29.

[23] Гулямов Я. Г. и др. Первобытная культура... ,с. 69, рис. 35—2.

[24] Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение..., с. 317, табл. 14—16.

[25] Jean-Marie Casal. Fouilles de Mundigak. Volume II. Figures et planches. Tome XVII. Paris, 1961, fig. 137, (2, 3, 3a).

[26] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура..., табл. XXIX—13.

треугольным пером (табл. 2. *19*, Геоксюр I[27], Мундигак[28]). На рубеже III и II тыс. до н. э. и позднее у наконечников этого варианта на территории Средней Азии наблюдается регрессивное явление в развитии формы пера, приобретающее более овальные очертания (табл. 2, *20, 21*, Алтын-депе[29], Заманбаба[30]). Во второй половине II тыс. до н. э. эти наконечники прекращают свое развитие. Самым поздним памятником, содержащим подобные наконечники, являются Кайраккумы[31] (табл. 2, *22*).

Вариант наконечников с заостренным насадом и листовидной, либо подтреугольной формами пера впервые появляется в материалах археологических памятников лишь в начале III тыс. до н. э. (табл. 2, *31*, Геоксюр I[32], Каптарникуми 4, Большой тункан[33], Мундигак[34], Бампур Макран[35]). Наиболее прогрессивной оказалась серия наконечников с подтреугольной формой пера, у которых, начиная с конца III тыс. до н. э., замечена трансформация заостренного основания насада в формирующийся черешок (табл. 2, *32*, *33*, Бала Ишем 9[36]). В первой половине II тыс. до н. э. насад этих наконечников продолжает развиваться в черешок (табл. 2, *35*, Заманбаба[37]), а к середине II тыс. до н. э. наконечники описываемого эволюционного ряда имеют уже совершенную форму насада (табл. 2, *36*, Сапаллитепе[38]), который не меняется вплоть до исчезновения этого вида орудия в эпоху поздней бронзы (табл. 2, *37*, мог. Джаркутан 4А[39]).

Из общей массы наконечников выделяется небольшая серия с черешком и низко опущенными жальцами, имеющими, как правило, подтреугольную форму пера. Они появляются впервые в материалах древнеземледельческих памятников Средней Азии лишь со второй половины II тыс. до н. э. — в Мургабском оазисе: Тахирбай 3 и Аучин-депе[40], и на территории Южного Таджикистана-

---

[27] Сарианиди В. И. Экономическое поселение.., с. 317, табл. 14—10, 12.
[28] Jean-Marie Casal. Fouilles de Mundigak... Fig. 137 (1, 1a, b).
[29] Скакун Н. Н. Функциональное исследование..., с. 162, рис. 1—7.
[30] Гулямов Я. Г. и др. Первобытная культура..., табл. XIX—20, из мог. 35.
[31] Литвинский Б. А. и др. Древности Кайраккумов, с. 317, табл. 115—6.
[32] Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение.., с. 317, табл. XIV—11.
[33] Гулямов Я. Г. и др. Первобытная культура..., рис. 35—1.
[34] Jean-Marie Casal. Fouilles de Mundigak.... Fig. 137.
[35] Walter A. Fairservis. Jr. Archeological studies in the Seistan busin of Sout—Western Afganistan and Eastern Iran. New York, 1961, volume 40, Part. 1, fig. 37 (35).
[36] Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции..., с. 50, рис. 18—3, 4; Итина М. А. Памятники первобытной культуры..., с. 299, рис. 10—1.
[37] Гулямов Я. Г. и др., Указ. соч., табл. XVIII—22.
[38] Аскаров А. А. Сапаллитепе..., с. 166, табл. 28—23.
[39] Аскаров А. А., Абдуллаев Б. К. Джаркутан. Ташкент, 1983, табл. LIV—I.
[40] Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, вып. 73. М.—Л., 1959, с. 181, табл. 18—7, 11, 12.

на — Тигровая Балка[41] (табл. 2, *39*). Все эти наконечники имеют хорошо выраженный черешок. На юге Узбекистана подобные наконечники не известны.

Весьма интересной представляется коллекция каменных наконечников из Дашлы 1 и 3 (Сев. Афганистан), датируемые В. И. Сарианиди периодом Намазга VI[42]. Сравнительный анализ наконечников этих коллекций привел к необходимости выделения среди них двух хронологически отличных одна от другой групп: первую составляют экземпляры с заостренным насадом и листовидной, либо подтреугольной формой пера[43]. Хронологически существование этой группы наконечников может быть отнесено к периоду не позднее III—II тыс. до н. э. (Геоксюр, Алтын-депе). Они, вероятно, не принадлежат к исследованному археологическому комплексу. Вторую — наконечники с намеченным, либо хорошо выраженным черешком и иволистной, либо листовидной, а также треугольной либо подтреугольной формой пера[44] (табл. 2, *38*). Наконечники этой группы типологически и морфологически очень близки наконечникам сапаллитепинской коллекции и скорее всего могут быть синхронизированы со временем существования Сапаллинского комплекса (вторая четверть II тыс. до н. э.).

Наконечники с заостренным основанием насада и листовидной формой пера не претерпевают изменений вплоть до первой половины II тыс. до н. э., не меняя свой энеолитический облик (табл. 2, *23, 24*; Алтын-депе[45]). Лишь к середине II тыс. до н. э. у них замечено формирование черешка, что может быть наглядно проиллюстрировано наконечниками с Сапаллитепе[46] (табл. 2, *26*). В эпоху поздней бронзы насад этих наконечников трансформируется в хорошо выраженный черешок (табл. 2, *27*)[47].

Сравнительный анализ наконечников стрел заманбабинской коллекции с аналогичными наконечниками хорошо датированных археологических комплексов эпохи бронзы Средней Азии не позволил датировать их позднее первой половины II тыс. до н. э. (табл. 2, *6, 11, 21, 28, 35*).

Завершая описание эволюционной схемы, следует отметить ключевые моменты в развитии каменных наконечников стрел в Средней Азии. Наибольшее их разнообразие наблюдается в период ранней и развитой стадии эпохи бронзы (рубеж III и II тыс. до н. э.), когда заканчивается процесс становления культур этого времени.

---

[41] Пьянкова Л. Т. Могильник Тигровая Балка. — СА, 1974, № 3, с. 138.

[42] Сарианиди В. И. Исследования памятников Дашлинского оазиса. — В сб.: Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976, рис. 25; с. 79, рис. 49.

[43] Там же, с. 38, рис. 25 (9, 11), с. 79, рис. 49 (8—21, 38—40, 45).

[44] Там же, с. 38, рис. 25 (1—8, 10); с. 79, рис. 49 (1—7, 33—37).

[45] Скакун Н. Н. Функциональное исследование..., с. 162.

[46] Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура... Табл. XXIX—10, 16.

[47] Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан, с. 114, табл. XLVI.

В поздний период эпохи бронзы наблюдается некоторая стандартизация каменных наконечников, связанная, по-видимому, с унификацией формы насада. Начиная со второй половины II тыс. до н. э. разнообразие форм наконечников резко падает. Их развитие достигает своего возможного предела к началу I тыс. до н. э., когда наблюдается кризис их индустрии, совпадающий с общим кризисом каменной индустрии вообще.

К сожалению, наконечники стрел из камня, имеющие широкое распространение в археологических комплексах Средней Азии, применяются в практике археологических исследований как побочный, датирующий материал. Безусловно, что расширение работ по их изучению позволит использовать наконечники стрел из камня в качестве весомого археологического источника.

Б. Н. АБДУЛЛАЕВ, Х. ДУКЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ ТУЯБУГУЗСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В 1980 г.

Бургулюкский археологический отряд Института археологии АН УзССР летом 1980 г. продолжил раскопки поселения 1 на левом берегу р. Ахангарана, прерванные в 1977 г.

Поселение № 1 — один из крупнейших объектов эпохи поздней бронзы и раннего железа в зоне затопления Туябугузского водохранилища. Оно тянется с севера на юг на 260 м, а с запада на восток — на 100 м. Поселение было открыто В. И. Спришевским в 1971 г. и в литературе фигурирует как поселение Киндык 2[1]. На поверхности холма большие скопления керамики бургулюкского типа, зернотерки, пестики, терочки, бронзовые ножки, фрагмент серпа, бронзовые шилья, бритва и др.

На поверхности прослеживались углубления, которые в большинстве случаев совпадают с планами жилищ, а иногда и округлые контуры хозяйственных ям. Западная, северо-западная части поселения ограничены рвом, восточная, северо-восточная и юго-восточная — обрывистым берегом водохранилища. Ширина рва по низу — 9 м, глубина от дневной поверхности — 2 м. В предыдущие годы на этом поселении были раскопаны 14 жилищ типа полуземлянок, врытых в материковый лесс. Они в плане овальной, прямоугольной, квадратной формы, размерами 2,6—6,5 м×1,7—3,5 м. В некоторых жилищах расчищены очаги и маленькие ямки — лунницы, служившие, видимо, для плавки бронзы. В полуземлянках и за их пределами выявлены хозяйственные ямы, заполненные фрагментами керамики и обломками костей животных.

---

[1] Спришевский В. И. Археологические памятники на берегах Ташкентского моря. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 49—53.

В 1976—1977 гг. для определения культурных отложений и наличия оборонительных стен в западной части поселения с запада на восток с отклонением на 30° была прорыта траншея (17×1 м), а в 1 м к северу от траншеи заложен раскоп (5×4 м), ориентированный по сторонам света с некоторым отклонением на северо-запад. Поскольку во время исследования раскопа и траншеи строительные остатки не обнаружены, возникло предположение, что поселение № 1 не было окружено оборонительной стеной. Тогда же было установлено, что культурный слой бургулюкской культуры составлял около 3 м², в то время как в других поселениях он сохранился лишь в котлованах жилищ.

В 1980 г. для уточнения стратиграфии поселения были заложены еще три раскопа и одна траншея[3].

Раскоп 2. Расположен в северо-западной части памятника, в 13 м к северо-востоку от раскопа 1, заложенного в 1977 г. Размер его 4×4 м. Слои характеризуются следующим образом:

I — дерновый слой — 20—25 см;
II — светло-желтый лесс — 30—35 см;
III — темно-коричневый лесс — 50—60 см;
IV — более темный слой — 55—60 см;
V — темно-коричневый сырой лесс — 40—45 см.

Как и в прежние годы, состав керамики от нижней границы почвенного слоя до материка однороден. Расчленить керамику по вертикали ни на одном из раскопов пока не удалось.

Обнаруженная керамика не отличается существенно от керамики других раскопов, поэтому ее характеристика дается ниже. Обычно верхние слои значительно более насыщены культурными остатками, чем нижние.

Раскоп 3. Заложен почти в центре поселения, на расстоянии 47 м к востоку от рва. Размер раскопа 4×4 м. Стратиграфия его идентична стратиграфии раскопа 2.

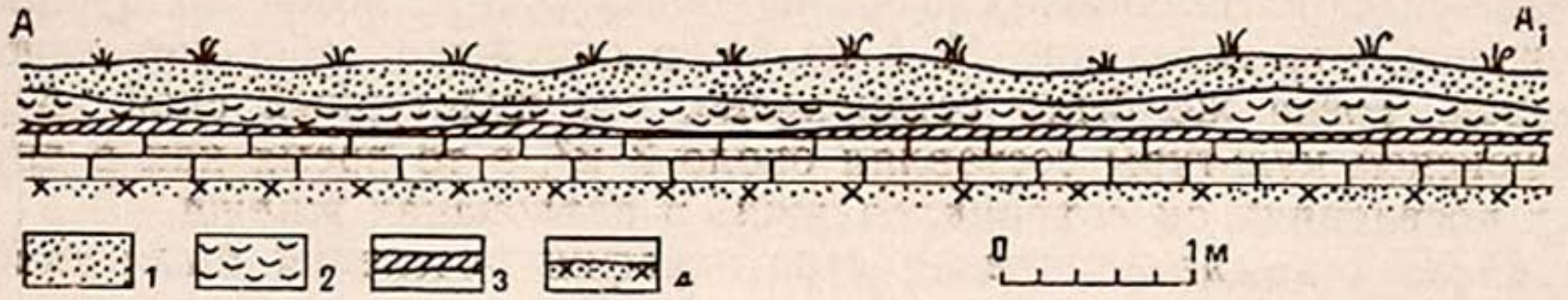
Раскоп 4. Расположен к югу от траншеи, раскопанной в 1976 г. Первоначально его размеры были 4×4 м, но на глубине 45 см от дневной поверхности были обнаружены остатки крепостной стены, сложенной из сырцовых кирпичей. Для того, чтобы проследить ее, раскоп был расширен с севера на юг до 8 м, а с запада на восток — до 5 м. Стена была выявлена в 6 м к востоку от рва в темно-коричневом слое и сохранилась в высоту на 2 ряда кирпичей, т. е. на 24 см. Ширина стены — 2 м. Стена стоит на материковом лессе, выложена местами плохо сохранившимися сырцовыми кирпичами размерами 42—40×24×12 см; 43—40×24×12 см (рис.).

---

[2] Аминов В., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Работы в Ташкентском оазисе. — АО 1977 года. М., 1978, с. 518; Буряков Ю. Ф., Тетюхин Г. Ф., Дуке Х. И. и др. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 160.

[3] Поскольку в 1976—1977 гг. заложен один раскоп и прорыта одна траншея — № 2.

Траншея № 2 расположена в западной части поселения, в 32 м к юго-юго-западу от траншеи № 1. Размеры ее с севера на юг — 2 м, с запада на восток — 19 м. Восточная часть траншеи (6 м 10 см) прорезает остатки поселения, западная — ров. Слои траншеи в восточной части характеризуются следующим образом (северная и восточная стены):



Продольный разрез оборонительной стены поселения № 1:
1 — дерновый слой; *2* — светло-желтый слой; *3* — темно-коричневый слой; *4* — материк.

I — дерновый слой — 20 см;
II — светло-желтый лесс — 25 см;
III — более темный лесс — 17 см;
IV — слой золы, перемешанный с лессом — 10 см;
V — чистая зола — 20 см;
VI — лесс с остатками сырцовых кирпичей и отдельными камнями — 20 см;
VII — лесс темно-коричневого цвета — 60 см;
VIII — материк (прорублен на 78 см).

При раскопках на поселении были обнаружены бронзовые, каменные и керамические предметы, среди которых наибольший интерес представляют бронзовые. Бронзовое шило — резец или стамеска — прямоугольное в сечении, несколько расширенное кверху, верхняя часть сломана, нижняя — острая. Поскольку это орудие выполняло двойную функцию. оно не было снабжено деревянной рукоятью: острый конец выполнял роль шила, противоположная, более широкая часть использовалась как резец или стамеска. Длина его 6,8 см, ширина в верхней части — 4 мм. Бронзовое шило — прямоугольное в сечении, постепенно сужающееся к нижней рабочей части, острый конец которого согнут. Шилья подобного рода были снабжены деревянной рукоятью, не сохранившейся до наших дней. Длина его 10,5 см, ширина в наиболее широкой части — 4 мм. Фрагмент бронзового шила — также прямоугольный в сечении, чуть изогнутой формы, оба конца которого отсутствуют. Длина — 5,2 см, ширина в наиболее широкой части — 7 мм. Лезвие бронзового ножа представляет собой чуть изогнутую пластину в сечении подтреугольной формы. Длина ее 10 см, ширина в широкой части — 23 мм.

Наиболее массовым материалом является керамика. Во всех раскопах, исследованных на поселении № 1 в 1980 г., было собрано более 450 фрагментов керамики. Вся она оказалась лепная и круглодонная. Ведущими формами керамики, найденной на поселении, являются:

горшкообразные сосуды с округлым шаровидным туловом, венчик в большинстве случаев отогнут наружу, реже встречаются сосуды с аналогичной формой тулова, но с прямым венчиком. Большая часть фрагментов в изломе коричневого или кирпичного цвета. Форма донцев округлая. Одни горшкообразные сосуды формовались на матерчатом шаблоне, другие — ленточным способом. Ряд сосудов имел под венчиком с одной стороны слив, а с противоположной — горизонтальную ручку-выступ;

круглодонные лепные котлы полусферической формы, венчики слегка отогнуты наружу, цвет в изломе кирпично-красный. Обычно котлы, как и часть горшкообразных сосудов, имеют под венчиком носик-слив с одной стороны и горизонтальную ручку-выступ — с противоположной;

полусферические круглодонные глубокие крупные миски, толстостенные. Они обычно утолщаются к донцу и сужаются кверху, большая часть с вогнутым внутрь венчиком, иногда венчик прямой, в изломе черепок светло-коричневого и кирпичного цветов;

чаши круглодонные, полусферической формы, стенки утолщены к донцу, венчик почти прямой или слегка вогнут внутрь. Черепок в изломе темно-серый. Найдена одна археологически целая чаша. Диаметр ее 12 см, высота — 5 см;

корчаги с шаровидными туловами круглодонные, сформованные ленточным способом из глины с примесью дресвы и шамота, венчик обычно отогнут наружу, в изломе коричневого цвета. Сосуды этого варианта толстостенные, толщина их доходит до 2 см.

В предыдущих публикациях мы уже отмечали, что бургулюкский материал мы пока рассматривали как единое целое. Но вместе с тем говорили, что в будущем будет возможным разделить его на более ранние и поздние комплексы[4]. Предварительно археологические материалы, найденные на поселении № 1, как и весь бургулюкский комплекс в целом, были датированы нами IX—VII вв. до н. э.[5] Наша датировка основывалась на том, что весь комплекс бронзовых изделий, найденных в восточной части поселения, как во время раскопок жилищ, так и среди подъемного материала —пластинчатые ножи, бритва, лезвие ножа, фрагмент серпа, шилья, шило-резец, или шило-стамеска — относится к эпохе поздней бронзы, к X—VIII вв. или IX-VII вв. до н. э.[6] Кроме бронзовых изделий в восточной части поселения выявлено

---

[4] Буряков Ю. Ф., Тереножкин А. И., Дуке Х. И. и др. Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 44.

[5] Дуке Х. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, с. 51; Он же. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. — ИМКУ, вып. 13, Ташкент, 1977, с. 54; Он же. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г. — ИМКУ, вып. 14, Ташкент, 1978, с. 59; Буряков Ю. Ф., Тетюхин Г. Ф., Дуке Х. И. и др. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 84.

[6] Буряков Ю. Ф., Тетюхин Г. Ф., Дуке Х. И. и др. Древности Туябугуза, с. 75—78.

около 20 фрагментов расписной керамики, которые относятся к этому же времени[7].

В свое время, основываясь на исследовании раскопа 1 на поселении № 1, нами было установлено, что культурный слой бургулюкской культуры имеет мощность около 3 м[8]. Однако, как показали исследования 1980 г., мощность культурного слоя бургулюкской культуры не превышает одного метра. По-видимому, при изучении поселения № 1 в 1976—1977 гг. на месте раскопа 1 была какая-то впадина или, скорее всего, яма, что позволило определить мощность бургулюкского слоя, равную 3 м. Раскопки 1980 г. показали, что его мощность значительно меньше и равна 1 м. Это подтверждают и данные раскопок на многослойных памятниках Ташкентского оазиса, где мощность бургулюкского слоя имеет 1—1.5 м[9].

Таким образом, археологические исследования, проведенные на поселении № 1 в 1980 г., позволили более точно определить мощность бургулюкского слоя и обнаружить в западной части памятника остатки оборонительной стены, состоящей из прямоугольных сырцовых кирпичей. Ранее остатки сырцовых кирпичей были обнаружены А. И. Тереножкиным (1940 г.) в разрезе одного из жилищ. Он предположил, что кирпичи были квадратной формы[10]. Ширину их ему не удалось определить. Поэтому, учитывая размеры наших кирпичей, можно сделать заключение, что они скорее всего были прямоугольной формы.

Выявление оборонительной стены на поселении бургулюкской культуры имеет большое значение для изучения фортификации Ташкентского оазиса, ибо она является одной из древнейших на территории древнего Чача.

И. Д. ИВАНИЦКИЙ, Б. Р. АБИШЕВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ К СЕВЕРО-ЗАПАДУ ОТ АФРАСИАБА

Весной 1979 г. к северо-западу от городища Афрасиаб было проведено разведывательное обследование, охватившее территорию около 2 га.

---

[7] Там же, с. 80—84; Дуке Х. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа..., с. 56—59.

[8] Аминов В., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Работы в Ташкентском оазисе. — АО 1977 года. М., 1978, с. 518; Буряков Ю. Ф., Тетюхин Г. Ф., Дуке Х. И. и др. Древности Туябугуза, с. 160.

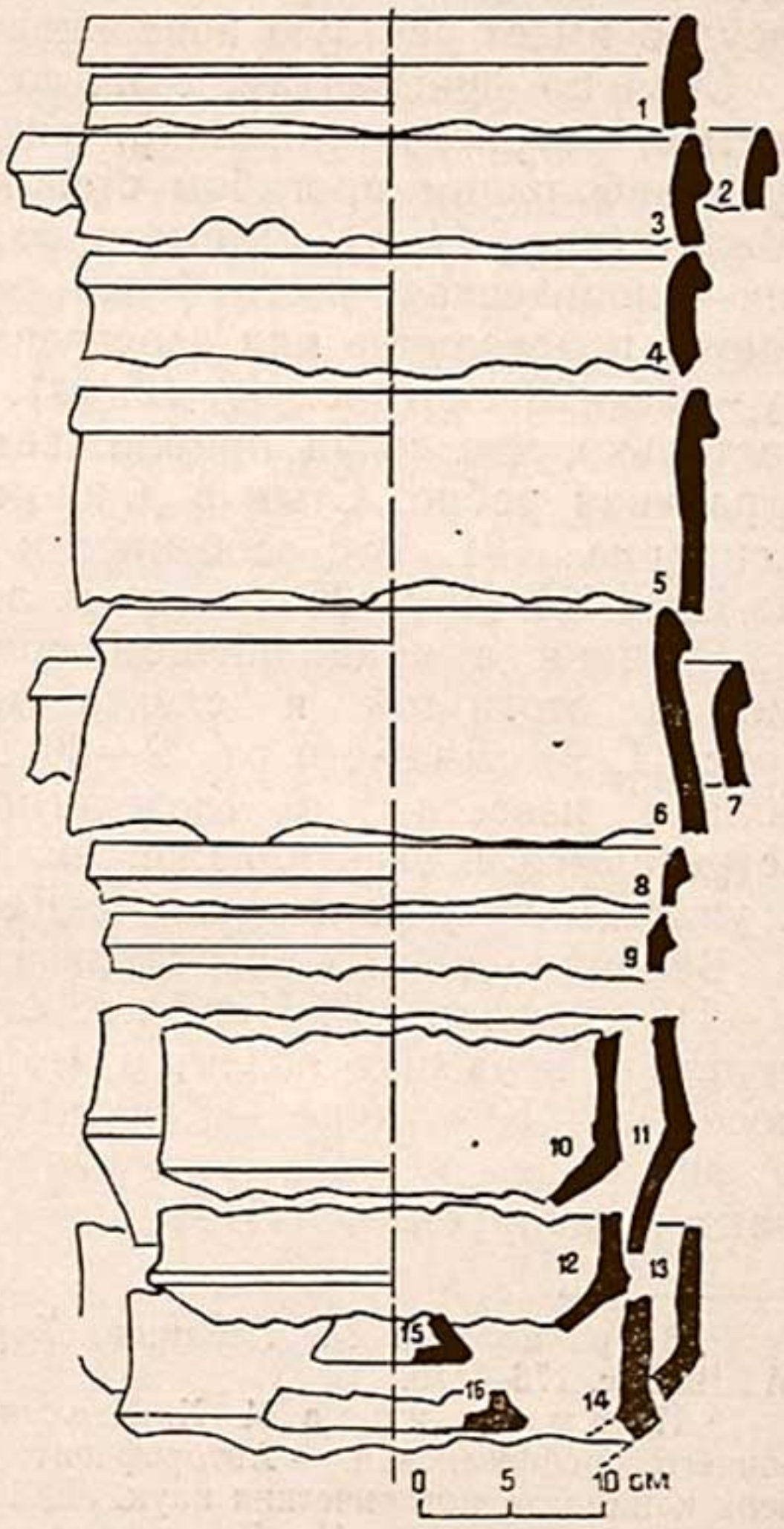
[9] Аминов В., Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Работа по своду археологических памятников Ташкентского оазиса. — АС 1976 года. М., 1977, с. 522; Аскаров А. А., Филанович М. И. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. — ОНУ, 1980, № 6, с. 26.

[10] Буряков Ю. Ф., Тереножкин А. И., Дуке Х. и др. Древняя и средневековая культура Чача, с. 17.

На землях колхоза «Зарафшан», близ кишлака Курганча, на правом берегу Сиаба в подъемном материале были обнаружены фрагменты сосудов с подкосом в нижней части[1]. Это обстоятельство обусловило закладку пяти шурфов на площади в 0,5 га. Начиная с третьего яруса во всех шурфах прослеживается слой крупнозернистого песка, насыщенный керамикой, частично окатанной, среди которой встречаются фрагменты сосудов типа кубков с темно-коричневым ангобом, известные на Афрасиабе в периоде Афрасиаб—III. В значительно большем количестве представлены материалы VIII XII вв. и XV—XIX вв. н. э.

Из общей массы удалось выделить группу фрагментов, которые по характерным особенностям технологии изготовления, составу глины и внешним признакам: своеобразию венчиков, наличию коленчатого перегиба стенок, ребристости, имеют аналогии в материалах памятников Средней Азии середины I тысячелетия до н. э.[2]

По технике изготовления керамику можно разделить на два вида: первый — комбинированный, характерный для крупных сосудов, когда донная и цилиндрическая верхняя часть формовались отдельно, затем скреплялись и дорабатывались на круге, причем в теле сосуда на стыке образовывалась лакуна (рис., *10*). При этом создавался характерный коленчатый перегиб стенок в нижней части сосуда (рис.), а образуемое ребро подрезалось ножом (рис., *10, 11, 12*).



Комплекс древней керамики.

---

[1] Керамический материал подобного типа впервые найден был Л. Г. Брусенко, М. И. Филанович и Г. В. Шишкиной в 70-х годах.

[2] Терeножкин А. И. Согд и Чач. — КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 155; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73, М.—Л., 1955, с. 41; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиан). — МИА, № 37, М.—Л., 1953, с. 279.

Подобный способ изготовления известен в Хорезме[3], Согде[4], на поселении Балдайтепе в Вахшской долине[5].

Глина в большинстве случаев хорошего промеса, отощителями служат мелкотолченый песок и порошок гипса. Характерно добавление выгорающих примесей. В редких случаях зафиксированы крупные частицы кварца или сланца, иногда до 0,5 см в диаметре. Черепок в изломе от желтовато-кремового до красно-кирпичного цвета, с хорошим равномерным обжигом. Большинство сосудов имеет светлую поверхность.

Судя по фрагментам, одни сосуды были с высокой конической частью, ребристым цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и небольшим прогибом стенок выше шва-стыка, подрезанного ножом (рис., *11, 6*). Диаметр по ребру — от 24 до 32 см. У других — коническая часть более округла и приземиста, но сохраняется подрезанное или заостренное ребро-стык. Диаметр по ребру — 22—28 см (рис., *10, 12, 14*). В других случаях дно уплощено настолько, что сосуд приближается к плоскодонным, совершенно утрачивая ребро. Стык в данном случае очень тщательно заглажен (рис., *13*). Эти особенности форм характерны для периода Яз-Депе-III (450—350 гг. до н. э.)[6].

Венчики в подавляющем большинстве подтреугольного сечения с отогнутой и слегка нависающей наружу закраиной (рис., *1, 9*). Диаметр от 22—30 до 32—40 см. Венчики подобного облика известны в Кюзелигире (VI — начало V в. до н. э.)[7]; встречаются в Дингильдже, но значительно реже[8], очень близки к уплощенному валику из Яз-Депе-III[9].

Венчик подобных очертаний известен в слое Нижний Балдай II V—IV вв. до н. э.[10]. Наиболее близкие аналогии венчикам можно видеть в керамике позднего этапа древнебактрийского периода с поселения Кучуктепе — Кучук-III и Кучук-IV, датируемые VII—V вв. до н. э.[11]. Аналогичная керамика из Лалазара (Самарканд), датируемая VII—VI вв. до н. э.[12], по своеобразию венчи-

---

[3] Воробьева М. Керамика Хорезма античного периода. — ТХЭ, т. 4, М., 1959, с. 176—179.

[4] Исамиддинов М. Х. Керамика южного Согда в эпоху древности и раннего средневековья. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1979, с. 6.

[5] Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Балдайтепе. — МК Таджикистана, вып. 2. Душанбе, 1971, с. 96.

[6] Массон В. М. Указ. соч., с. 41, табл. XXX (5), XLII (8).

[7] Воробьева М. Г. Указ. соч., с. 71, рис. 2; с. 75, табл. 1.

[8] Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба 1-го тыс. до н. э. в Хорезме. М., 1973, с. 122.

[9] Массон В. М. Указ. соч., с. 41, табл. XI (12, 13, 28, 23).

[10] Зеймаль Т. И. Указ. соч., с. 85.

[11] Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979, с. 40, рис. 15, 17, 18.

[12] Бурякова Э. Ю. Лалазарское поселение в Самарканде. — Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Ташкент, 1979, с. 65.

ков и форм сосудов сближается с рассматриваемыми материалами Курганчи. Ко второму типу относятся сосуды, сформованные из одного комка глины. Это сосуды малых форм, представленные двумя видами кубков — цилиндрическими и цилиндро-коническими. Первые, с зауженной средней частью и расширяющимся прямым венчиком, имели либо несколько выпуклое и неустойчивое дно с оттянутой нижней частью корпуса диаметром 14 см (рис., *16*), либо плоское устойчивое дно — диаметр 8,5 см (рис., *15*). Подобные формы известны в слоях Афрасиаб-I[13], Яз-Депе-III[14], Дингильдже[15], Кабадиан[16], Нижний Балдай II[17].

Таким образом, обнаруженная керамика ближе всего стоит к материалам Кучук-III и Кучук-IV, а также к материалам Лалазара, на основании чего керамический комплекс, найденный в кишлаке Курганча, можно датировать VII—VI вв. до н. э.

Среди материалов Курганчи встречен один фрагмент стенки сосуда толщиной 2 см с отпечатком грубой ткани «в ёлочку» с наружной стороны. Внутренняя сторона выщерблена, имеются сколы. Тесто грубоватого промеса, с разнородными включениями. Черепок красноватого оттенка. Керамика, выполненная на матерчатом шаблоне, известна по целому ряду памятников Средней Азии[18] и сопредельных регионов и датируется широкими хронологическими пределами от эпохи бронзы до середины первого тысячелетия нашей эры. Но во всех случаях отпечаток ткани фиксируется на внутренней стороне сосуда.

Фрагмент из Курганчи изготовлен явно в иной технике керамического производства, что хотя и ставит его в один ряд с керамикой, выполненной с помощью матерчатого шаблона, но затрудняет выявление четких аналогий и, в свою очередь, не дает возможности определить его во времени.

Следует отметить, что находка материала VII—VI вв. до н. э. к северу от Афрасиаба зафиксирована впервые. Это может свидетельствовать о существовавшем здесь поселении в середине I тысячелетия до н. э. Отмеченная связь материала Лалазара (Самарканд) с материалами Курганчи дает возможность предположить одновременное обживание этих районов.

---

[13] Терeножкин А. И. Указ. соч., с. 155; Немцева Н .Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — Сб. Афрасиаб-1. Ташкент, 1969, с. 158, рис. 3 (7, 11), 4 (31, 32).

[14] Массон В. М. Указ. соч., с. 41 (табл. X, 11).

[15] Воробьева М. Г. Дингильдже, с. 126, рис. 39 (13—16).

[16] Дьяконов М. М. Указ. соч., с. 279—282.

[17] Зеймаль Т. И. Указ. соч., с. 85.

[18] Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Указ. соч., с. 33; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, с. 70, 83, табл. XXIV; Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, с. 18, 48, рис. 24; Терeножкин А. И. Указ. соч., с. 155.

А. А. ГРИЦИНА, К. АЛИМОВ

КАУНЧИНСКИЕ ПЕЧАТИ

За последние годы накоплен достаточно обильный археологический материал каунчинской культуры, позволяющий в различной степени судить о социально-экономической и идеологической жизни каунчинцев. В этом отношении определенный интерес представляют так называемые каунчинские печати.

Впервые печати были обнаружены Г. В. Григорьевым более 45 лет назад на городище Каунчитепа, которые он назвал «печатями»-амулетами[1]. Долгое время они оставались единственными находками такого рода. В последующие годы печати каунчинского типа были найдены на археологических памятниках в зоне строительства Чардаринского водохранилища[2]. О печатях из различных материалов в своих публикациях упоминают А. Г. Максимова[3], В. И. Спришевский[4], Ю. Ф. Буряков[5], М. И. Филанович[6], А. А. Грицина[7].

Нашу коллекцию составляют печати с городищ Кугаиттепа, Шаштепа и Кендиктепа.

Заметим, что в археологической литературе исследуемые предметы называют по-разному: печатями[8], амулетами[9], и как отмечалось выше, «печатями»-амулетами.

По нашему мнению, в первую очередь они использовались в качестве печатей. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, подавляющее большинство из них имеет достаточно глубокие линии рисунков, оставляющие четкий отпечаток на пластилине, т. е. все наши печати, по определению А. Г. Максимовой, относятся ко второй группе штампов, имеющих вдавленный рисунок и призванных оставлять рельефные отпечатки на тестооб-

---

[1] Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, с. 33.

[2] Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 67, рис. 29; с. 130, рис. 10; с. 249.

[3] Максимова А. Г. Цепочка курганов из могильника Караша I. В книге: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 126—128, рис. 5.

[4] Спришевский В. И. Археологические памятники на берегах Ташкентского моря. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 49, 52.

[5] Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 76, 121.

[6] Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983, с. 70, табл. 11 (*г*).

[7] Грицина А. А. Каунчинские амулеты и печати. — Тезисы докладов V искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых. Ташкент, 1983, с. 131—132.

[8] Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 40; В. И. Спришевский. Указ. соч., с. 49.

[9] Филанович М. И. Указ. соч., с. 70.

разной массе[10]. Во-вторых, на Шаштепа обнаружено несколько фрагментов хумов с оттисками печатей. С технической точки зрения, аналогичные оттиски могли оставлять медные печати с Кендиктепа (рис. 1, *15, 16*). Хумы были обнаружены на уровне пола XVII яруса в коридоре оборонительной стены. По разработанной для Шаштепа стратиграфической колонке этот уровень соответствует «второму этапу переходного периода, тождественному стадии Каунчи 1» и датируется II—I вв. до н. э.[11] Таким образом, печати у каунчинцев появляются уже на этапе Каунчи 1.

Однако не исключена и другая, второстепенная роль печатей — они могли одновременно служить и талисманами. Именно талисманами, а не амулетами, поскольку последние призваны выполнять чисто оборонительную функцию, что не отвечает, как увидим дальше, благотворительной символике на наших печатях. Талисманы же, воздействуя на окружающую среду, приносят своему хозяину счастье, богатство, удачу[12]. В качестве амулетов у каунчинцев служили кости волка или собаки, раковины каури[13] и т. п.

Большинство печатей происходит с городища Кендиктепа. Все они подъемные. В связи с датировкой печатей остановимся подробнее на этом городище. Оно расположено в районе Туябугузского водохранилища (Ташкентского моря). Площадь его составляет около 25 га. Ю. Ф. Буряков относит его к числу поселений городского типа, начиная с древнего этапа[14]. Период расцвета городища приходится на каунчинское время и, особенно, на время Каунчи II. Для этого периода характерна самая большая площадь обживания и мощность культурных напластований. Материалы подстилающего слоя, относящиеся к бургулюкской культуре, незначительны[15]. В материалах бургулюкской культуры, как и раннефеодальной эпохи, печати подобного типа в Ташкентском оазисе не отмечены. С учетом этого обстоятельства большое значение для датировки печатей с Кендиктепа приобретают находки подобных печатей на городищах Кугаиттепа и Каунчитепа из четко стратифицированных культурных слоев. Печать с Кугаиттепа (рис. 1, *1*) была обнаружена в зольно-органических накоплениях самого нижнего культурного горизонта шахристана. Сопутствующий материал — типично каунчинский, характерный для этапа Каунчи II, что соответствует культурному комплексу

---

[10] Максимова А. Г. Указ. соч., с. 126—127.

[11] Филанович М. И. Шаштепа — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента. — В кн.: У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 121.

[12] Марковин В. И. Сердолик — «камень счастья». — В сб.: Новое в археологии. М., 1965, с. 270.

[13] Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. — Известия АН КазССР, № 46, вып. 1. Алма-Ата, 1948, с. 53.

[14] Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 63.

[15] Буряков Ю. Ф. Кендиктепа. — В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 93—112.

Шаш IV. Аналогичную картину мы наблюдаем и на городище Каунчитепа, где все печати (рис. 1, *18—20, 22*) были обнаружены в комплексе материалов, относящихся ко времени Каунчи II[16].

Рис. 1.

[16] Григорьев Г. В. Келесская степь, с. 50—53.

Таким образом, все это дает основание также датировать печати с Кендиктепа временем Каунчи II.

Приводим краткое описание печатей из нашей коллекции.

Кугаиттепа. Глиняная печать (рис. 1, *1*). Одна сторона скола, поверхность другой — черного до блеска цвета. На ней прочерчен свастикообразный знак. На оборотной стороне от бывшего изображения сохранилась лишь одна короткая линия. Диаметр печати 4 см, толщина — 1 см.

Шаштепа. Глиняная печать (рис. 1, *2*). Край отколот. С одной стороны — сложное изображение из креста, отдельных черточек, «лука со стрелой» и угла. На оборотной стороне — несколько соединенных между собой «уголков». Диаметр печати 3,2 см, толщина — 1,9 см.

Кендиктепа. Глиняная печать (рис. 1, *3*). С одной стороны изображена человекоподобная фигура с двумя кружками около «головы». С другой стороны изображен прямой крест, между рукавами которого прочерчены различные знаки. Диаметр печати 3,7 см, толщина— 1,0 см.

Глиняная печать (рис. 1, *4*). С одной стороны — спиралевидное изображение. На оборотной стороне — изображение в виде трех кривых соединенных между собой колец, с двумя Г-образными отростками. Диаметр печати 2,6 см, толщина — 1,2 см.

Глиняная печать (рис. 1, *5*). Край печати отбит. С одной стороны — сложный рисунок. В центральной фигуре можно угадать очень схематизированное изображение животного (козла?). Выше животного изображено несколько различных знаков. На оборотной стороне рисунок не поддается расшифровке. Диаметр печати 3,3 см, толщина — 1,0 см.

Глиняная печать (рис. 1, *6*). С одной стороны изображен крест с уголками и кружками между его рукавами. С оборотной стороны не совсем ясное изображение в виде нескольких точек. Диаметр — 2,5 и 2,0 см соответственно, толщина — 1,1 см.

Глиняная печать (рис. 1, *7*). С одной стороны изображены четыре концентрических круга, с оборотной — крест с уголками между его рукавами. Диаметр печати 2,8 см, толщина 1,2 см.

Глиняная печать (рис. 1, *8*). С одной стороны изображен крест с уголками между его рукавами. На оборотной стороне — Т- и П-образные знаки и четыре кружка. Диаметр печати до 2,0 см, толщина 0,9 см.

Глиняная печать (рис. 1, *9*) четырехугольной формы, стороны которой плавно изогнуты внутрь. На обеих сторонах изображены косые кресты с дополнительными «уголками» между их рукавами. Размеры по диагонали 4,7×4,6 см, толщина — 1,2 см.

Глиняная печать (рис. 1, *10*). С одной стороны изображено «древо жизни», а с другой — спираль (змея?). Диаметры печати 4,5 и 4,0 см, наиболее узкой части ствола — 1,2 см.

Глиняная печать конической формы (рис. 1, *11*). Основание круглое, вогнутое. На нем — изображение в виде прямого креста

с четырьмя точками между его рукавами. Диаметр основания 2,6 см, высота печати 2,7 см.

Глиняная печать конической формы (рис. 1, *12*). Основание круглое, плоское. На нем изображено сильно схематизированное животное (олень?). Диаметр печати 2,5 см, высота — 2,6 см.

Каменная печать (рис. 1, *13*). С одной стороны изображен косой крест, один из рукавов которого пересечен полудужием, концами к центру креста. Между рукавами креста имеется знак в виде кружка и «птичек». С оборотной стороны — сложное изображение, состоящее из У-образного знака, ломаной линии с двумя отростками и «лука со стрелой». Диаметр печати 3,0 см, толщина — 0,5 см.

Каменная печать (рис. 1, *14*). С одной стороны изображен прямой крест. В трех секторах, образованных рукавами креста, нанесено по четыре точки и по одному полудужию, в четвертом секторе — три точки и дуга. С оборотной стороны в центре изображен круг, вокруг которого нанесено девять точек и семь полудужий. Диаметр печати 2,8 см, толщина — 0,9 см.

Медная печать (рис. 1, *15*). На одной стороне изображен стоящий олень, голова которого украшена трезубцем. На оборотной стороне — человекоподобная фигура со вскинутыми «руками». Под ней — непонятное изображение (лошадь?). Диаметр печати 2,7 см, толщина — 0,7 см.

Медная печать (рис. 1, *16*). С одной стороны изображен стоящий олень, с другой — козел. Диаметр печати 2,0 см, толщина — 0,9 см.

Алебастровая (?) печать (рис. 1, *17*). С одной стороны изображен прямой крест, между рукавами которого врезаны сегментовидные фигуры. С оборотной стороны в круге три расположенные друг под другом линии. Диаметр печати 1,7 см, толщина 0,7 см.

Как видно, печати изготовлялись из различных материалов: глины, камня, металла (меди) и алебастра (?). Подавляющее большинство печатей имеет дисковидную форму и изображения с обеих сторон. Сбоку обязательно сквозное отверстие для подвешивания. Две печати — конусовидные (рис. 1, *11, 12*) с отверстием в верхней части. Подобные печати с изображением животных были найдены в Караша I[17] и поселении Киндаклитепа в Кашкадарье[18]. Одна печать имеет четырехугольную форму (рис. 1, *9*) и одна — форму цилиндра с резко расширяющимися концами (рис. 1, *10*). Это единственная печать, не имеющая отверстия для подвешивания. Для ношения вместе с бусами и амулетами, что вероятно делали с остальными печатями, она слишком громоздка. Что касается последней печати, то она находит

---

[17] Максимова А. Г. Указ. соч., с. 126—128, рис. 5.

[18] Жуков В. Д. Археологическая разведка Киндаклитепа. — ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, с. 100, рис. 5.

аналогии среди материалов конца бронзового — начала железного веков на Кавказе, в частности, в кобанской культуре. Не является ли она более ранней и не связана ли она с бургулюкской культурой, которая по времени совпадает с кобанской? Отметим почти идентичное спиралевидное изображение на одной из печатей кобанской культуры[19] с изображением на нашей печати (рис. 1, *10*).

Техника нанесения изображений была различной в зависимости от материала, из которого изготовлялась печать. На глиняные печати они наносились до обжига деревянной или металлической палочкой. На каменные — после соответствующей обработки — твердым (скорее всего металлическим) инструментом. Медные печати, по-видимому, отливались в специальных формах.

Обратимся к семантике изображений на печатях. На всех каунчинских печатях преобладают астральные или связанные с ними символы. Там, где таковые отсутствуют, их заменяют изображения животных: оленя или козла.

Все животные изображены стоя или в движении, что является характерным для каунчинской культуры. Олень на пряжке из могильника Жаман-Тагай изображен несущимся в бешеном галопе[20]. Олени, как правило, показаны «с высоко поднятой на длинной шее головой», что позволяет видеть в них породу диких благородных оленей (Cervus elaphus)[21].

Изображение оленя в каунчинской культуре, по нашему мнению, — явление автохтонное. В Средней Азии кости ископаемого оленя известны со Среднего плейстоцена[22]. Отметим, что костные остатки оленя в частности обнаружены на ряде памятников каунчинской культуры[23]. Интересно, что одна из печатей с Каунчитепа изготовлена из рога оленя[24], что, возможно, не случайно.

Несомненно, что изображение оленя на печатях связано с уходящим еще в сакское время культом оленя как тотемного животного, хотя истоки этого культа своими корнями уходят в эпоху бронзы. Культ оленей, характерный для этого времени, был известен и у многих народов Европы и Азии[25] и обычно связывался с астральными божествами. В изобразительном ис-

---

[19] Крупнов Е. И. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушетии. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 109, рис. 20 (1, 3).

[20] Древности Чардары, с. 186, рис. 5 (*б*).

[21] Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, с. 222—224.

[22] Худайбердыев Т. Н. Фауна древнейших поселений Ташкента. — В кн.: У истоков древней культуры Ташкента, с. 166.

[23] Там же, с. 166; Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. — В кн.: Григорьев Г. В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.), с. 60—61.

[24] Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении, с. 65, рис. 40.

[25] Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 72—75.

кусстве народов Средней Азии олень известен во всех последующих эпохах, вплоть до современности[26].

По мнению Е. Е. Кузьминой, «у саков и скифов олень... был символом солнца и плодородия и ассоциировался с древом жизни и тем самым с культом богини-матери»[27]. Такая трактовка изображения оленей кажется нам наиболее применимой и к нашим изображениям. Хотя это, конечно, не исключает их какую-то конкретную культовую роль в быту населения, которую, видимо, выполнял весь пантеон обожествленных животных.

Изображение козла в Средней Азии появляется в эпоху энеолита и бронзы[28], и также связывается с солярным культом и идеей плодородия[29].

Астральные символы на наших печатях выражены различными способами. Прежде всего, в виде прямого (печати № 1, 11, 6, 2, 3, 21, 14, 8) или косого (печати № 9, 13, 7) крестов, свастикообразных знаков (печати № 20, 21), в виде концентрических (печати № 7) и обычных кругов, вокруг которых располагались точки (печати № 14, 16), в виде спиралей (печати № 4 и 10)[30]. Полудужия с точкой (печати № 5 и 14), видимо, имеют смысл лунарного символа. Как видно, идея астрального божества и связанных с ним аграрных культов была очень популярна у населения периода каунчинской культуры, уходя своими корнями в тесно связанную с ней сакскую культуру района Средней Сырдарьи[31].

Изображения на наших печатях находят довольно близкие аналогии среди знаков на керамической посуде. Это, прежде все-

---

[26] Рахманов У. Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4. — ИМКУ, вып. 16, Ташкент, 1981, с. 28—30; Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 84, 93—94, 108; Брусенко Л. Г. Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X—XII вв. — ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1974, с. 121—123, рис. 1 *(5)*.

[27] Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 105—106.

[28] Массон В. М. Идеологические представления среднеазиатских племен эпохи энеолита. — В кн.: Энеолит СССР. М., 1982, с. 62; Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 208 (3); с. 209 (20); Сарианиди В. И. Новый центр древневосточного искусства. — В кн.: Археология старого и нового света. М., 1982, с. 69, рис. 1 *(3)*, рис. 14, рис. 5 *(1—3)*.

[29] Антонова Е. В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей. — В кн.: Средняя Азия и зарубежный Восток в древности. М., 1983, с. 27—28.

[30] Изображения в виде спиралей могли быть и символами баранов. Налепы подобного типа известны на ручках каунчинских кружек (рис. 2, *11*).

[31] Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, с. 35—36; Он же. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 14.

го, солярные символы в виде кресто- и свастикообразных знаков[32], знаков в виде спирали[33], У-образный (печать № 13а)[34] и S-образный (печать № 20) знаки[35], человекоподобные знаки[36], в виде полудужий[37], Т-образный[38] и П-образный (рис. 2, *8*) и т. д. Очевидную связь изображения на печати № 20 имеют с навершиями углов ромбовидного знака, символизирующими изображения барана (рис. 2, *12*), и передающими в целом идею плодородия. Известны подобные символы баранов также в виде налепов на сосудах (рис. 2, *12*). И хотя изображения на печатях в целом сложнее, чем на керамике, тем не менее они тоже входят в широкий круг знаков, характерных для каунчинской культуры. Интересно отметить, что по семантическим признакам наши печати находят сходство с раннеаланскими амулетами. Здесь, в частности, имеются амулеты в виде стоящего оленя[39]. Амулеты в виде кольца с наплывами и мужской фигурой в центре, характеризующие сочетание солярного культа с культом вождей[40], перекликаются с «человеком-солнцем» Г. В. Григорьева[41]. У алан, так же как и племен каунчинской культуры, были развиты солярный и фаллический культы[42], преобладает солярная символика среди знаков на сосудах[43] и имеется сходство в керамике, прежде всего в формах кружек с зооморфными ручками[44]. Все это, как нам кажется, дает дополнительный материал в пользу предположения о том, что часть аланов и ассов обитала в среднем течении Сырдарьи и в долине Арыси, откуда впоследствии они передвинулись на Северный Кавказ[45].

Выше мы уже отмечали, что иконографические истоки наших печатей надо искать еще в эпохе бронзы. И действительно, схожие изображения мы обнаруживаем среди материалов древнеземледельческих культур юга Средней Азии и прилегающих к

---

[32] Грицина А. А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры. — ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984, рис. *(1—8, 27—30)*.

[33] Там же, рис. *(1, 12)*.

[34] Там же, рис. *(1, а)*; Древности Чардары, с. 111, рис. 12.

[35] Древности Чардары, с. 61, рис. 26, *3*; с. 111, рис. 12.

[36] Грицина А. А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры, рис. *(1, 8)*.

[37] Там же, рис. *(1, 20)*.

[38] Древности Чардары, с. 111, рис. 12.

[39] Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные воззрения алан.— СЭ, 1976, № 1, с. 127, рис. 1*(2)*.

[40] Там же, с. 127, рис. 1 *(11)*; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; МИА, 106, рис. 13 (*1*).

[41] Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции, 1937, с. 10.

[42] Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные воззрения алан, с. 130.

[43] Там же, с. 129, рис. 2.

[44] Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки. — В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 68, рис. 5 *(11)*.

[45] Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племен. — В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 40.

нему районов. Кроме упомянутых выше зооморфных изображений на печатях этих культур мы видим аналогичные изображения астральных символов[46], изображения в виде спирали[47], древа

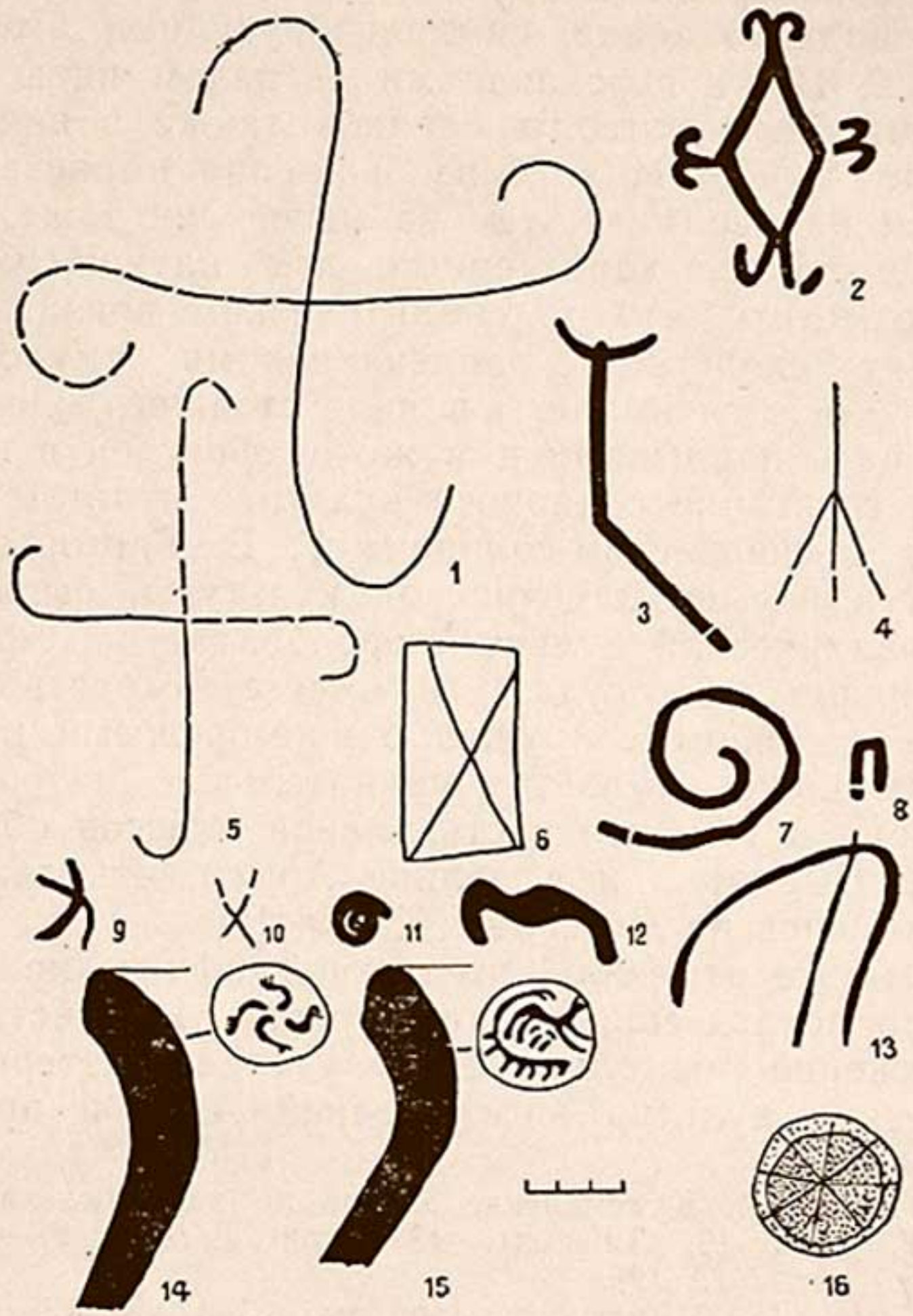


Рис. 2.

жизни[48], и в виде сетки, как на печати № 22, передающей, видимо, идею плодородия[49] и т. д.

---

[46] Масимов И. Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба. — УСА, вып. 4. М.—Л., 1979, рис. 28.

[47] Сарианиди В. И. Новый центр древневосточного искусства, с. 74, рис. 4 (*10*).

[48] Там же, с. 78, рис. 6 (*1, 3, 3а*); Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 208, табл. XLIV (*2*), табл. XLV (12, 20, 21, 23).

[49] Масимов И. Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба, рис. 28; Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 96, рис. 50 (*2*); Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения северной Месопотамии. М., 1981, с. 134, рис. 42 (*3*); с. 213, рис. 71 (10).

Изображение на керамическом диске с Кендиктепа (рис. 2, *16*) напоминает изображение на подвеске из Сапаллитепа. Здесь мы также видим круг, разделенный на несколько частей, заполненных точками (фестончиками)[50]. Очень похожее изображение имеется и на печати из Дашлы I, только выполнено оно без точек[51]. Несомненно, что это также астральный символ, передающий в то же время идею плодородия через обилие точек (семян). Не может ли это изображение быть символом разрезанного плода граната, который, как известно, с древнейших эпох и вплоть до настоящего времени у народов Востока и народов Средней Азии, в частности, является символом плодородия?[52]

Изображения на наших печатях, так же как и на печатях древнеземледельческих культур, «должны были, по-видимому, дополнять друг друга и рассматриваться как элементы одной композиции»[53]. На одной стороне печати № 1 — человекоподобная фигура. С оборотной стороны, между рукавами креста мы видим сходное изображение. На обеих сторонах печати № 14 оттиски точки и полудужия. Связаны между собой изображения на печати № 19, где мы видим символы баранов и т. д.

В заключение отметим, что в отличие от эпохи ранней бронзы, где «печать не выступает символом власти и не говорит о глубокой дифференциации общин»[54], каунчинское общество (на этапе Каунчи II) уже имело такое разделение и печать прежде всего выступала как символ светской или религиозной власти. Находки сосудов с оттисками печатей подтверждают это. Символика на наших печатях в целом связана с астральными представлениями и культом плодородия, что сближает их с печатями древнеземледельческих культур[55].

М. И. ФИЛАНОВИЧ

ДВЕ НАХОДКИ НА ШАШТЕПА В ТАШКЕНТЕ

Две уникальные находки, сделанные в 1982 г. на городище Шаштепа в южной части Ташкента, дают в руки исследователей новую ценную информацию о развитии его древнегородской культуры.

Первая — фрагмент вогнутой пластины из слоновой кости,

---

[50] Аскаров А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с. 162, табл. 24 *(40)*.

[51] Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана, с. 96, рис. 50 *(10)*.

[52] Снесарев Г. П. Религии домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 198.

[53] Антонова Е. В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей, с. 27.

[54] Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы, с. 142.

[55] Сарианиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, 1976, № 1, с. 68.

украшенной рельефной резьбой, передана археологам ташкентскими экскурсоводами. Найдена же она на поверхности городища ученицами 4-го класса школы № 35 Сергелийского района. Находка оказалась обломком ритона — питьевого рога с великолепно выполненным рельефным изображением мужской головы (рис. 1). Обломок размером 5×3,5 см, даже будучи многократно увеличенным, не обнаруживает никаких изъянов резьбы, барельеф воспринимается как крупная скульптура, что говорит о высоком мастерстве и твердости руки профессионального мастера. Обращает на себя внимание прием резьбы, когда голова, показанная в три четверти, как бы слегка сдавлена с боков, что при относительно небольшой высоте рельефа дает эффект объемности.

Рис. 1. Фрагмент ритона слоновой кости I—II вв. из Шаштепа.
Рис. 2. Фрагмент ритона слоновой кости I—II вв. из Ольвии.

На рельефе — лицо с правильными чертами, прямым носом, выпуклыми миндалевидными глазами, окладистой бородой и усами, с пышной экстравагантной прической и перевязью на лбу, заканчивающейся сзади бантом. Сам предмет и персонаж характерны для искусства парфянского круга.

Ритон, этот особый изогнутый в форме рога сосуд, употреблялся на Востоке для питья и культовых возлияний с глубокой древности. Происходящий из естественного полого рога или высверленного бивня, он уже с IX в. до н. э. повторялся в драгоценном

металле, затем в керамике. Такие ритоны, завершающиеся протомой животного, с VI в. до н. э. широко распространились в Иране и на Ближнем Востоке[1]. Другой тип этих сосудов, изготовляемых из одного материала и обложенных поверх основы резными пластинами из слоновой кости, особую популярность приобрел в эллинистических государствах Востока. Самый яркий пример этого типа дают большого размера ритоны II в. до н. э., обнаруженные в составе сокровищницы парфянских царей в городе Митридатокерте, руинами которого является городище Старая Ниса под Ашхабадом. Собранные из отдельных кусков кости, насаженных на каркас, они богато украшены рельефами на сюжеты греческой мифологии. Завершаются фигурами фантастических существ — кентавров, крылатых львов, слонов и пр., в которых просверлены по два отверстия для вытекания напитка[2]. Нисийские ритоны использовались для религиозных церемоний в династийном заповеднике предков Аршакидов и являют наиболее ранний пример этих драгоценных сосудов в Парфии. Впоследствии искусство их изготовления продолжало развиваться, являясь типичной принадлежностью стран парфянского мира, т. е. вошедших в государство Аршакидов на юге Туркмении, Ирана, частично Ближнего Востока. В этом обширном ареале слагались свои традиционные центры изготовления ритонов, предназначенных не только для внутреннего рынка, но и бывших, очевидно, объектом экспорта из Парфянской державы.

С первых веков до н. э. через ее территорию пролегала основная торговая дорога древности — «Великий шелковый путь», соединявший Рим с Китаем. Южная ветвь его пересекала оазисы оседлой культуры на территории Ирана и Средней Азии в отличие от северной, проходившей через земли кочевых народов. По многочисленным ответвлениям этого пути шел обмен культурными ценностями древних народов. География этих связей была обширна. Не об этом ли свидетельствует тот факт, что пластинки от парфянских ритонов, полностью идентичные ташкентской находке, были обнаружены в Крыму еще в 1905 г. при раскопках древнегреческого города Ольвии. Руководителем работ Б. В. Фармаковским было собрано 13 почти целых пластин, некоторые из культурного слоя. Они определены исследователем как принадлежащие культуре, близкой сасанидскому Ирану и отнесены ко времени не ранее III—IV вв. н. э.[3] Впоследствии благодаря накоплению знаний о Парфянском государстве и его культуре эти пластины были точно атрибутированы как принадлежащие к кругу позднепарфянского искусства[4]. Связь их с шаштепинским

---

[1] Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 36, 53, 72.

[2] Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 58, и сл.

[3] Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии. Отчет археологической комиссии за 1906 год. Спб., 1909, с. 42—44, рис. 41.

[4] Пугаченкова Г. А. Указ соч., с. 66; Луконин В. Г. Указ соч., с. 128.

фрагментом настолько разительна, что возникает предположение об изготовлении их в одном центре и, может быть, даже мастерской, отличающейся своим особым почерком.

13 пластин из Ольвии — это два пояса зауженных книзу вогнутых накладок, которые собирались на заготовленном тулове сосуда. Ровно срезанный верхний край нашей пластины указывает на тот же способ крепления. Полностью идентично изображение на пластине с фигурой бородатого мужа, сохранившийся почти во весь рост, что дает основание для реконструкции изображения на шаштепинском фрагменте (рис. 2). На пластине из Ольвии изображен один из парфянских царей, на что указывает лента-перевязь как признак царского достоинства Аршакидов. На нем длинная свободная «рубаха» с приспущенными рукавами, подпоясанная наборным поясом, и широкие «сакские» штаны, на шее — гривна. Правая рука опирается на длинную ручку, возможно, топорика, в левой — короткий меч. Царь восседает в окружении царевича, придворных и взирает на выступающих перед ним танцовщиц, акробатов и эротов-музыкантов, изображенных на других пластинках. Такова была сюжетная сцена, переданная на ритоне. Не исключено, что в подобной сюжетной сцене был изображен шахиншах Парфии и на ташкентском ритоне. Единственное отличие головы царя с ольвийской пластинки от ташкентской — передача фигуры строго фронтально, также — прическа, усложненная двумя шаровидными буклями, закрывающими уши.

Позднепарфянские ритоны из Ольвии и Ташкента по стилю, сюжету рельефов существенно отличаются от нисийских, как отличаются сами эпохи, ранняя с прогреческой ориентацией в придворном искусстве и поздняя, выработавшая свой синкретический стиль с преобладанием местных парфянских традиций. Судя по более светскому содержанию представленной сцены, эти поздние ритоны предназначались не для культовых возлияний, а скорее использовались как пиршественные сосуды.

Находка драгоценного парфянского ритона в Ташкенте не случайна, так же, как и в Ольвии. Она подтверждает не только разветвленность и обширность сферы торговых связей в античную эпоху, захватывающих и территорию современного Ташкента. Так же, как и в древнегреческих колониях в Европе, здесь, на севере оседлоземледельческой ойкумены Центральной Азии, подобные предметы находили сбыт, а следовательно, спрос, что дает право говорить о довольно высоком уровне местной культуры.

Обломок импортного сосуда, безусловно, происходит из культурных отложений Шаштепа. Как показали раскопки архитектурно-строительного комплекса II—I вв. до н. э. этого городища, здесь существовало древнейшее на территории Ташкента поселение раннегородского типа. В строительных и архитектурных приемах этого сооружения также заметно воздействие норм эллини-

стической культуры как одного из факторов влияния на сложение городской культуры Ташкента. Находка ритона указывает на то, что раннегородской пункт Шаштепа располагался на ответвлении международного торгового пути, что давало мощный стимул развитию урбанизации на территории Ташкента.

Об определенном уровне развития городской культуры Ташкента первых веков н. э. позволяет судить и вторая находка на городище Шаштепа, обнаруженная непосредственно в культурном слое. При расчистке верхних ярусов заполнения помещений первоначального архитектурно-строительного комплекса, датируемых I—III вв. н. э., найдена костяная палочка для писания — стиль (рис. 3).

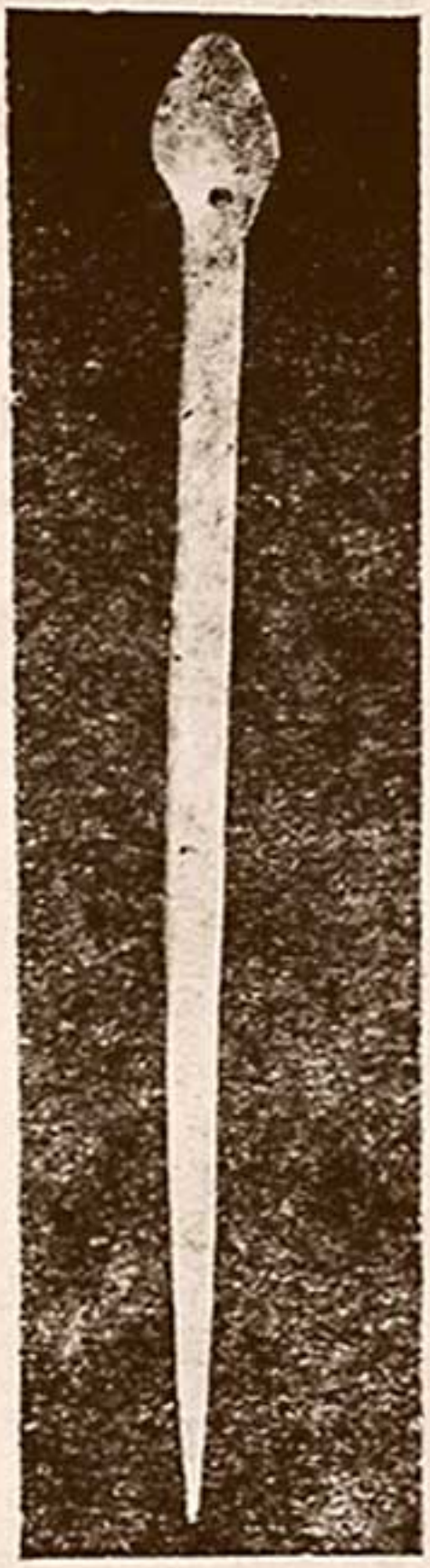


Рис. 3. Костяной стиль I—III вв. из Шаштепа.

Предмет 15 см длиной суживается к заостренному концу, увенчан ромбической залощенной лопаточкой, напоминающей голову змеи с обозначенным приоткрытым ртом. Ярко выраженные функциональные признаки предмета, острый конец которого предназначен для писания способом процарапывания на вощеных дощечках, а тупой — для стирания текста, дополнены узким отверстием в тупом конце для подвешивания. Стиль сам по себе — признак грамотности и писцового искусства, но возникает вопрос: привезен ли он в древний Ташкент с иноземным караваном или изготовлен на месте, являясь обиходным предметом его жителей.

Способ писания на вощеных дощечках был широко распространен в Греции, Риме, эллинистических странах, в том числе в античную пору в областях Средней Азии — Парфии, Маргиане, Бактрии, Согде. На территории Чача находка стиля пока является уникальной, так как до нее никаких признаков распространения письменности в этом регионе в античную эпоху не обнаруживалось. Тем не менее шаштепинский стиль существенно отличается от подобных предметов, в большом числе находимых особенно на городищах Бактрии, Маргианы и Парфии. На Дальверзинтепа, Зартепа[5] Бактрии, Нисе[6], Старом Мерве[7] эти объекты датируются в основном I—IV вв. н. э. и представляют из себя тщательно обработанные, довольно тонкие стержни с нарезкой и венчанием чаще всего в виде кулачка с отогнутым пальцем, фигурок птиц

---

[5] Массон В. Кушанские поселения и кушанская археология. Бактрийские древности. Л., 1976, рис. 6.

[6] Ремпель Л. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, с. 185.

[7] Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. — Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, с. 152, 153.

и животных и даже скульптурно проработанной женской фигурой. Шаштепинский стиль толще, грубее, упрощеннее и никак не может быть причислен к импорту из этих центров. Неуловимый налет «варваризации» выделяет его из ряда подобных предметов античных регионов юга и позволяет сопоставить только со стилем из Бухары. Оба, видимо, являются объектами местного производства. В таком случае стиль из Шаштепа можно предположительно связывать с фактом наличия письменности в Ташкенте в I—III вв. н. э., что свидетельствует также о высоком развитии городской культуры.

М. ИСАМИДДИНОВ, М. ХАСАНОВ

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕГО СОГДА
(по материалам Еркургана)

Введенный в практику метод вскрытия стратиграфически важных слоев по микрослоям[1] дал возможность получить некоторые принципиально новые результаты.

В раскопочном сезоне 1973—1974 гг. в северной части квартала керамистов вскрыты два помещения и один коридор, а юго-восточнее — третье помещение. Между этими помещениями был открыт дворик, в середине которого был заложен шурф и доведен до уровня воды[2]. В раскопе под полами помещений толщиной около 3,5 м прослежены отходы керамических мастерских в виде золы и обожженной земли, насыщенные фрагментами битой, в большинстве случаев, столовой посуды.

В раскопочном сезоне 1982 г. для получения дополнительных материалов из нижних слоев прежний раскоп был расширен. Ранее заложенный шурф шириной 2 м увеличился на 0,5—0,7 м к западу от квадратов Л-17, Л-21. Дополнительно был вскрыт участок длиной 6 м и шириной 2,5 м, который захватывал квадраты К-17, К-18, К-19 и частично И-17, И-18, И-19. В квадратах К-18 и К-19 шурф доведен до уровня воды.

Как и в ранее заложенном шурфе, здесь прослежены отходы керамических мастерских в виде золы с фрагментами битой керамики, шлака, печных припасов и т. д. Слои мусора и завалы образовались непосредственно вокруг керамических печей. Это, видимо, связано с тем, что печи, служившие для обжига керамики, быстро выходили из строя. Мастера, разрушив и разровняв их, на том же месте сооружали новую печь. В шурф попали

---

[1] Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3, с. 217—218; Он же. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана. — ИМКУ, вып. 17, Ташкент, 1982, с. 61—62.

[2] Исамиддинов М. Х. Указ. работа, рис. 1, *а, б*.

остатки трех последовательных керамических печей, а в некоторых слоях встречены завалы от разрушенных печей.

Самый верхний завал печи (сл. 11) с многочисленными обломками стен печи и шлака был прослежен в III ярусе, в квадратах И-18, И-19. Второй завал печи встречен в квадрате И-18 на 20 см ниже завала печи № 1. Прослеженная толщина завала около 18 см (сл. 13). На глубине около 3 м от дневной поверхности были вскрыты остатки керамической печи (печь № 2).

Верхняя часть обжиговой камеры не сохранилась. Осталась только часть упавшего свода с жаропроводящим каналом между топочной и обжиговой камерами. Сохранилась часть свода топочной камеры высотой 45 см (уровень слоя 2).

На этом же уровне в 80 см к востоку от печи № 2 была открыта печь № 3. В сравнении с печью № 2 ее сохранность очень хорошая. Целиком сохранилась нижняя часть обжиговой камеры длиной 1,6 м (по З-В) и шириной 0,95 м (по Ю-В). По вскрытой части обжиговой камеры насчитано 12 жаропроводящих отверстий диаметрами 6—9 см. По окрестности сохранились стены нижней части обжиговой камеры толщиной 12 см, высотой около 20 см.

Остатки печи № 1 в разрезе шурфа были выявлены еще в 1974 г. в квадрате К-18, К-19. От печи была зафиксирована, в основном, часть нижней топочной камеры и два жаропроводящих канала диаметрами 25 и 28 см. В топочной камере печи найдена терракотовая статуэтка.

Ниже данного слоя залегала плотно утрамбованная земля, которая резко отличается от верхних золистых прослоек. В конце раскопа углубились до конца XV яруса. С середины XIII яруса и до дна шурфа — плотная зеленая вперемежку с красно-коричневым земля с редкими фрагментами керамики и костями, отдельными угольками. У самого дна шурфа последние 20 см не содержали находок, но, видимо, это не материк. Из-за высокого уровня воды раскопки оказались невозможными.

Таким образом, дополнительными раскопками на данном месте прослежены отходы керамического производства. Наличие последовательных керамических печей и завалов от их разрушений еще раз указывает на то, что керамическое производство здесь было интенсивным.

В отличие от прошлых лет в квадратах, где производили раскопки, ранее были встречены керамические печи и поэтому зафиксированные мелкие прослойки здесь не прослежены. В связи с этим до нижних слоев керамического отвала насчитано около 25 слоев, а до уровня воды — до 30 слоев, в то время как там, где не было печей, ранее удалось зафиксировать более 50 микрослоев.

Ниже уровня слоев керамического производства прослеживалась довольно плотно утрамбованная глина, разделенная местами уровнем полов, утоптанной земли и т. д.

Слои, открытые еще в 1973—1974 гг., соответствуют слоям нового раскопа следующим образом:

слои 29—30 слоям 51—52 (комплекс А);

слои 27—27а—28 слоям 47—50 (комплекс Б);

слои 22—26 слоям 35—46 (комплекс В).

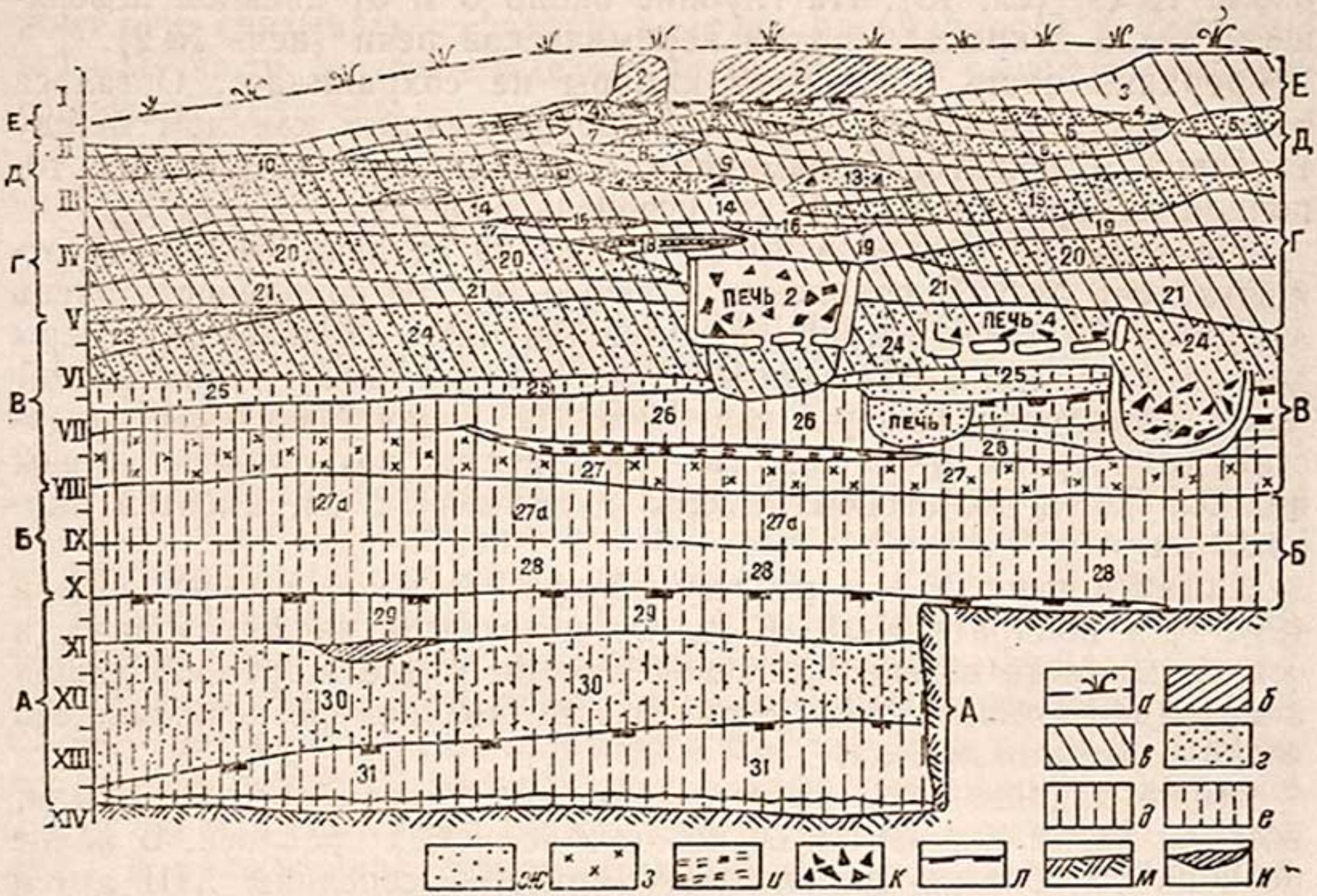


Рис. 1. Разрез западной и северной стенок шурфа, раскопа 5.

В слое 24 (синхронен упомянутому комплексу В) найдены фрагменты 87 сосудов. Почти все представленные сосуды относятся, в основном, к мелкой столовой посуде. Характерно полное отсутствие фрагментов крупных сосудов (хумов, хумч и котлов).

Тщательный анализ профиля сосудов и ангобного покрытия, способа нанесения ангоба, дали возможность определить манеру исполнения отдельными мастерами той или иной посуды.

Среди представленной посуды четко выделяются работы двух мастеров по выпуску миниатюрных открытых чаш. В восьми случаях чаши открытых приземистых профилей с обязательными желобками в верхней трети с внутренней стороны (рис. 2, *10*). Представленные чаши в изломе плотные и имеют светло-коричневый цвет. Почти во всех случаях с обеих сторон они покрыты светло-красным плотным ангобом, а в двух — нижняя внутренняя половина, и в одном — вся внутренняя часть (кроме устья сосуда) имеют коричневато-черный цвет, полученный в процессе обжига этих чаш (диаметр 15 см). В печь сосуды ставили один на

другой и, видимо, к открытым частям этих чаш был хороший доступ кислорода, в результате чего образовалась светло-красная или светло-коричневая поверхность.

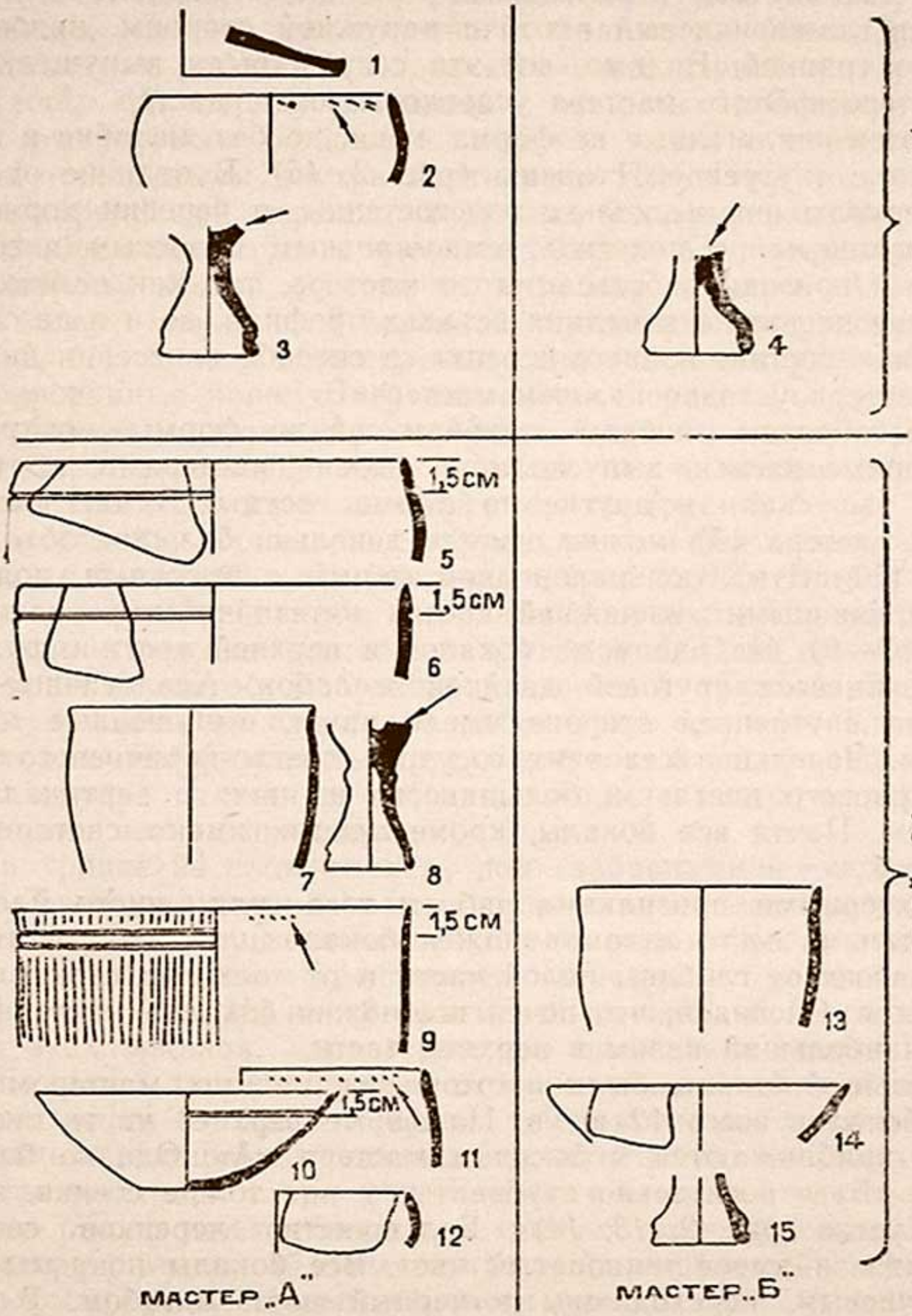


Рис. 2. Керамика из слоя 24 и из печи № 1 раскопа 5.

Аналогичные изменения ангобного покрытия в процессе обжига можно наблюдать у цилиндро-конических сосудов середины первого тыс. до н. э. и на кувшинчиках IV—VI вв. н. э. Каршинского оазиса. В обоих случаях, когда партия изделий ставилась в печь, конические части этих сосудов входили во внутреннюю

часть других сосудов и в труднодоступных для кислорода местах образовалась розовая поверхность.

Изменения ангобного покрытия на всех трех чашах тоже должны объясняться отмеченными причинами. Только в одном сосуде светло-коричневый ангоб с наружной стороны, наносился небрежно тряпкой. Видимо, все эти сосуды были выпущены одним мастером. Этого мастера условно назовем мастер «А».

Имеются аналогичные по форме чаши, но без желобка в верхней трети с внутренней стороны (рис. 2, *15*). В отличие от чаш первой группы они несколько толстостенны, а черепки пористые, темно-коричневые и покрыты темно-красным слоистым ангобом. Это явный признак работы другого мастера, так как наблюдается отличие не только в мелких деталях профиля, но и в ангобном покрытии, в составе и цвете черепка, в способе нанесения ангоба. Этого мастера условно назовем мастер «Б».

Таким образом, сосуды одной и той же формы — открытые миниатюрные чаши — выпускались двумя мастерами. Эти же мастера выпускали и другие по форме сосуды. В частности, к работам мастера «А» можно отнести довольно большие объемные бокалы (10 штук) тюльпановидной формы с высокими, полыми, профилированными в нижней части неустойчивыми ножками (рис. 2, *7—9*). На одном из бокалов в верхней трети наружной стороны имеется круговой двойной желобок. Аналогичные желобки на внутренней стороне имели чаши, выпущенные мастером «А». Черепки всех этих сосудов светло-коричневого или светло-красного цвета, и большинство из них с вертикальным лощением. Почти все бокалы, кроме одного, имеют светло-красный ангоб.

Характерными признаками работы того или иного мастера могут быть и места изломов ножек бокалов, так как место излома зависит от глубины полой части и от толщины стенки ножки бокалов. Очевидно, что почти все ножки бокалов мастера «А» имеют наибольший излом в верхней части.

Остальные бокалы были изготовлены, видимо, мастером «Б». Таких бокалов всего 12 штук. По форме верхней части они несколько приближаются к бокалам мастера «А». Однако бокалы мастера «Б» относительно грубоваты: у них толще стенки, почти прямое устье (рис. 2, *13, 14*). Большинство черепков сосудов рыхловатое и имеет темноватый цвет. Все бокалы покрыты темно-коричневым, переходящим в черный цвет, ангобом. В двух случаях ангобное покрытие переходит от темно-красного цвета к черному. Профили нижних частей ножек не очень четкие (рис. 2, *15*) и они поломаны в самом тонком месте (во всех трех случаях). Как верхние бокалы, так и нижние, покрыты коричневым, красновато-коричневым и черным ангобом. Характерная особенность работы мастера «Б» — отсутствие лощеных фрагментов.

К работам третьего мастера (мастер «В») относится фрагмент небольшого тюльпановидного бокала. Черепок сосуда и ангобное

покрытие светло-коричневого цвета. С наружной стороны покрыт вертикальными полосами лощения. Как по цвету и плотности черепка, так и по форме, этот бокал тяготеет к более ранним бокалам. Такой же по цвету фрагмент имеется в нижнем 25 слое. Возможно, наличие единственного фрагмента бокала, который мы относим к работам мастера «В», здесь случайно.

Мастер «А» наряду с чашами с открытым профилем и лощеными вытянутыми бокалами выпускал чаши с вертикальными, слегка наклонными внутрь бортиками. Почти все сосуды имеют светло-коричневый черепок, наружная сторона желтовато-серого цвета, образовавшегося в процессе обжига. Характерный признак, по которому можно отнести их к работе мастера «А», наличие у бокалов и чаш (9 шт.) неровной внутренней поверхности вверху (рис. 2, *11*). Этот же мастер выпускал и более парадные красноангобированные чаши с вертикальными бортиками.

К работе мастера «А» относятся чаши со светло-коричневым черепком, светло-коричневым ангобом и наличием желобка в верхней трети сосуда с внешней стороны (рис. 2, *5—6*).

Мастер «А», кроме чаш с вертикальными бортиками, выпускал и чаши с закругленными бортиками (рис. 2, *12*). В трех случаях они красноангобированные и в одном — покрыты черным ангобом. В профиле все они повторяют друг друга. Одна из чаш имеет ярко-красный ангоб, небрежно нанесенный тряпкой. Это также является одним из признаков работы мастера «А». Кроме того, в слое имеются фрагменты других сосудов: блюд, блюдцев и т. д., но их трудно отнести к работам того или иного мастера из-за отсутствия четких признаков.

На уровне 24 слоя имелся под заброшенной керамической печи. После запустения печь заполнялась отходами другой керамической печи, существовавшей где-то рядом. Керамический материал из этой печи представлен венчиками разных сосудов (14 фрагментов). Из них 2 фрагмента венчиков бокалов и 4 ножки от этих бокалов. Характерно, что на венчике одного из бокалов в верхней трети наружной стороны имеется двойной желобок, верхняя часть которого покрыта темно-красным ангобом и вертикальным сплошным лощением черного цвета. Это характерный признак работы мастера «А». К работе этого же мастера можно отнести полую ножку бокала, покрытую темно-красным ангобом. Характерно, что ангоб нанесен тряпкой, оставившей следы. Ножка поломана в самой верхней части (рис. 2, *3*).

Следовательно, по определенным признакам бокалы можно отнести к работе мастера «А». Вместе с тем в слое имеются невысокие поломанные в середине ножки от бокалов работы мастера «Б». Они покрыты темно-красным и черным ангобом (рис. 2, *4*).

Мастер «А» кроме вышеотмеченных сосудов изготовил и небольшую крышечку, по профилю напоминающую приземистое блюдце (рис. 2, *1*). Снаружи на нее тряпкой нанесен светло-ко-

ричневый ангоб. Таким же способом изготовлена широкая приземистая чаша со сферическим туловом и слегка вытянутым Г-образным венчиком. В комплексе, кроме того, имеются нижняя часть вазоподобного сосуда и широкий валикообразный, слегка вытянутый вверх венчик кувшина. Их трудно отнести к работам того или иного мастера.

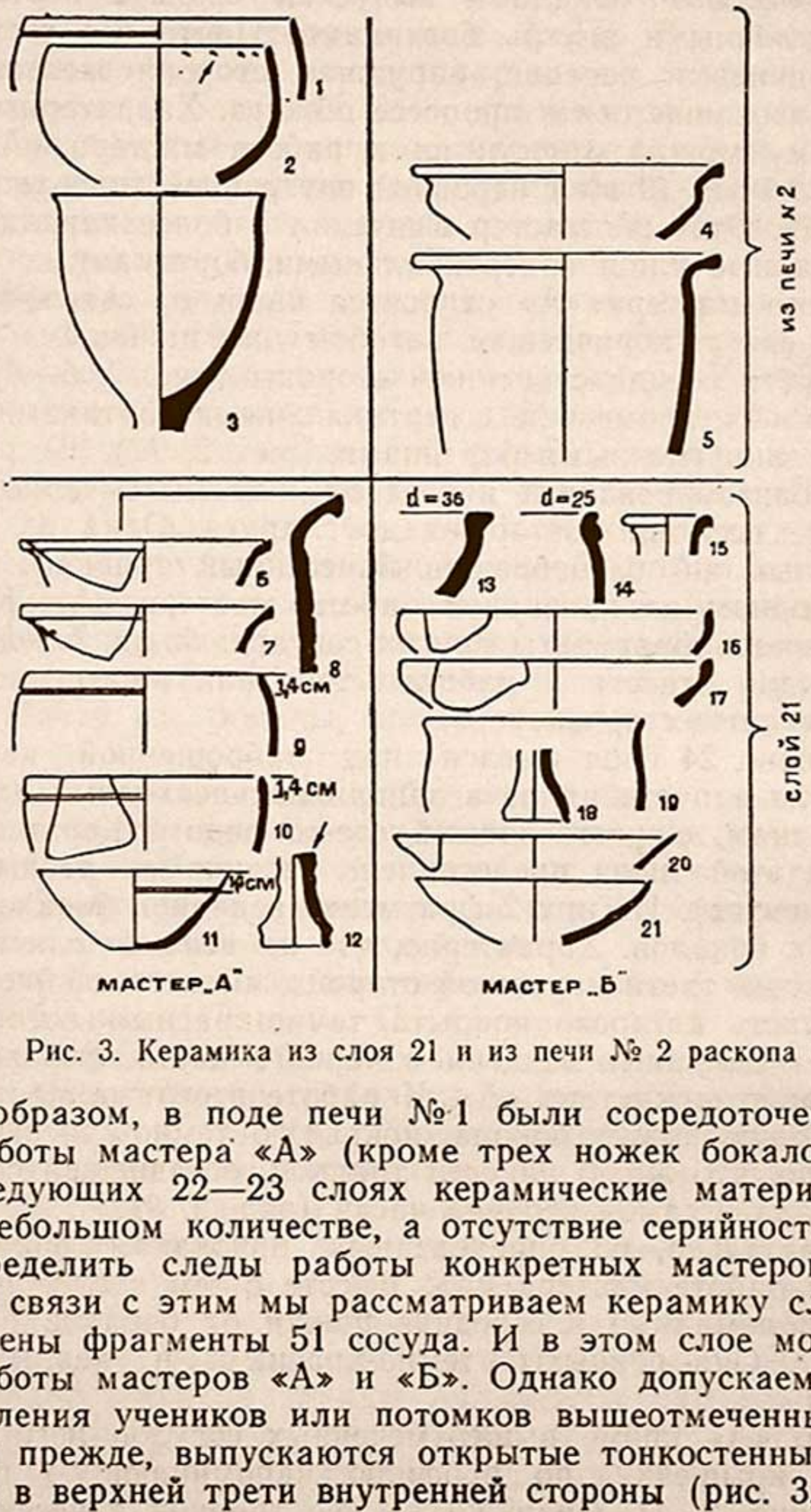


Рис. 3. Керамика из слоя 21 и из печи № 2 раскопа 5.

Таким образом, в поде печи №1 были сосредоточены, в основном, работы мастера «А» (кроме трех ножек бокалов).

В последующих 22—23 слоях керамические материалы оказались в небольшом количестве, а отсутствие серийности не позволяет определить следы работы конкретных мастеров и мастерских. В связи с этим мы рассматриваем керамику слоя № 21. Здесь найдены фрагменты 51 сосуда. И в этом слое можно проследить работы мастеров «А» и «Б». Однако допускаем возможность появления учеников или потомков вышеотмеченных мастеров. Как и прежде, выпускаются открытые тонкостенные чаши с желобками в верхней трети внутренней стороны (рис. 3, *11*, мас-

тер «А»). Представленные 3 экз. чаш имеют черепки светло-коричневого цвета, покрытые светло-красным ангобом. В то же время мастер «Б» выпускал такие же чаши, но без желобков в верхней трети внутренней стороны (рис. 3, *20, 21*). Как и в слое 24, черепок рыхловатый, покрытый темным, точнее темно-красным, переходящим местами в черный цвет, ангобом. Бокалы тоже выделяются работой двух мастеров. Мастер «А» продолжает выпускать парадные вытянутые лощеные бокалы. Они представлены тремя экземплярами и все имеют черепок светло-коричневого цвета, покрыты ярко-красным ангобом. Во всех трех случаях ножки поломаны в верхней части (рис. 3, *12*).

Бокалы мастера «Б» представлены одним экземпляром венчика (рис. 3, *19*), покрытого неустойчивым слоистым черным ангобом. Черепок сосуда тонкий, светло-коричневого цвета. Имеется ножка, видимо, от этого же бокала, поломанная в средней тонкой части (рис. 3, *18*). Еще один фрагмент ножки, поломанной в нижней части. Имеет неустойчивую профилированную в нижней части форму. Черепок коричневый, покрытый темно-красным ангобом.

Итак, все признаки двух мастеров по выпуску бокалов отличаются друг от друга. Одним из самых четких признаков мастера «А» — чаши с вертикальными бортиками. Во всех четырех случаях имеются желобки, проведенные на верхней трети наружной стороны на расстоянии 1,3—1,4 см книзу от устья (рис. 3, *9, 10*). Все черепки светло-коричневые, покрыты ярко-красным ангобом. Позднее желобки проводятся по самому краю венчика. Судя по ангобному покрытию и способу его нанесения, этот же мастер выпускал небольшие изящные тарелкообразные чаши со слегка вытянутыми или профилированными подтреугольными в сечении венчиками (рис. 3, *6—7*). Черепки сосудов светло-коричневые, плотные, без отощителей, с внутренней стороны покрыты темно-красным, переходящим в одном случае в черный цвет ангобом. Второй фрагмент имеет темно-красный ангоб. В обоих случаях ангоб нанесен тряпкой.

Возможно, этот же мастер выпускал и глубокие горшки с вытянутыми краями (рис. 3, *8*). Об этом свидетельствует тот факт, что на плечиках и туловах сосудов также имелись желобки. Черепок плотный, темно-коричневого цвета, без ангоба.

Судя по ангобному покрытию (темно-красный слоистый ангоб), мастер «Б» выпускал широкие сферические чаши (представлено 3 экз.) со слегка закругляющимися кверху бортиками (рис. 3, *11—17*), тагора. В слое обнаружен 1 экз. тагора довольно большой, с темно-коричневым плотным черепком, внутренняя сторона которого покрыта темно-красным слоистым ангобом (рис. 3, *13*). В слое, кроме этого, имеются и другие формы сосудов, которые трудно отнести к работе того или иного мастера.

Следующий слой, из которого было получено довольно большое количество керамики, — слой печи № 2. И эта печь после

запустения превратилась в мусорную свалку. Здесь найдены фрагменты 27 сосудов, среди них отсутствуют открытые приземистые чаши с желобками на верхней трети внутренней стороны (мастер «А»). Имеется чаша с вертикальным бортиком и с желобками на верхней трети наружной стороны (рис. 3, *1*), светло-коричневый черепок со светло-красным ангобным покрытием. Выпускаются глубокие шаровидные чаши со следами небрежной работы мастера в верхней части внутренней стороны венчика (рис. 3, *2*). Имеется красноангобированный бокал (рис. 3, *3*). Мастер «Б» выпускает чаши с Г-образным профилем и вытянутым краем (рис. 3, *4*) и глубокие горшки (рис. 3, *5*).

Итак, особенности типологии керамической продукции, которые мы объясняем как признаки стиля отдельных мастерских, сохраняются и в слое печи № 2. В верхних слоях продолжается выпуск вышеотмеченных сосудов гончарной работы, однако серийность и однотипность, которые могли быть результатом выпуска изделий одним мастером, исчезают. Выделяя продукцию отдельных мастеров, мы опираемся на следующие аргументы:

1. Происхождение их из отдельных стратиграфически замкнутых прослоек, представляющих собой брак отдельных партий керамики, обжигаемой в горнах.

2. Серийность и стандартность продукции по профилю, типу венчика, цвету теста и ангоба.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что на территории городища Еркурган, начиная с первых веков н. э.[3], стали работать мастера по выпуску тонкостенной гончарной посуды. Сам факт наличия следов нескольких мастеров только по выпуску приземистых открытых чаш и чаш с вертикальными бортиками говорит о бурном керамическом производстве в квартале керамистов Еркургана.

Судя по мелким технологическим и иным признакам, мастерские, где работали мастера «А» и «Б», специализировались на выпуске в основном столовой и другой мелкой посуды. Возможно, они выпускали и другую посуду, для которой мы не смогли определить мастеров. Почти такую же картину мы наблюдали и в керамическом комплексе II—I вв. до н. э., где тонкостенная, миниатюрная тарелочка изготовлена мастером, который выпустил и кувшин с Г-образным венчиком. Этот же мастер выпустил и миниатюрный кувшинчик. Их объединяли не только мелкие особенности профиля сосудов, но и гладкий с внешней стороны черепок и ангобное покрытие[4].

Следует отметить, что во II—I вв. до н. э. хумы и хумчи, лепная керамика выпускались специальными мастерскими, поскольку

---

[3] Обоснование даты, синхронной этим слоям (слой 44), см. в кн.: Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984, с. 98—99.

[4] Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган..., рис. *2, 7—8, 16.*

ку технология их изготовления отличалась от технологии изготовления столовой посуды. Последователи мастеров «А» и «Б», выпускавшие чаши с вертикальными бортиками, позднее стали выпускать чаши со специальными штампами на внутренней стороне у донца. Эти штампы являлись отличительными знаками мастерских. Наличие штампов внутри чаш именно на последнем этапе отвала еще раз указывает на то, что на первом или втором этапах чаши с вертикальными бортиками были выпущены уже потомками или учениками мастеров «А» и «Б», которые не наносили штампов на свою продукцию. Что касается других районов Средней Азии, то специализация керамических мастерских или гончаров-ремесленников на выпуске отдельных видов посуды отмечается только в средневековых комплексах. На территории Афрасиаба в квартале керамистов Г. В. Шишкина наблюдала, что в X—XI вв. были гончары, специализировавшиеся на выпуске столовой глазурованной посуды и гончары, изготавливающие кухонные котлы и орнаментированные очажки[5]. Такие же наблюдения сделал и Ш. Шорахимов. Он отмечает, что «гончарная мастерская IX—X вв. в западной части центрального квартала Афрасиаба выпускала только неполивную керамику»[6]. Высококачественную поливную посуду выпускали другие мастерские. Были специальные мастерские по выпуску только люстровой и фаянсовой посуды[7].

Несколько позднее, в XII—XIII вв. на Афрасиабе также отмечается узкая специализация гончаров-ремесленников[8], чего нельзя сказать о Мерве. Исследователь керамического производства Мерва С. Б. Лунина отмечает, что в X—XII вв. не существовало четкой специализации ремесленников-гончаров, здесь можно говорить лишь о предпочтительном внимании мастера к той или иной форме гончарства, ибо ремесленная мастерская Иноятана, специализирующаяся в основном на выпуске высококачественной керамики со штампованной орнаментацией, во втором периоде своего функционирования занималась и изготовлением поливной посуды[9].

О специализации гончаров-ремесленников Средней Азии в эпоху древности и раннего средневековья отсутствуют какие-либо сообщения. Наши наблюдения над стратиграфией керамического отвала лишь в незначительной степени освещают некоторые стороны вопросов специализации мастерских по выпуску отдельных

---

[5] Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 151.

[6] Шорахимов Ш. Квартал гончаров X — начала XI в. — К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981, с. 99.

[7] Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969, с. 194.

[8] Ташходжаев Ш. С. Керамическая мастерская XII — начала XIII в. — Афрасиаб, вып. IV, Ташкент, 1975.

[9] Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. — Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 408.

видов посуды. Сам факт отсутствия в многометровом керамическом отвале фрагментов хумов, хумчей и лепной керамики указывает на специализацию мастерских по выпуску тонкостенной столовой посуды. В слоях II—I вв. до н. э., т. е. ниже керамического отвала тоже было выявлено, что кувшины, кувшинчики, тарелочки, чаши и другие сосуды были изготовлены в одной мастерской. К более верхним слоям, начиная с первых веков н. э., на Еркургане качество керамической продукции улучшается, появляются новые, довольно сложные формы. Возможно, конкуренция между мастерскими для сбыта своей продукции и постоянный спрос потребителей на новые «модные» сосуды привели к более узкой специализации в керамическом производстве.

С середины IV в. на территории Южного Согда меняется облик керамики. Резко увеличивается число лепной, менее разнообразной становится гончарная. На поверхности квартала керамистов Еркургана найдены слои отходов керамического производства, в которых вместе с лепной керамикой и хумами встречена и станковая керамика.

Таким образом, по мере усложнения форм сосудов и улучшения качества керамики, появляются признаки, намекающие на специализацию мастерских по выпуску отдельных видов керамики в античности. В дальнейшем керамика, выпущенная мастерами «А» и «Б», может дать абсолютные даты.

Б. АБДУЛГАЗИЕВА

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КУРГАНТЕПЕ

Городище Кургантепе расположено в 30 км к востоку от г. Андижана и в 3 км севернее одноименного города, к западу от дороги Кургантепе-Аим, на землях колхоза им. Навои.

Городище впервые было обследовано в 1952 г. Памиро-Ферганской экспедицией под руководством А. Н. Бернштама. В 1956 г. разведывательным отрядом Андижанского областного краеведческого музея под руководством В. И. Козенковой было составлено краткое описание городища и собран подъемный материал, на основе которого памятник был предварительно датирован III в. до н. э. — IV в. н. э.

Вокруг городища были расположены разной величины 19 тепе, из которых ныне сохранилось только одно, находящееся в 1,5 км к северу от него — Гайраттепе.

Городище в плане прямоугольной формы площадью 250×320 м, с четко выраженной системой фортификации, окружено стеной, сохранившейся в высоту на 5—6 м. На пролетах стен, а также в углах были расположены башни, а в середине южной стены находилась цитадель, северная сторона которой до основания

холма была разрушена бульдозером так, что получился вертикальный срез. Оплывший холм цитадели прямоугольной формы шириной в верхней части 25 м, сохранившейся длиной 16 м и высотой — 8 м.

Внутренняя территория городища, занятая постройками, разделяется улицей, идущей с севера на юг к воротам в юго-восточной части городища. Перед цитаделью была свободная от застроек площадь.

В настоящее время городище сильно разрушено — большая часть территории снивелирована, сохранились только южная стена с полуразрушенной цитаделью и южная половина восточной стены с прилегающей к внутренней стороне застроенной территорией шириной 50 м, с культурным слоем толщиной 3 м. При осмотре разрушенных участков в центре городища были обнаружены семь больших хумов, врытых в пол помещений. Они были расположены недалеко друг от друга, на расстоянии 1—2 и 5 м. Верхние части этих хумов были разбиты, сохранились в высоту на 70—80 см с наибольшим диаметром тулова 70—80 см. Судя по сохранившейся части хумов и подъемному материалу около них, они были широкогорлые, усеченно-конической формы, с выпуклым дном, венчик воротничковый, высота хумов могла быть около 1,5 м.

Для определения датировки и культурных напластований на территории городища в трех местах проводились раскопки, доведенные до материка[1]: раскоп на цитадели (в дальнейшем Р-1), шурф в восточной части городища (Р-2), раскоп в 30 м к западу от восточной стены (Р-3).

Р-1 имел площадь до 130 м², которая по мере углубления сокращалась и внизу составила 48 м².

В результате раскопок на цитадели были выделены два периода ее обживания. Здание цитадели было возведено на пахсовой платформе, высотой 5,3—5,5 м, толщиной стен в основании 5 м, с наклонными гранями снаружи под углом в 70°. В ходе раскопок выяснилось, что верхняя часть цитадели также разрушена земляными работами. Однако удалось установить контуры трех помещений. Вдоль южной внешней стены было расположено узкое (1,2 м) коридорообразное помещение. Его северная стена имела толщину 40 см, севернее располагались еще две комнаты. Одна из них узкая, шириной 2 м, за которой находилось более широкое помещение, где вскрыты два уровня полов. В период нижнего пола в южной части помещения имелся стеновой очаг сводчатой формы высотой 50 см, шириной в основании 50 см, заглубленный в пол на 20 см. Найденная в этом слое керамика представлена фрагментами красноангобированных с лощением чаш, мисок и кубков. Среди них выделяются чаши с

---

[1] Раскопки проводились в 1976—1977 гг. Андижанским областным краеведческим музеем под руководством автора.

отогнутым бортиком со слабо выраженным перегибом стенок, некоторые с клювовидными ручками по центру тулова. Имеются чаши с коническим туловом, завершающимся вогнутым внутрь краем. Кубки со сферическим туловом, выделенной горловиной и отогнутым краем. Верхняя часть сосуда украшена процарапанным поверх ангоба орнаментом в виде завитков. Хозяйственные сосуды представлены фрагментами водоносных кувшинов и фляг, а также горшками. В слое над верхним полом была обнаружена смешанная, относящаяся к разным периодам керамика, которая расчленяется на две хронологические группы: первая аналогична сосудам из слоя нижнего пола, а вторая резко отличается от предыдущей и датируется более поздним временем — VIII—IX вв.

Р-2 был заложен на территории городища в 50 м к северу от цитадели и в 30 м к западу от восточной крепостной стены, где в срезе с западной стороны были видны обнажения культурных слоев. Площадь шурфа 0,5×2 м. В результате раскопок было установлено, что толщина культурных слоев составляла 2 м. Характер залегания слоев (прослойки золы в чередовании с гумусными с включением костей животных, обломков посуды) позволяет заключить, что шурф пришелся на часть двора или улицы.

Керамический материал из шурфа представлен, в основном, красноангобированными сосудами, аналогичными посуде из слоя первого, нижнего пола в раскопе на цитадели; встречены также и чаши полусферической формы.

Р-3 был заложен в 50 м к северо-востоку от цитадели, в 30 м к западу от восточной крепостной стены, где в срезе с южной стороны были видны обнажения культурных слоев. Площадь раскопа составляла 6×13 м. Исследования на этом участке выявили три периода его обживания с общей толщиной культурного слоя 2,5—3 м.

Слои нижнего периода зафиксированы на глубине от 1,8 до 3 м, с толщиной культурного слоя 1,2 м. Были вскрыты остатки трех помещений, построенных непосредственно на материковом грунте, для чего предварительно была расчищена и снивелирована площадка, поверх которой был засыпан слой золы, а затем уже возведены стены из сырцовых кирпичей, размеры которых из-за плохой сохранности определить не удалось. Помещения в плане прямоугольной формы представляют собой два обособленных хозяйства, разделенные смежной стеной.

Помещение 1 расположено в западной половине раскопа, его длина 5,15 м, ширина — 3,2 м. В южной части восточной стены была ниша шириной 2 м, глубиной — 0,4 м. Стены оштукатурены глиной с саманом в три слоя. Помещение имело два этапа обживания, стратиграфически выраженных последовательно расположенными уровнями глинобитных полов. На раннем этапе в центре помещения был напольный очаг прямоугольной формы (35×50 см) с устьем в восточной стороне. Внутри очага сохра-

нилась однородная спрессованная белая зола. Вероятно, это был сандал. В завале помещения найдены три различных по величине керамических прясла биконической формы.

На втором этапе уровень пола залегал на 60 см выше первого. В центре помещения также находился очаг. К югу от него был обнаружен вкопанный в пол хум усеченно-конической формы с плоским дном. Верхняя часть хума была разбита. В высоту он сохранился до 55 см, диаметр дна—25 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 55 см. В середине западной стены помещения был проход, ведущий в помещение 3. Последнее помещением названо условно. Это коридор, вытянутый вдоль западной стены помещения 1. Он узкий, шириной 1 м, имел три входа, каждый шириной по 1 м. Первый вел в помещение 1, два других находились в западной стене коридора: один в северном его конце, другой — в южном. Возможно, через них можно было пройти в помещения, расположенные западнее, или выйти на улицу.

Помещение 2 расположено к востоку от помещения 1. Оно прямоугольной формы, длиной 6—6,3 м, шириной — 5,15 м, проход шириной 1 м находится в южном конце восточной стены. В помещении зафиксировано три уровня разновременных полов. В период нижнего пола в северной и восточной стенах, ближе к северо-восточному углу, имелись две одинаковые ниши прямоугольной формы с арочным завершением в верхней части. Ниши начинались от пола, высота их — 90 см, ширина — 80 см, глубина — 30 см. Перед ними имелась вымостка из двух сырцовых кирпичей размерами 48×36×10 см.

Между первым (нижним) и вторым строительными периодами не было слишком длительного хронологического разрыва, об этом свидетельствует то, что отдельные стены нижнего строительного горизонта были использованы в последующий период, а также наличие четырех последовательных уровней полов в коридоре без изменений его планировки. Два уровня пола относятся к нижнему строительному периоду, а два — к среднему. Полы представляют собой слои глиняной промазки толщиной 5—10 см, расстояние между которыми 40—60 см. Помещения второго строительного периода по планировке и местоположению соответствовали нижним, поэтому и нумерация их сохранена прежняя. В каждом помещении зафиксированы по два уровня полов, соответствующие двум разновременным этапам жизни.

Помещение 1 прямоугольной формы 3,70×5,15 м. Его восточная стена, пахсовая, толщиной 70 см, высотой — 1,1 м. Вдоль нее построена суфа шириной 80 см, высотой 50 см. Стена и суфа возведены на стене нижележащего строительного периода. Для северной и западной стен помещения также были использованы стены помещений предшествующего периода. Западная стена толщиной 1 м возведена из сырцовых кирпичей размерами 45×?×7 см, 49×?×8 см, 51×?×10 см. Ширину кирпичей из-за плохой сохранности не удалось определить.

Помещение обогревалось напольным очагом, расположенным в его южной части, напротив входа. Рядом с очагом, с западной стороны найдены две небольшие зернотерки и округлый терочный камень. В северо-западном углу помещения на нижнем полу был найден керамический кувшин, придавленный упавшей стеной. Кувшин яйцевидной формы без ручки, высотой 32 см, диаметром дна 14 см, венчика — 11 см. Аналогичный кувшин был найден и в помещении 3 на том же уровне, у восточной стены, и также придавлен рухнувшей стеной или потолком. Рядом находились две небольшие зернотерки. Это говорит о большой скученности в доме, в связи с чем работы по хозяйству приходилось выполнять в таком узком проходном коридоре. Верхний пол помещения 1, в отличие от предыдущих, имеет более толстую промазку — 5 см и ровнее, очаг не напольный, а с выступающим бортиком высотой 10 см. Около очага найдены две небольшие зернотерки. Из других находок в этом помещении имеются три керамических прясла биконической формы.

Помещение 2 сохранило ту же планировку, что в нижнем строительном периоде. В нем было два уровня полов. Вероятно, в этом помещении занимались каким-то производством, связанным с обработкой металла. Ко времени существования верхнего пола относится печь, от которой сохранились под овальной формы диаметром 90 см и топочная камера, расположенная с южной стороны. Она усеченно-конической формы, расширяющейся ко дну, диаметром 90 см, глубиной 75 см. Заполнение топки составляет однородная зола. В завале около печи найдены куски металлического шлака.

О последующем периоде обживания городища свидетельствуют поздние ямы, обнаруженные на Р-3, которые прорезали стены помещений. К сожалению, от этого периода не только архитектурных остатков, но и культурного слоя не сохранилось, поэтому ямы нельзя стратифицировать. Судя по керамическому материалу, полученному из них, они разновременные, начиная от первых веков нашей эры и до раннего средневековья — V—IX вв. Ввиду этого находки из ям здесь не рассматриваются. Весь керамический материал, полученный из трех раскопов на городище — нижний строительный период цитадели, Р-2 с первого и второго строительных периодов, Р-3 — рассматриваются вместе, поскольку они типологически очень близки по формам и технике изготовления. За основу взяты материалы из Р-3, откуда происходит массовая керамика.

Керамический комплекс делится на две группы: лепную и изготовленную на гончарном круге. В первом и втором строительных периодах Р-3 доминирует станковая красноангобированная керамика: более 60% от общего количества керамики и незначительная часть ее украшена процарапанным орнаментом (1,6% в первом и 3% — во втором). Среди лепной керамики имеется небольшое количество расписной (1,15%) и крашеной керамики

шурабашатского типа, которая встречена только в слое нижнего строительного периода. Сосуды, формованные на станке, из лессовой глины хорошего качества. В основном, они покрыты красным и черным, как лак, ангобом (объединены в одну группу красноангобированных). По форме подразделяются на чаши, горшки, кувшины и баночные сосуды. Среди них господствующими являются чаши. Они тонкостенные, покрыты блестящим красным ангобом внутри и снаружи. Иногда красный ангоб перемежается с черными расплывчатыми пятнами. Встречается и тусклый ангоб.

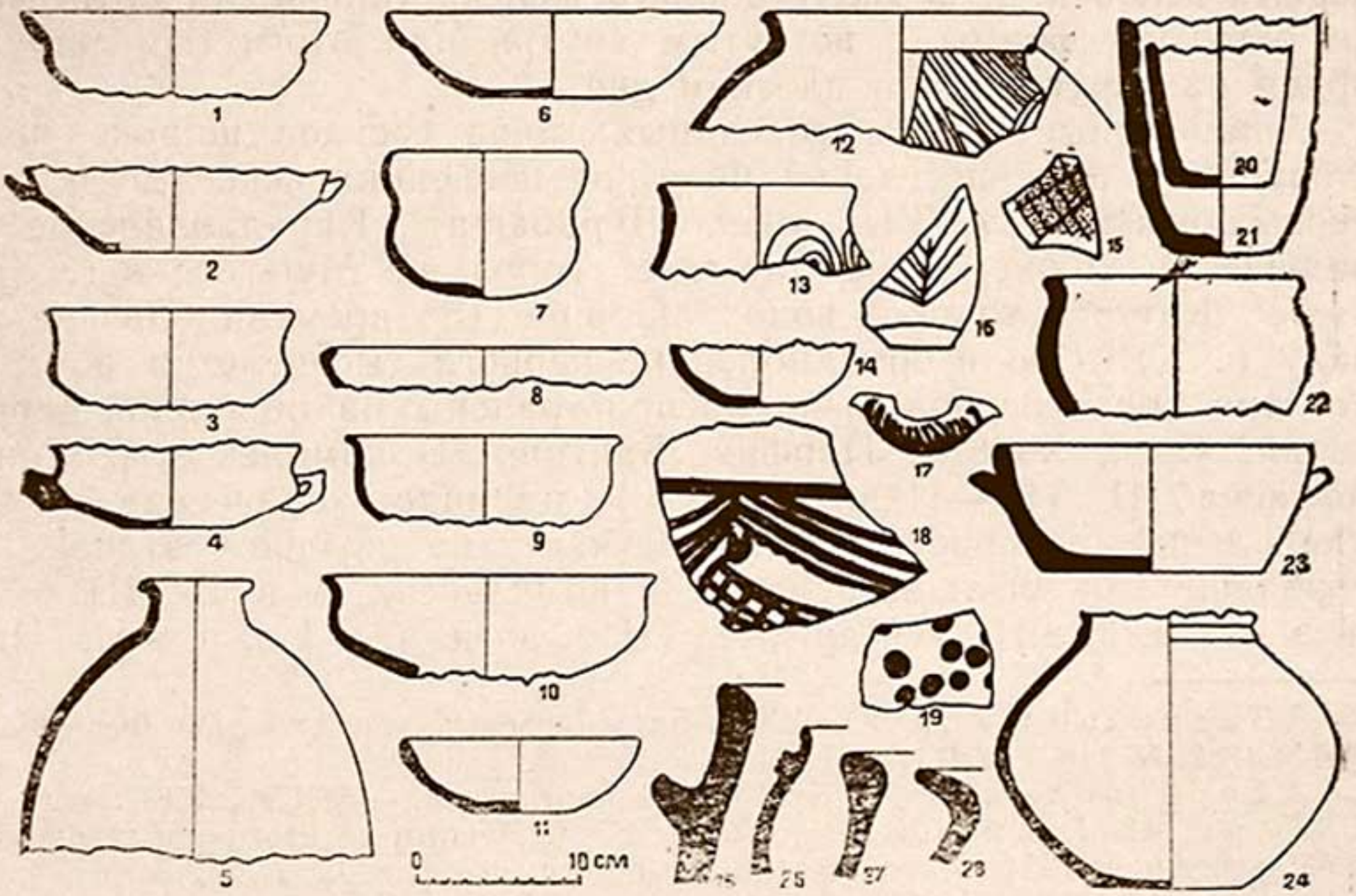


Таблица керамики.

Чаши по профилю стенок подразделяются на следующие типы: 1. С перегибистым туловом, переходящим в плоский наклонный наружу бортик (рис., *1, 2*). У некоторых чаш на тулове, ниже перегиба, имеются две клювовидные ручки; 2. С резким перегибом по центру тулова, напоминающие сосуды цилиндро-конической формы, с двумя ручками с отверстием посередине (рис., *3, 4*); 3. С округлым туловом, завершающимся плавно отогнутым наружу краем (рис., *9, 10*). На многих чашах описанных типов на тулове на месте перегиба имеются круглые вмятины от пальцев, что характерно для красноангобированных мисок и в ряде других памятников Ферганы[2]; 4. Низкие, со слабо выраженным перегибом тулова (рис., *6*); 5. С округлым туловом, переходящим

[2] Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков н. э.— Труды ГЭ, 1979, т. XX, с. 118.

в резко вогнутый край (рис., *8*); *6.* Усеченно-конической формы (рис., *11*). Жидкий красный ангоб покрывает сосуд только внутри.

Наиболее древними формами чаш являются второй, третий и пятый типы, генетически восходящие к более ранним локальным прототипам. Типичными для чустской культуры были сосуды с перегибом в отличие от нашего второго типа в верхней части тулова, с характерным ребристым краем[3]. Следствием развития этой формы явилось широкое распространение чаш и мисок с перегибом по центру тулова, свойственного красноангобированной керамике Ферганы в основном последних веков до н. э. и первых веков н. э. В эпоху раннего железа типичными были миски округлой формы с вогнутым внутрь или отогнутым наружу краем на округлом или плоском дне[4].

Аналогичные формы описанных типов сосудов широко представлены в ряде поселений Ферганы последних веков до н. э. и первых веков н. э.: Сым-тепе[5], Шурабашат[6], Карадарьинское городище[7], в нижнем слое Сар-тепе[8], городище Муг-тепе в г. Ура-Тюбе[9], Каттакурганское водохранилище (по времени близкое началу н. э.)[10]. Во второй половине первого тысячелетия до н. э. эти три типа сосудов были распространены на обширной территории: Согд, Хорезм, Парфия, Бактрия. В комплексе керамики Афрасиаб II (IV—II вв. до н. э.) цилиндро-конические сосуды наибольшее распространение получают на позднем этапе[11], на городище Еркурган встречены в комплексах А и Б (III в. до н. э. — I в. н. э.)[12], в Маргиане (II в. до н. э. — I в. н. э.)[13]. При-

---

[3] Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118, с. 259, табл. XII, *6*.

[4] Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник. — АСГЭ, 1961, вып. 3, с. 185, рис. 11, *1, 3, 8, 10;* Латынин Б. А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСГЭ, 1961, вып. 3, с. 123, рис. 12, *1, 2*.

[5] Горбунова Н. Г., Козенкова В. И. Сым-тепе — поселение в Фергане.— АСГЭ, 1974, вып. 16, с. 98, рис. 5, *4—6;* с. 99, рис. 6, *1—4;* с. 100, рис. 7, *1—3*.

[6] Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, с. 25, рис. 9.

[7] Там же, с. 32, рис. 14, *32—37*.

[8] Абдулгазиева Б. Раскопки Сар-тепе. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 150—151.

[9] Ранов В. А. и Салтовская Е. Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. — ТИИ АН ТаджССР, т. XXXI. Душанбе, 1961, с. 122, рис. 11, *2, 3*.

[10] Книпович Т. Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, с. 76, рис. 17.

[11] Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II).— Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 38, 39, рис. 5, *13, 24;* с. 40, рис. 6, *16, 20*.

[12] Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3, с. 220, рис. 2, *22, 23;* рис. 3, *25;* с. 228.

[13] Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. — ТЮТАКЭ, т. 12, Ашхабад, 1963, с. 189, рис. 18, *1, 6, 8, 23*.

мечательно, что красноангобированные чаши с вогнутым краем в незначительном количестве найдены в Ташкентском оазисе на Шаштепе в слое Шаш II (III — начало II в. до н. э.). Эти сосуды резко отличаются от остальной керамики комплекса Шаш II. Они изготовлены на круге быстрого вращения, тонкостенны, покрыты красным с лощением ангобом и считаются привозными из Ферганы и Согда[14].

Горшки со сферическим туловом, ангоб покрывает только наружную часть сосуда, причем у крупных горшков зачастую ангобирована только верхняя половина тулова. Некоторые сосуды украшены геометрическим процарапанным поверх ангоба орнаментом (рис. 1, *12—15*).

Кувшины разной емкости, безручные, часть из них ангобирована. Ангоб красный, черный, светло-розовый, порой просто небрежно нанесенные мазки в виде полос. Выделяются два типа кувшинов: 1. С узкой выделенной горловиной, округлым туловом (рис., *5*); 2. Приземистые, почти шаровидные, донца чуть выпуклые наружу (рис., *24*). Аналогичной формы кувшинчик, но миниатюрный, имеется в комплексе А городища Еркурган (III—II вв. до н. э.)[15].

Баночные сосуды вытянутых пропорций, слегка расширяющиеся кверху. Дно их плоское, неустойчивое. Они покрыты тусклым красным ангобом, некоторые украшены процарапанным поверх ангоба орнаментом в виде стилизованного дерева (рис., *16, 20, 21*). Этот мотив в разных вариантах[16], а порой в сочетании с птицами[17], свойствен керамике Ферганы.

Фляги с одним плоским и другим выпуклым боком, вверху прикреплена горловина, плавно переходящая в отогнутый венчик, диаметром 9—10 см. На плечиках одной фляги был прочерчен знак в виде вихревой розетки с тремя спиралями. Такие знаки встречались также на туловах кувшинов и хумов. Имеются они и среди керамического материала, найденного между слоями пахсы стилобата. Это свидетельствует о том, что обломки разбившейся посуды в процессе строительства бросали на строительную площадку. Следует отметить также, что в глине пахсы стилобата встречено несколько фрагментов керамики, характерной для эпохи поздней бронзы. Вероятно, поблизости от городища, где брали глину для строительства, было поселение, существовавшее в эпоху бронзы.

Описанный тип узкогорлого кувшина с выраженной горловиной относится к древним формам, генезис их восходит к эпохе

---

[14] Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983, с. 51—52.

[15] Исамиддинов М. Х. Указ. соч., с. 220, рис. 2, *8*.

[16] Козенкова В. И. Гайрат-тепе. — СА, 1964, № 3, с. 230, рис. 5, *6*.

[17] Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. — ТИИА АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951, с. 56, табл. I, 2.

поздней бронзы. Узкогорлые кувшины с отогнутым венчиком и с высокой горловиной найдены на поселении чустской культуры Дальверзин в Фергане[18]. Известны аналогичные кувшины и древней Бактрии, которые происходят из поселения Сапаллитепа[19]. Сосуды этого типа были распространены в Фергане и в более позднее время. Они известны по находкам из могильников рубежа и первых веков нашей эры[20].

Лепная керамика представлена крашеной и расписной шурабашатского типа и неорнаментированной. Эта группа сосудов немногочисленна. Найдена одна крашеная чаша с волнистым профилем стенки и округлым дном (рис., *7*). Мотив орнамента расписной посуды типичный для шурабашатского комплекса: в виде кругов, заштрихованных квадратов на тулове (рис., *18, 19*) и стилизованной елочки на ручке сосуда (рис. *17*)[21]. Растительный орнамент встречается и в более раннее время. Аналогичным узором был расписан венчик чаши, происходящей из нижнего слоя Эйлатана (VI—IV вв. до н. э.)[22].

В неорнаментированной керамике выделяются миски, котлы и хумы.

Миски покрыты белым ангобом, тесто с дресвой. Они двух типов: 1. С округлым туловом, переходящим в отогнутый наружу венчик; 2. С усеченно-коническим туловом с двумя пластинчатыми ручками (рис., *22, 23*). Котлы с округлым туловом, завершающимся слегка отогнутым наружу краем (рис., *26*). Хумы и хумчи различаются формой венчика: 1. Хумы с прямым краем и пластинчатыми ручками (рис., *25*); 2. Венчик сильно утолщенный снаружи и изнутри (рис., *27*); 3. Венчик резко отогнутый наружу, верхний край плоский, наклонный вовнутрь (рис., *28*).

Исходя из вышеизложенного, рассмотренный комплекс керамики можно относить ко II—I вв. до н. э. В нем явно проступают своеобразные особенности ферганской керамики, характерными чертами которой являются чаши с перегибистым туловом, клювовидные ручки сосудов. В этот период появляется столь типичный для ферганской керамики процарапанный поверх красного ангоба орнамент. В результате исследования на городище Кургантепе можно прийти к заключению, что оно возникло не позже II века до н. э., а возможно и раньше, и просуществовало до VIII—IX вв. н. э.

---

[18] Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, табл. XIII, *3, 4*.

[19] Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1979, рис. 33, *7*.

[20] Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV. Сталинабад, 1955, рис. 18, 19, *2*.

[21] Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. — ТКАЭЭ, т. IV, М., 1960, с. 186—187, рис. 18, 19.

[22] Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан. — СА, 1960, № 3, с. 37, рис. 7.

Г. И. БОГОМОЛОВ

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВСАДНИКОВ С ГОРОДИЩА КАНКА

В последние годы на городище Канка Ташкентской области были обнаружены две уникальные находки: терракотовая плитка и бронзовая бляшка с изображениями всадников. И хотя образы коня и всадника являются едва ли не самыми популярными среди персонажей торевтики, коропластики, живописи народов Средней Азии, что объясняется сильным влиянием кочевого мира на культуру оседлого населения, тем не менее предметы с изображением всадника до недавнего времени оставались неизвестными для Ташкентского оазиса. В то же время этот регион издавна был зоной теснейшего переплетения оседлого и кочевого миров. При раскопках городищ и курганных могильников здесь часты находки предметов вооружения и конской упряжи. Не удивительно, что оба предмета (образок-плакетка и бляшка) происходят с одного места — городища Канка, древнего культурного центра региона. Несмотря на некоторую разницу в материале, они принадлежат к одному хронологическому периоду. Это позволяет нам судить об этническом типе населения оазиса, его воинском контингенте и, наконец, об отдельных идеологических воззрениях в этот период.

Образок-плакетка был обнаружен при вскрытии здания V—VII вв. и представляет собой терракотовую плитку, оттисненную в калыбе (11×7 см) (рис. 1). На плитке — барельефное изображение всадника, выезжающего на всем скаку из-под арки. Плитка подробно описана Е. Усовой и Ю. Ф. Буряковым[1], поэтому уточним лишь некоторые детали, опущенные исследователями.

Правая рука всадника сжимает древко какого-то предмета, зажатое между ногой всадника и лошадью. Верхний конец его обломан, нижний имеет короткое цилиндрическое навершие, покрытое, как и само древко, резьбой (вероятно, имитирующей ленту). Возможно, это копье, имеющее на конце навершие, подобное копью всадника с индо-сакской монеты Азеса I (38—10 гг. до н. э.)[2]. Но возможно, что это бунчук с лентами — символ власти, символ полководца (военачальника). Так, в росписях Афрасиаба имеются изображения всадников с бунчуками, символизирующими их полномочия послов[3]. В другой сцене тех же росписей перед троном Вархумана установлено 11 бунчуков, возможно, говоривших о количестве боевых подразделений или владений, подчиненных ему, причем к навершию центрального бунчука прикреплена красная ткань (в виде двух лент). Л. И. Альбаум отмечает, что на тибетских бунчуках иногда под

---

[1] Усова Е., Буряков Ю. Ф. Терракотовые поделки с городища Канки. — ИМКУ, вып. 16, Ташкент, 1981, с. 50.

[2] Горелик М. В. Кушанский доспех. — В сб.: Древняя Индия. М., 1982, с. 86, табл. 2, *б*.

[3] Альбаум Л. И. Роспись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 73.

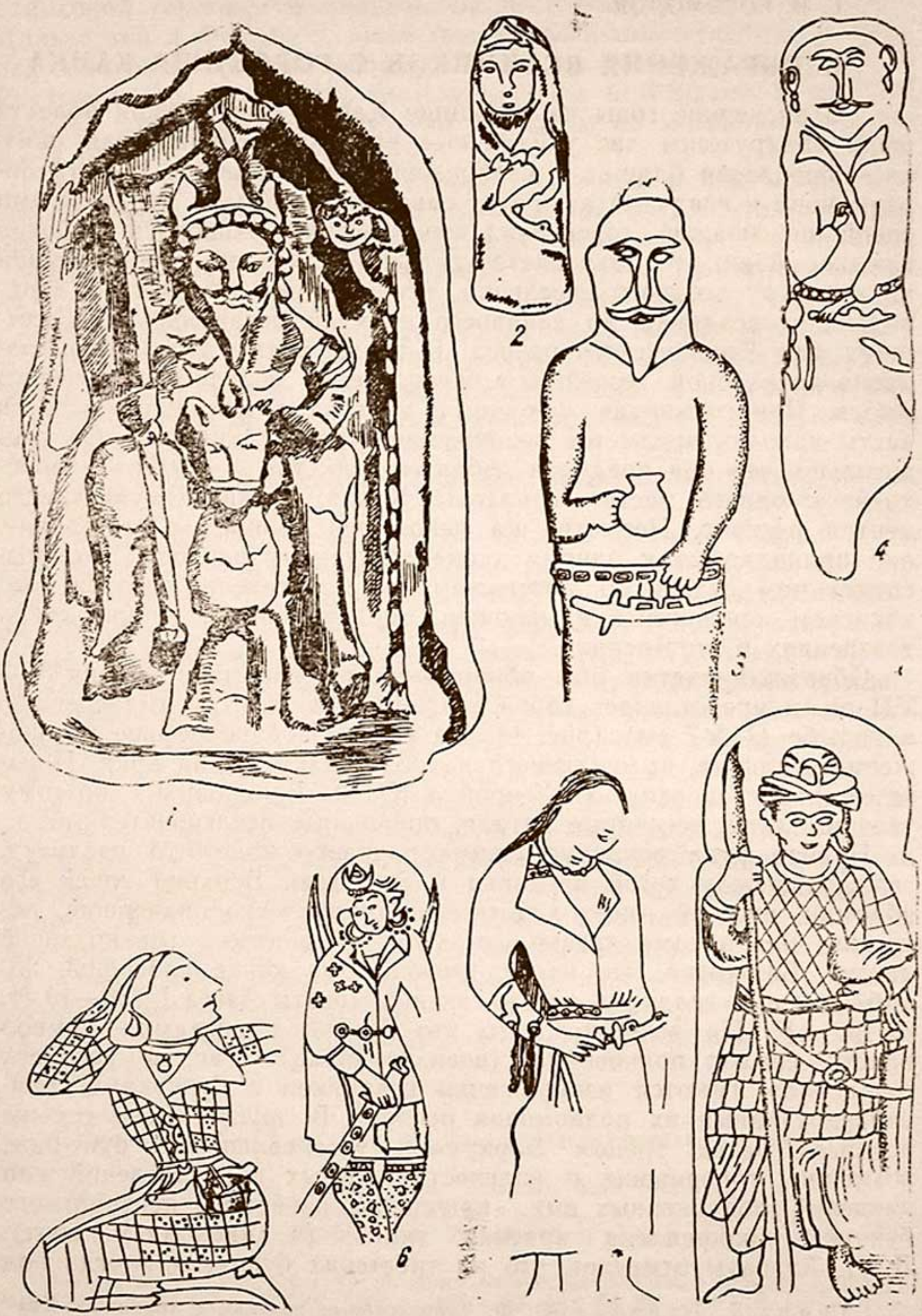


Рис. 1. Канкинская плакетка с изображением всадника. V—VII вв. *(1)*; Каменные изваяния. VI—VIII вв. *(2—4)*; Бамиан. VII в. *(5)*; Изображение лунного божества из Фундукистана. VII в. *(6)*; Тюркский воин. Афрасиабская роспись *(7)*; Бог войны. Гандхарская школа III в. *(8)*.

навершием подвешивался «освященный кусок материи, который почитался как обиталище гения — хранителя войны»[4].

Над левым плечом всадника канкинской плакетки какое-то антропоморфное существо с небольшим телом и крылом: изображение сильно смазано. У него широкое (круглое) улыбающееся лицо с маленьким расплющенным носом, круглыми глазами под сросшимися бровями. Лицо этого существа напоминает изображение устрашающих персонажей на керамических круглых налепах, найденных, в частности, в слоях VI—VII вв. на Фаяз-тепе. С ним сходна «морда демона Киртимукхи с глазами-пуговицами и улыбчиво растянутой пастью»[5].

По мнению Л. И. Альбаума, такие налепы на сосудах отражали устрашающий образ, который мог являться талисманом-оберегом от проникновения в содержимое сосуда того, что повредило бы его владельцу. «Это своего рода Фарн, оберегающий хозяина сосуда от различных заболеваний»[6].

Канкинская плакетка входит в группу ей подобных[7] и несет, на наш взгляд, изображение божества, о чем свидетельствуют языки пламени за плечами персонажей, в одних случаях, солярные символы над аркой — в других. Можно предположить, что этот персонаж, нарочито одетый в воинские доспехи, вооруженный копьем или мечом — божество воинской доблести и мощи, воинской удачи и победы.

Согласно зороастрийскому пантеону, в этом качестве выступал Вртрагна, бог грома и победоносности. В Яштах перечисляется десять инкарнаций Вртрагны: ветер, бык, вепрь, конь, верблюд, юноша, сокол, баран, джейран и, наконец, воин (Яшт 14).

По мнению В. П. Денисова, плитки воинов с языками пламени за плечами изображали бога Хварено (Фарн) — божества славы и благоденствия[8]. Правда, остается непонятным, почему тогда это «мирное» божество благоденствия упорно изображалось в виде воина с оружием в руках. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель усматривают в представленном изображении бога Орланго (Вртрагны) с фигурой обезьяны (символизировавшей, по-видимому, безумие и экстаз — опьянение в войне)[9].

Еще раз отметим, что канкинская плитка тематически примы-

---

[4] Там же, с. 77.

[5] Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 75, табл. XXI, *3*.

[6] Альбаум Л. И. Роспись Афрасиаба, с. 79.

[7] Мешкерис В. А. Коропластика Согда, с. 60; Денисов В. П. Терракотовая плитка из Кургантюбе. — В сб.: Материалы по истории Таджикистана. Душанбе, 1981, с. 43. Датировка В. П. Денисовым образка кушанским временем на основе подъемного материала, по нашему мнению, представляется преждевременной.

[8] Денисов В. П. Терракотовая плитка из Кургантюбе, с. 43—44.

[9] Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Выдающиеся памятники искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, с. 58, 134.

кает к этой группе, хотя иконографически образ божества несколько отличен. По-видимому, последнее объясняется местным влиянием на общесреднеазиатский образ. Во-первых, воин изображен конным, а не пешим; во-вторых, несколько иной этнический облик и, наконец, наличие существа, парящего над левым плечом. Возможно, здесь изображен «фарн» самого божества или его ипостась, в других случаях выступающий в виде птицы. Известно, что Фарн (Хварн) — один из самых абстрактных мифологических персонажей, инкарнацией которого мог быть баран с лентой на шее или птица. Так, в мифе об Йиме, которому принадлежала «хварна кавиев», после того как Йима становится на путь лжи, «хварна» отлетает от него в виде сокола (Яшт 19, 34—35)[10].

Второй предмет — бронзовая бляшка (подвеска) в виде всадника найдена на цитадели городища Канка. Размеры ее — 3,7×4 см. Отлита она в плоской односторонней форме, отливка некачественная, возможно, копия лучшего образца (см. рис. 2). Чтобы изображение выглядело объемно, его подчеканили с оборотной стороны, но детали резцом с лицевой стороны не проработаны. Особенно плохо получилась голова всадника. Видны только округлый овал лица, прямой нос, правый глаз и ухо. Волосы разделены на пробор и зачесаны назад, перехвачены узкой лентой, как у пирующего на чаше VII—VIII вв. из Мазандарана.

Халат с узкими рукавами и треугольными отворотами украшен снизу нешироким кантом и длинным боковым разрезом. Какова нижняя одежда и обувь всадника — говорить крайне затруднительно ввиду их плохой проработки. В халаты, подобные изображенному на бляшке, одеты юный всадник с хорезмийской чаши VII—VIII вв. из Шахарово[11], персонажи похоронного обряда с росписи оссуария Ток-Калы (VII—VIII вв.)[12].

По мнению С. П. Толстова, двусторонние отвороты — отличие мужской одежды афригидской эпохи[13]. В. П. Даркевич осторожно приводит мнение Ле Кока, что отвороты — не случайный локальный признак, а знак ранга, и служили они атрибутом высшей власти. В качестве подтверждения этой точки зрения приводится изображение князя и княгини в кафтанах с двумя отворотами, а их сыновей — с одним (пещера Кумтур Кучинского оазиса)[14]. Совершенно иное суждение Н. П. Лобачевой, которая считает, что верхняя распашная одежда у разных слоев населения и разных этнических групп имела примерно один и тот же облик, а социальные различия в одежде выражались, главным

---

[10] Фарн — это «благая судьба». В данном случае ему приписывалась способность даровать удачу, успех и победу. См.: Дрезден М. Мифология древнего Ирана. — В сб.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 353.

[11] Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 57.

[12] Гудкова А. В. Ток-Кала. Ташкент, 1964, с. 97, рис. 27.

[13] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 198.

[14] Даркевич В. П. Художественный металл Востока, с. 16.

образом, в качестве поясов и характере прикрепления к ним предметов[15]. Однако хорошо известна тенденция правящей прослойки выделять себя среди общей массы соплеменников, которая выражалась не только в богатом убранстве поясов и характере прикрепления к ним предметов, но и в одежде. Случайно ли, что среди пирующих на росписи западной стены зала в Балалык-тепе в двубортный халат одет только один царственный участник пира[16]. На наш взгляд, одежда с двусторонними или односторонними отворотами является частью распространившейся в Средней Азии кочевнической моды в V—VII вв., которая первоначально, видимо, имела этнический признак, а затем стала достоянием зажиточной верхушки общества, причем двусторонние отвороты треугольной формы были атрибутом высшей власти.

Вернемся к канкинской подвеске. На правом бедре у всадника сужающийся книзу предмет. В левой руке — поводья, в полусогнутой правой — рукоять предмета с кольцевым навершием — жезл или булава. На наш взгляд, к поясу всадника пристегнут футляр с распрямленным луком. Этот способ ношения лука характерен для Средней Азии согласно письменным источникам, которые указывали, что в отличие от персов и парфян (носивших лук с натянутой тетивой, перекинув его через плечо) тюрки носили лук в опущенном виде, чтобы сохранить его эластичность[17]. Чулкообразное налучье часто встречается у персонажей торевтики и росписей Средней Азии и Восточного Туркестана[18]. Так, у Чаганианского посла (в афрасиабских росписях) лук спрятан в футляр из леопардовой шкуры[19]. Как и в нашем случае, у воина с копьем Сулекской писаницы колчан и футляр с луком без тетивы пристегнуты к поясу справа[20].

Подобный жезл или булаву сжимает в руке нижний правый всадник на Аниковском блюде[21]. Так же в правой руке сжимает булаву терракотовый тюркизированный всадник VI—VIII вв. из Самаркандского музея[22].

На правую руку канкинского всадника надет какой-то крюк. Возможно, на него наматывался аркан, которым прекрасно владели степные витязи. Конский убор составляет уздечка с султаном и кистью под уздой, чепрак и низкое седло. Стремян нет,

---

[15] Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи по данным стенных росписей. — В сб.: Костюм народов Средней Азии. М., 1975, с. 29.

[16] Альбаум Л. И. Роспись. Афрасиаба, рис. 5, 7, табл. VII, VIII; Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Выдающиеся памятники, с. 17.

[17] Даркевич В. П. Художественный металл, с. 58.

[18] См.: Живопись древнего Пенджикента. Л., 1958, табл. V, XXXIII; Забелина Н. Н., Рempель Л. И. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, с. 4—5.

[19] Альбаум Л. И. Роспись Афрасиаба, с. 48, 49, рис. 13.

[20] Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотая Орда. М., 1976, с. 81, рис. 61.

[21] Забелина Н. Н., Рempель Л. И. Согдийский всадник, с. 10, рис. 3.

[22] Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Выдающиеся памятники..., рис. 50.

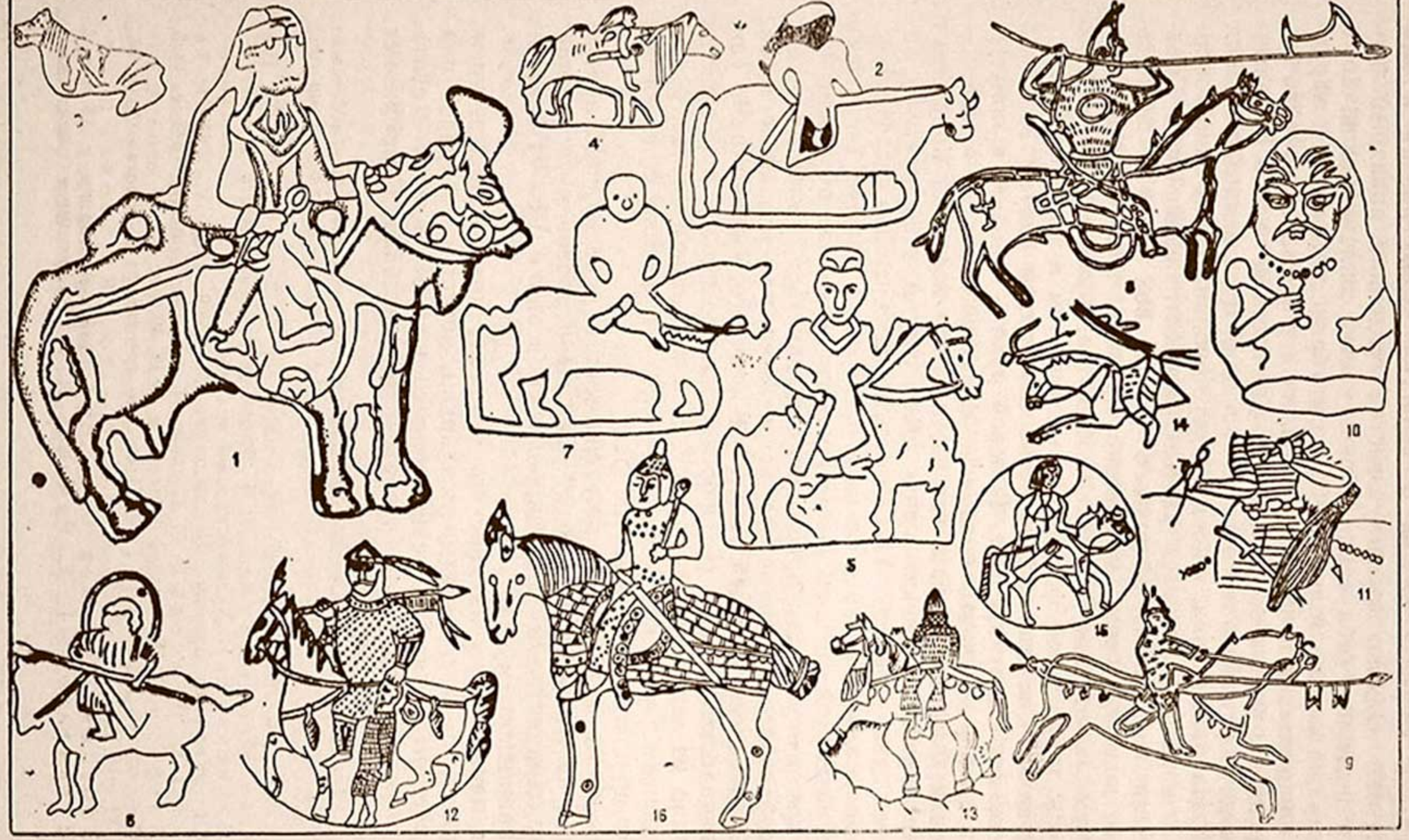


Рис. 2. Канкинская бляшка VI—VIII вв. *(1)*; Гобийская медная бляшка VIII—IX вв. *(2)*; Подвески из Прикамья *(3, 4)*; Изображения киргизских воинов *(5—7)*; Воины Сулекской писаницы *(8, 9)*; Торс тюркского всадника. Терракота VII—VIII вв. *(10)*; Изображение на щите с горы Муг *(11)*; Тюркские всадники *(12—14)*; Изображение всадника на чаше из Шахарово *(15)*; Тюркский всадник с булавой на аниковском серебряном блюдце *(16)*.

что является аргументом в пользу датировки подвески до VIII в. Седло низкое с высокой задней лукой. Считается, что подобные седла распространяются в Средней Азии к концу VI в.[23] Интересна порода коня. Перед нами, безусловно, низкорослая степная лошадь с крупными крепкими копытами, изображение которой характерно для искусства Евразии[24]. Грива лошади коротко подстрижена ровными треугольными пучками. Подобная стрижка характерна для изображения лошадей в Китае, Восточном Туркестане и Южной Сибири в VI—VIII вв. (рис. 2, *12, 13, 4, 8*). По мнению отдельных исследователей, гривы согдийских боевых коней зубцов не имели. Прямые аналогии обнаруживает изображение коня на нашей подвеске с конем на чаше из Шахарово, грива которого также подстрижена треугольными зубцами (рис. 2, *15*).

Украшение коня султаном и подшейной кистью, наузом, известно среди подобных поделок Южной Сибири. С султаном и наузом изображали коней знатных или особо отличившихся воинов, так как подшейная кисть носила магический характер и являлась признаком знатности и воинской доблести. Обычай этот дожил до современности и бытует у дербетов Монголии[25].

В целом в снаряжении коня и всадника чувствуется сильное влияние тюркской моды. Исследователи, занимающиеся изучением искусства более южных районов, давно обратили внимание на факт распространения и утверждения моды восточных кочевников в Иране, заметно усилившееся при Хосрове I (531—578 гг.) и ставшее еще значительнее в VII в. и после падения Сасанидов[26].

Подобные канкинской плоские подвески с односторонним изображением всадника хорошо известны в Южной Сибири и Центральной Азии. Чаще находки их случайны, но некоторые обнаружены в комплексе в могильнике или культовом месте[27]. Часть этих подвесок попорчена, так как подверглась сильному воздействию огня (возможно, во время обряда кремации владельца подвески). По нашему мнению, подобные подвески служили в качестве амулетов. Подтверждается это и данными других исследователей. Так, у кимаков «подвесками и, возможно, оберегами служили изображения личин и вооруженного всадника на коне»[28]. Широкое распространение получают подобные предметы среди населения Северного Кавказа в VII—VIII вв. Как отмечает Г. Афанасьев, фигурки всадников в непотревоженных пог-

---

[23] Забелина Г. А., Рempель Л. И. Согдийский всадник, с. 9.

[24] Членова Н. Л. Тагарские лошади. — В сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

[25] Волков В. В. Гобийский всадник. — МИА, 1965, № 130, с. 288.

[26] Даркевич В. П. Художественный металл, с. 58.

[27] Волков В. В. Гобийский всадник, с. 287—288. Чиндина Г. А. Изображение воинов из Среднего Приобья. — В сб.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 91.

[28] Степи Евразии в эпоху средневековья. — В кн.: Археология СССР. М., 1981, с. 44.

ребениях в большинстве случаев располагались на груди мужских костяков. Следовательно, такие фигурки могли быть атрибутами мужской одежды, носились на груди и содержали определенный символ[29].

Как и в нашем случае, на этих подвесках изображалось какое-то божество, популярное среди самых широких слоев населения и отдаленных территорий. Отметим еще одну деталь: в Центральной Азии и Южной Сибири подобные предметы относятся к VI—VIII вв., в степях Евразии и на Северном Кавказе — к VII—VIII вв. Эти хронологические вехи наводят на мысль о распространении их в связи с включением названных территорий в тюркскую сферу влияния.

Для того чтобы постичь корни изображения божества, обратимся в первую очередь к тюркской мифологии. Наиболее вероятно, что на подвесках изображался Тенгри (Кок-тенгри), верховное божество Неба, который ездил на коне священной белой масти и мог даровать успех, оградить от несчастий в военном предприятии владельца амулета. Так, в сказании о богатыре Алтай Буучай последний получил в дар от Неба трех коней. Один из них — Рыжий Темчи, являлся покровителем и охранителем богатыря в походах. (Напомним, что наряду с изображением личин и всадников, бытовали изображения лошадей). Когда потребовалось, Рыжий Темчи, чтобы спасти богатыря, поднялся на Небо к Уч-Курбустану (хозяину скалисто-снежных вершин)[30].

Именно Тенгри, согласно древнетюркской мифологии, иногда вместе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире и, прежде всего, предопределяет судьбы людей, устанавливает сроки жизни, дарует каганам мудрость и власть, дарит каганов народу, наказывает согрешивших и даже (вместе с каганом) решает государственные и военные дела[31]. Более того, С. Г. Кляшторный делает очень любопытное замечание, что Тенгри вместе с Умай (божественная супружеская чета) **покровительствуют воинам**[32]. В связи с этим хотелось бы отметить одну деталь, напомнив о том, как говорится в Яштах о преподнесении Вртрагной (божеством-воителем) Заратуштре дара из мужской силы, крепости рук, мощи тела и остроты зрения[33].

Следовательно, оба предмета с городища Канка могли сосуществовать какой-то период, так как терракотовый образок най-

---

[29] Афанасьев Г. Бронзовые фигурки всадников из Аланских погребений Северного Кавказа.— В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. XXVI. Л., 1973, с. 38.

[30] Потапов Л. П. Культ коня в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. — В сб.: Фольклор и этнография. Л., 1977, с. 172.

[31] Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. — В сб.: Тюркологический сборник, 1977. М., 1981, с. 131—132.

[32] Там же, с. 133.

[33] Дрезден М. Мифология древнего Ирана. — В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 353.

ден в стратиграфически зажатом археологическом слое V—VII вв., а бронзовая подвеска, хотя и подъемная, но по совокупности деталей датируется VI—VIII вв. Причем плитка явно тяготеет к южным районам — Согд, Маргиана, Чаганиан, Тохаристан — с их развитием искусства коропластики. Об этом говорят материал, техника нанесения изображения (штамп), иконография образа. Вторая же находка связана с искусством более северных территорий. Более того, каждая из находок входит в группу предметов ей подобных, распространенных на этих территориях. Но при совершенном различии на первый взгляд в них намечается много общего. Так, изображение на плакетке воина с бородкой клинышком находит аналогии среди каменных изваяний VI—VIII вв.[34] О близости к тюркской кочевнической моде свидетельствует каплевидная серьга. Подобные серьги зарегистрированы у многих персонажей росписей Средней Азии (Афрасиаб, Пенджикент, Балалыктепе) и Восточного Туркестана[35]. Кроме того, оба эти изображения сближает единая для них порода коня (рис. 1, *2, 3, 5—7*) — маленькая низкорослая степная лошадь. Их объединяют атрибуты принадлежности персонажей к верхней ступени иерархической лестницы — халат с двусторонними отворотами, гривна на шее одного персонажа, бусы на шее другого, и, наконец, символ власти: бунчук — в одном случае, жезл — в другом. Сближаются обе находки и функционально. Они, видимо, служили оберегами-амулетами, которые должны были принести владельцу удачу в военном предприятии, наделить его мощью тела, доблестью и хитростью.

В то же время в цепи сходства между этими двумя предметами чувствуется некоторая лакуна. Плакетки и подвески с подобным изображением составляют сравнительно редкую группу находок, тогда как роль амулетов требует массовости их производства.

На наш взгляд, связующим звеном, восполняющим лакуну, является большая группа терракотовых всадников, которые появились и широко распространились по всей Средней Азии в IV—VIII вв. Мнения исследователей о назначении этой группы предметов коропластики неоднородны. Ф. А. Заславская, изучавшая терракотовые статуэтки всадников с булавами с городища Афрасиаб, попыталась связать их с каменными изваяниями, предположив, что они являлись «изображениями умерших», т. е. были местным согдийским вариантом «каменных баб»[36].

Однако находки терракотовых всадников в могильниках неизвестны, основной материал идет с поселений. Более достовер-

---

[34] Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников, с. 91.

[35] Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрок. — В сб.: Тюркологический сборник. М., 1966, с. 182

[36] Заславская Ф. А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР. — Труды музея истории УзССР, вып. III. Ташкент, 1956, с. 103—115.

но, на наш взгляд, предположение Г. А. Пугаченковой, согласно которому терракотовые всадники отражают образ покровителя всадников, представителей степи, связанные с заклинательной практикой[37].

Любопытную параллель с нашими предметами обнаруживает деревянная иконка из Хотана, персонаж которой — вооруженный всадник на пестром коне и летящей птицей над левым плечом. По Н. В. Дьяконовой, всадник — божество-воитель (прототип Рустама), основной функцией которого была защита живых от нечистых духов, оборотней, болезней, в чем, видимо, и состояла практическая значимость иконки[38].

В заключение следует подчеркнуть, что в VI—IX вв. на территории Евразии были широко распространены амулеты-подвески, которые символизировали божество-покровителя. В роли последнего мог выступать Тенгри — верховное божество Неба, оказывавший покровительство воинам, помогая владельцу в военном походе. Наряду с этим в южных районах существовали изображения более разработанного образа Вртрагны, божества воинской доблести и мощи, удачи и победы[39].

Обстоятельством, объясняющим столь широкую популярность божества-воителя, является тот факт, что время появления и распространения фигурок всадников приходится на период, когда в среде тюрок и народов, втянутых в орбиту их политики, происходит дальнейшая имущественная дифференциация, постоянные военные конфликты усиливают роль военной аристократии и ее дружины, потребности которой вызвали их появление.

Все большее втягивание Средней Азии в орбиту тюркского влияния сказывалось не только в экономических связях, но и в идеологическом воздействии. Взаимное обогащение культур, слияние их приводило к переработке тех образов мифологии, которые были распространены в Средней Азии, к симбиозу не только в мифотворчестве, но и в наделении избранных божеств отдельными атрибутами и свойствами, в свою очередь находившими благодатную почву здесь под воздействием тюрок. Первым районом, подвергшимся этому воздействию, был Чач, ставший позже базой их влияния.

Так, в нашем конкретном случае образ божества-охранителя

---

[37] Пугаченкова Г. А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана. — МИА, 1965, № 130, М.—Л., с. 249.

[38] Дьяконова Н. В. Иранские божества в буддийском пантеоне Центральной Азии. — В сб.: История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 273—277.

[39] В этой связи хотелось бы упомянуть о семантике образа Йёл Тенгри (божество на пестром коне), получившего разработку в более поздний период. Известный первоначально как божество дорог, покровитель путников, позже — как вестник богов. С. Г. Кляшторный приводит еще одно толкование (А. Bombaci) — Йёл Тенгри — божество счастья и удачи. — См.: Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты..., с. 72.

слился с другим местным божеством — воителем Вртрагной, а специфика местных изобразительных средств привела к замене бронзовых подвесок терракотовыми всадниками.

Х. Г. АХУНБАБАЕВ

НОВЫЕ НАХОДКИ СОГДИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 1978—1981 гг. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ АФРАСИАБА

С 1965 г. в центральной части городища Афрасиаб, в пределах его третьей крепостной стены, было начато изучение на довольно значительной площади (около 1 га) слоев периода начала средних веков. В результате археологических исследований этого объекта (Р—23), продолжавшихся до 1975 г., были вскрыты (неполностью) остатки дворца с уникальными стенными росписями. Раскопкам сопутствовали довольно многочисленные находки согдийских монет. Всего было найдено 369 монет[1], в их числе два клада. Один — содержимое кошелька из хлопчатобумажной ткани, состоял исключительно из монет Тархуна в количестве 115 штук[2]. Состав второго клада: 214 монет Тархуна и одна монета Мастича[3].

Основным недостатком исследований этих лет явилось неполное, в большинстве случаев, вскрытие помещений. Осталась незатронутой раскопками площадь шириной 10—15 м и длиной около 40 м к югу от дворцовых залов 1 и 3. К северу раскопки были доведены только до уровня слоев X в. В результате этих упущений методического характера, осталась невыявленной до конца планиграфическая структура и детальная стратиграфия раскопанных строений. Не уделялось достаточного внимания (в основном при раскопках 1970—1975 гг.) точной привязке монетных находок к стратиграфической ситуации, это не могло не сказаться на вопросах периодизации и датировки. В результате в публикациях появилась периодизация без четкой хронологической аргументации. Утверждалось, что дворец самаркандского правителя Вархумана имел два периода обживания и несколько перестроек, причем последняя перестройка датируется кладом из 114 монет

---

[1] Ерназарова Т. С. О монетных находках в Афрасиабе в 1965 г.— В сб.: Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 321—325; Ее же. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.).— В сб.: Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 205—220; Ее же. Новые монеты Афрасиаба и его окрестностей. — ИМКУ, вып. 15, 1979, с. 114—117.

[2] Буряков Ю. Ф., Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования на городище Афрасиаб в 1970—1972 гг. — В сб.: Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 9. В публикации клада указано только 106 монет. См.: Ерназарова Т. С. Новые монетные клады городища Афрасиаб. — ИМКУ, вып. 14, 1978, с. 141—146.

[3] Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. — В сб.: Афрасиаб, вып. III, с. 8.

Тархуна (700—710 гг.) и одной монетой Мастича (698—700 гг.)[4]. Гибель дворца была отнесена к 70-м годам VIII в.[5]

Отсутствие убедительной датировки слоев по монетам привело к тому, что дата настенных росписей из дворцового зала I и других помещений объекта давалась исследователями на основании анализа надписей на стенах[6], а также по манере и реалиям росписей[7]. Были высказаны и сомнения по поводу наличия на вскрытом объекте царского дворца[8].

С 1978 г. раскопки на этом объекте были возобновлены и ведутся в настоящее время автором. Нами было продолжено и доведено до конца вскрытие большинства помещений, оставшихся нераскопанными до основных полов строений, полностью раскопан участок к югу от дворцовых залов 1 и 3. Продолжается вскрытие участков к северу от этих залов. В результате наших исследований выявлена планиграфическая структура остатков строений VI—VIII вв., располагавшихся на этом участке. Точная привязка монетных находок к стратиграфической ситуации позволила в значительной степени уточнить и периодизацию. Нами было выявлено три основных строительно-планировочных периода и соответственно три периода обживания:

I строительный период — начало VI в. н. э.;
I период обживания — до середины третьей четверти VI в. н. э.;
II строительный период — середина VII в. н. э.;
II период обживания — до 675 г. н. э.;
III строительный период — 696—698 гг. н. э.;
III период обживания — до середины VIII в. н. э.

Внутри каждого периода обживания выявлены незначительные перестройки и ремонты.

В ходе раскопок 1978—1981 гг. был получен довольно обильный нумизматический материал, в составе которого 75 экземпляров согдийских монет (см. описание ниже). Все монеты принадлежат к типам, уже известным в согдийской нумизматике.

Первые описания согдийских монет появились еще в конце прошлого столетия. Фактически толчок к изучению согдийских монет дали находки, сделанные в 1933 г. в замке на горе Муг (Северный Таджикистан). Благодаря исследованиям А. А. Фреймана, О. И. Смирновой, Т. С. Ерназаровой было положено начало новой отрасли нумизматики — позднесогдийской. Несмотря на значительные успехи в изучении позднесогдийских монет, здесь

---

[4] Ташходжаев Ш. С. Работы на Афрасиабе. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 472. В другой публикации в составе клада отсутствует упоминание монеты Мастича, все 115 монет отнесены к выпускам Тархуна. — См.: Буряков Ю. Ф., Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования..., с. 9.

[5] Там же.

[6] Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 52—56.

[7] Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. — УСА, вып. 4, Л., 1979, с. 34—35.

[8] Там же.

еще достаточно много нерешенных и спорных моментов. Об этом свидетельствует, в частности, многочисленная группа монет, представляющая собой настоящую «нумизматическую загадку»[9]. Монеты данной группы заметно отличаются от монет ихшидов Согда: характерное для последних квадратное отверстие заменено на них изображением квадратной рамки на лицевой и оборотной сторонах. По иной схеме расположена и надпись на оборотной стороне — в одну концентрическую строку, тогда как надписи на монетах ихшидов обычно расположены в две горизонтальные или две концентрические строки. Еще одна существенная деталь: часть монет отчеканена, в то время как монеты ихшидов исключительно литые. На основании чтений надписи на оборотной стороне этих монет они были отнесены к выпускам в подражание монетам ихшида Гурека (710—738 гг.) и датировались второй половиной VIII в.[10] Археологические данные позволили датировать их выпуск первой четвертью VIII в. (после 710 г.)[11]. О. И. Смирнова выделила два типа монет этой группы, отличающихся друг от друга расположением знаков (их перестановкой) на лицевой стороне[12]. Был высказан целый ряд предположений относительно лица, выпускавшего эти монеты[13]. Несмотря на разницу в знаках на монетах Гурека и рассматриваемой группы (это свидетельствует против отождествления лиц, их выпускавших), утвердилось мнение, что они выпускались Гуреком во время его вынужденного пребывания в Иштихане или Ференкете и являлись основной его эмиссией, имевшей хождение по всему Согду[14]. В литературе эти монеты получили определение как «Гурек, тип Б» или «Гурек, тип II»[15].

При раскопках одного из домов аристократического квартала в слоях, четко датируемых первой четвертью (после 712 г.) VIII в., были найдены три монеты рассматриваемой группы (см. № 57—59 нашего каталога). Благодаря отличной сохранности одной из монет

---

[9] Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981, с. 44.

[10] Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет.— ЭВ, вып. VI, М.—Л., 1952, с. 33—34; Ее же. Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте. — КСИИМК, XXVIII, 1949, с. 99; Ее же. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с. 42—43; Ее же. Очерки из истории Согда. М., 1970. с. 171—172.

[11] Большаков О. Г. Отчет о раскопках в северо-восточной части объекта III. — МИА, вып. 124, 1964, с. 118—119; Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. — СА, 1969, № 1, с. 174—175; Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет. — КСИА, вып. 167, 1981, с. 11—12.

[12] Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 43.

[13] Там же, с. 44.

[14] Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет..., с. 11—12.

[15] Большаков О. Г. Отчет о раскопках..., с 118; Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. — СИНВ, вып. X, 1971, с. 73; Давутов Д. Согдийские монеты из раскопок поселения Гардани-Хисор, — УСА, вып. 4, Л., 1979, с. 59; Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет, с. 11—12.

(№ 57) и отчетливой надписи на ее оборотной стороне, нам удалось по-новому прочитать имя правителя, выпускавшего их. Вместо прежнего чтения: 'wr'kk MLK' — «Урак царь», мы предлагаем читать: 'prykk MLK' — «Африг царь». Однако в списке имен самаркандских владетелей, известных по источникам, согдийского царя с таким именем нет. Тем более, что хронологическая последовательность пребывания у власти согдийских правителей первой половины VIII в. хорошо известна: Тархун (700—710 гг.) — Гурек (710—738 гг.) — Тургар (738 — не ранее 750 гг.), и здесь нет места для «неизвестных» правителей. Ответить на эту новую загадку помогают знаки на лицевой стороне монет Африга, точнее один знак— ромбовидный, поскольку У-образный знак присутствует на монетах всех ихшидов. Ромбовидный знак идентичен знаку на монетах владетелей Панча, и представляет один из его вариантов. Следовательно, правитель Согда, выпускавший эти монеты, был каким-то образом связан с Пенджикентским владением. Интересно, что ихшиды Тукаспадак (696—698 гг.) и Тархун (700—710 гг.) также помещают на лицевой стороне своих монет знак Панча [16]. В источниках о них сказано, что первый был «большим вождем»[17] и поставлен правителем в 696 г., а Тархуна «народ поставил»[18] в 700 г., т. е. они не являлись законными престолонаследниками.

Связь ихшида Африга с Панчем подтверждается рядом фактов: на лицевой стороне своих монет он помещает знак Панча; надпись на оборотной стороне дается одной концентрической строкой, как на монетах владетелей Панча; монеты с его именем выпускались в Пенджикенте, об этом свидетельствует наличие бракованных экземпляров среди находок на пенджикентском городище[19].

По нашему мнению, под именем Африга может скрываться только правитель Панча Деваштич. Из согдийских документов с горы Муг стало известно, что Деваштич не менее двух лет носил титул «согдийский царь, самаркандский правитель». Наиболее обоснованную дату двух (?) лет царствования Деваштича предложил В. А. Лившиц[20]. Однако отсутствие монет с именем Деваштича заставило исследователей скептически отнестись к титулу, подтверждавшемуся документами с горы Муг, а также свидетельству Табари[21]. Утвердилось мнение, что это всего-навсего претензия на согдийский престол. Предположение, высказанное нами о том, что монеты с именем Африг выпускались Деваштн-

---

[16] Это уже отмечалось О. И. Смирновой. См.: Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. — МИА, вып. 66, 1958, с. 260.
[17] Перевод Б. И. Панкратова, цит. по: Смирнова О. И. Очерки..., с. 170.
[18] Там же.
[19] Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 44.
[20] Лившиц В. А. Правители Панча. — НАА, 1979, № 4, с. 62—63.
[21] Табаари, II, 1446.

чем, позволяет несколько по-иному взглянуть на события последних лет первой четверти VIII в.

В конце 718 или начале 719 г., видимо, после того, как арабам становится известно о «предательстве» Гурека, который, вступив в сговор с владетелями Бухары и Каратегина, ждал от Китая военной помощи (письмо Гурека к китайскому двору было отправлено во второй половине 718 г.), Деваштич получил поддержку в своих претензиях на согдийский престол. На чем были основаны эти претензии неясно, но следует вспомнить правителей Согда Тукаспадака и Тархуна, поместивших на своих монетах знак Панча. Видимо, быстрое экономическое и культурное развитие Пенджикента во второй половине VII — начале VIII в., когда город являлся столицей «βγt»-ского владения, правитель которого носил титул MLK' — «царь»[22], при существовавшей в этот период в Самарканде практике избрания царя знатью позволило представителям высшей знати Панча занимать согдийский престол. Небезынтересно также вспомнить известное участие Деваштича в судьбе двух сыновей Тархуна, оказавшихся после смерти отца в Пенджикенте[23]. Так или иначе, Деваштич, который являлся клиентом (мавла) хорасанского наместника ал-Джарраха[24], с помощью арабов вступил на согдийский престол. Арабы были вынуждены пойти на такой союз ввиду сложившейся к этому времени политической ситуации, когда люди Согда восстали и «отреклись от истинной веры»[25]. Деваштич же, видимо, преследовал свои цели и являлся сторонником арабов только на словах, о чем свидетельствует текст письма А—14[26]. Это доказали и последующие события, когда Деваштич — ставленник арабов на согдийском престоле, становится их непримиримым врагом. По нашему мнению, имя Африг на монетах, выпускавшихся Деваштичем, является лишь почетным эпитетом — 'prγkk, что по-согдийски означает «Благословенный». Возможно, арабы считали неподходящим имя Деваштич — «движимый дайвами»[27], связанное с языческими богами, для ставленника на царский престол.

Мы предлагаем разделять литые монеты с полукурсивными, неискаженными надписями и монеты литые и чеканенные с искаженными надписями и знаками. Первые (Африг, тип I), видимо, выпускались в Пенджикенте, выпуск вторых (Африг, тип II) был налажен в Самарканде арабской администрацией, штемпе-

---

[22] Лившиц В. А. Правители Панча..., с. 58—60.

[23] Крачковский И. Ю. и Крачковская В. А. Древнейший арабский документ из Средней Азии. — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934, с. 55—56.

[24] Там же.

[25] Табари, II, 1418, цит. по: Смирнова О. И. Очерки..., с. 215.

[26] Согдийские документы с горы Муг (Юридические документы и письма), вып. 2. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962, с. 77—91; Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (документ А—14 с горы Муг).— СЭ, 1960, № 2, с. 92—109.

[27] Лившиц В. А. Правители Панча, с. 60—61.

ля и матрицы для них были изготовлены мастерами арабами, не знавшими согдийского языка и письма. Если считать, что Деваштич был «согдийским царем, самаркандским правителем» только на протяжении двух лет, то его царствование приходится на 718/719—720/721 гг. Наиболее вероятно то, что Деваштич оставался царем Согда (по крайней мере в глазах его пенджикентского окружения) и продолжал выпускать в Пенджикенте монеты с эпитетом «Благословенный» вплоть до его взятия арабами в 722 г. Выпуск монет Деваштича в Самарканде мог быть прекращен еще раньше. Видимо, этим объясняется незначительное количество их находок на Афрасиабе.

Немало неясных вопросов связано и с монетами другого согдийского царя — Мастича[28]. Первоначально О. И. Смирновой было предложено отождествить его с Нинйе-шиши[29], который, согласно источникам, правил после Тукаспадака[30]. Впоследствии она отказалась от этого отождествления[31], поскольку ни один из предлагавшихся вариантов чтения имени правителя на монетах Мастича не мог быть сопоставим с именем Нинйе-шиши. Исходя из этого, исследователи стали относить правление Мастича ко времени до Тукаспадака[32], который правил с конца 696 до середины 698 г.[33]

При датировке культурных наслоений археологи, как правило, опираются на монетные находки. Однако в согдийской нумизматике не все монеты четко датированы. Здесь мы можем наблюдать обратное явление, когда детальная, хорошо разработанная стратиграфия наслоений позволяет датировать сами монеты. Плодотворная работа в этом направлении проделана исследователями древнего Пенджикента[34].

При раскопках домов аристократического квартала на Афрасиабе, проводившихся нами, была получена четкая стратиграфия культурных наслоений, подкрепленная достаточным количе-

---

[28] Чтение m'stč 'wnš MLK' — «Царь Мастич из рода Унаш» предложено В. А. Лившицем. См.: Лившиц В. А. Правители Согда и «цари хуннов» китайских династийных историй.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР. Л., 1973, с. 26. Ср. ранее предлагавшиеся чтения этой легенды: m'rtn n'wy'n MLK', m'stn n'wy'n MLK', mnstn'wy'n MLK', m'stn 'wk'n MLK', m'stn 'wyn MLK'. См.: Смирнова О. И. Каталог..., с. 29; Ее же. Очерки..., с. 169; Ее же. Сводный каталог..., с. 40.

[29] Смирнова О. И. Каталог..., с. 29.

[30] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 311.

[31] Смирнова О. И. Очерки..., с. 169—170; Ее же. Сводный каталог..., с. 40—41.

[32] Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет, с. 13, таблица; Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 40—41, 423.

[33] Ed. Chavannes. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.— «T'oung Pao», Leide, 1904, vol. V, p. 25.

[34] Беленицкий А. М., Распопова В. И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет, с. 9—15.

ством монетных находок хорошо датированных типов. Это позволило нам уточнить и датировку монет Мастича. Постройка исследованных нами домов (III строительно-планировочный период) датируется временем правления Тукаспадака (696—698 гг.). На конструктивных полах помещений были найдены только монеты Тукаспадака. Интересна находка монеты того же правителя под брусом порога прохода в парадный зал одного из домов (дом 4), попавшая сюда, видимо, не случайно. На полах и в слоях, относящихся уже к периоду обживания, встречались монеты Мастича и Тархуна (700—710 гг.). Таким образом, монеты Мастича приходятся на время правления известного по источникам Нинйе-шиши (698—700 гг.). На наш взгляд, вполне допустимо предположить, что имя Нинйе-шиши китайских источников, которое передает согдийское имя Нанай-ширч (nnyšyrč), означающее буквально «дружественный к (богине) Нане»[35], является почетным эпитетом Мастича. На монетах же Мастич рядом со своим именем помещает родовое имя Унаш ('wnš), зафиксированное китайскими источниками и надписями на росписях дворцового зала I на Афрасиабе[36]. Это было сделано, видимо, с целью подчеркнуть законность наследования и вступления на самаркандский престол, поскольку предшественник Мастича Тукаспадак был поставлен царем, не имея на это законного прямого права. Источники свидетельствуют, что Нинйе-шиши был сыном Вархумана[37], это подтверждается и совпадением знаков на лицевой стороне монет Вархумана и Мастича.

За последние три десятилетия раскопок на раннесредневековых памятниках Средней Азии получено огромное количество домусульманских монет. Значительные успехи достигнуты в сравнительном изучении, систематизации и классификации позднесогдийских монет. Однако несмотря на это, по-прежнему актуальным остается вопрос публикации отдельных монетных комплексов, объединенных в единый комплекс местом их находок.

В приводимом ниже описании монет приняты следующие условные обозначения: в — вес; д — диаметр; ↓ — соотношение матриц или штемпелей; $с_{1-4}$ — сохранность экземпляра.

Серебро. Согдийская «драхма» с изображением лучника.

1. На л. ст. — профильное изображение головы правителя влево. Прическа изображена незамкнутыми колечками, на затылке волосы переданы тремя короткими прямыми штрихами. Нос изображен двумя линиями одинаковой толщины, сходящимися почти под прямым углом, линии носа соединены точкой. Глаз передан тремя линиями, образующими треугольник. Ниже расположен выпуклый овал щеки. Рот — две точки. Заостренный под-

---

[35] Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута.— СИНВ, вып. X. М., 1971, с. 138, сноска 27.

[36] Лившиц В. А. Правители Согда..., с. 25—26.

[37] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений..., с. 311.

бородок образуется двумя линиями. По краю кружка остатки согдийской легенды hprwrnh, отчетливо различимы знаки r и w[38]. Выпуклая л. ст. слегка потерта.

На вогнутой об. ст. изображение лучника, переданное штрихами и точками. Голова лучника не уместилась на штемпеле, шея показана тонкой вертикальной чертой. Одеяние в виде кафтана, отвороты переданы выпуклыми овалами, полы — двумя полукружиями, опускающимися до колен. Ступни ног обращены во внешнюю сторону. Колени и плечи показаны точками. В левой согнутой в локте руке сложно-составной лук. Соединения тетивы с луком, оперение стрелы, локоть и кисть левой руки лучника обозначены точками. Правая рука полусогнута, под ней изогнутый предмет, изображенный четырьмя точками. Под правой ногой Г-образно изогнутая черта. Над луком, по краю кружка небольшой слом. Д. 9,5; в. 0,27; ↖; c_1; шифр: 80, Р—23,2/6. Найдена в заполнении северной части помещения 6 дома 2, в 1,7 м над полом.

Бронза. Цари (MLK') Согда.

Шишпир (вторая четверть VII в.).

2. Л. ст.: в поле квадратное отверстие, заключенное в узкую, слегка скошенную рамку; слева от рамки У-образный знак, округлый корпус которого не замыкается и переходит в слегка расходящиеся верхние концы, загибающиеся наружу, правый конец сливается с верхним левым углом рамки, левый с ободком, нижний конец повернут вправо и примыкает к ободку; справа от рамки трехконечный знак, правый его конец сливается с ободком, нижний конец касается правого нижнего угла рамки, верхний конец повернут вправо; над квадратной рамкой П-образный знак, скошенный влево; под рамкой слегка сдвинутый в право знак в виде кружка; по внешнему краю монеты узкий ободок.

Об. ст.: надпись в две параллельные строки над и под квадратной рамкой (8×8 мм), выполненная полукурсивным согдийским письмом šyšpyr MLK' — «царь Шишпир»; нижний конец p в имени сливается с верхним левым углом рамки, конечное r не уместилось в строке и опущено вниз; начальное M и конечное ' во втором слове сливается с узким ободком, L имеет вертикальный ствол, поднимающийся до середины рамки.

Л. ст. отлита менее отчетливо. По краям кружка и в квадратном отверстии незначительные выступы металла. Следы литника. Д. 23; в. 3,89; ↑; c_1; шифр: 81, п. Подъемная, найдена к северо-западу от Р—23. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 48—77, с. 103—108.

---

[38] Монеты с изображением лучника и с легендой hprwrnh датируются не ранее середины IV в. н. э., но изображения на нашей монете более характерны для монет следующего периода (на л. ст. — kyδr), датируемых первой половиной V в. н. э. См.: Зеймаль Е. В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным. — В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 208—209.

3. То же. Попорчена коррозией, покрыта мелкими трещинками и раковинами. Остатки литника. Д. 23; в. 2,28; ↑; c_3; шифр: 81, Р—23,4/4. Найдена в зале 4 дома 4, в плотной пахсовой прослойке, подстилающей первоначальный пол помещения.

4. То же. Кружок неровный, сильно попорчена коррозией, покрыта сетью трещин и сквозными отверстиями. Д. 24; в. 3,50; ↑; c_4; шифр: 81,Р—23,1/6. Найдена в заполнении над суфой вдоль восточной стены в помещении 6 дома 1.

Вархуман (650/55 — не позже 675 гг.).

5. Л. ст.: два знака по сторонам неровного квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Справа У-образный знак, повернутый влево, слева — трехконечный, обращенный вправо. По внешнему краю кружка широкий ободок. Контуры знаков едва различимы, рамка и ободок более отчетливы.

Об. ст.: надпись из двух строк, нижняя горизонтальная, верхняя — полуконцентрическая: βrγwm'n MLK' — «царь Вархуман». Рамка и ободок как на лицевой стороне. Следы литника, имеется выступ металла по краю. Окислена, два сквозных продолговатых отверстия, у одного край монеты надтреснут. Д. 24; в. 2,33; ↓; c_2; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена в заполнении помещения 6 дома 2, в 10 см над полом, в слое запустения. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 106—167, с. 115—125.

6. Л. ст.: едва различаются узкий линейный ободок и рамка, обрамляющая квадратное отверстие (7×8 мм).

Об. ст.: надпись в две строки, верхняя, полуконцентрическая, начинается на уровне нижнего правого угла узкой квадратной рамки, нижняя строка прямая. Вся надпись читается: βrγwm'n M' MLK'. По краю небольшой слом. Д. 20; в. 0,92; c_3; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в помещении 4 дома 4, на полу IV строительного периода, к западу от перегородки. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 103—105, с. 115.

Урк Вартрамука (после 675 — до 696 гг.).

7. Л. ст.: слева от квадратного отверстия, заключенного в неширокую рамку (10×10 мм), У-образный знак, обращенный вправо. Верхние концы знака, не смыкаясь внизу, образуют округлый корпус. Нижний конец опускается наискось под рамку и заканчивается крупным завитком. Справа трехконечный знак, обращенный вправо, нижний конец знака сливается с правым нижним углом рамки, верхний конец возвышается над рамкой. По краю монеты неширокий ободок.

Об. ст.: концентрическая надпись в две строки согдийским полукурсивным письмом из трех слов. Надпись читается: 'wrk wrtrmwk' MLK' — «царь Урк Вартрамука»[39]. Рамка и ободок как на л. ст. В квадратном отверстии незначительные выступы металла, коррозией слегка поврежден У-образный знак на л. ст.

---

[39] Чтение В. А. Лившица. См.: Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры Древнего Хорезма. — В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 11.

Остатки литника. Д. 27; в 4,36; ↓; c_1; шифр: 79,Р—23,У—1. Найдена на поверхности суфы в лавочке (в фасаде дома 2) на улице 1. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 657—732, с. 217—227.

8. То же. Знаки и надпись едва различимы, поверхность монеты покрыта мелкими раковинами. По краю кружка трещинки. Д. 25; в. 2,07; ↓; c_3; шифр: 79,Р—23,2/4. Найдена на поверхности суфы вдоль северной стены коридора 4 в доме 2.

9. То же. Сильно окислена, поверхность монеты покрыта трещинками, местами металл расслоился, по краю слом. Д. 28; в. 4,47; c_4; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена на поверхности суфы вдоль южной стены помещения 6 в доме 2.

10. То же. Знаки и надпись отчетливые, квадратная рамка несколько смещена. Ободок частично срезан при отделении литника. От правого верхнего угла рамки идет сквозная трещина, пересекающая верхнюю часть трехконечного знака. В квадратном отверстии и по краям кружка выступы металла. Окислена. Д. 27; в. 4,92; ↓; c_1; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в средней части зала 4 дома 4, в слое завала пола помещения второго этажа, на уровне 0,50 м над полом.

Тукаспадак (696—698 гг.)

11. Л. ст.: два знака по двум противоположным сторонам квадратного отверстия, заключенного в неширокую рамку. Слева У-образный знак с округлой несомкнутой средней частью, верхние концы почти параллельны, возвышаются над рамкой и загибаются наружу почти под прямым углом. Нижний конец опускается вертикально до неширокого ободка и загибается полукольцом. Справа от рамки вариант ромбовидного знака владетелей Панча. Знак, ограниченный рамкой и ободком, получил вытянутое и слегка изогнутое очертание. Верхний вертикальный конец пересекается горизонтальной прямой с двумя параллельными, невысокими вертикальными прямыми. Правая срезана ободком, левая упирается в него. Нижние концы знака, расходящиеся в виде полузавитков, упираются: левый в нижний правый угол рамки, правый — в ободок.

Об ст.: двухстрочная полукурсивная концентрическая надпись с крупным отчетливым начертанием знаков: twk'sp'δ'k MLK' — «царь Тукаспадак». Квадратное отверстие заключено в узкую рамку. По краю кружка неширокий линейный ободок. В квадратном отверстии выступ металла. Монета слегка вогнута в сторону об. ст. Следы литника. Д. 24; в. 3,19; ↓; c_1; шифр: 78,Р—23,2/3. Найдена на конструктивном полу восточного марша пандусного подъема на второй этаж (помещение 3) в доме 2. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 200—202, с. 134—135.

12. То же. У-образный знак на лицевой стороне имеет сомкнутую среднюю часть, левый верхний конец срезан нешироким линейным ободком, правый упирается в левый верхний угол неширокой квадратной рамки /9×9 мм./. Правый знак имеет корот-

кий верхний конец, срезанный на уровне верхней стороны рамки горизонтальной прямой с двумя параллельными высокими, вертикальными прямыми, примыкающими к ободку. Средняя ромбовидная часть упирается углами в рамку и ободок. Нижние концы короткие, расходятся под углом и упираются: левый в нижний правый угол рамки, правый — в ободок. Рамка и ободок на об. ст. узкие. Монета покрыта раковинами, у ободка имеется сквозное отверстие, по краю кружка мелкие трещинки. Д. 23; в. 1,64; ↓; c_3; шифр: 80,Р—23,2/4. Найдена в средней части помещения 4 в доме 2, у южной стены, на конструктивном полу, между прослойками строительного мусора.

13. То же. С дефектами литья, знаки на л. ст. отлились в виде плоских бесформенных выступов, квадратное отверстие неровное, рамка слилась со знаками. На об. ст. знаки читаются с трудом, местами сливаются с рамкой. Рамка и ободок узкие неровные. В квадратном отверстии выступы металла. По краю кружка в одном месте при отливке металл не полностью заполнил форму. Д. 24; в. 3,06; ↓; c_1; шифр: 80,Р—23,0. Найдена к северо-востоку от дома 2, в отвалах грунта из раскопок 1973 г.

14. То же. На л. ст. нижний конец У-образного знака сливается с левым нижним углом неширокой квадратной рамки. Справа верхний и нижний концы ромбовидного знака срезаны широким линейным ободком. Надпись на об. ст. отчетливая, рамка и ободок узкие, в квадратном отверстии и по внешнему краю кружка небольшие выступы металла. Остатки литника. Д. 24; в. 2,05; ↓; c_1; шифр: 80,Р—23,4/1. Найдена в гнезде бруса порога, при входе в зал 4 дома 4, под истлевшими остатками деревянного порога.

15. То же. У-образный знак на л. ст. едва различим. Надпись на об. ст. отчетливая. Остатки двух литников. По краю монеты небольшие потери металла и несколько сквозных мелких отверстий — как результат коррозии. Д. 24; в. 1,88; ↓; c_2; шифр: 80,Р—23,4/3. Найдена в заполнении помещения 3 в доме 4, у западной стены, над забутовкой.

16. То же. Сильно попорчена коррозией, л. ст. гладкая, надпись на об. ст. легко читается. Кружок неровный, линейный ободок не сохранился. Д. 19; в. 0,91; c_4; шифр: 81,Р—23,4/3. Найдена в заполнении помещения 3 дома 4, на уровне 0,4 м ниже пола IV строительно-планировочного периода.

Мастич (698—700 гг.)

17. Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку, два знака, расположенные как на монетах Урка Вартрамука. Слева У-образный знак, округлый корпус не замкнут, правый верхний конец примыкает к верхнему левому углу рамки, левый срезан нешироким линейным ободком. Нижний конец плавно загибается вправо и заканчивается крупным спиралевидным завитком. Справа трехконечный знак, слегка вытянутый сверху вниз. Ободок неширокий.

Об. ст.: полустертая двухстрочная, концентрическая надпись из трех слов: m'stč 'wnš MLK' — «царь Мастич /из рода/ Унаш». Рамка и ободок нешироκие. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Следы литника. Край монеты слегка обломан. Д. 23; в. 1,41; ↓; c_1; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена в проходе в зал 5 в доме 2, в завале пола помещения второго этажа. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 168—190, с. 126—130.

18. То же. Попорчена коррозией. Надпись на об. ст. едва различима. Остатки двух литников напротив друг друга. Д. 22; в. 1,18; ↓; c_3; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена там же.

19. То же. Сильно попорчена коррозией, состоит из двух фрагментов. Надпись едва различима. Остатки литника. Д. 23; в. 1,10; c_4; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена там же.

20. То же. Половина монеты. Надпись отчетливая. Л. ст. стерта. Попорчена коррозией, имеются мелкие сквозные отверстия. Д. 22; в. 0,71; c_3; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена там же.

21. То же. Половина монеты. Знаки на л. ст. едва обозначены. Остатки литника. Д. 23; в. 0,76; c_3; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена там же.

22. То же. Л. ст. гладкая, линейный ободок едва обозначен. Надпись на об. ст. отчетливая. Остатки литника, по краю кружка небольшой слом, имеется сквозная трещина и мелкие отверстия. Д. 23; в. 1,76; c_2; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена там же.

23. То же. Л. ст. стерта. Надпись хорошо различима, ободок и квадратная рамка узкие. Металл попорчен коррозией, кружок покрыт мелкими трещинами. Д. 23; в. 1,10; c_3; шифр: 79,Р—23,2/5. Найдена в отвале грунта, происходит, как и предыдущие, из завала пола помещения второго этажа в северной части зала 5 в доме 2.

24. То же. По краям кружка и в квадратном отверстии выступы металла, имеется продолговатое сквозное отверстие. Окислена. Д. 23; в. 2,23; c_2; шифр: 80,Р—23,2/5. Найдена там же.

25. То же. Попорчена коррозией. Знаки на л. ст. едва различимы. Надпись на об. ст. полустерта. Квадратная рамка (10× ×10 мм.) несколько смещена. Линейный ободок и рамка узкие. Кружок покрыт мелкими трещинками и раковинами, имеются мелкие сквозные отверстия. Остатки литника. Д. 23; в. 2,23; ↓; c_3; шифр: 80,Р—23,4/1. Найдена в проходе в дом 4, на полу.

26. То же. Знаки и надпись полустерты, попорчена коррозией. Д. 23; в. 1,34; ↓; c_4; шифр: 80,Р—23,4/1. Найдена в восточной части коридора 1 в доме 4, в 1,5 м над полом в слое забутовки.

27. То же. Л. ст. стерта. Надпись на об. ст. читается неполностью. Попорчена коррозией, по краю кружка потери металла, раковины, имеются сквозные отверстия. Д. 23; в. 1,51; c_4; шифр: 81,Р—23,1/2. Найдена в западном отсеке коридора 2 в доме 1, в заполнении в 1,60 м над полом.

28. То же. Сильно попорчена коррозией. Д. 22; в. 1,63; c_4; шифр; 81,Р—23,5/8. Найдена в южной части помещения 8 дома 5, на полу с горелой прослойкой, в основании стены IV строительного периода.

Тархун (700—710 гг.)

29. Л. ст.: в поле, по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку, два знака. Слева У-образный знак, повернутый вправо и упирающийся правым верхним концом в верхний угол рамки, а левым в широкий линейный ободок по краю монеты. Справа вариант ромбовидного знака владетелей Панча, получивший несколько вытянутое очертание. Ромбовидный корпус знака сливается с рамкой квадратного отверстия и примыкает к ободку. Верхняя часть знака с двумя вертикальными штрихами возвышается над рамкой и примыкает к ее левому верхнему углу. Левый нижний конец знака сливается с правым нижним углом рамки, правый конец срезан ободком.

Об. ст.: двухстрочная концентрическая надпись согдийским полукурсивным письмом из двух слов: trγwn MLK' — «царь Тархун». Квадратное отверстие заключено в узкую рамку, по краю широкий (до 2 мм) неровный ободок. Остатки литника, в квадратном отверстии и по краю кружка незначительные выступы металла. Монета слегка согнута. Д. 24; в. 2,14; ←; c_1; шифр: 79,Р—23,3/4. Найдена на верхней прослойке пола помещения 4 в доме 3, у северной стены. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 215—358, с. 138—158.

30. То же. Л. ст. стерта, едва намечается линейный ободок. Надпись на об. ст. отчетливая, слегка потерта. Остатки литника, в квадратном отверстии и по краю кружка незначительные выступы металла. Д. 23; в. 2,78; ←; c_1; шифр: 79,Р—23,3/2. Найдена на полу у южной стены в помещении 2 дома 3.

31. То же. Л. ст. полустерта, знаки хорошо различимы, линейный ободок шире обычного (до 3 мм). Надпись отчетливая. Д. 24; в. 2,66; ←; c_1; шифр: 79,Р—23,3/2. Найдена там же, у северной стены.

32. То же. Л. ст. полустерта. Надпись на об. ст. отчетливая. В квадратном отверстии выступы металла. Д. 24; в. 3,0; ←; c_2; шифр: 80,Р—23,3/1. Найдена на полу помещения 1 (дворик) в доме 3, к югу от прохода в дом.

33. То же. Половина монеты. Следы литника. Окислена. Д. 24; в. 1,13; ←; c_3; шифр: 80,Р—23,3/3. Найдена на полу помещения 3 в доме 3.

34. То же. Знаки на л. ст. полустерты. Надпись на об. ст. отчетливая. Кружок неровный, по краям и в квадратном отверстии выступы металла. У ободка небольшое сквозное отверстие — дефект литья. Д. 23; в. 3,40; ←; c_2; шифр: 79,Р—23,2/4. Найдена на поверхности суфы, у северной стены помещения 4 в доме 2.

35. То же. Линейный ободок по краю кружка нешироκий. Остатки литника. Попорчена коррозией, поверхность монеты покрыта

раковинами, трещинами, имеются сквозные отверстия. Д. 23; в. 2,31; ←; c_3; шифр: 79,Р—23,2. Найдена в отвале грунта из заполнения прохода в дом 2.

36. То же. По краю кружка и в квадратном отверстии незначительные выступы металла. Д. 23; в. 1,98; ←; c_3; шифр: 80,Р—23,2/4. Найдена на полу коридора 4 в доме 2, напротив прохода в коридор.

37. То же. Л. ст. полустерта. Надпись отчетливая. На ободке овальный натек металла. У верхнего правого угла рамки сквозная трещина, по краю кружка небольшой слом. В квадратном отверстии выступы металла. Д. 23; в. 2,75; ←; c_2; шифр 80,Р—23,2/4. Найдена там же, у грани суфы вдоль восточной стены.

38. То же. Попорчена коррозией. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Д. 24; в. 2,10; ←; c_3; шифр: 80,Р—23,2/4. Найдена в гнезде бруса у северо-восточного угла прохода в зал 5 в доме 2.

39. То же. Знаки на л. ст. едва различимы. Надпись на об. ст. отчетливая. Попорчена коррозией, в квадратном отверстии выступы металла. Остатки литника. Д. 24; в. 2,15; ←; c_2; шифр: 80,Р—23,2. Найдена в отвалах грунта из раскопок 1970—1972 гг.

40. То же. Линейный ободок широкий, неровный. Л. ст. полустерта. Надпись на об. ст. отчетливая. По краям кружка и в квадратном отверстии выступы металла. Д. 23; в 3,15; ←; c_2; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена в средней части помещения 6 в доме 2, на поверхности суфы вдоль восточной стены, в гумусированном пятне.

41. То же. Л. ст. гладкая. Надпись на об. ст. полустерта. Ободок узкий. В квадратном отверстии выступы металла, по краю кружка небольшой слом. Д. 22; в. 2,19; c_2; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена в северной части помещения 6 в доме 2, на уровне 0,60 м над полом, в слое завала пола помещения второго этажа.

42. То же. Контуры знаков на л. ст. нечеткие, ободок широкий, неровный. Надпись отчетливая. Ободок на об. ст. узкий. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Попорчена коррозией. Следы литника. Д. 23; в. 1,97; ←; c_3; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена там же, на полу, у прохода в помещение.

43. То же. На л. ст. едва различимы контуры У-образного знака, контуры квадратной рамки нечеткие, ободок узкий. Надпись на об. ст. попорчена коррозией, рамка и ободок узкие. Квадратное отверстие заполнено металлом, кружок неровный. Матрицы чуть сдвинуты. По краям трещины. Д. 23; в. 2,30; ←; c_4; шифр: 80,Р—23,2/6. Найдена там же.

44. То же. Л. ст. полустерта, знаки отчетливые. Надпись на об. ст. четкого рисунка. Ободок нешироκий. Слегка попорчена коррозией, кружок погнут, над У-образным знаком слом. Д. 24; в. 2,02; ←; c_2; шифр: 80,Р—23, У—1. Найдена на поверхности улицы 1, к востоку от входа в дом 3.

45. То же. Знаки на л. ст. нечеткого рисунка. Ободок и рамка

неровные. На об. ст. надпись отчетливая, ободок нешироκий, квадратная рамка слегка скошена. Матрицы при литье были слегка сдвинуты. Следы литника. Д. 23; в. 2,65; ←; c_2; шифр: 79,Р—23,1/3. Найдена на полу у южной стены дворцового зала 3.

46. То же. Половина монеты. Л. ст. полустерта, контуры правого знака расплывшиеся. Надпись на об. ст. отчетливая. Рамка узкая, ободок широкий. Д. 24; в. 1,72; ←; c_1; шифр: 79,Р—23,1/3. Найдена там же.

47. То же. Знаки на л. ст. несколько расплывшихся контуров. Надпись отчетливая, слегка попорчена коррозией. Ободок неровный по ширине. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Кружок покрыт мелкими раковинами, имеются сквозные отверстия. Д. 23; в. 2,40; ←; c_2; шифр: 80,Р—23,4/1. Найдена в проходе в дом 4 в рыхлом заполнении гнезда устоя дверной коробки в северной стене, на уровне 20 см над полом.

48. То же. Л. ст. стерта, контуры знаков едва различимы, ободок нешироκий. Надпись на об. ст. отчетливая, рамка и ободок узкие. В квадратном отверстии выступы металла. Матрицы чуть сдвинуты. Окислена, состоит из двух фрагментов. Д. 24; в. 3,51; ←; c_2; шифр: 81,Р—23; 4/3. Найдена в помещении 3 дома 4, в слое завала пола помещения второго этажа.

49. То же. Ободок и рамка на об. ст. узкие. Попорчена коррозией, кружок слегка вогнут. Д. 24; в. 2,12; ←; c_3; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в зале 4 дома 4 в слое завала пола помещения второго этажа, над поверхностью суфы вдоль восточной стены.

50. То же. Л. ст. полустерта, имеющиеся знаки несколько расплывшихся контуров, ободок нешироκий. Надпись на об. ст. полустерта, хорошо различима. Матрицы чуть сдвинуты. В квадратном отверстии и по краю кружка выступы металла, попорчена коррозией, монета слегка погнута. Д. 24; в. 2,68; ←; c_3; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в заполнении зала 4 в доме 4, в северо-западном углу на уровне 2,0 м над полом.

51. То же. Л. ст. стерта, знаки едва различимы, ободок широкий. Надпись на об. ст. нечеткая, читается с трудом. Рамка узкая, ободок нешироκий. Попорчена коррозией, кружок слегка погнут. Угол квадратного отверстия заполнен металлом. Остатки литника. Д. 23; в. 1,90; ←; c_4; шифр: 81,Р—23,5/4. Найдена на полу помещения 4 в доме 5 у восточной стены под стеной-пристройкой на уровне 0,60 м ниже основания последней.

52. То же. Надпись на об. ст. полустерта. Рамка узкая, ободок широкий, неровный. Следы литника. Состоит из двух фрагментов. Д. 23; в. 1,43; ←; c_3; шифр: 81,Р—23,1/5. Найдена в помещении 5 дома 1 в заполнении над верхним полом.

53. То же. На л. ст. верхняя часть ромбовидного знака, следуя границам кружка, значительно смещена влево. Надпись на об. ст. отчетливая. Рамка уже обычного, ободок узкий, неровный. Кружок неровный, по краям и в квадратном отверстии выступы металла. Следы литника. Попорчена коррозией, имеются сквозные

потери металла. Д. 21; в. 1,70; ←; c_2; шифр: 81,Р—23,1/6. Найдена в помещении 6 в доме 1, в заполнении над верхним полом у северной стены.

54. То же. Ободок на л. ст. широкий (до 4 мм), неровный. Надпись на об. ст. отчетливая, рамка и ободок узкие. Остатки литника. В квадратном отверстии и по краям кружка незначительные выступы металла. Окислена, по краю небольшой слом. Д. 23; в. 2,26; ←; c_3; шифр: 78,Р—23, П. Подъемная, найдена в 60 м от Р—23 к западу.

Гурек (710—718 и 722—738 гг.)

55. Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую квадратную рамку (7×7 мм), два знака: справа вариант У-образного знака с округлой центральной частью, верхний невысокий вертикальный штрих разделяется на два завитка — один упирается в правый верхний угол рамки, другой сливается с ободком; нижний конец знака загнут вправо, также сливается с ободком. Слева знак с ромбовидным туловом на невысокой ножке, опирающейся на горизонтальную подставку, которая расположена на уровне квадратной рамки; верхняя часть такая же, как у правого знака, один завиток упирается в левый верхний угол рамки, другой сливается с нешироким (2 мм) ободком.

Об. ст.: полукурсивная двухстрочная концентрическая надпись: 'wγ'rk MLK' — «царь Угарак». Надстрочная часть знака L в слове MLK', как на монетах Тархуна, прижата нижним краем рамки к строке. Рамка и ободок узкие. Матрицы слегка смещены. В квадратном отверстии и по краю кружка незначительные выступы металла. По двум противоположным сторонам следы литников. Окислена. Д. 22; в 4,41; ←; c_1; шифр: 81,Р—23,4/2. Найдена в нише с ташнау в помещении 2 дома 4, в заполнении над полом. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 359—399, с. 158—165.

56. То же. Л. ст. полустерта, контуры знаков нечеткие. Д. 22; в. 3,38; ←; c_1; шифр: 80,Р—23, У—1. Найдена на поверхности улицы 1, к востоку от входа в дом 3.

57. То же. Левый знак на л. ст. не отлился, контуры правого четкие. Надпись на об. ст. отчетливая, рамка узкая, неровная. Матрицы смещены. По двум противоположным сторонам кружка остатки литников. Слегка погнута. Д. 22; в. 4,10; ←; c_1; шифр: 80,Р—23,2. Найдена в отвалах грунта из раскопок 1972 г. помещения 4 дома 2.

Африг (Девашгич. 718/719—722 гг.), тип I.

58. Л. ст.: в поле слегка скошенная четырехугольная рамка (7×8 мм), справа от которой расположен У-образный знак с круглой центральной частью, верхние концы его слегка возвышаются над рамкой, плавно загибаются наружу и упираются — один в верхний правый угол рамки, второй в ободок, нижний конец повернут вправо и также упирается в ободок; слева от рамки изображен вариант ромбовидного знака владетелей Панча, кор-

пус на двух ножках, загибающихся наружу и слегка кверху, правая ножка скошена и упирается в нижний левый угол рамки, верхняя часть знака в виде двух вертикальных зубцов на горизонтальном основании; в центре знака выпуклая точка (дефект матрицы), по краю кружка неширокий ободок.

Об. ст.: посередине в поле квадратная рамка (8×8 мм), вокруг которой размещена однострочная полукурсивная с отчетливым начертанием знаков надпись из двух слов: 'prγkk MLK' — «царь Африг». Ободок как на л. ст., монета слегка потерта, по краю имеется небольшой слом. Д. 22; в. 1,55; →; c_1; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в зале 4 дома 4, в юго-западном углу, на поверхности суфы между вкопанными в суфу хумами. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 400—404, с. 166—169.

Африг (Девашгич. 718/719—722 гг.), тип II.

59. Л. ст.: в поле посередине рамка (6×7 мм), имитирующая квадратное отверстие, в рамке у верхнего края точка; по сторонам рамки два знака: справа У-образный, верхние концы которого возвышаются над рамкой и плавно загибаются наружу, правый упирается в неширокий ободок, нижний конец повернут вправо и также упирается в ободок, сливаясь с ним; слева от рамки вариант ромбовидного знака вытянутой формы, центральная часть округлена; нижняя часть знака — в виде двух небольших полузавитков, расходящихся в разные стороны; верхняя часть — с двумя вертикальными зубцами на небольшом перекрестье.

Об. ст.: вокруг квадратной рамки (6×6 мм) однострочная концентрическая надпись из двух слов: 'prkk MLK' — «царь Африг», знаки надписи искажены, в имени правителя пропущен четвертый знак. Ободок неширокий. Штемпель при чеканке слегка сместился, по краю кружка имеется небольшой треугольный вырез, потерта. Остатки литника (монетный кружок был отлит, а затем отчеканен). Д. 22; в. 1,35; →; c_2; шифр: 80,Р—23,4/1. Найдена в заполнении прохода в дом 4, у южной стены. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 405—435, с. 169—179.

60. То же. Фрагмент. Л. ст. стерта. Надпись и рамка на об. ст. едва намечаются. Ободок неширокий. Остатки литника. Попорчена коррозией, слегка погнута. Д. 20; в. 0,94; c_3; шифр: 81,Р—23,4/2. Найдена в нише с ташнау в помещении 2 дома 4 в заполнении над полом.

Тургар (738 — не ранее 750 гг.), тип I.

61. Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия два знака, представляющих стилистический вариант знаков на монетах Гурека. Справа от квадратного отверстия У-образный знак, обращенный вправо, с центральной округлой частью, слегка смещенной вправо; слева — ромбовидный знак с округлыми углами, нижняя горизонтальная подставка заменена полузавитками, такими же, как в верхней его части. Рамка и линейный ободок неровные по ширине.

Об. ст.: двухстрочная концентрическая надпись полукурсивным

письмом: twrγ'r MLK' — «царь Тургар». Надпись полустерта, хорошо различима. Квадратная рамка (8×8 мм) и линейный ободок по краю монеты неширокие. В квадратном отверстии и по краю кружка небольшие выступы металла. Остатки литника. Окислена. Д. 21; в. 2,62; ↓; c_2; шифр: 81, Р—23,1/2. Найдена в западном отсеке коридора 2 в доме 1, к востоку от суфы-эстрады вдоль северной стены, на полу. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 474—518, с. 191—197.

62. То же. Стилистический вариант. Левый знак на л. ст. изображен с наклоном влево и заметно опущен вниз. У-образный знак слегка изогнут, центральная его часть значительно смещена вправо. Л. ст. полустерта, контуры знаков хорошо различимы. Рамка узкая, ободок неровный по ширине. Об. ст. полустерта, надпись нечеткая. Рамка и линейный ободок неровные по ширине. В квадратном отверстии незначительные выступы металла. Попорчена коррозией, по краю монеты небольшой слом. Следы литника. Д. 20; в. 1,77; ↓; c_3; шифр: 81,Р—23,5/8. Найдена в заполнении помещения 8 дома 5, в основании южной стены IV строительного периода.

Тургар (738 — не ранее 750 гг.), тип II.

63. Л. ст.: в поле по двум противоположным сторонам узкой квадратной рамки (7×7 мм), обрамляющей квадратное отверстие, два знака, расположенных так же, как на монетах I типа, и представляющих собой их вариант. У-образный знак слегка изогнут, тулово в виде полукружия, обращенного вправо, нижний конец знака загнут вправо и книзу; ромбовидное тулово левого знака получило овальные очертания. На монетах этого типа появляется новый, дополнительный знак — полукруг, лежащий над рамкой и обращенный расширяющимися концами к внешнему краю монеты.

Об. ст.: двухстрочная концентрическая надпись крупным, несколько искаженным полукурсивным письмом: twrγ'r MLK' — «царь Тургар». Рамка и линейный ободок по краю монеты узкие. Рельеф высокий, матрицы слегка сдвинуты. В квадратном отверстии и по краю кружка выступы металла. Следы литника. Д. 18; в. 2,66; ↓; c_1; шифр: 78,Р—23,5/4. Найдена на верхнем полу в помещении 4 дома 5. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 519—656, с. 198—217.

64. То же. Кружок неровный, рамка прямоугольная (7××8 мм). Дефекты литья, в квадратном отверстии выступы металла, попорчена коррозией. Д. 18—19; в. 1,63; ↓; c_3; шифр: 78,Р—23,1/3. Найдена на полу в северной части дворцового зала 3.

65. То же. Прямоугольная рамка (8×10 мм) на л. ст. местами не отлилась. У-образный знак угловатого контура. В квадратном отверстии выступы металла. Попорчена коррозией, по краю кружка и у квадратного отверстия трещины, монета слегка погнута. Остатки литника. Окислена. Д. 20—22; в. 2,53; ↓; c_3; шифр: 81,Р—

23,1/2. Найдена на полу, к западу от северной суфы-эстрады, в западном отсеке коридора 2 в доме 1.

66. То же. Надпись едва различима. Рельеф низкий. Попорчена коррозией, состоит из двух фрагментов, кружок слегка погнут. Остатки литника. Д. 19; в. 2,08; ↓; c_4; шифр: 81,Р—23,1/7. Найдена в южной части помещения 7 в доме 1, в гумусированной прослойке над верхним полом.

Тюрко-согдийская монета эпиграфического круга (безымянные Хаканы).

67. Л. ст. гладкая, центральное отверстие овальной формы, залито металлом.

Об. ст.: следы концентрической надписи. Центральное отверстие в узкой, неровной квадратной рамке (6×6 мм), по краю кружка узкий ободок. Попорчена коррозией. Край монеты срезан при отделении литника. Д. 19; в. 1,11; c_3; шифр: 81,Р—23,4/3. Найдена в заполнении лестничной клети в помещении 3 дома 4.

Тюрко-согдийская монета с изображением пары и рунической монограммой «уш—й».

68. Л. ст.: изображение пары в легком повороте друг к другу. Слева — лицо мужское, с правильным овалом лица и хорошо моделированными чертами, обрамлено длинными волосами, спускающимися на плечи тремя крупными прядями, на уровне подбородка их концы слегка загибаются наружу. Над прямым пробором полумесяц рогами вверх. Веки продолговатых глаз полуприкрыты, нос с обозначенными ноздрями, чуть расширен книзу. Рот передан черточкой, над ним небольшие свисающие усы. Подбородок выделен треугольным выступом (борода?). На шее ожерелье, переданное крупными точками. Справа — лицо женское, черты лица стерты, едва различимы, овал лица слегка выдвинут вперед. Женщина в остроконечном головном уборе, обшитом крупными бусами. В левом ухе серьга, показанная тремя крупными точками. На шее такое же ожерелье, как на мужчине. Все в круге из тесно поставленных перлов по краю монеты, внизу круг срезан краем кружка.

Об. ст.: в поле в центре руническая монограмма — сочетание двух рунических знаков справа налево: «уш—й». Монограмма заключена в концентрическую надпись полукурсивным согдийским письмом с лигатурными начертаниями. Согдийская легенда состоит из трех слов и начинается слева над монограммой. Чтение надписи: MR`Y pγwč γ't[t]wnh. Все в линейном ободке. Кружок неровный, по краю небольшой слом, следы подрезки, зазубрина. Полустерта, окислена. Д. 22; в. 2,32; ↑; c_2; шифр: 81,Р—23,4/4. Найдена в средней части зала 4 в доме 4, в прослойке между 1 и 2 полами. Тип как: Смирнова О. И. Сводный каталог..., № 1482—1497, с. 359—370.

Список монет неопределенных, плохой сохранности (целых и обломков):

69. 81,Р—23,5/4. Найдена в помещении 4 дома 5, напротив прохода в помещение 2, в заполнении, у основания ремонтных пристроек.

70. 81,Р—23,1/6. В заполнении помещения 6 дома 1.

71. 81,Р—23,4/4. Найдена на полу зала 4 в доме 4 в юго-западном углу суфы.

72. 81,Р—23,4/4. Там же, в середине помещения на полу.

73. 81,Р—23,4/4. Там же, у прохода в зал, на полу.

74. 81,Р—23,4/4. Там же, на полу IV строительного периода у восточной стены.

75. 81,Р—23,4/3. Найдена в закладке северной ниши в восточной стене помещения 3 в доме 4.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, Д. К. МИРЗААХМЕДОВ, Ш. Т. АДЫЛОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ И ФОРТИФИКАЦИИ БУХАРЫ

Историческое прошлое Бухары, особенно позднего феодализма нашло более или менее широкое отражение в различных источниках и литературе, однако древнейший период оставался малоизученным, что настоятельно требовало обращения к остаткам материальной культуры города. Стратиграфическими раскопками 1970—1974 гг. под руководством И. Ахрарова в двух пунктах старогородской части Бухары (у торгового купола Токи-Заргарон и музея Зиндан) были достигнуты нижние культурные слои, датированные соответственно серединой I тыс. до н. э. и IV—III вв. до н. э.[1] В 1977—1980 гг. авторами были заложены стратиграфические раскопы у медресе Мир-и-Араб, в квартале Сараи-Кази-Калян и на кухендизе города — Арке, позволившие уточнить датировку нижних слоев города в пределах IV—II вв. до н. э.[2] Не останавливаясь подробно на результатах последних раскопок, выделим наиболее важные моменты. Арк располагался на естественном лессовом всхолмлении, густо покрытом в древности тугайной растительностью. Общая мощность культурных

---

[1] Ахраров И. Археологическое изучение Бухары. — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973, с. 178; Ахраров И., Усманов З. И. Новые данные к истории Бухары. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 98—106.

[2] Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т. Керамика античных слоев Бухары. — Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент, 1979, с. 16; Они же. Керамика нижних слоев Бухары.— ИМКУ, вып. 17, 1982, с. 95; Мухамеджанов А. Р. Стратиграфический шурф на цитадели Бухары. — ИМКУ, вып. 18, 1983, с. 62—64.

напластований Арка составляет около 21 м. На XXV—XXXI ярусах шурф прорезал мощную пахсовую стену оборонительного назначения, датированную второй половиной IV — началом V в. Она была воздвигнута поверх аналогичной первых веков до н. э. (ярусы XXXI--XXXVIII), и разделяет две оборонительные стены тонкая прослойка надувного песка. Мощность культурных напластований в шурфе на территории квартала Сараи-Кази-Калян достигает 18 м. На VI—XVII ярусах шурф прорезает оборонительную раннесредневековую стену, возведенную из пахсы с редкими включениями сырцовых кирпичей размерами 40—42×23—28×8—10 см.

Наиболее важные данные в плане изучения как стратиграфии, так и исторической топографии и фортификации города, были получены в результате раскопок у медресе Мир-и-Араб. Мощность культурных напластований в данной местности превышает 17 м. Над материком, состоящим из отдельных пластов речного песка, супеси, находится илистый слой мощностью от 40 до 70 см, густо насыщенный костями животных и обломками керамики. Толщина его постепенно увеличивается по направлению с севера на юг в сторону медресе Мир-и-Араб, под которым достигает 7,5 м (это удалось установить в результате закладки разведывательного шурфа вблизи памятника). Илистый слой и структура подстилающего его материка свидетельствуют о том, что когда-то в древности здесь проходил один из дельтовых протоков Зарафшана. Затухающее русло его впоследствии было покрыто густыми зарослями, превратившимися со временем в илистый пласт. Все это подтверждает данные Наршахи о том, место, где теперь располагается город, было раньше болотом, частично заросшим камышом, а частично занятым деревьями и лужайками[3].

Стратиграфические раскопки показывают, что на протяжении своей более чем двухтысячелетней истории город развивался на одном и том же месте, что, естественно, затрудняет выявление границ ядра Бухары в период, предшествующий арабскому завоеванию. Кухендиз Бухары — Арк в настоящее время представляет собой в плане семиугольный, приближающийся к ромбу, холм площадью 3,47 га и высотой 20 м.

Древний шахристан, полностью погребенный под поздними наслоениями, располагался отдельно к востоку на расстоянии 120 м от кухендиза. По данным Наршахи, ко времени арабского нашествия площадь шахристана была не очень велика и оставалась в тех же пределах до X в.[4] Северная стена шахристана прослеживается от пункта Саманбазар к востоку на 320—380 м, не доходя около сотни метров до современной ул. Пионерской в районе кладбища Ходжа-Сафиён-Саури. Зачистки внешнего фа-

---

[3] Мухаммад Наршаҳий. Бухоро тариҳи. Тошкент, 1966, б. 15—16.
[4] Там же, б. 34.

сада северной оборонительной стены, проведенные около двух вышеназванных пунктов, показали, что она выложена в нижней части из пахсы, высотой до 60 см, а в верхней — из пахсы с включением сырцовых кирпичей размерами 32—50×19×9—11 см. Высота сохранившейся части стены около 6 м. Западная оборонительная стена в виде вала отмечена от Зиндана до современной ул. Коммунаров на протяжении 300—340 м. Восточную и западную оборонительные стены шахристана визуально выявить трудно. На топографическом плане древнейшей части города, опубликованном Л. И. Ремпелем, предполагаемая линия восточной оборонительной стены проходит вдоль улицы XIX в. (ныне ул. Пионерская), ведущей к Самаркандским воротам, а южная прослеживается по обрыву от педагогического техникума до медресе Туркман параллельно руслу Шахруда. Площадь шахристана периода раннего средневековья им определяется в 30—35 га[5].

Как показывают топографические наблюдения, вдоль ул. Пионерской в микрорельефе не прослеживаются остатки стен или возвышения. Что касается линии южной оборонительной стены, то, как уже упоминалось, при раскопках в квартале Сараи-Кази-Калян чуть севернее обрыва действительно обнаруживаются ее остатки. Ранее, в 1977 г., в результате раскопок близ медресе Мир-и-Араб, была обнаружена другая оборонительная стена с предвратным сооружением, которая в следующем году была вскрыта по внешнему фасаду на протяжении 36 м. Одновременно сотрудником Института археологии АН УзССР М. Туребековым был заложен разрез перпендикулярно фасаду размером 16×2,5 м в плане и доведен до глубины 12—17 м. В результате раскопок данная оборонительная стена была охарактеризована как южная стена шахристана, предвратное сооружение — как южные ворота (Атторон), толщина оборонительной стены определена в пределах 17 м, а время возведения ее датировано второй половиной VI в.[6] Он же провел предполагаемую линию восточной оборонительной стены шахристана, которая начинается в районе кладбища Ходжа-Сафиён-Саури, затем, не доходя около сотни метров до ул. Пионерской, направляется далее на юг и смыкается с южной в районе медресе Улугбека. Северо-восточный угол оборонительной системы достаточно четко просматривается в микрорельефе.

Таким образом, по данным М. Туребекова, шахристан Бухары имел прямоугольную планировку и размеры 300—360×250—300 м, т. е. примерно 8—11 га[7]. Не подвергая сомнению локали-

[5] Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). — В сб.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с. 216—217.

[6] Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. — Автореф. канд. дисс. М., 1981, с. 11.

[7] Там же. Данные М. Туребекова несколько неточны. По уточненным данным площадь составляет 320—380×300×340 м, т. е. 10—13 га.

зацию линии восточной оборонительной стены, авторы позволяют себе не согласиться с определением ее толщины в пределах 17 м. Вызывают также недоумение сравнительно небольшие, даже в масштабах Бухарского оазиса, размеры шахристана, несмотря на определенно четкие его очертания. Если оборонительная стена с предвратным сооружением, обнаруженная в шурфе у медресе Мир-и-Араб, действительно является южной стеной раннесредневекового шахристана Бухары, то что же можно сказать об оборонительной стене на окраине квартала Сараи-Кази-Калян. Принадлежность последней к загородному замку при наличии подстилающих ее мощных слоев со следами развитого ремесленного производства и архитектуры маловероятна.

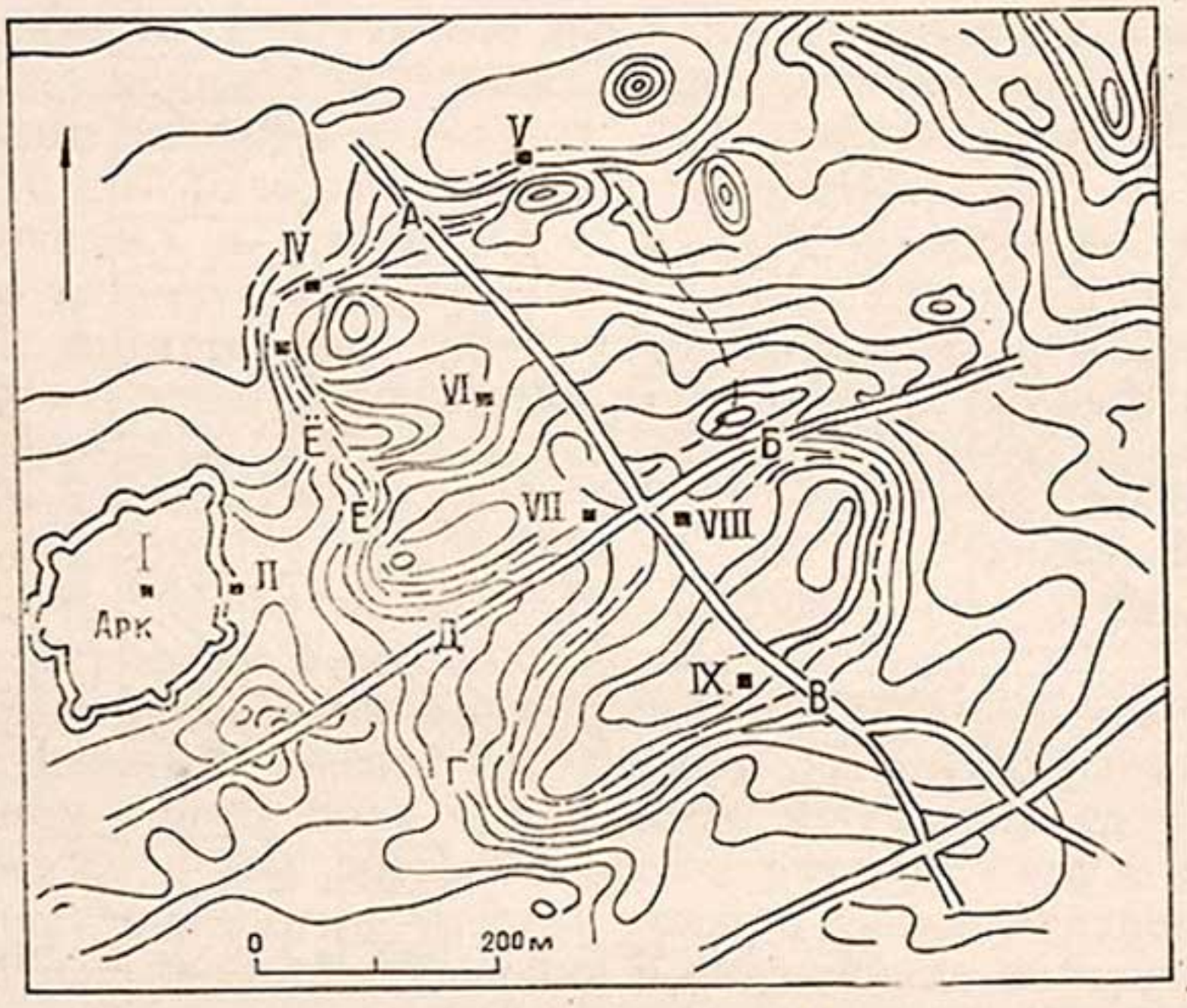


Рис. 1. Топографический план древнейшей части Бухары. Пунктирной линией обозначены предполагаемые контуры северного и южного массивов в VI в. Римскими цифрами обозначены пункты важнейших стратиграфических раскопок:

I — шурф на заповедной территории Арка; *II* — разрез крепостной стены Арка; *III* — шурф у музея Зиндан; *IV* — зачистки крепостной стены у Саманбазара; *V* — зачистки крепостной стены у кладбища Ходжа-Сафиён-Саури; *VI* — разведочный шурф геологов; *VII* — шурф у медресе Мир-и-Араб; *VIII* — шурф у купола Токи-Заргарон; *IX* — шурф в квартале Сараи-Кази-Калян. Буквами обозначены предполагаемые пункты размещения ворот: *А* — Хак-Рах (Хуфра); *Б* — Наук (Нур); *В* — Атторон; *Г* — Бани-Са,д; *Д* — Бани-Асад; *Е* — Кухендиз; *Е* — Железные (Аханин).

Может существовать только одно объяснение фактам: к началу раннесредневекового периода шахристан Бухары состоял из двух отдельных независимо укрепленных массивов. О контурах и размерах первого уже говорилось. Второй же располагался на территории нынешнего квартала Сараи-Кази-Калян и, судя по микрорельефу, имел вытянуто-округлую форму, приближающуюся к эллипсу (рис. 1). В пределах предполагаемых контуров площадь второй части шахристана составляет 7—8 га. Линия север-

ной оборонительной стены этого массива предположительно проходит чуть южнее медресе Мир-и-Араб и мечети Калян, параллельно современной ул. Ибадова, и действительно в микрорельефе данной местности явно отмечается возвышение. Южная оборонительная стена второго массива являлась после слияния его с первым и южной оборонительной стеной единого шахристана, и ворота Атторон должны располагаться именно по этой стене. Таким образом, оборонительная стена, обнаруженная у медресе Мир-и-Араб, является южной только для первого массива. Чтобы выяснить истинные размеры стены, последовательность воздвижения и датировку, вновь обратимся к ее разрезу (рис. 2).

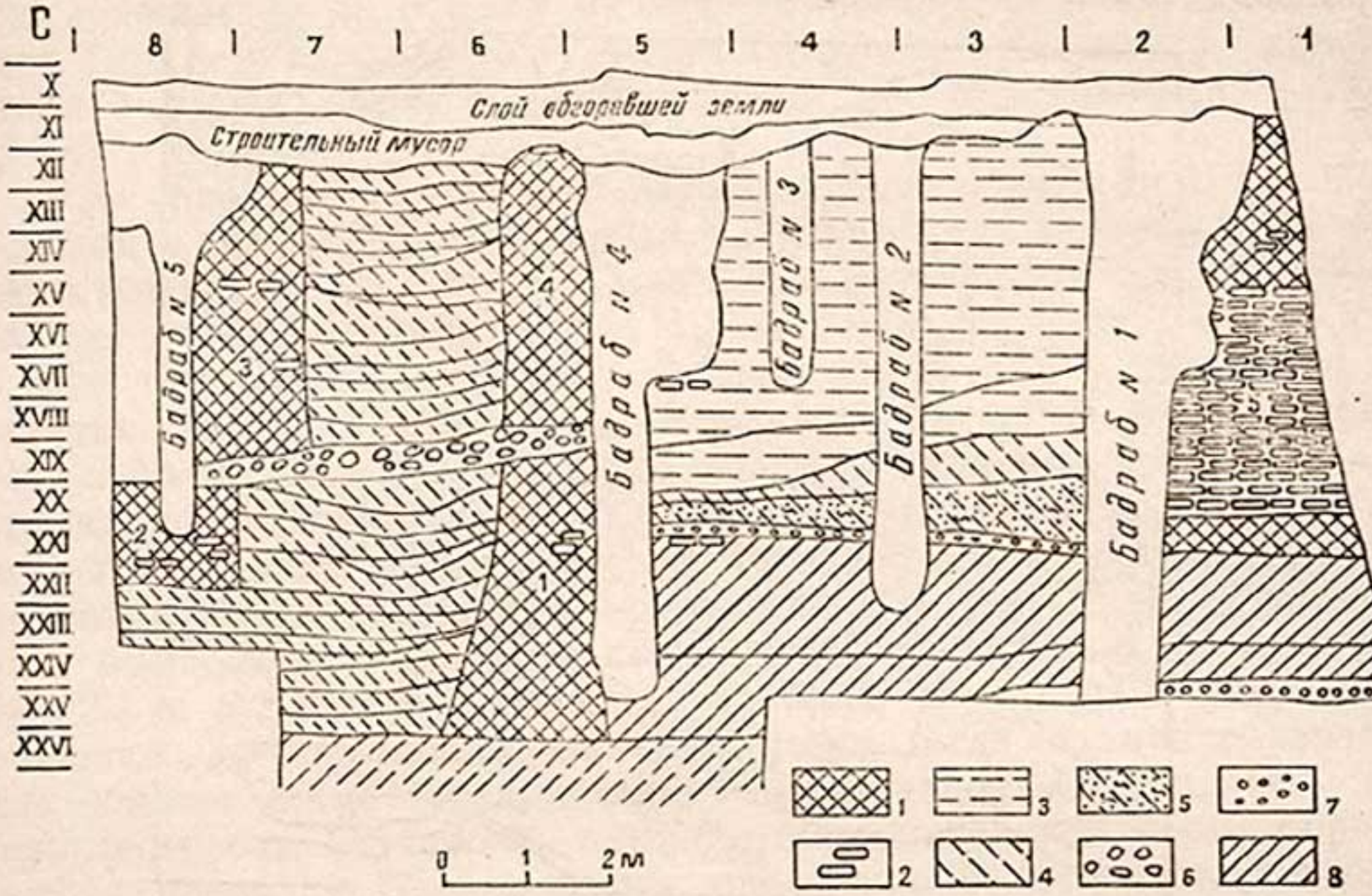


Рис. 2. Стратиграфический разрез шурфа у медресе Мир-и-Араб:

1 — пахса; *2* — кладка из сырцовых кирпичей; *3* — слой плотного грунта со строительным мусором и песчаными линзами; *4* — утоптанные наносные прослойки с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных; *5* — слой комковатого лесса коричневого цвета с включением песка; *6* — завал из кусков пахсы и сырцовых кирпичей; *7* — зольная прослойка; *8* — слой земли коричневого цвета с включением песка и керамики кон. V — пер. пол. VII вв.; *9* — слой уплотненной земли коричневого цвета с включением горелых и песчаных прослоек и керамики III—V вв.

На I—III ярусах по всей площади разреза отмечен слой в виде шлакового завала, относящийся к XX в. Завал подстилает тонкая прослойка извести, также относящаяся к нашему веку. На IV—V ярусах отмечен слой в виде строительного мусора (обломки жженых кирпичей, куски известняка, ганчевая крошка), золы и угольков. В слое отмечено несколько фрагментов керамики второй половины XIX в. На VI—VIII ярусах располагается слой XVI—XVIII вв. Он, помимо поливной керамики, включает также строительный мусор и кости животных. Слой XVI—

XVIII вв. подстилает известковый слой местами толщиной до 50 м, а под известковым слоем начинается слой XIV—XVI вв., который представляет собой рыхлый коричневый грунт земли с включением фрагментов поливной керамики и строительного мусора. Данный слой прослеживается примерно до конца IX яруса, а по всему X ярусу отмечен слой обгоревшей земли, который, возможно, является следами пожара, вызванного Хулагуидским нашествием. Это предположение подтверждается находкой в следующем слое, представляющем собой завал из кусков сырцовых и жженых кирпичей, фрагментов поливной керамики XI—XIII вв. Примерно с XI яруса идут слои интересующего нас периода.

На XI—XXV ярусах раскоп прорезал пять мощных пахсово-кирпичных сооружений.

Сооружение № 1. Отмечено на XIX—XXV ярусах в вертикалях 5—6. Оно целиком построено из пахсы, лишь кое-где отмечены единичные контуры сырцовых кирпичей шириной 25—30 и толщиной 10 см. Толщина сооружения у основания 2 м, в верхней части около 1 м, высота 3,5 м. Южный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 3[8]. Слой, подстилающий сооружение № 1, представляет собой уплотненный грунт коричневого цвета с песчаными и обгорелыми прослойками. Из него получен небольшой комплекс керамики III—V вв. К северу от сооружения № 1 в вертикалях 6—8 на XIX—XXV ярусах отмечено 13 постепенно поднимающихся уровней полов. Между ними располагались утоптанные наносные прослойки с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных.

Сооружение № 2. Частично затронуто на северном конце траншеей в вертикали 8. Высота сооружения 1,5 м. Оно располагается на восьмом уровне пола и сооружено из пахсы с единичными включениями сырцовых кирпичей тех же размеров, что и в сооружении № 1. Тринадцатый уровень пола, а также парапеты двух сооружений перекрывает прослойка в виде завала из кусков сырцовых кирпичей и мелких фрагментов керамики. В вертикалях 6—7 на XII—XVII ярусах отмечено еще 14 аналогичных уровней полов, которые располагались между сооружениями № 3а и № 3б.

Сооружение № 3а. Отмечено в вертикалях 7—8. Сложено из пахсы с включением сырцовых кирпичей размерами 42—43×23—25×8—9 см. Северный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 5. Высота сооружения около 4 м, толщина у основания по разрезу 1,7 м.

Сооружение № 3б. Отмечено в вертикалях 5—6. Выложено из пахсы с включением единичных сырцовых кирпичей того же формата, что и в сооружении № 3а. Высота его 3,5 м, толщина у основания по разрезу 1 м, в верхней части 0,8 м. Южный фасад стены в месте разреза частично затронут бадрабом № 4.

Сооружение № 4. Отмечено в вертикалях 1—2 на XI—XXI яру-

[8] Кроме пяти бадрабов, отмеченных в восточной стороне траншеи, ею прорезано или полностью захвачено еще шесть бадрабов на западной стороне.

сах. Его северный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 1, а южный — при рытье шурфа. Толщина сохранившейся части сооружения по разрезу у основания 2,5 м, высота 5 м. Нижняя часть высотой 60 см построена из пахсы, над ней сооружена кладка из сырцовых кирпичей размерами 40—43×23—25×8—10 см, чередующаяся со слоями глины толщиной 10—20 см. Слои, подстилающие сооружение № 4, представляют собой грунт коричневого цвета с включением песка и датируются керамикой конца V—перв. пол. VII в. Пространство между сооружениями № 3б и № 4 заполнено сначала мощным слоем плотного грунта со строительными остатками и песчаными линзами (ярусы X—XVIII), затем слоем чистого плотного лесса с зольной прослойкой (ярусы XVIII—XIX), слоем комковатого лесса коричневого цвета с включением песка (ярусы XIX—XXI) и наконец тонкой зольной прослойкой. Никакого датирующего материала из этих слоев не получено.

В основном четкую структуру наслоений несколько нарушают многочисленные бадрабы, стенки которых часто упираются в фасады сооружений, не позволяя при этом судить об их истинных поперечных размерах. К сожалению, при раскопках на разрезе М. Туребековым не проводилась параллельно полная расчистка бадрабов и поперечные размеры сооружений остались неустановленными. Однако, судя по диаметрам бадрабов, эти размеры ненамного превышали полученные на разрезе — от нескольких десятков сантиметров до 1 м. Поскольку для бадрабов необходима плотная структура грунта, они вырывались либо полностью в стенах, либо частично их затрагивали.

Расстояние между крайними сооружениями № 2 и № 4 составляет 17 м. М. Туребеков рассматривал все пять сооружений как единовременные составные части крепостной стены второй половины VI в., следствием чего и является явно ошибочное определение ее толщины в данных пределах. Вернее было бы сказать, что ко второй половине VI в. система сооружений в общих чертах приобрела тот вид, который представлен на разрезе (если исключить из стратиграфической картины более поздние бадрабы). Тщательные исследования документации и материалов, оставшихся после работ на разрезе, позволили установить, что траншея прорезала несколько разновременных стен.

Сооружение № 1 является стеной, вероятно, второй половины V в. (во-1-х, стена воздвигнута поверх слоя, в котором встречается керамика втор. пол. IV—V вв.; во-2-х, слои с керамикой конца V—VII вв. частично закрывают ее южный фасад и сооружение № 1 оказывается как бы зажатым между двумя хронологическими горизонтами). Не совсем ясно, когда было построено сооружение № 2. Оно могло возникнуть и несколько позже первого, и одновременно с ним.

Оба случая в равной степени вероятны и будут рассмотрены в отдельности. Если сооружение № 1 функционировало до появ-

ления сооружения № 2, то оно не имело специального оборонительного назначения. Толщина его невелика, поэтому вряд ли на верхней грани постройки к моменту возникновения имелись брустверы. Можно предполагать наличие в стене щелевидных бойниц. В любом случае сама по себе эта стена выполняла определенные защитные функции, однако не способна была преградить путь крупным воинским соединениям с осадной техникой. Когда позже толщина стены была увеличена за счет пристройки к северу от нее, то есть к внутреннему фасаду, еще одной стены — сооружение № 2, возникшая система двух сооружений явилась стеной уже, безусловно, оборонительного назначения. Конечно же, мысль о том, что она приобрела оборонительное назначение за счет внутренней пристройки в ущерб полезной внутристенной площади может вызвать некоторое недоумение и недоверие, однако в пользу этого говорят, во-первых, последовательность наслоений, во-вторых, чисто практическая сторона вопроса. При увеличении мощности стены за счет внутренней пристройки расходуется гораздо меньше средств и труда, чем при строительстве чисто внешней «рубашки». Это лишний раз подтверждается аналогичной картиной на кухендизе Пайкенда[9]. Кроме того, для внешней пристройки требуется прочный фундамент, которого к тому времени не имелось.

Внутренний фасад сооружения № 1 сопровождают 12 утоптанных прослоек с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных. Поверх седьмой прослойки располагается фундамент сооружения № 2 и пространство между сооружениями выглядит как коридор, заполненный еще пятью прослойками аналогичной структуры. Возникновение нижних семи прослоек можно объяснить следующими причинами. Верхняя грань сооружения № 2 должна располагаться на том же уровне, что и у сооружения № 1, но для этого не обязательно делать сооружение № 2 по высоте равным первому. Вполне достаточно создать высокий и прочный фундамент из прослоек с включением мусора, каждую из которых тщательно утрамбовать для общей прочности. Возможно, пространство между сооружениями является внутренним стрелковым коридором составной оборонительной стены, однако практика показывает, что забутовка стрелковых коридоров обычно отличается более рыхлой и сплошной структурой. Более вероятно, что функционального назначения этот коридор не имел, т. е. образовавшаяся оборонительная стена состояла из двух облицовок и забутованного пространства между ними. Забутовка могла осуществляться одновременно со строи-

---

[9] При раскопках на кухендизе Пайкенда в 1981 г. было установлено, что оборонительная стена втор. пол. IV — нач. V в. н. э. была воздвигнута поверх стены III—II вв. до н. э., захватив под фундамент еще и некоторую часть прежней внутристенной площади кухендиза. См.: Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т. Новые данные к истории городища Пайкенд. — ИМКУ, вып. 19, 1984, с. 102—104.

тельством сооружения № 2, и подтвердить это можно на примере конструкции стены раннесредневековой башни Варахши. Эта стена также состоит из внешней и внутренней облицовок и пространство между ними заполнено прослойками земли с включением мусора, причем земля насыпалась строго горизонтальными пластами, соответственно каждому ряду кирпичей (т. е. одновременно) и утрамбовывалась[10].

Сооружение № 2 в основе пахсовое и как всякое сооружение этого типа состоит из многочисленных пластов спрессовавшейся и затвердевшей глины. Обычно границы между этими пластами в стенах если и не исчезают полностью, то просматриваются с трудом. Возможно, и в данном случае утрамбованные прослойки земли возникли соответственно пластам пахсы. Даже в том случае, если система сооружений № 1 и № 2 единовременная, ее строительство было начато с воздвижением первого из них по той технологии, о которой говорилось выше. Когда высота сооружения № 1 достигла двух метров, ей сопутствовали уже семь утрамбованных прослоек земли, однако внутренней облицовки еще не было. Она появилась на восьмом уровне и строительство обоих сооружений стало вестись параллельно.

Независимо от того, был или не был хронологический разрыв между возникновением обоих описанных сооружений, можно точно утверждать, что к концу V в. в данной местности возникла оборонительная стена. Верхнюю ее грань перекрывал завал из обломков сырцовых кирпичей и кусков пахсы — возможно, остатки бруствера, который был срублен при строительстве новой стены поверх старой. В разрезе эта новая надстройка выглядит как отдельные сооружения № 3а и № 3б, а также коридор между ними, заполненный многочисленными утрамбованными прослойками. В действительности это единая стена, сооруженная по уже упомянутой технологии. При строительстве еще одной стены — сооружения № 4, между ней и более ранней оборонительной системой образовался коридор. Забутовка коридора и ее характер указывают на необжитость этого пространства, впрочем следы архитектуры могли и не сохраниться. Следовательно, есть основание считать сооружение № 4 стеной-облицовкой.

Сходную картину обнаружил В. А. Шишкин при раскопках на кухендизе Варахши. Искусственный стилобат, на котором располагается монументальное здание кухендиза, состоит из каркаса облицовочных стен и забутованного внутреннего пространства. В. А. Шишкин отмечал, что не может точно сказать, существовали ли на этой территории (т. е. на забутованном пространстве) какие-либо сооружения[11]. Как уже упоминалось, при расчистке внешнего фасада сооружения № 4 в шурфе было обнаружено предвратное сооружение, которое М. Туребеков ошибочно отождествил с воротами Атторон. Высота его около четырех метров,

[10] Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 42.
[11] Там же, с. 85.

ширина около двух, боковые стены выложены из жженых кирпичей размерами 20×20×3 см и 31×31×3 см. Это впоследствии забутованное сооружение имело вид коридора со сводчатым перекрытием и могло выводить к воротам и более ранней внутренней стене, в данном случае к стене № 3 (системе сооружений № 3а и № 3б).

С постройкой сооружения № 4 окончательно оформляется система оборонительных стен северного массива шахристана. Возможно, одновременно велось строительство и на южном массиве. Здесь также мощность оборонительных стен увеличилась за счет не только прилегающего внешнего, но и внутреннего пространства. Иначе нельзя объяснить тот факт, что обнаруженная в шурфе на территории квартала Сараи-Кази-Калян раннесредневековая оборонительная стена оказалась (может быть частично) непосредственно поверх более древних слоев со следами обживания.

По данным Наршахи, стены шахристана Бухары были воздвигнуты во время правления принца Шери-Кишвара[12], которое, как принято считать, приходится на вторую половину VI в.[13] Сооружение № 4 — наиболее значительная оборонительная стена-пристройка раннесредневекового северного массива шахристана. Допустимо, что и к ней в раннесредневековый период пристраивались внешние стены, но, безусловно, весьма незначительные. Они могли возводиться на отдельных ограниченных аварийных участках в качестве подпорок, но отнюдь не для укрепления массива в целом. В противном случае они имели бы вид каре и непременно были бы обнаружены в шурфе.

При зачистках оборонительной стены у пунктов Саманбазар и Ходжа-Сафиён-Саури были отмечены те же конструктивные особенности, что и на сооружении № 4 в шурфе у Мир-и-Араб. Итак, хорошо просматривающиеся в микрорельефе западную и северную границы северного массива образует фасад сооружения № 4. По масштабам строительства оно намного превосходило все предыдущие, и Наршахи, скорее всего, имеет в виду именно эту стену и предполагаемую синхронную постройку на южном массиве. Кроме того, датировка сооружения № 4 второй половиной VI в. подтверждается на археологическом материале[14].

По нашему мнению, сведения Наршахи следует уточнить, а именно: при Шери-Кишваре окончательно оформились два раздельных массива шахристана. Если датировать сооружение № 4 второй половиной VI в., а сооружение № 1 первой половиной V в., то стратиграфически зажатые остальные сооружения будут да-

---

[12] Мухаммад Наршаҳий. Бухоро тариҳи, б. 17.

[13] Рempель Л. И., Пугаченкова Г. А. Бухара. М., 1959, с. 5—6.

[14] Сооружение № 4 располагается поверх слоя, в котором отмечена керамика конца V — перв. пол. VII в., однако аналогичная посуда, датируемая пока в тех же широких пределах, отмечена в стратиграфически последующем слое, частично перекрывающем внешний фасад.

тироваться в этих пределах. Сооружение № 2, учитывая его не совсем ясное отношение к сооружению № 1 и неопределенный хронологический разрыв между ними (если был таковой), следует датировать в широких пределах всего V в., но, разумеется, не ранее сооружения № 1.

Таким образом, сооружения № 1 и № 2, а также сопровождающие их утрамбованные прослойки в совокупности являются оборонительной стеной V в., а сооружения № 3а и № 3б с прослойками — единовременной оборонительной стеной-надстройкой конца V — первой половины VI в. Все эти разновременные постройки были слиты в единую оборонительную стену с общей мощностью по основанию 17 м, которая, однако, в таком виде функционировала недолго. Определенно можно сказать, что в IX—X вв. она не играла прежней роли, поскольку в ней стали появляться многочисленные бадрабы. Траншея не затронула укреплений более раннего периода (обводных или специализированно-оборонительных стен), в том числе сооруженных до н. э., однако в их существовании вряд ли приходится сомневаться.

Как уже отмечалось, и на южном массиве в раннесредневековый период наверняка существовала аналогичная оборонительная система в виде стен-надстроек и пристроек. Оборонительная стена в квартале Сараи-Кази-Калян — одна из них. Нам неизвестно ее точное стратиграфическое расположение в оборонительной системе южного массива, и датировать ее следует в пределах конца V—VI вв.[15]

Подводя итоги стратиграфическим и топографическим работам на территории древнейшей части города, можно в общих чертах представить картину его возникновения и развития. В древности шахристан Бухары разделялся на северный и южный массивы протоком Зарафшана. Его вода питала крупный водоем (ныне исчезнувший) юго-западнее Арка, упоминаемый в источниках[16]. Проток использовался жителями в качестве естественного рва, заполненного водой. Ширина рва, если учесть примерное расстояние между линией южной оборонительной стены северного массива и предполагаемой линией северной оборонительной стены южного массива, колебалась в пределах 80 м. Однако первоначальная ширина протока намного превышала 100 м, ибо по мере его обмеления и высыхания северный и южный массивы сближались, наступая на его берега и отвоевывая все новые пространства. Именно на них и воздвигались новые ряды укреплений, однако на определенных этапах это не представлялось возможным из-за рыхлости фундамента, высокого уровня воды и

[15] Стена располагается поверх слоя втор. пол. IV—V вв., а в ее структуре не отмечено материалов позднее конца V — перв. пол. VII в. Перекрывают стену слои периода развитого средневековья, начиная с X в. В связи с тем, что на северном массиве отсутствуют оборонительные стены VII—VIII вв., то же самое, скорее всего, было и на южном.

[16] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 241.

недостатка средств — явлений, естественно, временных. Между тем обстановка требовала увеличения мощности укреплений, и получалось так, что волей-неволей это приходилось делать за счет внутренних пристроек в ущерб полезной внутристенной площади.

Наглядной иллюстрацией сказанному является сооружение № 2 (только в том случае, если сооружение № 1 существовало

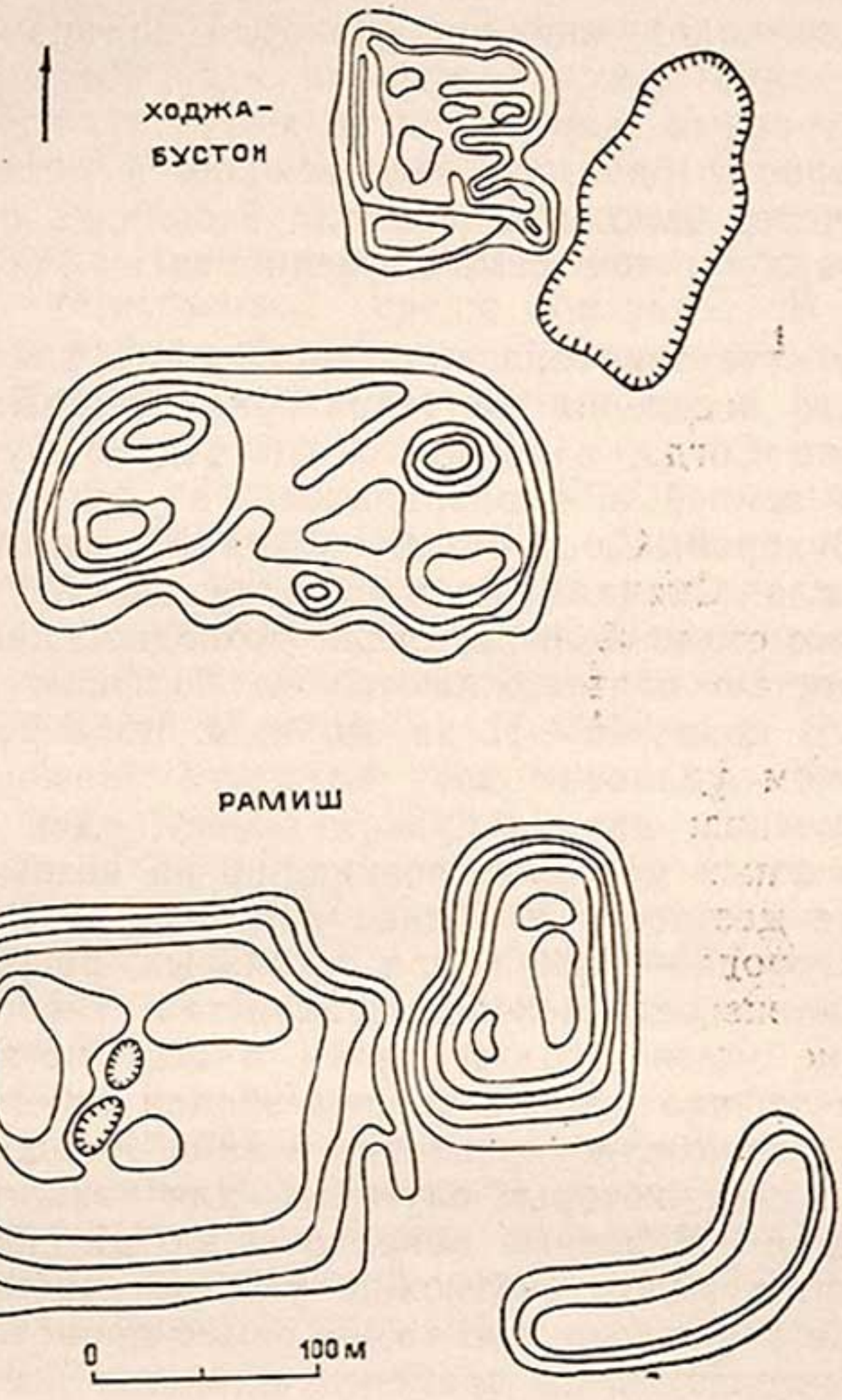


Рис. 3. Древние пункты расселения.

самостоятельно). Постройка стены-облицовки — сооружения № 4— на некотором удалении от более ранней системы сооружений № 1—3 диктовалась необходимостью создания не только нового мощного яруса обороны, но и предохранения укреплений от оседания и крена, ибо их фундаменты в данной местности не могли отличаться особой прочностью.

Со временем проток стал играть и негативную роль в жизни разрастающегося города, угрожая наводнениями во время поло-

водий. Поэтому местные жители постепенно осушали его, создавая на его основе сеть каналов и арыков и систему шлюзов в предместьях города. У ал-Мукаддаси есть упоминание о двух шлюзах: первый располагался выше города в местности Фашун, а второй, под названием Рас-ал-Вараг, ниже города[17]. Верхний шлюз служил для регулировки подачи воды в городские каналы и арыки, а также для отвода ее излишков во время половодий, нижний — для подпруживания Шахруда во время маловодий, а в половодье через него сбрасывали воду. Хотя ал-Мукаддаси и не указывает время сооружения шлюзов, оно вполне может восходить к периоду раннего средневековья и более раннему. Добавим, что через шлюзы вода могла заполнять рвы перед стенами шахристана и тем самым увеличивать обороноспособность города.

Наршахи отчетливо описал историческую панораму возникновения первого поселения на территории Бухары: «Образовалась большая река Согда, и то место, где сейчас Бухара, понемногу заполнялось землей и выравнивалось, а это заполненное место сделалось Бухарой. Сюда стали собираться люди со всех сторон и место ожило. Сначала люди строили шалаши и палатки, потом, когда их стало больше, стали возводить дома»[18]. Эти сообщения полностью подтверждаются на большом археологическом материале. В конце IV—II вв. до н. э. по берегам протока на незначительном удалении друг от друга возникли по крайней мере три массива: два на правом берегу, один на левом. Один из правобережных массивов, возникший на возвышенном от протока участке местности и вблизи водоема, впоследствии перерос в кухендиз города — Арк, а два остальных, разрастаясь и соединяясь, — в раннесредневековый шахристан. Вначале роль укреплений вполне могли играть овраги и болотистая местность, но возможно и то, что уже на первых этапах своего существования все три массива имели укрепления в виде обводных, если не оборонительных стен, которые служили для защиты от врагов и хищных зверей. В первые века до н. э. массив на территории Арка обносится рядом (возможно уже не первым) оборонительных стен. Не исключено, что то же самое происходит с остальными двумя массивами. Со временем площади всех трех массивов увеличиваются за счет дальнейшего осушения земель и пристроек.

Таким образом, в конце IV—II вв. до н. э. — V—VI вв. н. э. на значительной территории Бухары располагался крупный населенный пункт с высоким уровнем ремесленного производства, что позволяет относить его к пунктам городского типа. Данная реконструкция первоначального ядра города полностью подтверждается сравнительными аналогиями. Такие крупные древние

---

[17] Там же, с. 253.
[18] Мухаммад Наршаҳий. Бухоро тариҳи..., б. 16.

пункты расселения, как Рамиш (Свердловский район Бухарской области, кишлак Рамиш) и Ходжа-Бустон (Кызылтепинский район Навоийской области, кишлак Ходжа-Бустон-Боязди), обживавшиеся с IV в. до н. э. по V в. н. э., имеют рассредоточенную планировку (рис. 3). Такой же рассредоточенный тип планировки в виде двух-трех, а иногда и четырех укрепленных и неукрепленных близко расположенных массивов имеют многие крупнейшие памятники низовьев Зарафшана и поселения средних размеров, возникшие одновременно с Бухарой или несколько позже. В их числе можно назвать такие городища, как Катта-Ходжа-Ишан[19], Тараб[20], Калаи-Рамитан[21], Ляйлякхур[22], Кум-Соутан (Кум-Султан)[23] и многие другие. Возникновение этого весьма характерного для памятников региона планировочного типа можно объяснить, исходя из естественной среды обитания. В естественной среде дельтового района Зарафшана, покрытой цепью болот, мелких озер и густой сетью естественных русел (именно по их берегам и возникали первые поселения), естественно, ощущался недостаток обширных участков суши, пригодных для расселения. Ввиду этого иногда особенно крупные общности людей (роды или сельские общины) вынуждены были располагаться как бы на островках, рассредоточенно, хотя и на незначительном удалении друг от друга. Кроме того, подобный способ расселения на территории, окруженной болотами, камышовыми и тугайными зарослями, имеет и стратегические преимущества, на что еще в 1937 г. обратил внимание В. А. Шишкин при описании городища Тараб. Он писал: «Городище Тараб состоит из прямоугольного в плане холма высотой 10—12 м. Холм окружен со всех сторон плоской заболоченной низиной с солончаковой илистой почвой. Большой прямоугольный бугор — замок владельца или цитадель (диз). На других буграх — поселения при замке. Искусственно заболоченная низина окружала поселение с крепостью и играла роль широкого труднопроходимого рва, вероятно, заполнявшегося водой. Доступ в селение был возможен только по узкой дамбе с южного берега искусственного болота на восточный холм, и только отсюда по легко обороняемой дороге (дамбе) можно было попасть в цитадель-замок, служивший в случае нападения врага последним и наиболее надежным пристанищем»[24]. Очевидно, аналогичная система обороны и связи некогда существовала и на территории Бухары. В свете вышеизложенных рассуждений про-

---

[19] Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, с. 7—8, рис. 4—5.

[20] Там же, с. 31—34, рис. 14—15.

[21] Там же, с. 36—39.

[22] Шишкин В. А. Варахша, с. 132, рис. 66.

[23] Шишкина Г. В. Археологическая разведка на городище Кум-Султан (Бух. обл.). — Известия АН УзССР. Научные работы. Кн. 3, Ташкент, 1961, с. 246—252.

[24] Шишкин В. А. Археологические работы, с. 33—34.

веденная О. Г. Большаковым реконструкция якобы первоначального плана Калаи-Рамитана[25] выглядит несостоятельной.

Во втор. пол. IV—нач. V в. укрепленный массив на Арке еще более возвышается над остальной территорией за счет постройки новой оборонительной стены над старой, а в VI в. на ней проводятся дополнительные работы[26]. Это явилось завершением полного оформления Арка в качестве кухендиза, но чисто топографически, ибо в административном плане оно осуществилось.

В первые века н. э. на территории, окружавшей холмы-массивы, располагались относящиеся к ним поселения. В пользу этого говорят данные раскопок В. А. Шишкина в районе мечети Магоки-Аттори. Этот пункт находится вне черты первоначального ядра города, и здесь были открыты слои, соответствующие этому времени[27].

Обнаруженные в шурфе у медресе Мир-и-Араб доселе неизвестные, описанные в трудах средневековых географов и локализованные современными исследователями древние ворота Хакрах (Хуфра), Аханин, Кухендиз и Атторон (Базарные, Мадина), по-видимому, существовали еще до полного сближения массивов[28].

---

[25] Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Большаков О. Г. Средневековый город, с. 182—184, рис. 75.

[26] Туребеков М. Оборонительные сооружения, с. 11.

[27] Шишкин В. А. Раскопки в мечети Магоки-Аттори в Бухаре. — ТИИА АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955, с. 29—60.

[28] Названия ворот персидские или арабские, однако они вполне могут восходить к эквивалентным согдийским. К примеру, второе название ворот Атторон — Базарные, должно быть достаточно древним, ибо южнее еще в языческие времена располагался базар Мох (см.: Мухаммад Наршаҳий..., б. 26—27; Рempель Л. И. Из истории градостроительства, с. 239). В одной из последний публикаций на основании прямых данных вакфных грамот XVI—XVII вв. востоковед Г. А. Джураева отождествляет ворота Аханин с воротами Атторон (см.: Джураева Г. А. Новые данные о воротах шахристана Бухары. — ОНУ, 1983, № 11, с. 39—43). Ранее этот факт отмечался И. И. Умняковым (Умняков И. И. К вопросу об исторической топографии Бухары. Ташкент, 1923, с. 150), М. Ю. Саиджановым (Саиджанов М. Ю. Бухоро шахри ва эски бинолари. Маориф ва ўқитувчи. Тошкент, 1923, № 3—4, б. 31) и Л. И. Рempель (Рempель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке, с. 217, рис. 1). К сожалению, Г. А. Джураева не пытается сопоставить свои данные со сведениями более ранних источников (данных арабских географов), в которых при перечислении ворот шахристана Бухары, и по очередности расположения, всегда называются в числе прочих ворот и эти двое, т. е. Атторон (Мадина) и Аханин, совершенно независимо друг от друга (см.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии, с. 233). На основании арабских источников О. А. Сухарева правильно локализовала пропущенные у Наршахи ворота в северо-западном углу шахристана, дав им другие названия (Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент, 1958, с. 21), а О. Г. Большаков отождествил их с воротами Аханин (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Цит. соч., с. 234). Мы присоединяемся к мнению О. Г. Большакова и считаем, что к периоду позднего средневековья (XVI—XVII вв.) отдельные ворота либо утратили первоначальные названия, либо исчезли совсем.

Случилось это после того, как ров, суживаясь и заполняясь, полностью исчез. После исчезновения рва какое-то время на его месте существовала магистраль, продолжавшая разделять оба массива, и арабы могли застать шахристан именно в таком, еще разделенном виде. Ров исчез в период, последовавший после постройки стены-облицовки (сооружение № 4), но предшествовавший времени захвата города Кутайбой-ибн-Муслимом, т. е. где-то в VII в. Во всяком случае Наршахи, описывая штурм города арабами, никаких сведений о рве не дает. Возникшие после слияния массивов магистральные ворота Бани-Асад, Нур (Нун—Нау), а также ворота Бани-Са,д, уже своими названиями свидетельствуют об их сравнительно позднем происхождении[29]. Сами по себе эти ворота занимали довольно узкие участки пространства, поэтому на оставшихся промежутках должны были находиться дополнительные отрезки стен, окончательно соединявшие оборонительную систему двух массивов. В свете новых данных, на востоке линия шахристана VIII—X вв. должна иметь не прямой, а коленчато-изогнутый вид, следовательно, ворота Нау должны располагаться на 100—150 м западнее точки, указанной на плане Л. И. Ремпеля. Площадь шахристана составляла не 30—35 га, как ранее считалось, а 21—25 га. Площадь раннесредневекового Арка, которая впоследствии значительно увеличилась за счет многочисленных «рубашек» поры развитого и позднего средневековья, без специальных раскопок установить невозможно. Если принять во внимание местонахождение стратиграфического шурфа на территории Арка, то предположительно его площадь составит 1—2 га. Арк стратиграфически рос в восточном направлении: при раскопках слоев XVII—XIX вв. были зафиксированы два ступенчатых подъема-площадки в сторону запада общей высотой около 3,8 м. Периоды развитого и позднего средневековья ознаменовались разрастанием территории города. Над исчезнувшим рвом стали возводиться архитектурные памятники: несохранившаяся мечеть Калян, минарет Калян, соборная мечеть Масджиди Жамэ, медресе Абдул-Азиз-хана, Мир-и-Араб и торговый купол Токи-Заргарон. Строительство цепи архитектурных памятников на месте исчезнувшего протока закономерно, так как земля в скученных условиях средневекового города была очень дорогой; их возводили на более дешевых пустовавших, предварительно осушенных полузаболоченных участках.

---

[29] «Нау» означает «Новые». «Бани-Асад» и «Бани-Са,д» — названия арабских племен. Ворота Бани-Асад до ислама назывались воротами Мухра. Тот факт, что старые названия двух последних ворот так и не устоялись со временем, может в некоторой степени свидетельствовать в пользу их появления незадолго до арабского нашествия, поэтому процесс переименования и состоялся.

Ю. Ф. БУРЯКОВ, Г. И. БОГОМОЛОВ

К СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ОССУАРИИ ИЗ КИШЛАКА ЧАНГИ

В 1981 г. в восточном предгорном районе Ташкентской области в с. Чанги близ Паркента при земляных работах школьниками был найден оссуарий[1]. Для этого района Ташкентской области находки подобного рода пока уникальны. Единственная — фрагмент лицевой стенки оссуария — была зафиксирована лишь при раскопках на городище Ишкурган (Паркент).

Оссуарий из Чанги.

Данный оссуарий крупный, овальной формы (58×37 см и высотой — 31 см). Толщина стенок колеблется от 1,7 до 2,1 см.

[1] Оссуарий хранится во дворце пионеров райцентра Паркент. Первичное упоминание о нем см.: Буряков Ю. Ф. О чем рассказали жрицы таинственного храма. — Ташкентская правда, 1981 г., 2 сентября.

Крышка утеряна. Плоское дно имеет следы песчаной подсыпки. Орнамент на лицевой и задней стенках представляет собой сочетание простого процарапанного со штампом.

Лицевая сторона: первоначально в нижней придонной части была отчеркнута двойная прямая линия, на которую через небольшие промежутки нанесены три оттиска крупным штампом. Вся композиция обрамлена жгутом с защипами. Штамп крупный (высота 20 см и ширина 13,5 см) с последующей доработкой некоторых деталей. Оттиск представляет собой сделанную в невысоком рельефе женскую фигуру. К сожалению, лицо сильно стерто, и черты его почти не просматриваются. На голове корона в виде цветка с полумесяцем (рожками вверх). Прическа прикрыта широким шарфом, только справа за ухом хорошо видны две отдельные тонкие косички. Плавно изгибаясь за плечами, шарф затем перехватывает руки выше локтя, видимо, совершенно не стесняя движений женщины, после чего концы его резко опускаются вниз, заканчиваясь двумя языками. Одета женщина в длиннополый халат с длинными рукавами. Вся поверхность халата покрыта короткими насечками. На шее у нее несколько рядов ожерелий. В раскрытой ладони левой руки чаша с пологими коническими стенками, а правая (кончиками пальцев?) опирается на бедро. Ниже колен оттиснута какая-то непонятная деталь одежды, возможно, ниспадающий верхний халат или плащ-накидка.

Фоном композиции служат ряды коротких насечек (как бы своеобразные резервы). Внизу, правее женской фигуры, изображен крупный трилистник, композиционно не связанный с ней. Выше налепного (горизонтального) жгута с защипами проходит пояс с вертикально прочерченными ветками (деревцами), переходившими, видимо, на неровно срезанную крышку.

Орнамент задней стенки оссуария, нанесенный палочкой, проще: это прямоугольник 46×18 см. Он делится на две равные части, в которых пересекающимися линиями (в виде косого креста) образованы 4 треугольных сектора. В каждый из них вписан треугольник с точкой на вершине. Вдоль линий «косого креста» сделаны короткие насечки. По-видимому, этот орнамент является сильно схематизированным растительным мотивом пересекающихся крест-накрест веток растений.

Форма оссуария находит прямые аналогии среди подобных находок из Ташкента, Тойтюбе и низовьев Ахангарана[2], имеющих широкую датировку — VI—VIII вв.

Общие элементы — шарф, перехваченный выше локтя, плащ за плечами и полная изящества поза — имеют изображения женских фигур на серебряных кувшинчиках V—VI вв. из Эрмитажа. В одном случае в правой руке персонажа — ларец, а в левой —

---

[2] Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 28—29, 53—54; Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы.— СА, 1968, № 3, с. 131—133, рис. 4—5.

ведро. Как считает В. Г. Луконин, ведро — для ритуального напитка хаомы, а «ларец» — переносной жертвенник[3]. Другим аналогом является женское божество на золотой подвеске VI—VII вв. из села Хаит, только в левой руке на уровне лица находится не чаша, а переносной алтарь огня[4]. Как и в нашем случае, платье женщины покрыто короткими насечками.

Известно схожее изображение женской фигуры на бронзовой пластинке из Тойтюбе. По мнению М. Е. Массона,— это жрица, фигура которой вплетена в растительный узор. Шарф тойтюбинской жрицы перехватывает руки выше локтя, и концы его оформлены двумя языками. В руке, поднятой на уровень лица, находится непонятный предмет, левая, опущенная вдоль тела, теребит конец шарфа[5].

Подобные сюжеты имеются и на оссуариях. Так, сходные фигуры с шарфом встречаются на оссуариях из Биянаймана и Муллакургана (Самаркандская обл.)[6] и Узкишлака (Кашкадарьинская обл.)[7]. Причем в последнем случае фоном служат ряды треугольников, не связанные композиционно два цветка и крупный плод граната. Согласно проведенному Г. Я. Дресвянской анализу, перед нами — сцена ритуальной пляски. Предложим все же свой вариант интерпретации, обратив особое внимание на изображение «выступающей впереди женщины с венком в руке, открывающей этот праздник». Ее левая рука поднята, возможно, в жесте адорации, в опущенной правой — повязка или венок. Видимо, этот персонаж играет главную роль, но является результатом действия трех первых фигур. На наш взгляд, это иллюстрация хорошо известных зороастрийских представлений: «Когда праведный умирал, его душа в протяжении трех дней сидела у головы умершего, распевая гаты... На рассвете четвертого дня душе праведного представляется, что она находится среди цветов и ароматов, ей кажется, как будто с южной стороны повеял ветерок, такой благоуханный, что душистее его нет ветра на земле. И мнится душе праведного, что она вдыхает своими ноздрями этот чудный запах и она думает: «Откуда дует этот ветер, благоуханнее которого я никогда не вдыхала своими ноздрями?» И вот благочестивому кажется, что его собственная совесть прилетела к нему в этом ветре в образе девы, прекрасной, стройной девуш-

---

[3] Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960, рис. 16; Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1974, с. 179.

[4] Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Очерки искусства Средней Азии, М., 1982, с. 236—237.

[5] Массон М. Е. Ахангеран, с. 52—53.

[6] Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках древнего Согда. — Известия отдела общественных наук АН ТаджССР, т. 2, Сталинабад, 1952, с. 56; Павчинская Л. В. Оссуарий из Муллакургана. — ОНУ, 1983, № 3, с. 47—48.

[7] Дресвянская Г. Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда. — ОНУ, 1983, № 3, с. 45—46.

ки с белыми руками и пышной грудью, какими бывают прекраснейшие девы на земле в 15 лет. И на вопрос души она отвечает: «О юноша благих слов, благих помышлений, благой веры, я твоя собственная совесть»[8].

Схожие представления имеются в Видевдате и более позднем пехлевийском сочинении «Менок-и-Храт»: «...На исходе третьей ночи к душе приближается den в виде девушки очаровательной. если человек прожил добродетельную жизнь, или безобразной, если он был грешником», т. е. den выступает не просто как дева-совесть, а как религиозный символ его (умершего) земной деятельности и веры[9].

В этом заключается сходство сцен на оссуариях из Узкишлака и Чанги, где в первом случае изображен момент, когда душа чувствует освобождение, облегчение — странное блаженство после трехдневного пребывания у изголовья умершего и аромат, и легкий ветерок (это символизируют цветы и плод граната, треугольники, а в нашем случае крупный трилистник и косые насечки), когда в сопровождении небесных музыкантов появляется дева-совесть (den), «дабы доставить душу к месту возвышенного и ужасного Моста Вознаграждающего (Чинват), к которому должен подойти каждый человек, чья душа спасена и чья душа проклята»[10].

В композиции на оссуарии из Чанги опущены все второстепенные действующие лица, перед нами только одна женская фигура с чашей для священного напитка. Закономерно возникает вопрос, почему в таком случае на лицевой стенке сосуда не одна, а три (одинаковые) фигуры? По-видимому, объясняется это тем, что den является составным образом, персонификацией религиозной праведности жизни усопшего и складывается из «благих мыслей», «благих слов» и «благих деяний». Вспомним отрывок из 22-го яшта, где на вопрос души дева отвечает: «О юноша благих слов, благих дел, благих помышлений, благой веры, я твоя собственная совесть». Отражается это и в Менок-и-Храте, что праведный в сопровождении den «с первым шагом вступает (на небеса) благих мыслей, со вторым — (на небеса) благих слов и с третьим — (на небеса) благих деяний. А с четвертым шагом он достигает Бесконечного Света, который весь блаженство... И навечно обитает со святыми божествами в полном блаженстве...»[11].

В то же время трехкратное повторение изображения, возможно, отражает числовой символизм, магику чисел, характерных для религий Востока. Так, в Авесте и Ведах часто повторяется трой-

---

[8] Цит. по: Кошеленко Г. А., Оразов О. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время.— ВДИ, 1965. № 4, с. 53—54.

[9] Фрай Р. Н. Зороастрийские представления о бессмертии души. — Народы Азии и Африки, 1967, № 3, с. 134.

[10] Дрезден М. Мифология древнего Ирана. — В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 359—360.

[11] Там же, с. 360.

ная молитва (заклинания), трехкратные жертвоприношения, повторения отдельных слов и магических формул, демонстрирующих почитание числа 3 или производных от него — 9, 27, 66, 99 и так далее. Не исключено, что в трехкратность изображения или погребального действия через идею смерти вкладывался символ новой жизни, возрождения (рождение — смерть — рождение) — важный аксессуар и конечная цель погребальной символики.

Женский персонаж на оссуарии из Чанги — это, безусловно, божество круга Анахиты, на что, с одной стороны, указывает венец в виде полумесяца и цветка, с другой — крупный трилистник рядом с фигурой, который издавна считался на Востоке символом богини плодородия. В торевтике и мелкой пластике известно много изображений Анахиты с трилистником в руке. Подчеркивает эту связь орнаментация задней стенки оссуария в виде перекрещенных, сильно схематизированных двух веток, в секторах между которыми нанесены треугольники с точкой, также издавна известные как магические знаки плодородия. Многие исследователи связывают изображения птиц, растительных символов, женщин с образом богини плодородия и священных вод — Анахитой. Любопытное наблюдение приводит М. Г. Воробьева, которая связывает образ женщины с шарфом на хорезмийских терракотах с образом богини воды, где шарф — это струи воды. Причем считает его привнесенным из Месопотамии, тогда как в Средней Азии он слился с образом местной богини воды — Анахитой[12].

Возможно, в образе именно этой богини изображены умершие на статуарных оссуариях, так как каждый из них считался слившимся со священным потоком Ардвисуры. Вот почему образ их в виде величавой молодой женщины лишен индивидуальности[13].

Действительно, очень напоминает изображение на оссуарии из Чанги канонизированное описание Ардвисуры Анахиты в яште 5, посвященном ей: «...стройная девушка с величественной осанкой, носящая венец из чеканного золота, украшенный звездами, серьги и золотое ожерелье. ...Роскошный плащ из меха выдры, расшитый золотом, окутывает ее». «Полная сил и бесстрашного величия, она сокрушает демонов, притеснителей, все вредные существа. Ахурамазда доверил ей заботу наблюдать над творением. Она обеспечивает плодородие природы и живых существ, покровительствует стадам и пастбищам»[14]. Возможно, во второй части отрывка и заключается смысл нашей композиции, где Анахита, с одной стороны, выступает как охранитель, сокрушая демонов, с другой — как божество плодородия и священных вод, которое встречает праведника в образе прекрасной девы с чашей в руках, символизирующей его воскрешение за праведную жизнь.

---

[12] Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты. — В сб.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 190—191.

[13] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 201, 205; Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 81—82.

[14] Дрезден М. Мифология древнего Ирана, с. 355.

Схожие представления, видимо, бытовали у других народов. Так, в тюркском мире и в рассматриваемое время, и значительно позже были распространены каменные изваяния в виде человеческой фигуры с сосудом в руках[15]. В верованиях многих народов чаша символизировала жизнь (возрождение), а опрокинутая или разбитая — смерть. Вполне вероятно, что в нашем случае чаша наполнялась священной хаомой, напитком, которому приписывалась способность продлевать жизнь, отстранять смерть[16].

Возможно, в данном случае функции Анахиты приравнивались к действию спасителей-саушайнты, чья задача в будущем — обеспечивать конечное бессмертие воскрешенных, приготовляя «белый Хом (Хаому)», напиток бессмертия, и «материальный мир на веки веков становится бессмертным»[17]. Но, видимо, появление спасителей-саушайнты и их функции — более позднее явление в эсхатологических представлениях зороастрийцев, возникшее под влиянием христианских учений. Раньше эти функции отводились Анахите, как божеству плодородия и священных вод. Как вода, орошая землю (растения, зерна), вызывает их к жизни, так Анахита, орошая священным напитком, возродит праведников.

Схожие функции, по-видимому, имели и другие Великие Богини-Матери. Поэтому нет ничего удивительного в изображении Анахиты (или божеств ее круга) на оссуариях как богини плодородия. Более того, они находят известные параллели среди образов других Великих богинь, которые почитались и в качестве Богинь-Матерей всего сущего и в качестве владычиц царства мертвых, в чьих руках находилось воздаяние за праведную жизнь и воскрешение в будущем (Кибелла, Афродита, Персефона-Деметра, Рея, Нанайя, Иштар).

Таким образом, оссуарий из Чанги указывает на распространение в восточной предгорной части Ташкентского оазиса оссуарного погребального обряда. Сам предмет по совокупности деталей (овальная форма, схематическое изображение перекрещенных веток растений, ленты-жгуты с защипами и антропоморфные фигуры) в кругу аналогий может быть датирован не позднее VI—VII вв. В целом он отражает безраздельное господство религиозных символов и условность в передаче образов в среднеазиатском искусстве малых форм, чему ярким примером служит наше изображение, в котором можно видеть, с одной стороны,

---

[15] По свидетельству Вильгельма Рубрука (нач. VIII в.): «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу.» — См.: Рубрук В. Путешествие в восточные страны. Пер. А. М. Малеина. Спб., 1911, с. 80; см. также: Степи Евразии в эпоху средневековья. — Археология СССР, М., 1981, рис. 22, 23; Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях. — ТС, 1977, М., 1981, с. 239, 243, рис. 2.

[16] Недаром постоянным эпитетом хаомы в Авесте служит «дурауша» с вероятным переводом «отдаляющая смерть». — См.: Дрезден М. Мифология древнего Ирана, с. 352.

[17] Дрезден М. Мифология древнего Ирана, с. 362.

деву-совесть (den), с другой — Анахиту. Обе интерпретации не исключают, а, возможно, дополняют друг друга: изображение женской фигуры могло сочетать в себе религиозный символ жизни умершего и представления (свойственные многим народам), связанные с обожествлением сил природы и поклонением им, чтобы гарантировать выживание. Подобно тому, как египетский бог растительности Осирис заново рождается каждый год, благодаря оплодотворяющему землю Нилу, куда бросают его растерзанное тело, так, по-видимому, в представлениях местных зороастрийцев человек возрождается к жизни (подобно урожаю), благодаря богине плодородия и священных вод — Анахите.

М. Р. ТИХОНИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РАБАДЕ ГОРОДИЩА КАНКА

При полевых исследованиях на городище Канка были выявлены следы керамического ремесла в его шахристане[1], южном рабаде[2], северо-западном рабаде[3]. Однако до настоящего времени совершенно отсутствует материал как по топографии, так и по характеру ремесла западного рабада Канки, освоенного под пашню. Поэтому большой интерес для нас представили поступившие весной 1983 г. из западного рабада материалы, включавшие керамический брак. Проведенными автором обследованиями местности в 800 м к западу от стены Шахристана III, было выявлено не менее восьми гончарных печей. Нами раскопана одна печь, где получен интересный материал — неизвестный ранее для ташкентского региона комплекс керамики.

Печь, округлая в плане, диаметром 2 м, вероятно, была двухкамерной. Сохранилась лишь подземная часть топочной камеры глубиной 50 см. В ней сохранились обломки пода и верхнего свода, между которыми находилось множество раздавленных керамических сосудов, представляющих комплекс продукции этой мастерской. Керамика сформована на гончарном круге с последующей подправкой острым костяным или металлическим ножом, лощением, штамповкой и резьбой.

Ведущие формы комплекса:

1. Высокий двуручный сосуд открытой формы с прямопоставленным или чуть отогнутым наружу венчиком — закругленным краем, с диаметром устья 14 см (рис., *1*). Сосуд формовался на песчаной подсыпке на гончарном круге. Его высота 21 см, толщи-

---

[1] Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 93.

[2] Абдуллаев К. А. Квартал керамистов городища Канка. — ИМКУ, вып. 11, Ташкент, с. 83—92.

[3] Древняя и средневековая культура Чача, с. 93.

на стенок от 0,5 до 1,0 см. Черепок в изломе плотный, оранжево-красного цвета, равномерного обжига. Глина тщательно промешанная. Следует отметить аккуратность изготовления сосуда. Вертикальные ручки формовались отдельно, затем прикреплялись к просохшей форме с последующим прикреплением к ним круглых налепов. Тулово сосуда после снятия с гончарного круга дополнительно обрабатывалось в калыбе для получения семи вертикальных каннелюр, начинающихся в 5,5 см ниже края венчика и имеющих длину 14,5 см, ширину 1,5 см при глубине до 0,5 см. С внутренней стороны каннелюры образуют негативные выступы.

Промежуточные плоскости между каннелюрами делятся пополам полоской, процарапанной острым предметом, и декорируются колосовидным штампованным орнаментом из парных миндалевидных листьев с рельефными прожилками. Высота «колоса» соответствует высоте каннелюр. Верхняя часть стенки сосуда от края венчика и до каннелюр заполнена пятью поясами орнамента. Набор из шести видов штампов (на всех сосудах этого типа) чередуется на каждом экземпляре по-разному, что придает каждому сосуду присущую только ему индивидуальность.

Первый пояс состоит из врезных равнобедренных треугольников вершинами вниз, изготовленных треугольным острием. Основания их равны 0,5 см, расположены на 0,5 см ниже края венчика. Между ними проштампованы миндалевидные листья с рельефными прожилками высотой 1,4 см, образующие второй пояс.

Третий пояс образован валиком с поперечными насечками, выполненными ножом по сырой глине. Ширина валика 0,4 см. Четвертый пояс состоит из кружков с рельефным изображением восьмилепесткового цветка диаметром 0,6 см.

Каждый элемент набора штампов изготовлялся отдельно. Об этом свидетельствуют некоторые различия в расстояниях между оттисками на форме. Процесс орнаментирования производился по глине, достаточно мягкой для получения четкого оттиска, в результате чего на внутренней стороне стенок образовывались негативные выпуклости. На некоторых сосудах видны отпечатки пальцев мастера, по мере необходимости поддерживавшего непросохшую стенку[4].

С двух сторон к тулову крепились вертикальные, эллипсовидные в сечении ручки. Верхняя часть — в 2 см от края венчика, нижняя — сливается с основанием. Сверху ручки имеют плоские налепы круглой формы, диаметром 2,5 см. Толщина ручек — 1,2 см, ширина — 2,0 см, расстояние между точками креплений — 11,5 см. Наполненный сосуд брали двумя руками.

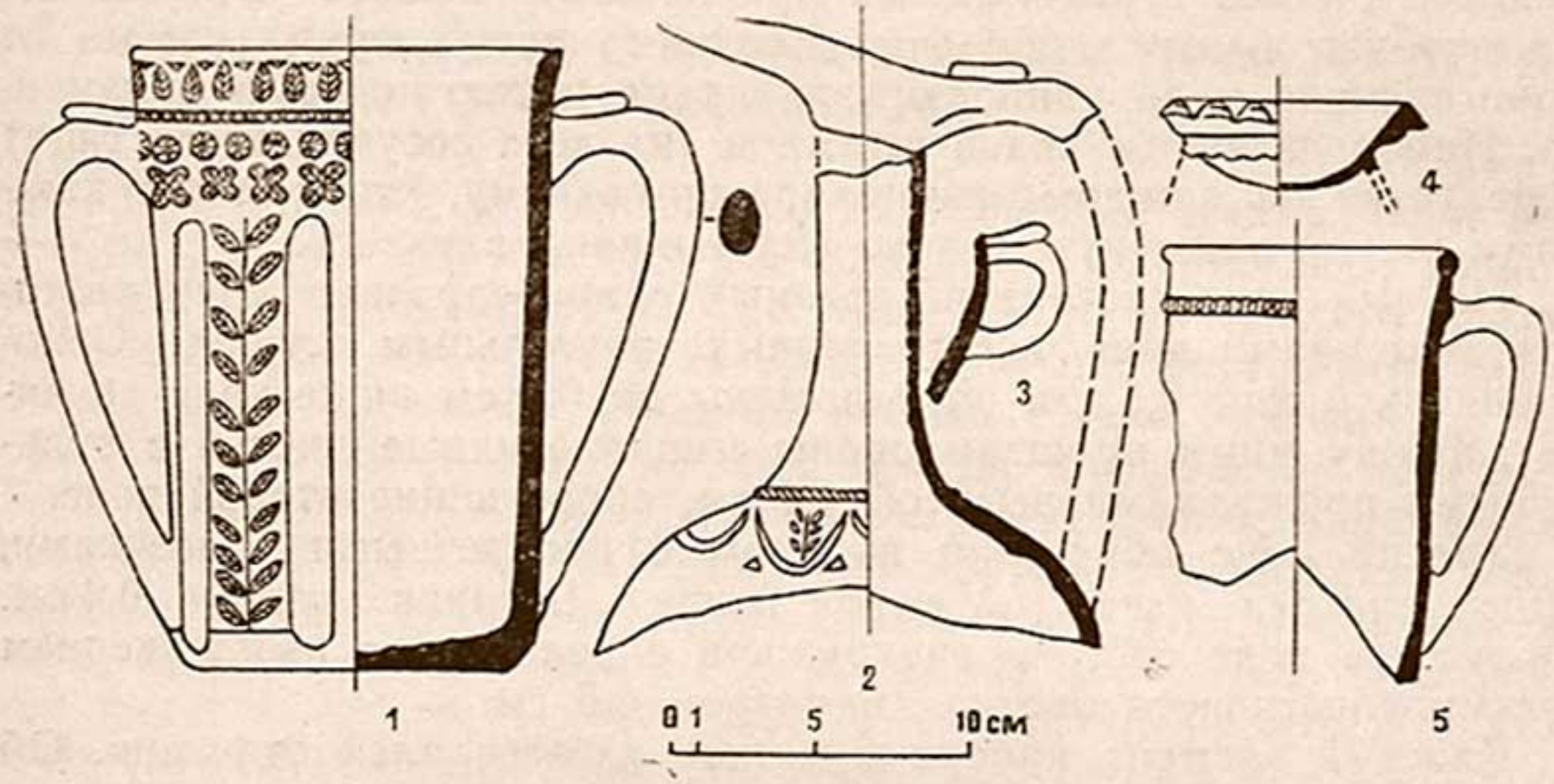
Эта форма самая многочисленная из всего комплекса. Изучение фрагментов всех образцов показало большую схожесть в раз-

---

[4] Мы считаем, что изучение дактилоскопических отпечатков — предмет специального исследования специалистов, с помощью которого можно проследить специализацию в керамическом производстве данной мастерской.

мерах их отдельных деталей. Данный тип сосуда, имеющий свои характерные особенности: две ручки, богатую орнаментацию, резервуар, превышающий по внутреннему объему известные нам формы кружек — мы предварительно назвали кубком. Полностью уточнить предназначение этой формы можно будет после обнаружения ее на раскопах близлежащих археологических объектов. Отметим, что идентичные штампы обнаружены и на других видах керамики указанного комплекса[5];

2. Узкогорлые кувшины, покрытые красным ангобом, с лощеной поверхностью, изящной ручкой, имеющей в верхней части упор, как на ручках кубков. Узкая горловина завершается приподнятым желобчатым носиком — сливом. Фрагменты нижней части горловин и верхней части округлых резервуаров насыщены штампованным и резным орнаментом (рис., *2*).



Керамический комплекс из печи западного рабада Канки.

Горловина изготовлялась отдельно от тулова и в месте скрепления оформлялась валиком шириной 0,4 см с косыми рифлениями. Ниже валика, в одном случае, изображена полоса фестонов из опущенных вниз полукружий. В полукружиях — изображения небольшого колоса, между ними вырезаны треугольники, аналогичные тем, что на кубках;

3. Кружка цилиндрической формы с одной ручкой, диаметром 11 см (рис., *5*). Ручка в сечении овальная, шириной 3 см, толщиной 1,5 см. Расстояние между точками креплений чуть более 15 см. Венчик овальной формы. В двух см от края кружки имеется рифленый валик, аналогичный валику на кубке. Это единственное украшение данного сосуда. Дно не сохранилось, но придонная часть имеет скругление, как и на двуручном сосуде. Стен-

[5] Следует сказать, что набор штампов в мастерской был более обширным: кроме упомянутых имелись еще ромбовидные листья, заполненные перлами, и стилизованные цветы, состоящие из кружка с перлами.

ки покрыты красным ангобом. Это единственная форма в данном комплексе, не имеющая налепа;

4. Фрагмент кружки с петлевидной ручкой и круглым налепом на ней (рис., *3*). Венчик — чуть скругленная подтреугольная закраина, на уровне которой начинается ручка с налепом. Дно не сохранилось, диаметр устья примерно 10—11 см, стенки овальные;

5. Один из немногочисленных типов керамики данного комплекса — курильница в виде открытой чашечки-плошки с подтреугольным венчиком-краем диаметром 8 см. Глубина резервуара 3 см. Венчик декорирован лунками, вдавленными пальцем мастера. Стенки толщиной от 0,2 до 0,4 см. К резервуару крепилось отдельно сформованное на круге пустотелое основание, расширяющееся книзу, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент.

Помимо упомянутых видов керамики в комплексе встречены аналогичные бракованные во время обжига формы. Это еще раз подтверждает местное изготовление комплекса.

Касаясь вопроса датировки и аналогий, мы констатируем, что в представленном комплексе наиболее известной формой являются кувшины с узким горлом, приподнятым желобчатым носиком-сливом, которые датируются по материалам, собранным на обширной территории, например, в Несефе[6].

Г. В. Шишкина на примере Афрасиаба проследила эволюционное развитие этой формы кувшинов от утяжеленного с каплевидным туловом, датированного монетой VIII в. до получившего более изящную форму и украшенного гофрами в конце VIII — начале IX в.[7], когда подобные красноангобированные кувшины начинают глазуроваться. Причем автор ограничивает время производства и распространения краснолощеных узкогорлых кувшинов концом VIII — началом IX в.[8], что подтверждается нашими раскопками, при которых не встречено поливных образцов. На развитии этой формы можно проследить аналогичные и различные варианты в технологии производства Согда и Чача. В Согде эти кувшины начинают глазуроваться[9], тогда как в Чаче (на примере Канки) этого не наблюдалось.

Таким образом, наш отдельный вариант кувшина из комплекса керамической мастерской, имеющий широкие аналогии и в материалах городища Канка[10], датируется началом IX в., так как эта форма обильно декорирована в подражание металлической посу-

---

[6] Разведочные работы 1973 г. кафедры археологии ТашГУ в Кашкадарьинской области под руководством Н. И. Крашенинниковой, датирующей их концом VIII — началом IX в.

[7] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979, с. 21—23.

[8] Там же, с. 23.

[9] Там же, с. 21.

[10] Раскопки автора 1983 г. на Р—7а городища Канка.

де, хорошо известной на территории от Ирана до Византии[11]. Этот прием ввиду начавшегося в IX в. серебряного кризиса, нашел свое место в керамике[12]. Подобную же датировку можно проследить на представленной в комплексе кружке с петлевидной ручкой с налепом. Она хорошо датируется в комплексе Афрасиаба. Хотя наш вариант кружки имеет овальное тулово без срезов по плечикам, они хорошо взаимосвязаны своим происхождением и технологическими приемами изготовления материала (качество черепка) и самого изделия (круглый налеп по форме и размеру соответствует налепам на других формах комплекса). Схожие по форме кружки известны и в материалах других исследователей[13].

Кружка цилиндрической формы с круглым венчиком и вытянутой вертикальной ручкой, с рифленым пояском на тулове. Закругление тулова у основания может быть местным видоизменением того вида кружек, которые имели цилиндрическое горло, отделенное валиком от округлого тулова[14]. В нашем случае горло сосуда целиком превратилось в тулово, причем валик на кубках и кувшинах остался как рудимент, ставший элементом декорации. Поясок с рифлениями является связующим звеном между всем набором форм нашего комплекса.

В данной статье мы не останавливаемся на подробном исследовании обнаруженной в комплексе курильницы. Эта форма постепенно трансформировалась из более ранних, которые лепились от руки из одного куска глины и даже не всегда обжигались[15]. Подобные формы известны с IV в. н. э.[16] Развитие данной темы — дело отдельного исследования. Единственно, что мы можем сказать, данная форма курильницы, продатированная материалами IX в. н. э., встречена впервые.

В заключение следует сказать, что печь, открытая в полевой сезон 1983 г., дала совершенно новый материал, который позволяет высказать новые суждения о развитии керамического ремесла и прикладного искусства в начале IX в., когда только начинали складываться города мусульманского средневекового Востока. Б. Н. Заходер, например, отмечает, что города этого периода имели полуаграрный характер, а селения, как правило, занимались

---

[11] Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975, с. 172, рис. 264.

[12] Рempель Л. П. Художественная форма Средней Азии IX — начала XIII вв. Ташкент, 1983, с. 12.

[13] Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии. — СА, 1971, № 2, с. 251—254; Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиаба. — КСИИМК, вып. XXXVI, М.—Л., 1951, с. 137.

[14] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда, табл. XXXV, рис. 19; Абишева Б. Р. Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афрасиаба. — ИМКУ, вып. 17, 1982, с. 122.

[15] Подобные формы курильниц встречены во время раскопок архитектурного комплекса близ городских ворот Шахристана III, городища Канка в слое V—VI вв.

[16] Филанович М. И. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва. — ТЮТАКЭ, т. 16, с. 34.

тем или иным видом ремесленного производства[17]. Это положение, на наш взгляд, подтверждает «аграрная» специфика штампованного орнамента нашего комплекса: колос, лист, цветок.

Находка данного керамического комплекса на месте его непосредственного производства, позволяет опровергнуть мнение некоторых специалистов, что неполивная керамика в связи с появлением глазурованной в IX в. имела некоторую тенденцию к огрублению[18]. Это суждение, на наш взгляд, является слишком общим, что хорошо подтверждается для округи городища Канка нашим примером. Глазурованная керамика IX в. хорошо известна по материалам Бинкета[19], да и самого городища Канка[20], дата которой подтверждается нумизматическим материалом. На примере керамической мастерской видно, что краснолощеная керамика продолжает бытовать в IX в. наряду с поливной, причем совершенствуется не только технология ее изготовления — мастера-керамисты пытаются искать совершенно новые формы.

Судя по описанному пока уникальному для Чача комплексу, происходящему из крупнейшего города ташкентского оазиса, дальнейшие исследования его пригородов дадут новые значительные результаты в области ремесленного производства, прикладного искусства, в вопросах взаимодействия самого города с сельской округой.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 7 (Караханиды)

Новая дахкетская монета

Недавно нами была опубликована первая монета Дахкета — дирхем, битый в 417/1026—27 г. от имени Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна[1]. Позднее в собрании Музея истории народов Узбекистана (г. Ташкент) нам удалось обнаружить еще одну дахкетскую монету[2], описание которой и приводим.

1. Дахкет, 403/1012—13 г.

Об. ст., поле: Сана ад-Даула Йинал-тегин.

Л. ст. В поле: لا إله إلا الله Об. ст. В поле: محمد

---

[17] Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства Сельджукидов. — Вопросы истории, 1945, № 5, 6, с. 124.

[18] Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 282.

[19] У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 175.

[20] Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 10.

[21] Кочнев В. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1. — ИМКУ, вып. 14, Ташкент, 1978 с. 128.

[2] Музей истории народов Узбекистана (далее — МИУз), инв. № 123/150.

محمد
رسول الله
سنا الدولة
ينالتكين

Все в линейном ободке.

الله وحده
لا شريك له
Кругом слитно: بسم الله ضر بهذا
الفلس بدخكت سنة ثلث و اربعمئة

Все в линейном ободке.

Согласно музейному определению, данный фельс выпущен в Ходженде. Однако внимательное изучение круг. лег. л. ст., показало, что такое чтение невозможно. После слова «ал-фельс» и предлога буква из группы «каф» или «дал» (из-за слитного написания они не различаются), затем «ха» или «джим», далее опять «каф» или «дал» («зал») и в конце знак в виде зубца. Все вместе дает كحكك , دحكك , كحدك , دحدك или كحدن . دحدن С проставлением точек число вариантов возрастает, но единственно приемлемым представляется دخكت т. е. Дахкет.

В типовом отношении отличается от описанного еще один фельс из того же собрания[3].

2. Дахкет (?), 403/1012—13 г.

Об. ст., поле: Сана ад-Даула Хан; круг. лег.: ал-Амир ал-Аджалл Мухаммад б. ʿАли Маула [Амир ал-Муминин].

Л. ст. В поле, как № 1. Внутренняя круговая легенда слитная, как № 1, но наименование монетного двора сохранилось хуже. Внешняя круговая легенда частично стерта или неразборчива.

Об. ст. В поле, как № 1, но вместо ينالتكين стоит خان
Между внутренним двойным (линейный вокруг точечного) и внешним однолинейным (?) ободками: مما امر به الامير الاجل محمد بن على مولى...

Наименование монетного двора здесь очень похоже на название города на предыдущем фельсе, но верхушки букв не сохранились, а потому неясно, что являет собой второй знак — простой зубец (каким он сейчас выглядит) или «ха» с утраченной вершиной. Таким образом, дахкетское происхождение данного фельса вполне вероятно, но может быть доказано только при наличии экземпляра лучшей сохранности.

Попытаемся определить в связи с какими политическими событиями мог быть связан выпуск дахкетских фельсов 403/1012—

[3] Там же, инв. № 123/151.

13 г. Около рубежа IV и V вв. хиджры во главе всех караханидских владений, исключая Восточный Туркестан, стоял верховный государь Тоган-хан Ахмад б. ʿАли. Большей и наиболее богатой частью этого государства, включая Центральный Мавераннахр, фактически владел его брат Наср б. ʿАли, но в феодальной иерархии он формально занимал лишь второе после Ахмада место и не имел права на ханский титул, а лишь на следующий по значимости титул илек. По данным Джамала ал-Карши[4], Наср умер в 402/1011—12 г., согласно Утби — в 403/1012—13 г., причем, по словам последнего, в Мавераннахре ему наследовал Тоган-хан[5]. В целом монеты подтверждают эти слова, но одновременно показывают, что картина была намного сложнее, поскольку после смерти Насра началось перераспределение бывших его владений и мест в феодальной иерархии.

До 403/1012—13 г. Мухаммад б. ʿАли на монетах обычно именуется Сана ад-Даула Арслан-тегин, с этого же года — Йинал-тегин, как и на публикуемом дахкетском фельсе. Однако в том же году и, быть может, в том же Дахкете выпускаются фельсы, в надписях которых после лакаба Сана ад-Даула, бесспорно принадлежавшего Мухаммаду б. ʿАли, стоит титул «хан». Такая позиция исключает отнесение последнего к кому-либо, кроме Мухаммада, хотя этот владетель, судя по многочисленным монетным данным, оставался удельным правителем вплоть до конца своего властвования, длившегося еще более десятка лет. Можно было бы предположить здесь недосмотр резчика монетного штемпеля, допустившего перестановку титула и лакаба, однако этому предположению противоречит наличие точно такого же порядка слов еще на одном фельсе 403/1012—13 г. В типовом отношении он во всем подобен публикуемой монете № 2 вплоть до двойной круговой легенды л. ст. и обрамляющего слово لله полумесяца в поле об. ст. Но монетный двор совершенно иной. А. К. Марков видел здесь Бухару[6], Р. Р. Фасмер — Бинкет[7], на самой же монете[8], несмотря на очень мелкую надпись плохой сохранности, перед компонентом «кет» удается разглядеть длинный зубец после двух коротких. Учитывая слитность надписи все слово можно читать как بناكث, т. е. Бенакет. Если слово разобрано верно, перед нами самая ранняя бенакетская монета. Но в любом слу-

---

[4] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. Спб., 1898, с. 132.

[5] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. 1. М., 1963, с. 336.

[6] Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896, с. 226, № 227.

[7] Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden.—Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, XXXIII. Berlin, 1930, с. 90, прим. 3.

[8] Государственный Эрмитаж (далее — ГЭ), инв. № 13664.

чае это не тот город, что упомянут на публикуемом фельсе № 9, а значит предположение об ошибке монетария отпадает.

Остается допустить, что после смерти Насра наступило такое изменение политической ситуации, которое позволило Мухаммаду претендовать на высший в государстве ханский титул, правда, в течение очень непродолжительного времени, ибо впоследствии Мухаммад либо тегин либо илек. С этими переменами как-то связан и выпуск дахкетских фельсов 403/1012—13 г.

К чекану Дахкета следует, быть может, отнести еще одну караханидскую монету. В свое время она хранилась в коллекции Е. А. Пахомова, ныне ее местонахождение не известно, но это не Эрмитаж. Однако в хранящейся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа картотеке Е. А. Пахомова имеется карточка с описанием ее об. ст. и протиркой, что позволяет дать полное описание.

3. Дахкет (?), 432/1040—41 г.

Л. ст., поле: Бугра-хан; об. ст., поле: ал-Малик ал-Музаффар Султан ад-Даула.

Л. ст. В поле, как № 1. Вверху — بغرا, внизу — «хан» (уйгурским письмом). Выпускные сведения — квадратом: بسم الله ضر / بهذا الدر هم / بد خكت (؟) سنة اثنى / و ثلثين و أربع مائة

Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст. В поле: لله محمد رسول الله القائم بامر الله الملک المظفر سلطان الدولة

Кругом, между внутренним линейным и внешним линейно-насечным ободками, Коран, IX, 33.

Название монетного двора Е. А. Пахомов не прочел, хотя на самом дирхеме оно есть; очевидно, оно не походило ни на одно из известных ему по литературе либо по натуре наименований среднеазиатских монетных дворов. Судя по протирке, перед окончанием «...кет» стоят по меньшей мере две буквы, из коих первая — определенно «дал» («зал»), вторая — возможно, «ха» («джим»). Все вместе дает как будто دخكت, т. е. «Дахкет». Во всяком случае дахкетское происхождение данной монеты вполне вероятно.

Упомянутому на л. ст. Бугра-хану принадлежит и проставленная на об. ст. титулатура «ал-Малик ал-Музаффар Султан ад-Даула»; оба ее компонента встречаются то порознь, то вместе на многих его монетах. Принадлежала эта титулатура Мухаммаду б. Йусуфу. Судя по монетам Шаша 433/1041—42 и Тункета

433/1041—42 или 436/1044—45 гг., в число его владений входили в это время Шаш с Илаком[9], а значит и Дахкет.

Независимо от того, подтвердится ли в дальнейшем предположение о дахкетском происхождении монет №2 и 3, остается несомненным самый факт выпуска в Дахкете в 403/1012—13 г. мелкой разменной монеты. Напомним, что по сведениям авторов X в., Дахкет (Адахкет) был небольшим городом (по «Худуд ал-Алам» — городком) в Илаке. Археологические материалы как будто подтверждают такое определение: по данным Ю. Ф. Бурякова, отождествляемое с Дахкетом городище в селении Дукент занимает площадь около 8 га. Впрочем, прежде оно было крупнее, но насколько, судить трудно, так как значительная часть памятника уничтожена[10].

Нумизматические данные заставляют по-новому взглянуть на характеристику Дахкета. Единственный выпуск еще можно было бы счесть случайным эпизодом, но теперь перед нами монеты с двумя датами (с разницей в 14 лет), причем в обоих монетных металлах того времени (золото в XI в. Караханиды не чеканили). Независимо от номинала, всякая раннекараханидская монета, помимо всего прочего, выполняла функции своего рода политической прокламации. Как мы уже отмечали, наиболее вероятно, что чеканкою дахкетских дирхемов 417/1026—27 г. Кадыр-хан стремился не столько увеличить серебряную денежную массу, сколько официально закрепить в сознании населения страны самый факт захвата Дахкета. Поскольку около 403/1012—13 г. в Караханидском государстве имели место важные политические перемены, фельсы этого года, вполне возможно, призваны были сыграть примерно ту же роль, хотя и в меньших масштабах, ибо расходились не так широко, как дирхемы. С другой стороны, чеканка мелкой разменной монеты была очень выгодным предприятием, так что могла производиться в интересах казны, но, очевидно, лишь в том случае, если в такой монете была потребность, хотя бы минимальная. Иными словами, не имело бы смысла отмечать факт овладения Дахкетом или выпускать для него мелкую разменную монету, если бы это был столь незначительный город, как представляется по данным письменных источников. Однако все они относятся к X в., нумизматические же источники свидетельствуют, на наш взгляд, о возросшем в первой половине XI в. значении Дахкета.

Если прав Ю. Ф. Буряков, помещающий Дахкет в Дукенте, то он находился неподалеку от Абрлыга, Намудлыга и Кух-и Сима; это тем более вероятно, что средневековые авторы при перечис-

---

[9] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным). — Сб.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 154—156.

[10] Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с. 153—157.

лении илакских городов обычно упоминают Кух-и Сим и Дахкет вместе[11]. Все четыре города располагались по верхнему течению Ахангарана, в наибольшей (по сравнению с прочими илакскими городами) близости к важнейшим рудникам серебра и отчасти золота, т. е. к тому, что составляло основу экономики Илака. Быть может, Дахкет в раннекараханидское время стал чем-то вроде административного центра этого горнорудного округа (но, конечно, не всего Илака). Тогда становится понятным, почему в Дахкете чеканилась монета вообще и почему овладению этим городом придавалось такое значение.

О двух илакских дирхемах Арслан-хана

Несколько лет назад мы опубликовали два однотипных дирхема Илака с упоминанием Арслан-хана в поле об. ст., после халифа Кадыра. Дата сохранилась очень плохо: уверенно читается только عشر . . . т. е. неполностью уцелевшее عشر («десять») или عشرين («двадцать»), слово же перед ним можно принять и за تسع («девять») и за ثلث («три»). Поскольку на л. ст. под символом веры стоит кунья Бу Шуджа‘, мы предположили, что это вторичное упоминание Арслан-хана Сулаймана б. Йусуфа, имевшего кунью Абу Шуджа‘. Последний принял ханский титул только в 423/1031—32 г., поэтому датой указанных монет может быть либо 423/1031—32 г., либо 429/1037—38. В любом случае получается анахронизм: упомянутый на монетах халиф Кадыр умер еще в 422/1030 г. Учитывая, что при первом варианте реконструкции даты анахронизм меньше, мы сочли более предпочтительной дату 423/1031—32 г.[12]

За истекшие с тех пор годы обнаружить аналогичные монеты лучшей сохранности не удалось, однако накопился новый нумизматический материал, заставляющий пересмотреть атрибуцию и датировку описанных дирхемов. Речь идет прежде всего о многочисленных, представленных рядом дат и многими штемпелями дирхемах, чеканенных в Тункете и Шаше в 420-х гг. х. При сопоставлении их с упомянутыми дирхемами Илака обращает на себя внимание разница в облике, в частности в почерке: в надписях первых буквы относительно широкие, легенды вторых исполнены более тонкими линиями и в этом отношении гораздо ближе к надписям монет Арслан-хана Мансура б. ‘Али (405—415/1014—1025).

Выбитая на илакских монетах титулатура верховного государя ал-Малик Арслан-хана, не содержит элементов, позволяющих дать уверенную ее атрибуцию, но именно в такой форме известна

---

[11] Там же, с. 13 (рис. 1), с. 153—155.
[12] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 155—156.

лишь для Мансура б. ‘Али. Как ал-Малик Арслан-хан он упомянут на монетах Ахсикета 405/1014—15[13] и 410/1009—10 гг.[14], Узгенда 413/1022—23 г.[15], Шаша 413—414/1022—24 гг.[16], Тункета 415/1024—25 г.[17], а сочетания ал-Малик Арслан-хан ал-‘Адил, ал-Малик Арслан-хан Абу-л-Музаффар встречаются и во многих других случаях. На монетах 423—429/1031—38 г. Сулайман б. Йусуф именуется Арслан-ханом, Арслан-хаканом, Арслан Кара-хаканом, лишь титулатура, проставленная на дирхеме Куз Орду 424/1032—33 г.[18], близка к выбитой на илакских дирхемах, но не идентична ей: ал-Малик ал-‘Адил Арслан-хан. Показательно, что на дирхемах, чеканенных в соседнем с Илаком Шаше в 425—426/1033—35 гг.[19], он назван просто Арслан-ханом. И на этих монетах, и на других дирхемах Шаша и Тункета 421—430/1030—39 гг. обязательно упомянут Мухаммад б. Йусуф (Малик ал-Машрик Мухаммад б. Кадыр-хакан, Мухаммад б. Кадыр-хакан, Султан ад-Даула, Кавам ад-Даула, Бугра Кара-хакан). Коль скоро Ташкентский оазис в те годы входил в состав владений Мухаммада б. Йусуфа, следовало бы ожидать какой-то из вариантов этой титулатуры и на его монетах Илака, но на рассматриваемых илакских дирхемах ничего подобного нет.

Таким образом, и облик монет, и проставленная на них титулатура, и имя халифа Кадыра — все склоняет к тому, чтобы относить их ко времени Мансура б. ‘Али. Единственное, что казалось бы, противоречит такому заключению — наличие куньи Бу Шуджа‘. Принадлежность куньи Абу Шуджа‘ Сулайману б. Йусуфу засвидетельствована и письменными источниками, и монетными надписями[20]. В связи с этим мы и отнесли к чекану Сулаймана разбираемые илакские дирхемы, однако даже чисто теоретически можно предполагать наличие ее и у какого-то другого лица. Помимо монет Сулаймана она встречается в первой половине XI в. только один раз — на фельсах Илака 399/1008—09 г.[21], в надписях которых упомянут Абу Шуджа‘Салар б. Мухаммад.

Как явствует из нумизматических данных, он принадлежал к династии дихканов Илака, владевших этой областью еще при Саманидах, при Караханидах же получивших право монетной чеканки. До сих пор были известны фельсы дихканов Илака

---

[13] Дирхем из Букинского клада. — МИУз, инв. № 388/130.
[14] Дирхем из Тойтюбинского клада 1968. — МИУз, инв. № 392/845.
[15] Государственный Исторический музей в Москве (далее — ГИМ), инв. № 499226.
[16] ГИМ, инв. № 499272, 499345, 499346.
[17] Тойтюбинский клад. — МИУз, инв. № 392/397.
[18] Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 851, № 381 а.
[19] Дирхемы из хранящегося в МИУз Кукельташского клада (КП 468).
[20] Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах. — Народы Азии и Африки, 1968, № 1, с. 72.
[21] Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 219, № 193.

382—399/992—1009 гг.[22], выпущенные тремя представителями этой династии: Мансуром б. Ахмадом, Мухаммадом б. Мансуром и Саларом б. Мухаммадом. Судя по монетам, второй сменил первого между 389/998—999 и 391/1000—01 г., а Салар получил власть между 395/1004—05 и 399/1008—09 гг. Коль скоро дед последнего был жив еще около рубежа X—XI вв., то Салар б. Мухаммад вполне мог оставаться в живых и к концу первой четверти XI в. Поэтому очень правдоподобным представляется предположение, что рассматриваемые илакские дирхемы относятся к 413/1022—23 или 412/1021—22 г.[23], а упомянутый на них Бу Шуджа‘ — это дихкан Илака Абу Шуджа‘ Салар б. Мухаммад. Если данная гипотеза верна, то время правления династии дихканов Илака продлевается более чем на десять лет.

Правда, М. Н. Федоров считал, будто в 401/1010—11 г. Мухаммад б. ‘Али завоевал Илак и «упразднил» местную династию (в этом году он выпускал монеты в илакском городе Тункете), но мы уже указывали, что монетные данные не позволяют установить точную дату утраты дихканами Илака власти над областью[24]. Действительно, они никак не упомянуты на илакских фельсах 393/1002—03 г. (один из типов) и 394/1003—04 г., хотя в это время Мухаммад б. Мансур определенно владел Илаком[25]. Никто из дихканов не фигурирует в надписях известных илакских монет 400—411/1009—21 г., но это не обязательно должно свидетельствовать о полной утрате власти над областью, а может быть связано с лишением части прав, в частности, монетной регалии. Рассмотренные же илакские дирхемы с куньей Бу Шуджа‘ свидетельствуют, возможно, о том, что после 411/1020—21 г. дихкан Салар б. Мухаммад вновь получил некоторые из прежних прав, включая право монетной чеканки. Иными словами, он владел Илаком, быть может, все это время, но с разным объемом прав.

Новые монеты, чеканенные в Шелджи

Первую монету, битую в Шелджи, выявил и опубликовал М. Н. Федоров — это дирхем 413/1022—23 г. из собрания Музея истории народов Узбекистана[26]. Позднее в составе хранящегося в том же музее Тойтюбинского клада 1968 г. удалось выявить еще

---

[22] Наиболее полную сводку илакских фельсов этого времени см.: Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 116.

[23] Слово, обозначающее единицы, может быть прочитано как ثلث («три») или اثنا («два»); предполагавшийся прежде третий вариант (تسع) не согласуется с временем правления Арслан-хана (405—415 гг.).

[24] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 124—126.

[25] Там же, с. 124.

[26] Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. — НЭ, т. XI, М., 1974, с. 163.

три аналогичных дирхема[27]. Две однотипные неизданные монеты Шелджи оказались в том же кладе[28] и в Кульатинском кладе[29].

4. Шелджи, 414/1023—24 г.

Об. ст., поле: Хан, Самсам ад-Даула Йаган-тегин.
Л. ст., в поле как № 1, вверху عدل . внизу ح · Кругом:

بسم الله ضرب هذا الدرهم
بشلجى سنة اربع عشر و اربعمائة

Все в линейном ободке.

Об. ст. В поле: لله
محمد رسول الله
ألقادر بالله خان
صمصام الدولة
يغا نتكين

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, Коран, IX, 33.

Проставленный на об. ст. лакаб Самсам ад-Даула до сих пор вообще не был зафиксирован у Караханидов, соответственно неизвестна и его принадлежность. Отвлеченно говоря, его можно относить как к Хану, так и Йаган-тегину. Однако на подавляющем большинстве караханидских монет лакаб связан не с предшествующим, а последующим тюркским титулом, и если принадлежит носителю этого титула, проставляется перед ним, а не после него (Кутб ад-Даула Хан, Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Хакан, Насир ал-Хакк Хан, Шамс ад-Даула Арслан-хан, Нур ад-Даула Хан, Сана ад-Даула Арслан-тегин, Сана ад-Даула Йинал-тегин, Адуд ад-Даула Чагры-тегин и т. д.). Следовательно, лакаб Самсам ад-Даула относится к Йаган-тегину, который на дирхеме Шелджи 413/1022—23 г. назван Йусуфом б. Мансуром.

На монетах Шелджи 413/1022—23 г. и 414/1023—24 г. сюзерен его упомянут анонимно, в безличной форме Хан. М. Н. Федоров обратил внимание на эту особенность и истолковал ее следующим образом. Шелджи находился в долине Таласа, в пределах владений Арслан-хана, но неподалеку от владений Кадыр-хана. Учитывая близость опасного соседа, Йусуф б. Мансур «из осторожности» не стал в монетных надписях уточнять, кого считает сюзереном — Арслан-хана или Кадыр-хана[30]. Как показывают другие синхронные случаи анонимности верховного государя, подобная точка зрения принята быть не может. Например, на дирхемах соседнего Тараза 408—09/1017—19 гг. сюзерен Мухаммада б. ‘Али Илека тоже назван анонимно Ханом[31], но кто скрывается

[27] МИУз, инв. № 392/502—504.
[28] МИУз, инв. № 392/722.
[29] МИУз, инв. № 398/453.
[30] Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в., с. 163.
[31] Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 233, № 266—267.

за этим титулом, разъясняют надписи таразских серебряных монет 407/1016—17 и 410/1019—20 гг.[32] — это Арслан-хан, сюзерен того же Мухаммада б. ʿАли. Последний и позднее, в частности на дирхемах Тараза 413—414/1012—14 гг.[33], одновременных шелджинским, именует своего сюзерена просто Ханом. Совершенно невозможно представить, чтобы илек Мухаммад, второе лицо в государстве после Арслан-хана, владевший в то время очень многими городами и областями, не решался открыто признавать сюзеренитет Арслан-хана, опасаясь сильного соседа (кстати, не столь уж и близкого: Тараз отделен от принадлежавшего Кадыр-хану Восточного Туркестана многими хребтами Тянь-Шаня). Очевидно, все объясняется гораздо проще: в государстве Арслан-хана другого носителя ханского титула не было, а потому и без уточнений современникам было ясно, кого именно называют Ханом легенды некоторых монет.

Следовательно, нет никаких оснований вкладывать в анонимность сюзерена политический смысл и видеть в ней приметы лавирования ловкого вассала в условиях сложной или неопределенной ситуации. Таким образом, упомянутый на дирхемах Шелджи Хан — это Арслан-хан Мансур б. ʿАли[34], т. е. отец владетеля Шелджи Йусуфа б. Мансура.

По монетам нам известны имена еще двух сыновей Арслан-хана — Ахмада б. Мансура и ал-Хусайна б. Мансура. Первый фигурирует в надписях дирхемов Ахсикета 410/1019—20 г.[35] и Узгенда 409/1018—19[36] и 410/1019—20[37], второй — в легендах монет Бухары 406—407/1015—17 гг.[38], т. е. Ахмад владел двумя важнейшими городами Ферганы, включая столичный, ал-Хусайн — одним из крупнейших центров всего Мавераннахра, недавней саманидской столицей. Коль скоро их брат получил в качестве удела Шелджи, эта область имела для Караханидов, очевидно, не меньшее или, по крайней мере, весьма важное значение, которое сохранилось и во второй четверти XI в. Об этом свидетельствует один неизданный дирхем[39].

5. Шелджи, 432/1040—41 г.

Л. ст., поле: Бугра-хан; об. ст., поле: ал-Малик ал-Музаффар Султан ад-Даула.

---

[32] Там же, с. 229, № 245; с. 233—234; № 272.

[33] Тойтюбинский клад. — МИУз, инв. №№ 392/711, 713, 714.

[34] Нумизматические доказательства принадлежности титула Арслан-хан Мансуру б. ʿАли см.: Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов. — История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 221.

[35] Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 924, № 275 а.

[36] Там же, с. 234, № 274.

[37] ГИМ, инв. № 499268.

[38] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 138—139.

[39] ГИМ, инв., № 499364.

Л. ст. Как № 3, но выпускные

Об. ст. Как № 3, но внешний ободок не сохранился.

сведения иные (بشلجى سنة اثنا.../ و اربع مائة),

а внешний ободок не уцелел.

Дата восстанавливается без труда, хотя слово, обозначающее в ней десятки, не сохранилось. Это не может быть ни 422/1030—31 г., когда Мухаммад б. Йусуф еще не был Бугра-ханом, ни 442/1050—51 г., ибо в 440-х годах хиджры его монетная титулатура выглядела несколько иначе. Титулатура же, проставленная на публикуемом дирхеме Шелджи, полностью совпадает с выбитой на серебряных монетах Дахкета (?) и Тараза 432/1040—41 г.[40] вплоть до размещения отдельных ее компонентов; по существу все эти монеты относятся к одному и тому же типу.

Число монетных дворов, функционировавших во владениях Мухаммада б. Йусуфа в 20-х—30-х гг. V в. хиджры, невелико: это Тараз, Шаш, Тункет[41], Наукат (?)[42], Ходженд[43] и, как теперь выясняется, Шелджи и Дахкет (?). Первые пять — наименования обширной области и крупных городов. Тункет и Наукат были важнейшими центрами Илака. Появление в этом ряду Шелджи, безусловно, не случайно.

Под наименованием Шелджи в домонгольское время известны город и включавшая его небольшая область по верхнему течению Таласа. Собственно, то была «подобласть», входившая обычно в состав области Тараза, подобно тому как Илак нередко считался частью Шаша. В Илаке были свои правители, именовавшиеся дихканами и сохранившие власть вплоть до начала XI в.; в анонимном сочинении XII в. «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» есть сведения (восходящие к намного более раннему времени) о царе Шелджи. В области насчитывалось всего четыре города, из которых, по словам Мукаддаси, Текабкет и Сус были большими, Кул — меньше Суса, Шелджи — небольшим городом. Область славилась своими серебряными рудниками, о которых упоминают авторы X в. Истахри и Мукаддаси. По археологическим данным, особенно интенсивно они разрабатывались в IX—XI вв.[44] Рудники Шелджи «могли выдержать соперничество» с илакскими, а об их значении может свидетельствовать приток иностранцев в город Шелджи, где, по преувеличенным данным

---

[40] ГЭ, инв. № 13906, 13907.

[41] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 153—156.

[42] ГЭ, инв. № 13841. А. К. Марков (Инвентарный каталог..., с. 252, № 383) отнес этот дирхем к Тункету, но монетный двор — نو كث, т. е., скорее всего, Наукат.

[43] Catalogue Illustré des collections remarquable. Collection de Mr. E. E. Oliver des Indes Britanniques. J. Schulman. Amsterdam, 1907, с. 6, № 94.

[44] Бубнова М. А. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (Рудничный район Шельджи). — СА, 1963, № 2, с. 85—93.

Мукаддаси, будто бы собиралось до десяти тысяч исфаханцев[45]. Даже завоевание Тараза, предпринятое в конце IX в. Саманидом Исма'илом б. Ахмадом, М. Е. Массон объясняет стремлением овладеть богатой серебром областью[46].

В свете приведенных данных становится понятным существование монетного двора в Шелджи и тот факт, что небольшая по размерам область составляла удел сына верховного государя. Несколько труднее определить местоположение этого монетного двора. Если его наименование есть название города, то он располагался на месте городища Садыр-Курган, с которым отождествляется город Шелджи[47]. Если же подразумевается вся область, то монетный двор находился в главном ее городе, каковым М. А. Бубнова считает Текабкет, локализуемый на месте городища Актепе (близ г. Таласа)[48].

Наличие монет Шелджи с тремя датами — важный показатель значимости данной области при Караханидах. Не следует думать при этом, что коль скоро предшествующий чекан ее не известен, ее значение возросло именно в первой половине XI в. При Саманидах выпуск дирхемов был сосредоточен в нескольких пунктах, тогда как при Караханидах с их удельной системой серебро чеканилось на многих монетных дворах.

Т. И. ЛЕБЕДЕВА

О САМАРКАНДСКИХ ТАГХОНА

Во время полевых работ на Афрасиабе в 1979—80 гг. в процессе раскопок слоев раннесредневекового квартала были обнаружены подземные куполообразной формы помещения, относящиеся к концу VIII—IX вв., прорезавшие уровни раннесредневековых полов и стен. Ход в такие помещения вырыт в форме свода под уклоном в 45°, с лестницей в виде высеченных в земле ступенек. Высота хода ниже среднего роста человека (1,65 м), ширина в пределах 0,7—1,00 м. Ход спускается под землю на 4,5—5 м. У самого входа в помещение две нишки. В самой комнате тоже имеются две-три ниши — по осям. Размеры помещения невелики — в диаметре они составляют 2,5 м, высота от 1,5 м до 2,5 м.

Помещения и вход в них тщательно оштукатурены, правда, не во всех помещениях в связи с использованием их впоследствии под мусорные ямы, штукатурка сохранилась. Ниши часто

---

[45] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, с. 241—242.

[46] Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, с. 32.

[47] Бубнова М. А. К истории..., с. 87.

[48] Там же, с. 92—93.

украшены рельефной полоской. Все исследователи, столкнувшиеся с этими подземными сооружениями не обнаружили находок, относящихся к периоду их функционирования. Большинство из них были использованы в IX—XIII вв. под мусорные ямы, загружавшиеся как через входы, так и через проломы (провалы) в куполе подвалов. Заполнение их составляет гумусная земля с включениями битой керамики, стекла, костей животных, т. е. предметов бытовых отходов.

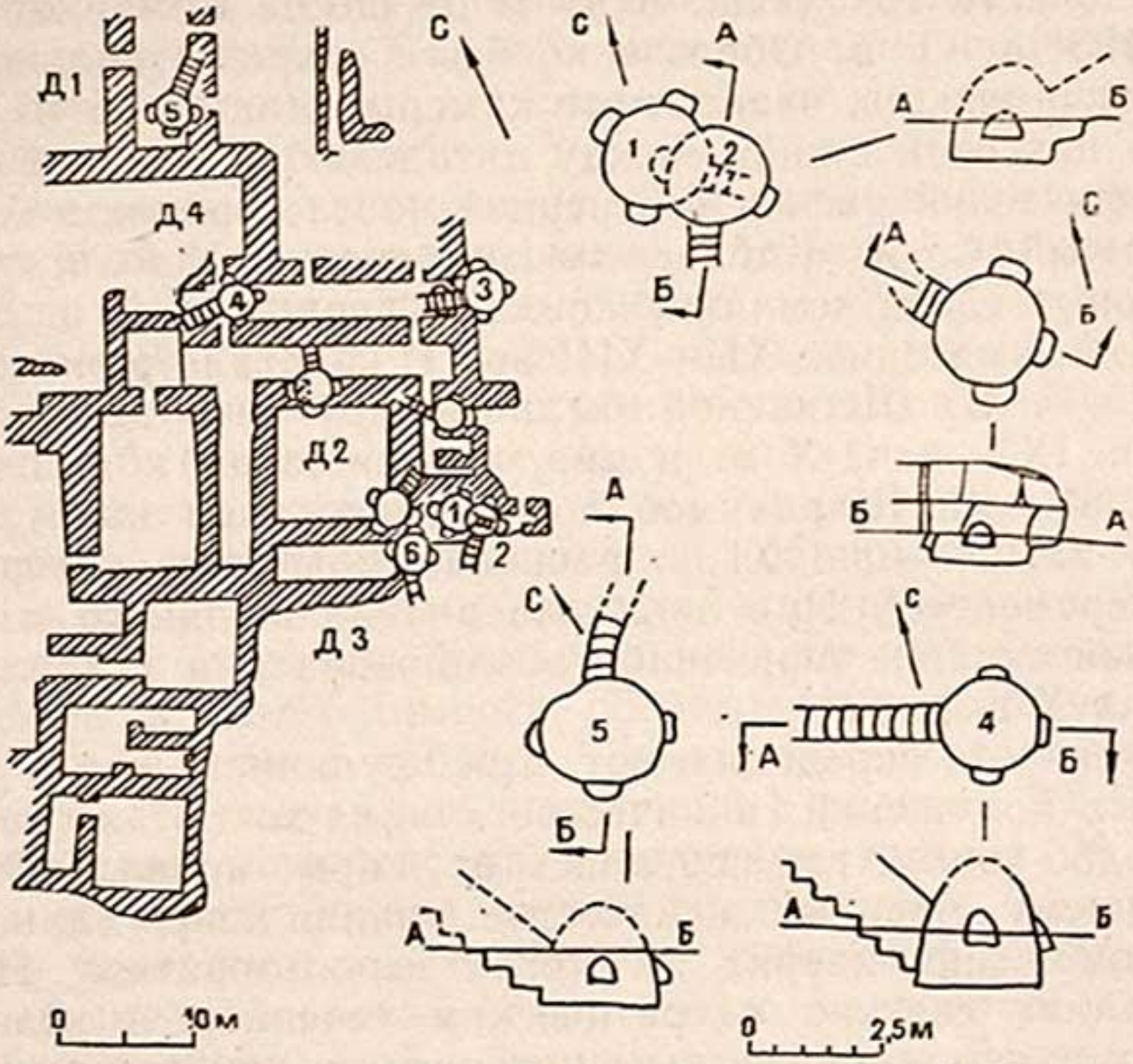


Рис. 1. Афрасиаб, раскоп 23, тагхона № 1—6. План и разрез тагхона № 1—5.

Первые упоминания о данных помещениях были еще у Крестовского: «Им (Крестовским В. В.) замечены... подземные ходы, пещеры и погреба, закрытые в толще холма»[1]. Вяткин В. Л. дает им название «чилля-хона» — помещение, место, где наиболее верующие мусульмане проводили время сорокадневного поста в уединении[2]. Одно из таких помещений было обнаружено В. Л. Вяткиным на территории соборной мечети, но относится оно к жилым постройкам IX—X вв.[3] В 1925 г. В. А. Шишкиным, участвовавшим в раскопках с В. Л. Вяткиным, открыто подземное помещение, относящееся к X в.[4]

---

[1] Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. — Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 15.
[2] Вяткин В. Л. — СКСО, вып. 8, 1906 г., с. 281.
[3] Шишкин В. А. К истории...., с. 58.
[4] Там же, с. 82.

Более детальное археологическое исследование городища Афрасиаб в последующие годы дало многочисленные находки куполообразных подземных сооружений. Так, в раскопках западной части городища в пределах четвертой городской стены[5] обнаружено 2 подвала, датируемых VIII — нач. IX вв. В северной части городища, к северу от цитадели, найдены еще два подвала, имеющие в своем заполнении керамику кон. IX — нач. X в.[6] К X в. относится помещение, обнаруженное М. Д. Джуракуловым в западной части городища, в 30 м от шоссе Самарканд—Аэропорт[7]. В 1958 г. О. В. Обельченко были открыты два подземных сооружения, имеющих квадратные камеры длиной 1,6 м X—XI вв. в лессе за пахсовой стеной между цитаделью и берегом р. Сиаб[8]. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, произведенный С. К. Кабановым западнее цитадели, выявил в средневековых слоях землянку кон. IX—перв. пол. X в. Еще одна землянка дала материал XII—XIII вв.[9] В квартале ремесленников-ювелиров[10] Г. В. Шишкиной были обнаружены два подземных помещения IX — нач. X в. и два, относящихся к общественной бане X в. Ш. Ш. Шарахимов при исследовании квартала керамистов (Р-23) X—нач. XI в. раскопал подвал и датировал его этим же временем[11]. При закладке в 1958 г. одного из шурфов на западной окраине Афрасиаба обнаружена яма («чилля-хона»), датируемая X в. н. э.[12]

Исследователи предполагают три функциональных назначения данных помещений: в качестве «чилля-хоны»; летней комнаты — «сардоб-хоны», где спасались от жары; подвалов[13].

По нашему мнению, в качестве «чилля-хоны» данные подземные помещения навряд ли могли использоваться. Появление поста «чилля» связано с еретическим течением в исламе — суфизмом, неотъемлемой частью которого он является. Но в су-

---

[5] Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—68 гг. — Афрасиаб, вып. 1, с. 273.

[6] Там же, с. 278.

[7] Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб. — Афрасиаб, вып. 1, с. 314.

[8] Обельченко О. В. Отчет за 1958 г. — Архив Института археологии АН УзССР.

[9] Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — Афрасиаб, вып. 2, Ташкент, 1969, с. 47.

[10] Шишкина Г. В. Городской квартал VIII — нач. XI в. на северо-западе Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. 2, с 149.

[11] Шарахимов Ш. Ш. Квартал гончаров X — нач. XI вв. — К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981, с. 69.

[12] Шишкина Г. В. К топографии западной окраины средневекового Самарканда. — К исторической топографии..., с. 110.

[13] Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, с. 17; Шишкин В. А. К истории..., с. 58; Шишкин Г. В. Городской квартал..., с. 149; Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях..., с. 273; 278; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп..., с. 47 и др.

фийской литературе нигде не указывается, что суфии держали пост в подземных помещениях. Местом их уединения были небольшие молитвенные хижины на окраинах городов[14]. В них имелись кельи, которые были заимствованы суфиями у христианских отшельников. Кроме того, если учесть, что суфизм приходит в Самарканд в виде каррамитского учения только в X в. н. э.[15] (а данные подземные помещения появляются на Афрасиабе в VIII в., что будет доказано ниже), использование этих подземных сооружений в качестве «чилля-хоны» отпадает. Справедливо и отрицание предположения об использовании подземных помещений в качестве комнат, где спасались от летнего зноя, в связи с отсутствием вентиляции[16].

Более реально предположение об использовании этих подземных помещений в качестве подвалов, где могли храниться скоропортящиеся продукты, фрукты, овощи. Автор предлагает для этих помещений термин «тагхона», под которым подразумеваются в таджикском языке хозяйственные помещения под землей — подвал, погреб (букв. — «ниже помещения»).

Задачей нашей работы и является рассмотрение возможности использования подземных помещений, обнаруженных на Афрасиабе, в качестве подвалов. Отсутствие датирующего материала, относящегося к периоду функционирования подземных помещений, привело к необходимости обследования материала из заполнения их в период заброса. Таким материалом явилась керамика из шести подземных помещений с раскопа 23.

Керамический комплекс из заполнения тагхона № 1. Поливная керамика представлена двумя фрагментами. Оба они сформованы на гончарном круге. Черепок первого фрагмента светло-коричневый, мелкопористый, с примесью мелкого песка, с зеленой непрозрачной поливой с наружной стороны. Второй в изломе светло-коричневый, с примесью мелкого песка, покрыт сероватобелой непрозрачной глазурью с обеих сторон, имеет надглазурную роспись черно-фиолетового и зеленого цветов.

Неполивная керамика представлена 107 фрагментами. Здесь и хозяйственная посуда, изготовленная на гончарном круге: хумы, тагора, кувшины, ручки от узкогорлых кувшинов, котлы шарообразной формы; котлы, характеризующиеся прямыми стенками с венчиками, выступающими внутрь котла (подтреугольной формы) и в наружную сторону (подчетырехугольной формы), котлы комбинированной формы; столовая посуда, представленная косами, петлеобразными ручками от кружек и маленькими банкообразными сосудами, вероятно, для специй или косметических веществ. Здесь же были найдены один фрагмент светильника, кобур, точильный камень. Вся неполивная керамика находится

---

[14] Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973, с. 238.
[15] Там же.
[16] Шишкина Г. В. Городской квартал..., с. 149.

вместе с поливной, которая датируется кон. VIII — сер. IX в.[17]

Комплекс керамики из заполнения тагхона № 2. В заполнении подвала содержится 13 фрагментов поливной и 26 фрагментов неполивной керамики, 21 фрагмент стекла. Поливная керамика представлена столовой посудой: кувшинами, кружками, косами. В данном комплексе это ранние типы глазурованной посуды (вторая пол. VIII — сер. IX в.), посуда с трехцветной подглазурной росписью по черепку (конец VIII — перв. пол. IX в.).

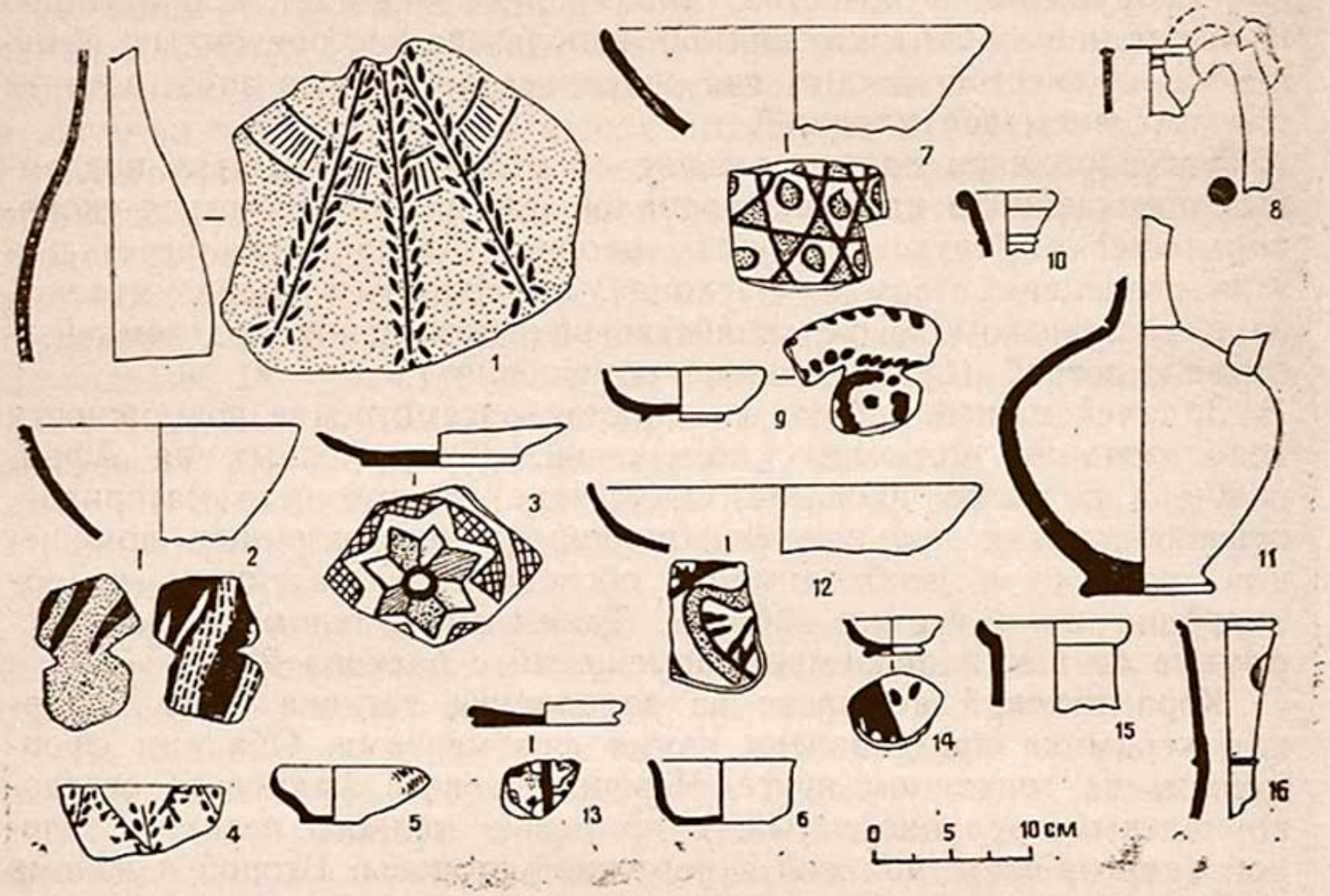


Рис. 2. Комплекс керамики второй пол. VIII — сер. IX в., из заполнения тагхона № 2 *(1—6)*; IX в., из заполнения тагхона № 4 *(7—16)*.

Принимая во внимание вероятный непродолжительный период использования тагхоны в качестве мусорной ямы, можно ограничить данный комплекс поливной и неполивной посуды периодом конца VIII — нач. IX в.

Поливная керамика

1. Фрагмент широкогорлого кувшина в виде кусочка венчика Т-образной формы. Черепок в изломе желтовато-коричневый с примесью мелкого песка, с внутренней и наружной стороны покрыт зеленой непрозрачной глазурью, со штампованным растительным орнаментом по горлышку, рисунок штампа неясен.

[17] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979, с. 31, 34.

Венчик отделен от горловины прочерченно-вдавленной полосой. Глазурь с серебристой патиной.

2. Узкогорлый кувшин каплевидной формы, которая была характерна для керамики VIII в. Под зеленой непрозрачной глазурью по черепку — резной орнамент в виде трех веток граната, поднимающихся от середины тулова кувшина к венчику. По горловине между ветками граната орнамент в виде вертикальных полос, заключенных в две горизонтальные полосы. В изломе черепок светло-коричневого цвета, мелкопористый, с примесью мелкого песка. Глазурь с серебристой патиной.

3. Косы. 4 венчика и донце кос того же периода (конец VIII—сер. IX в.), что и посуда, покрытая зеленой глазурью по черепку[18]. Основа орнамента нанесена фиолетово-черной линией, детали раскрашены ярко-желтым, зеленым цветами. Один из фрагментов косы орнаментирован остролистником, другой разбит на сектора, покрытые густой черно-фиолетовой сеткой с растительным орнаментом посреди ее, чередующиеся с секторами, покрытыми желтой краской. На донце восьмилепестковый цветок.

Неполивная керамика представлена кувшинами, котлами, крышками от них, кружками, чирагами, косметической посудой, одним фрагментом алебастрового сосуда.

Комплекс керамики из заполнения тагхона № 3. В заполнении тагхона № 3 была найдена ранняя поливная керамика: узкогорлый кувшин с резко расширяющимся туловом, покрытый непрозрачной глазурью по черепку с наружной стороны и частично с внутренней, и чираг, полностью покрытый зеленой непрозрачной глазурью. IX в. датируется чаша полусферической формы с плавно отогнутым бортом. Сосуд отличается очень плотным, светлым, чуть желтоватым черепком, покрытым белой непрозрачной глазурью. По глазури чаша расписана коричневой, горчично-желтой и блекло-зеленой красками, которые на свету отливают золотисто-фиолетовым цветом. Это так называемая люстровая роспись, характерная для IX — нач. X в.[19] С наружной стороны чаша покрыта растительным орнаментом (ветки с листьями) горчично-блекло-зеленого цвета по белой непрозрачной глазури, с внутренней стороны очень сложный растительно-геометрический орнамент — поле разделено на сектора, которые окаймлены очень тонкой блекло-зеленой полоской и заполнены поочередно косой шахматной сеткой горчичного цвета и коричневыми крапинами в клетках с блекло-зелеными контурными остролистниками; в другом секторе сложные нагромождения из контурных полос, завитушек, запятых и пятен всех трех цветов. К XI в. относятся фрагменты чаш с закругленными бортами с оливково-зелеными пальметтами по подглазурному белому ангобу и фрагмент в двухцветной красно-коричневой гамме с точечным орнаментом[20].

---

[18] Там же, с. 33.
[19] Там же, с. 36—37.
[20] Там же, с. 56.

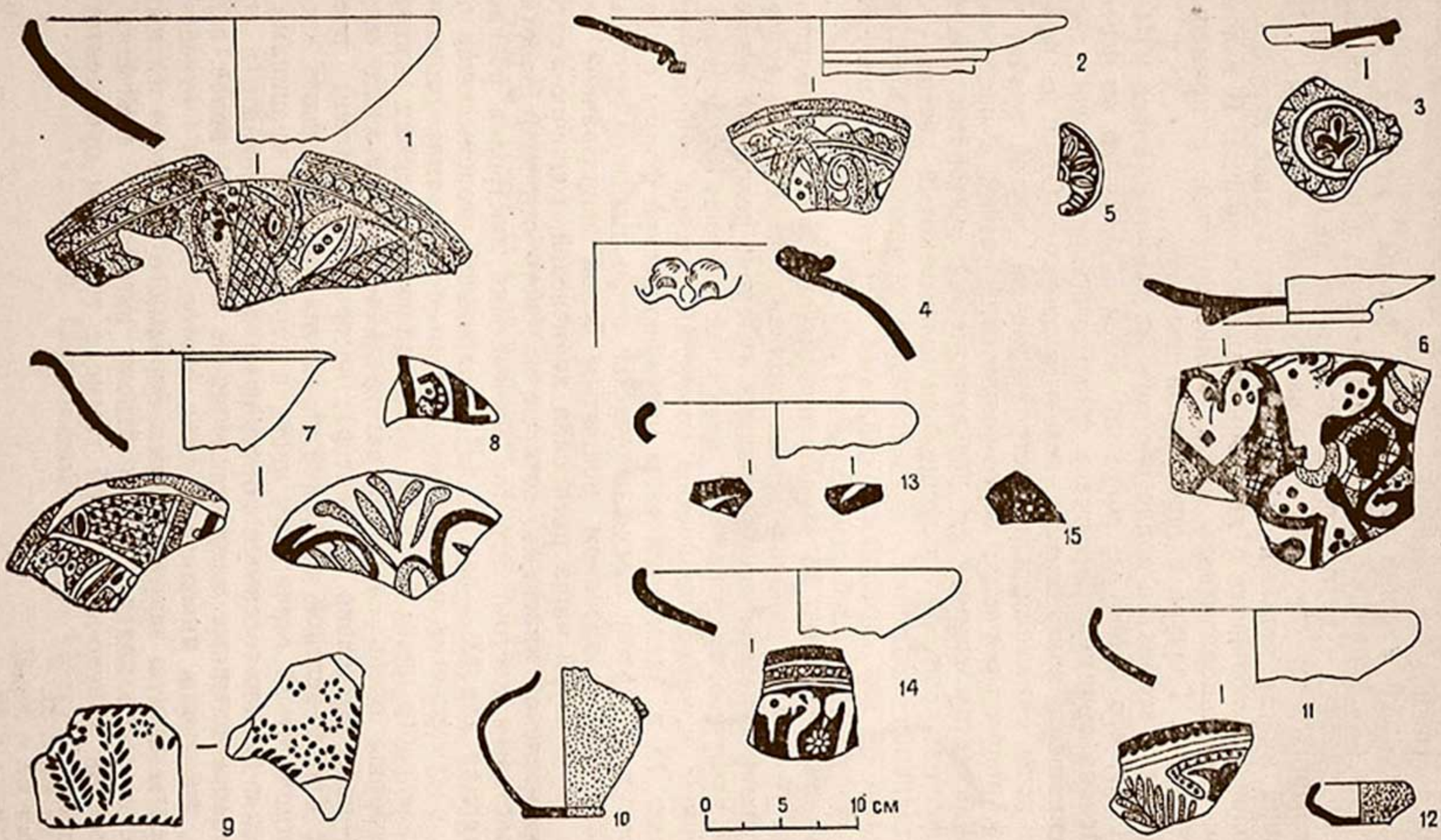


Рис. 3. Комплекс керамики кон. IX—X в., из заполнения тагхона № 5 *(1—6)*; IX—X вв., из заполнения тагхона № 3 *(7—12)*; кон. X — пер. пол. XI в., из заполнения тагхона № 6 *(13—15)*.

Неполивная керамика представлена котлами трех видов, тагора, кувшинами, чашами. В комплексе керамики из заполнения тагхона № 3 найден один фрагмент очажка с характерным для самаркандской неполивной керамики штампованным орнаментом в виде веточек граната, в промежутках между ветвями вдавленный точечный орнамент в виде пятилепесткового цветка. В изломе — фрагмент темно-серого цвета, пористый, тесто с примесью крупного речного песка, дробленого сланца. Очажок закопчен. Комплекс керамики датируется IX—X вв.

Комплекс керамики из заполнения тагхона № 4. Поливная керамика в основном раннего типа. Кувшин покрыт зеленой непрозрачной глазурью. Местная посуда (глазурованная) с массивным черепком, покрытым толстым слоем белой непрозрачной блестящей глазури с зелеными, зеленовато-голубыми пятнами расплывчатых контуров, представлена одним донцем чаши с кольцевым поддоном и мелкой посудой: пиалами, блюдцами, солонками. Тесто, из которого изготовлена посуда, после обжига желтоватых и светло-коричневых тонов, мелко-пористое, с примесью мелкого песка; характерной чертой данной посуды как ранней, являются потеки глазури даже по донцу. С этой керамикой находилась «ишкорная» посуда, а также посуда со своеобразным фоном глазури серого цвета, расписанной в зеленых и черно-фиолетовых тонах. Рисунок геометрического характера, контур рисунка проработан черной с фиолетовым оттенком линией, треугольники заполнены точечным узором, отдельные детали закрашены зеленой краской. Подобная керамика характерна для первых двух третей IX в.[21] Это в основном венчики полусферических чаш и донца от них на кольцевом поддоне. Два фрагмента керамики с процарапанным орнаментом по белому ангобу с трехцветной раскраской потеками представляют довольно длительный период в производстве керамики — с конца IX в. до конца X в.[22] Неполивная керамика, изготовленная на гончарном круге, представлена фрагментами хумов, тагора, кухонных котлов, широкогорлых и узкогорлых кувшинов, столовой посудой, светильниками. Данный комплекс датируется IX в.

Комплекс керамики из заполнения тагхона № 5. Наибольшее количество фрагментов поливной керамики из заполнения тагхона составляет керамика с пятнистой трехцветной росписью на белом подглазурном ангобе с процарапанным орнаментом. Орнамент сочетает геометрический и растительный варианты. Ангобом покрыта внутренняя сторона чаш, частично им захвачены и края чаш снаружи. Орнамент заполняет всю внутреннюю часть чаш. Сохранились венчики и донца чаш на кольцевом поддоне, а также тарелки. Черепок их в изломе светло-коричневого цвета, пористый, с примесью мелкого песка. Венчики чаш имеют

---

[21] Там же, с. 52.
[22] Там же.

тесто красно-кирпичного и оранжево-кирпичного цветов. Данная керамика производилась в конце IX—X вв. Венчиком чаши с коричневым подглазурным ангобом и надписью белого цвета представлена керамика X в.

Неполивная керамика данного комплекса: котлы, широкогорлые кувшины. Наличие поливной керамики конца IX—X вв. дает нам право датировать этот комплекс тем же временем. Это подтверждается и монетой, найденной в тагхона — фельс династии афшинов Уструшаны (Сайр б. Абдаллах, время правления 872—893 гг.).

Комплекс керамики из заполнения тагхона № 6. В конце сезона 1980 г. при расчистке сводчатого прохода в помещение 3 дома № 3 была обнаружена тагхона № 6, прорезавшая ступеньками стену и сводчатый проход. Раскопать данную тагхона полностью возможности не было, поэтому керамика из ее заполнения была взята лишь частично.

Ранний этап поливной керамики представлен тремя фрагментами чирагов и двумя фрагментами широкогорлых кувшинов. Два фрагмента керамики с трехцветной пятнистой росписью на ангобе представляют период с конца IX по конец X в. Для конца X — начала XI в. характерна поливная керамика с точечным узором по коричневому подглазурному ангобу. Два фрагмента этого периода по коричневому фону имеют редкий точечный узор, оставляя почти все поле чистым. Донце было использовано как пряслице. С этой целью в середине его было просверлено отверстие. Интересен один фрагмент керамики — на черепок, покрытый черным ангобом, затем нанесен коричневый ангоб с точечным узором белого и оливкового цветов. Снаружи черепок покрыт белым подглазурным ангобом.

В двухцветной росписи на коричневато-черном фоне с точечным узором выдержаны четыре фрагмента чаш с пологими, слегка загнутыми внутрь бортами. Два из них — с эпиграфическим орнаментом. По краю чаш точечный узор в полосе, в промежутках между буквами — точечные цветочные розетки. Тесто, из которого приготовлены чаши, мелкопористое, с примесью мелкого песка, светло-коричневого цвета. Эта керамика характерна для первой половины XI в. Два других фрагмента — донце чаши, в изломе светло-коричневого цвета, мелкопористое, с примесью мелкого песка, с черным подглазурным ангобом с внутренней и внешней стороны, имеет в центре геометрический орнамент в виде небрежных полос, исходящих из крупного пятна оливкового цвета, и другое донце, изготовленное из мелкопористого теста с примесью мелкого песка, в изломе черепок коричневого цвета, с белым подглазурным ангобом с обеих сторон, снаружи имеет потеки грязно-зеленоватого цвета. С внутренней стороны донца чаши роспись геометрического характера — черная по белому ангобу. Это керамика конца X — пер. пол. XI в.

Неполивная керамика немногочисленна: один фрагмент котла,

5 фрагментов кувшинов и их ручек и два фрагмента чаш. Данный комплекс керамики датируется концом X — перв. пол. XI в.

При подведении итогов выяснилось, что два из помещений были заполнены керамикой конца VIII — сер. IX в., три — керамикой середины — конца IX—X в., и одно имело в своем заполнении керамику конца X — перв. пол. XI в.

Подобные подземные помещения куполообразной формы появляются на Афрасиабе во второй половине — конце VIII в. н. э. и наибольшее распространение получают в IX—X вв. н. э. (в большинстве случаев в ремесленных кварталах). Одиночные находки данных помещений в XI—XIII вв. говорят о том, что они существовали до последнего периода Афрасиаба, хотя вполне возможно, что в XII—XIII вв. пустые, заброшенные подвалы могли использоваться как мусорные ямы.

В процессе расчистки одного из подземных помещений на раскопе 23 автор обратил внимание на характер наслоений на ступеньках хода и на полу самого помещения. Изучение их дало возможность обнаружить находки, относящиеся к периоду функционирования помещений. Наслоения на ступеньках достигали 10—15 см, на полу — до 5—7 см. Они плотно утрамбовались, но слоились из-за выступавших солей и хорошо отделялись друг от друга. В одной из прослоек на ступеньках было обнаружено зерно гороха, а в полу помещения — втоптанные зерна граната. Наслоения в подвале, а также следы ремонтных работ, зафиксированные автором, указывают на длительное и интенсивное использование данных помещений, возможно, в качестве подвалов для хранения запасов продуктов питания. Бурный рост ремесленного производства приводит к увеличению ремесленного населения в Самарканде. Но ремесленники еще довольно тесно связаны с землей. Неполное отделение городских занятий от сельских характерно для феодальной формации вообще и до конца XIX—нач. XX в. в Средней Азии в частности[23]. Вполне возможно, что ремесленники имели участки в пригородах, позволявших хотя бы частично обеспечить их сельскохозяйственными продуктами. Часть продуктов приобреталась ими на рынке, необходимость продолжительного хранения которых приводила к появлению специальных хранилищ[24].

Массивные, толщиной 1,5 м и более, пахсовые стены домов зажиточных горожан и замков феодалов даже в самые жаркие дни хранили сумрачную прохладу, поэтому здесь держали продукты в коридорах, опоясывающих парадные и жилые помеще-

---

[23] Сухарева О. А. Традиции сочетания городских и сельских занятий и формы связи горожан с рынком в Средней Азии кон. XIX — нач. XX в. — Бартольдовские чтения. М., 1976, с. 74—76; Турсунов Н. О. Типы исторически сложившихся районов и поселений на территории северного Таджикистана в кон. XIX — нач. XX в. — Бартольдовские чтения, с. 82.

[24] Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 151.

ния: в пол вкапывались большие хумы, заполнявшиеся вином и зерновыми; хумами и другими сосудами, наполненными сельскохозяйственными продуктами, были заставлены удобные суфы. Жилье ремесленников далеко уступало по массивности постройкам более зажиточных горожан. Плотная застройка их кварталов, а также прекрасное свойство земли как холодильника, обусловило устройство подземных хранилищ в менее зажиточных слоях населения Самарканда того времени (ремесленного в частности).

С. ИЛЬЯСОВА

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ИЗ ВЕРХНИХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА ЭСКИ-АХСИ

В последние годы на объекте VII, расположенном в юго-восточном углу шахристана Ахсикента (Ахси — IБ)[1] вскрывается жилой квартал XI—XII вв., частично перекрытый остатками жилого и производственного квартала XII—XIII вв.

В осеннем полевом сезоне 1981 г. в юго-западном углу объекта был вскрыт горелый слой, под которым зафиксирован прокаленный пол с остатками стен. С пола получен немногочисленный, но достаточно выразительный комплекс керамики. Из неполивной посуды найдены фрагменты дастарханов с невысоким вертикальным бортиком, фрагменты тагора с венчиком Т-образной формы и коническим туловом, имеющим процарапанный орнамент. Котлы представлены двумя типами: а) с широким горизонтальным венчиком и полусферическим туловом; б) закрытой формы с относительно шаровидным туловом.

Глазурованную керамику можно подразделить на следующие группы:

1. Чаши полусферической формы с относительно вертикальным бортиком. Поддон дисковидный, слегка вогнутый, реже с кольцевым вырезом; сосуды белофонные.

2. Чаши конической формы на дисковидном вогнутом поддоне с венчиком, слегка загнутым внутрь, имеют полихромную роспись, выполненную мутно-зеленой, зеленой, красной, коричневой красками под прозрачной глазурью салатового или желтоватого оттенков.

3. Блюда с усеченно-коническим туловом и небольшим вертикальным бортиком имеют под светло-зеленой глазурью процарапанный орнамент. Керамика с процарапанным орнаментом под

---

[1] Анарбаев А. А. Исследования средневековой Ферганы (по материалам Ахсикента). — Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии», вып. 2. Л., 1983, с. 7—8; Его же. Работы на городище Ахсикент. — АО 1981 г., М., 1983, с. 450.

зеленой глазурью отмечена на многих памятниках и датируется в пределах XII — начала XIII в.[2]

4. Чираги: а) с округлым резервуаром, длинным носиком и петлевидной ручкой, покрыты бесцветной глазурью по светлому ангобу с росписью в виде стилизованной надписи, выполненной черно-коричневой краской; б) с граненым корпусом и ручкой с листовидным навершием, имеющим штампованный растительный орнамент под зеленой глазурью.

По мнению Г. А. Брыкиной, чираги первого типа являются более ранними и в XII в. уступают место чирагам второго типа[3]. В Согде граненую поверхность резервуарам светильников без подставки придают с XI в.[4] В Бинкете чираги второго типа характерны для XII — начала XIII в.[5]

С уровня пола была опущена мусорная яма (5×4×1,5 м), давшая большое количество керамики.

Среди неглазурованной посуды выделяются кувшины, которые по форме можно разделить на три группы: а) с яйцевидным туловом и низкой горловиной без ручки; б) с яйцевидным туловом и вытянутой горловиной; в) с грушевидным туловом и широким цилиндрическим туловом, сероглиняные. Кухонная посуда представлена котлами двух типов — открытой и закрытой формы, а также фрагментами кумганов с процарапанным орнаментом.

Особо отметим сероглиняный кувшин с цилиндрической горловиной, переходящей в округлое тулово, и лентовидной ручкой, поверхность которого залощена до металлического блеска.

Глазурованная керамика представлена фрагментами с подглазурной полихромной росписью по белому ангобу. Отметим, что из ямы получено 8 археологически целых глазурованных сосудов.

В группе чаш можно выделить три вида форм:

1. Сосуды с усеченно-конической формой тулова и небольшим вертикальным бортиком, выделенным перегибом стенки, на дисковидном с кольцевым вырезом поддоне. Приземистость тулова (соотношение высоты и диаметра 1 : 5) позволяет отнести данную форму к блюдам (илл. 2, 7). Сосуды имеют поддон относительно маленького диаметра — 7—7,5 см, тогда как, например, блюда из Карабулака при тех же пропорциях имеют диаметр поддона равный 9—10 см.

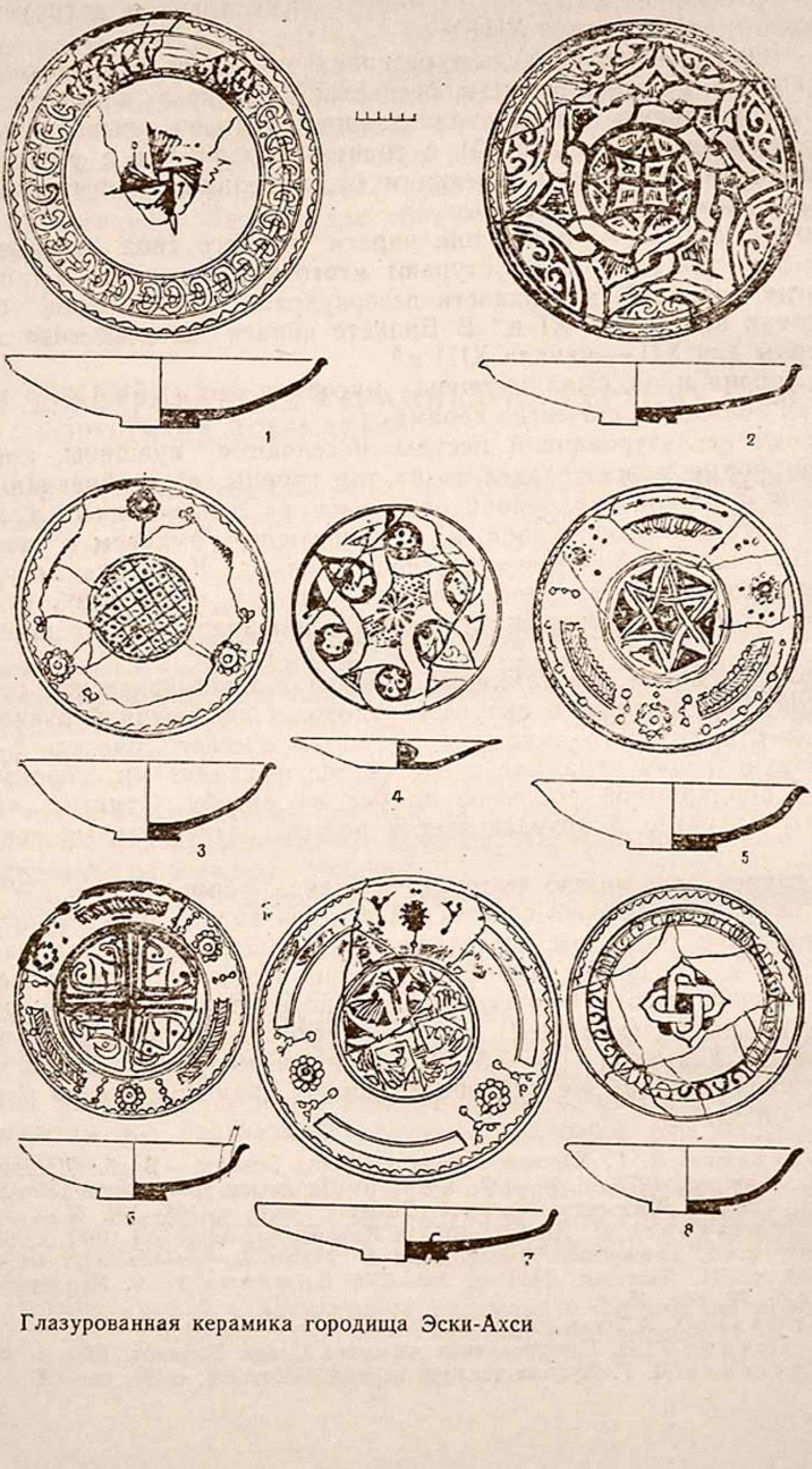
---

[2] Брусенко Л. Г. Художественная керамика Бинкета.— В сб.: Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с. 99—100; Ее же. Продукция гончарного ремесла Бинкета. — В сб.: Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 108—109; Байпаков К., Ерзакович Л. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971, с. 65; Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. — ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 352—353; Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 72, рис. 45, *4*.

[3] Брыкина Г. А. Указ. соч., с. 78.

[4] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979, с. 19.

[5] Брусенко Л. Г. Художественная керамика Бинкета, с. 98, рис. 28, *12*.



Глазурованная керамика городища Эски-Ахси

2. Сосуды полусферической формы со слегка отогнутым краем на дисковидном вогнутом поддоне диаметром 7—6,7 см, соотношение Н и Д — 1 : 3 (илл., *6, 8*).

3. Сосуды полусферической формы с чуть намеченным бортиком, выделенным изнутри изгибом, также имеют дисковидный вогнутый поддон (Д=6,4—8 см). Соотношение Н и Д — 1 : 4. Данная форма является как бы промежуточной между сосудами первой и второй группы (илл., *1, 3, 5*).

Интересной находкой является крышка полусферической формы (Д=21 см) с чуть выделенным уступом и монолитной грибовидной ручкой.

Все сосуды покрыты светлым ангобом, прозрачная глазурь с зеленоватым оттенком на чашах снаружи нанесена только узкой полосой по краю венчика. Одно блюдо покрыто глазурью на 2/3. Крышка, судя по остаткам, имела глазурь с обеих сторон.

При всем разнообразии мотивов орнаментации сосудов их можно подразделить на три группы, вне зависимости от форм:

I. *Керамика с орнаментом «плетеной ленты».*

В этой группе выделяется крышка с подглазурной росписью, выполненной оливковой и желтой красками, край ее оформлен полосой красного цвета, ручка украшена радиальными мазками того же цвета (илл., *4*).

Идентичный орнамент в виде плетеной тесьмы, выполненной резервом и дополненной изображением миндалевидного листа и стилизованного бутона в «картуше» имеет чаша, найденная на городище Афрасиаб[7]. Количество миндалевидных фигур и бутонов на чаше равно — по четыре. На нашей же крышке за счет уменьшения количества бутонов имеется больше свободного пространства, заполненного контурными фигурами с крапинами. В Согде этот орнамент становится особо популярным в XI в.[8]

Глазурованная крышка вогнутой формы с грибовидной ручкой найдена в Бинкете в слоях XII в.[9]

К этой же группе относим блюдо (илл., *2*), орнамент которого составляет оливковая плетенка «резервом» с заполнением фона усиками, образующая переплетенные между собой узлами подтреугольные фигуры. Места пересечений выделены линиями, а центры сплетений — цветными пятнами. Между вершинами фигур заключены сегменты с растительными завитками, выполненными зеленой и красной красками. Основной фон составляет оливково-желтый цвет. В центре сосуда — восьмилучевая звезда в круге, образованная наложением двух четырехугольников с вогнутыми сторонами, верхний из которых разделен на четыре части. Свободное пространство заполнено контурными фигурами с крапинами или штриховкой. Вся композиция, выполненная не-

---

[7] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 59, табл. LXVI, *4*.
[8] Там же.
[9] Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета, с. 112.

сколько асимметрично, заключена в круг, край блюда оформлен зубчатой полоской оливкового цвета.

В Согде в XI в. орнамент плетеных лент был насыщен разнообразными геометрическими и растительными деталями[10]. В Бинкете на керамике, украшенной сложными плетенками, узлы сплетений оживлялись красными пятнами[11].

Заполнение фона контурными фигурами с косой штриховкой и мелкими точками характерно для керамики Согда X в. в красно-коричневой и оливковой орнаментике[12], Чача X—XI вв.[13], Семиречья XI в. с серой росписью под желтой глазурью[14], и, по мнению исследователей, заимствовано из торевтики[15].

II. *Керамика с концентрическим поясом орнамента.*

Первый сосуд данной группы (илл., *8*) в центре имеет орнамент в виде двух сплетенных овалов с заостренными концами с обводкой коричневым контуром. Свободное пространство окрашено в оливковый и красный цвета. В поле сосуда — концентрический пояс, в котором заключены контурные отрезки с завитками-усиками, выполненные коричнево-марганцевой и желто-красной красками. Между ними — узор из сдвоенных овалов с заостренными концами оливкового цвета. В отличие от остальных чаш здесь нет преобладания оливкового цвета.

Мотив сплетенных овалов широко распространялся в росписи глазурованной посуды в X—XI вв.[16] Наибольшее сходство наблюдается с керамикой Ташкента[17].

На дне второго сосуда (илл., *1*) — изображение розетки-вертуна с четырьмя веерообразными лопастями, образующими в центре прямоугольник. В поле сосуда проходит орнаментальный пояс, заключенный в двойную рамку, внутри которого чередуются фигуры в виде несомкнутых овалов или стилизованные сердечки, пересеченные посередине двумя узкими полосками с крапинами красного цвета. Характерной особенностью данного сосуда является применение в росписи, в основном, оливкового цвета с незначительными добавками красных и коричнывых пятен. Зубчатая полоска по краю выполнена красной краской.

Лопасти розетки находят аналогии в Согде, где в XI в. созда-

---

[10] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 59.

[11] Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета, с. 109.

[12] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 56.

[13] Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета, с. 106.

[14] Байпаков К., Ерзакович Л. Указ. соч., с. 67.

[15] Квервельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 52, табл. XII, XIII, *1*.

[16] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 58, табл. LXX, 30, 32; Луйина С. Б. Указ. соч., с. 244, рис. 15; Якобсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала).— МИА, № 67, М.—Л., 1959, с. 274, табл. XXXIII, *6*; Буряков Ю. Ф. и Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте. — Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Ташкент, 1960, вып. 172, с. 140, табл. 6; Байпаков К., Ерзакович Л. Указ. соч., с. 68.

[17] Шишкина Г. В. Указ. соч., табл. LXX, *32*.

ется силуэтный оливково-зеленый узор с пальметтами, напоминающими упрощенный веерный букет, на фоне сложного плетения[18]. Кроме того, их можно связать и с мотивом «распахнутого крыла» по аналогии с изображением пернатого на одном из сосудов, найденном Г. В. Шишкиной на городище Эски-Ахси. В Таразе имеется значительное количество образцов этого мотива и сочетаний его то с эпиграфикой, то с двумя лопастями, то с пропеллеровидным орнаментом[19].

III. *Керамика с орнаментом в виде отрезков.*

Все сосуды этой группы имеют характерную особенность — в поле каждого из них имеются отрезки поясов с насечками (псевдонадписи), между которыми заключены цветочные розетки и всевозможные растительные побеги. Край сосудов оформлен полосой оливкового цвета. Сердцевина цветка выполнена красной краской, лепестки — оливковой, между ними — коричневые отростки.

Цветочные розетки в виде крапины в кольце точек в Согде были излюбленным элементом в декоре до конца XI в. и включались во многие сложные орнаменты[20].

В Байлакане желтые или зеленые кружки с марганцевыми точками отмечены на сосудах с секторной композицией, датированных XI—XII вв[21].

Центральные композиции сосудов третьей группы имеют несколько вариантов:

Шестилучевая звезда в круге, образованная пересечением двух треугольников с вогнутыми сторонами, между лучами которой расположены контурные треугольники красного и зеленого цветов. В каждом из лучей также заключены треугольники. В центр звезды вписан неправильной формы шестигранник с овалом внутри (илл., *5*).

Шестиконечная звезда, между лучами которой заключены крапины в кольце точек, имеется на сосуде X—XI вв. из Замахшара, по борту которого проходит стилизованная куфическая надпись. Орнамент выполнен красной, коричневой, зеленой и белой красками[22]. Мотив шестилучевой звезды широко использовался в росписи посуды в Согде[23], Чаче[24], Фергане[25].

---

[18] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 59, табл. LIX, *1*.

[19] Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 159, табл. XI *(19—21)*.

[20] Шишкина Г. В. Указ. соч., с. 53, табл. LVI, *4*, LIX, *4*; LXVII, *3*.

[21] Якобсон А .Л. Указ. соч., с. 266, табл. XXIX, *5*.

[22] Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.) — ТХАЭ, т. IV, М., 1958, с. 286, рис. 9, *3*.

[23] Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв. Ташкент, 1967, с. 60, рис. 12.

[24] Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.).— Труды института истории и археологии. Т. I. 1948, с. 108.

[25] Ахраров И. Керамика Ферганы IX — XII вв. — Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, с. 8.

Сетка. В центре сосуда круг рассечен пересекающимися параллельными линиями оливкового цвета, образующими сетку, в каждой ячейке которой имеется коричневое пятно (илл., *3*).

На одном из сосудов IX—X вв. из Байлакана сетка в виде круглых ячеек зеленого цвета имеет пятна темно-коричневого цвета[26]. Аналогичная сетка на дне есть на сосуде из Карабулака, однако она несколько отличается от рассматриваемой нами: внешний круг и места пересечений клетки оформлены пятнами[27].

Сердечко. Образовано двумя усиками побега. Круг разделен двойными линиями на четыре сектора, в каждом из которых заключено «сердечко». Орнамент очень тусклых мутноватых тонов (илл., *6*).

Орнамент в виде листочков или сердцеобразных фигурок, выполненных зелено-болотным цветом, имеется на керамике XI в. с городища Кульата[28]. На керамике из Афрасиаба (X в.) листья сердцевидной формы располагаются в правильно разлинованных клеточках по всей площади сосуда или в концентрических кругах[29].

Вихревая розетка. На дне сосуда очень своеобразная свастикоподобная розетка в круге, образованная парными стеблями, один из которых как бы надломлен. Завершаются они веером, свободное пространство заполнено контурными треугольниками, окрашенными в зеленый цвет (илл., *7*).

Кроме керамики в яме было обнаружено около 10 монет плохой сохранности, по типу их можно отнести к периоду второй половины XI — начала XII в.

Анализ глазурованной керамики из ямы дает возможность при разнообразии орнаментальных композиций выделить общие признаки: во-первых, все сосуды имеют изображение в центре, в большинстве случаев заключенное в круг; во-вторых, сосуды украшены по краю венчика зубчатой полоской оливкового цвета (в двух случаях — красного); в-третьих, использование одних и тех же элементов декора в различных композициях, в частности — многолучевых звезд, веера, сердечек; в-четвертых, все рассматриваемые сосуды выполнены в основном оливковой краской, зеленый, красный, коричневый тона даны расплывчатыми контрастными пятнами. Кроме того, керамика покрыта глазурью невысокого качества с зеленоватым оттенком, местами отмечены растеки пятен. Эти общие признаки, а также данные стратиграфии позволяют считать рассматриваемый комплекс единовременным.

По материалам соседних областей, роспись контрастными пятнами, расплывчатость красок, ухудшение качества глазури являются характерными признаками для керамики XII — начала

---

[26] Якобсон А. Л. Указ. соч., табл. II, *2*.

[27] Брыкина Г. А. Указ. соч., с. 73, рис. 48, *1*.

[28] Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 165.

[29] Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище Самарканда. Ташкент, 1928, с. 46, рис. 53, 55; Шишкина Г. В. Указ. соч., табл. LXVI, *2*.

XIII в.[30], в связи с этим мы можем отнести время бытования вышерассмотренной керамики к XII в. Исключение составляет крышка, отличающаяся цветовой гаммой и лучшей по качеству глазурью. Учитывая это, а также следы длительного использования и ремонта, можно предположить, что она была изготовлена раньше остальных форм.

Рассматриваемый комплекс керамики, полученный из ямы на объекте VII городища Эски-Ахси, позволяет сделать некоторые выводы относительно бытования видов декора глазурованной керамики Ферганы. При значительном сходстве некоторых элементов с художественной керамикой других регионов, особенно с продукцией Чача, наш комплекс имеет свои особенности — своеобразной является керамика второй группы. Бордюрный пояс на сосуде с незамкнутыми сердечкообразными фигурами (илл., *1*) в публикациях по глазурованной керамике Средней Азии нами не встречен. То же можно сказать об использовании веерообразных элементов в свастикоподобных розетках, придающих последним оригинальный облик (илл., *1, 7*).

Локальной особенностью ахсикентской керамики является использование в декоре посуды широко применявшихся в X—XI вв. элементов — сердечка, многолучевой звезды, сплетенных овалов, сетки, крапины в кольце точек, употребление которых мастерами-керамистами в XII в. является, видимо, данью традиции.

Таким образом, анализ археологических материалов и стратиграфии дает нам возможность предварительно датировать комплекс из ямы XII в., отмечая его четкое отличие от керамики, зафиксированной в слоях X—XI вв.

Г. МИРЗАЛИЕВ

НЕГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА XII — НАЧАЛА XIII в. С ГОРОДИЩА ЭСКИ-АХСИ

В последние десятилетия в результате археологических раскопок выявлено большое количество неполивной керамики, которая подвергалась исследователями лишь визуальному изучению, так как основной упор делался на глазурованную посуду, хотя неглазурованная керамика, безоговорочно, является неотъемлемой частью археологического материала как в определении хронологии, так и степени культуры того или иного памятника.

В настоящее время идет комплексное изучение Ферганы поры

---

[30] Лунина С. Б. Указ. соч., с. 355; Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 49; Буряков Ю. Городище Минг-Урюк в Ташкенте.— Труды САГУ, вып. XXXI, 1956, с. 130; Брусенко Л. Г. Художественная керамика Бинкета, с. 98; Ее же. Продукция гончарного ремесла Бинкета, с. 108—109; Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969, с. 37.

развитого средневековья. Главным объектом является столица Ферганы предмонгольского времени — город Ахсикент. За три сезона археологических раскопок в Ахсикенте наряду с глазурованной накоплено значительное количество неглазурованной керамики, которая имела широкий круг применения в хозяйстве этого периода.

Первые наблюдения показали, что неглазурованная керамика Ахсикента близка с керамикой других регионов Средней Азии, но в то же время имеет локальные особенности, существенно дополняющие наши представления о керамике Ферганы. Столовая и кухонная посуда различного назначения, кувшины — от водоносных до миниатюрных, широко распространенная сероглиняная посуда с богатой орнаментикой, большой ассортимент оттиснутой в форме посуды с ажурной орнаментацией и комплекс крупных сосудов, которые обнаружены при раскопках Ахсикента, подлежат тщательному изучению. Ведь каждый вид, каждый тип и подтипы сосудов имели свое индивидуальное назначение.

В результате тщательного изучения слоев и микрослоев выяснилось, что в некоторой степени можно определить хронологию неглазурованной керамики развитого средневековья в небольших интервалах по времени. Такое определение хронологии неглазурованной керамики, несомненно, может сыграть немаловажную роль в исследовании керамического производства не только Ферганы, но и в изучении неглазурованной керамики соседних регионов.

В повседневной жизни человек был больше связан с неглазурованной керамикой, чем с поливной. Ею он пользовался не только в быту, но и в производственной деятельности. С развитием жизни, торговли, ремесла керамика тоже менялась и развивалась. Таким образом, каждый этап развития общества, в какой-то мере имел свое отражение и в керамике. В этом отношении изучение неглазурованной керамики позволит: во-первых, произвести классификацию, во-вторых, детально определить типологию по формам и назначению, и, в-третьих, работа внесет существенный вклад в изучение динамики развития керамического производства и расширит наши представления о месте и значении неглазурованной керамики в социально-экономической жизни.

Рассматриваемая в данной статье неглазурованная керамика получена из верхних слоев городища Эски-Ахси. Основным объектом по сбору материала является раскоп № 7, расположенный в юго-восточном углу шахристана Ахси-IБ. Незначительная часть материалов включена из раскопов № 3 (цитадель) и № 9 (большой стратиграфический раскоп с одновременным разрезом северной крепостной стены города, расположенный в северо-восточном углу шахристана)[1].

[1] Некоторые вопросы хронологии рассматриваются в работе: Мирзалиев Г. К изучению кухонной керамики средневековой Ферганы. — ОНУ, 1984, № 4.

Рис. 1.

Комплекс керамики по функциональному назначению делится на следующие типы: кувшины; горшки; кумганы; тагора; крышки; хумы. Наиболее массовыми и разнообразными по формам и орнаментации являются кувшины.

К первой группе относятся кувшины водоносные грушевидной формы, с довольно маленьким плоским дном (рис. 1, *3, 13*), вытянутое узкое цилиндрическое горло (Д=5,6 см) выделено от плечиков резким изгибом. Высота горловины достигает 7—8 см, высота самого кувшина — в пределах 30—36 см. Диаметр наиболее широкой части тулова — 23—25 см. К этой группе можно отнести несколько фрагментов кувшинов, которые имеют такую же форму тулова, но отличаются большим диаметром горловины, чем предыдущие.

Последний вид — водоносные кувшины с вытянутым цилиндрическим горлом, чаще всего сужающимся кверху, но довольно широким объемистым невысоким туловом, которое завершается псевдотрипольским дном. Для этих кувшинов характерны стандартизация и устойчивость формы. Размеры: высота — 31—36 см, диаметры 7,5—9 см, 8 см. Венчики всех форм кувшинов почти одинаковы — прямые, край их часто заострен.

Остановимся на орнаментальных узорах, которые опоясывают, в основном, плечо этих сосудов. Орнамент нанесен по сырой глине инструментом типа маленькой расчески с мелкими зубцами (около десятка). Композиция орнамента — волнистый прочерченный круг, один или несколько раз обведенный снизу и сверху прямыми горизонталями. Свободные места заполнялись крапинами, нанесенными тонкой палочкой, и короткими волнистыми линиями. Весь сюжет орнамента заключает в себе символ воды.

Надо отметить мастерство мастера-керамиста, который сумел так хорошо запечатлеть движение воды на керамике. Видимо, крапинами художник изобразил дождь, как бы завершая композицию орнамента. Имеются фрагменты с орнаментом другого характера. В одном случае горло и частично плечо кувшина охвачены мелкой резьбой. В другом — фрагмент плеча орнаментирован тремя способами: а) прочерченно-процарапанный; б) врезной; в) штампованный. На штампе изображено многорадиусное колесо.

Кувшины с укороченным горлом, которые бытовали на Ахсикенте, в количественном соотношении заметно уступают кувшинам с вытянутым горлом, составляя 10—15%. Они обычно без ручки, небольшие по размерам (рис. 1, *12*). В комплексе имеется единственный кувшин, который, возможно, является зачатком позднесредневековых медных «офтоба», широко распространенных по всей Средней Азии (рис. 1, *8*). Кувшин имеет округлое тулово на плоском устойчивом дне (Д=9 см). Тулово, плавно сужаясь, переходит в цилиндрическое горло с прямым венчиком. Поверхность венчика срезана ножом. Носик кувшина отбит.

Удобная ручка соединяет верх венчика с широкой частью тулова. Высота кувшина — 22 см.

Следующая группа кувшинов по своему происхождению связана с широкогорлыми горшками (рис. 1, *7*). Эти горшки существуют с более ранних времен, не меняя формы (рис. 1, *5*). Они имеют две петлевидные ручки для подвешивания. Горшки предназначались для молочных продуктов, высота их в пределах 16—20 см, диаметры 12—19 и 10 см. Высокое горло орнаментируется прочерченными волнистыми линиями. В XII в. широкое цилиндрическое горло этих горшков резко вытягивается вверх до 10—14 см, таким путем появляется новая форма кувшинов, которая получает большое распространение на Ахсикенте. В их оформлении наряду с прочерченным широко применяется штампованный орнамент и местами (обычно симметрично) закрепляются красивые круглые налепы-пуговки, оттиснутые в форме. На одном из них — ажурный орнамент, выполненный при помощи мелких круглых штампиков с изображением многорадиусного колеса. Обычно венчики прямые, нередко край заострен.

Новая форма кувшинов, появляющаяся в XII в.— кувшины с туловом каплевидной формы и довольно широким и высоким цилиндрическим горлом, которое и дает прямой венчик с заостренным краем (рис. 1, *1*). Тулово сосуда мягко и плавно сужается к горловине. В некоторых случаях такой переход почти не ощущается и сужение продолжается до самого венчика. Данная группа сосудов подразделяется на: а) кувшины небольшие, на выделенном поддоне (часто кольцевом); б) без поддона с плоским дном, без орнамента; в) на трех ножках. Размеры этих сосудов варьируют в пределах: высота 15—25 см, диаметры 10—13 см и 7—9 см. Судя по характеру орнаментации, они относятся к парадным видам и об этом свидетельствуют изящность форм, оформление тулова различными орнаментальными узорами. Очень примечательны симметричные мелкие оттиски круглых и треугольных штампиков в сочетании с многолепестковыми розетками и процарапанным вырезным орнаментом.

Парадными являются и кувшины банкообразной формы. Несмотря на маленький размер, для них характерно утолщенное тулово (8—13 мм), горловина также достаточно широкая (9—11 см). Как и кувшины каплевидной формы, они имеют богатый ажурный орнамент, нанесенный при помощи штампиков. Круглые «S»-образные, вытянутоовальные формы со вписанными в них сложными фигурами являются основным видом орнаментального узора.

Кувшины банкообразной и каплевидной формы изготовлялись исключительно из серой глины различных оттенков. К тесту нередко добавлялось немного мелкого гипса и песка. Поверх орнамента производилось лощение до блеска (не всегда). На некоторых сосудах имеется вертикальное лощение от венчика до дна.

Кувшины остальных форм создавались из однородного лесса

с примесью мелкого гипса и песка. В изломе черепок розовый, обжиг обычно ровный, отмучка хорошая. Тулово, часто придонная часть и края поддонов обработаны ножом. На нескольких кувшинах днища сильно затерты в результате длительного пользования.

Круг аналогий кувшинам — водоносным, каплевидной формы, с банкообразным туловом — весьма широкий. Однако неглазурованная керамика со многих регионов пока еще не нашла отражения в печати. Имеются считанные труды в этой области по Старому Мерву[2], Афрасиабу и частично Ташкентскому региону[3] и Хорезму. Прямые аналогии мы находим в керамике Карабулака[4] и Кувы.

Кумганы (кухонные чайники) представлены двумя формами. Первая форма типа водоносных кувшинов с вытянутым цилиндрическим горлом. Лентовидная ручка соединяет поверхность плечика с краем горловины (рис. 1, *6, 10, 11*). Венчики кумганов прямые, заостренные кверху, нередко венчик выделен широким плоским валиком. Наружная поверхность тулова кумганов не орнаментируется, обычно орнамент из врезных косо-вертикальных насечек, обведенных с одной или обеих сторон процарапанными горизонтальными линиями, наносится на нижнюю часть горловины. Дно вогнутое, иногда имеются слегка выделенные плоские поддоны. Размеры этих кухонных чайников варьируют в пределах: высота — 22—28 см, диаметры 5—8 см и 10—12 см. Высота цилиндрического горла — 7—10 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 17—21 см.

Вторая форма кумганов совершенно идентична кувшинам с псевдотрипольским дном. Возможно, удобство пользования этими кувшинами и достаточный их объем привели к тому, что ахсикентские мастера создавали кумганы подобной формы для кухни. Надо отметить, что в количественном отношении они почти равны кумганам предыдущей формы.

Кумганы обеих форм изготавливались из жаростойкого глиняного теста, из которого формовались и кухонные котлы. Основными примесями теста являются сильно размельченные дресва и кварц. Нельзя заранее сделать вывод о том, что большое распространение они получили только в Фергане, несмотря на то, что до настоящего времени в печати не имеется публикаций, посвященных им. Даже в статье, посвященной кухонной керамике Афрасиаба приводится лишь визуальное описание двух фрагментов кумганов[5].

---

[2] Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — нач. XIII вв. — ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 217—409.

[3] Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета. — В сб.: Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 80—125.

[4] Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 46—47.

[5] Шарахимов Ш. Ш., Пидаев Ш. Р. Кухонная керамика Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. IV, 1975, с. 50.

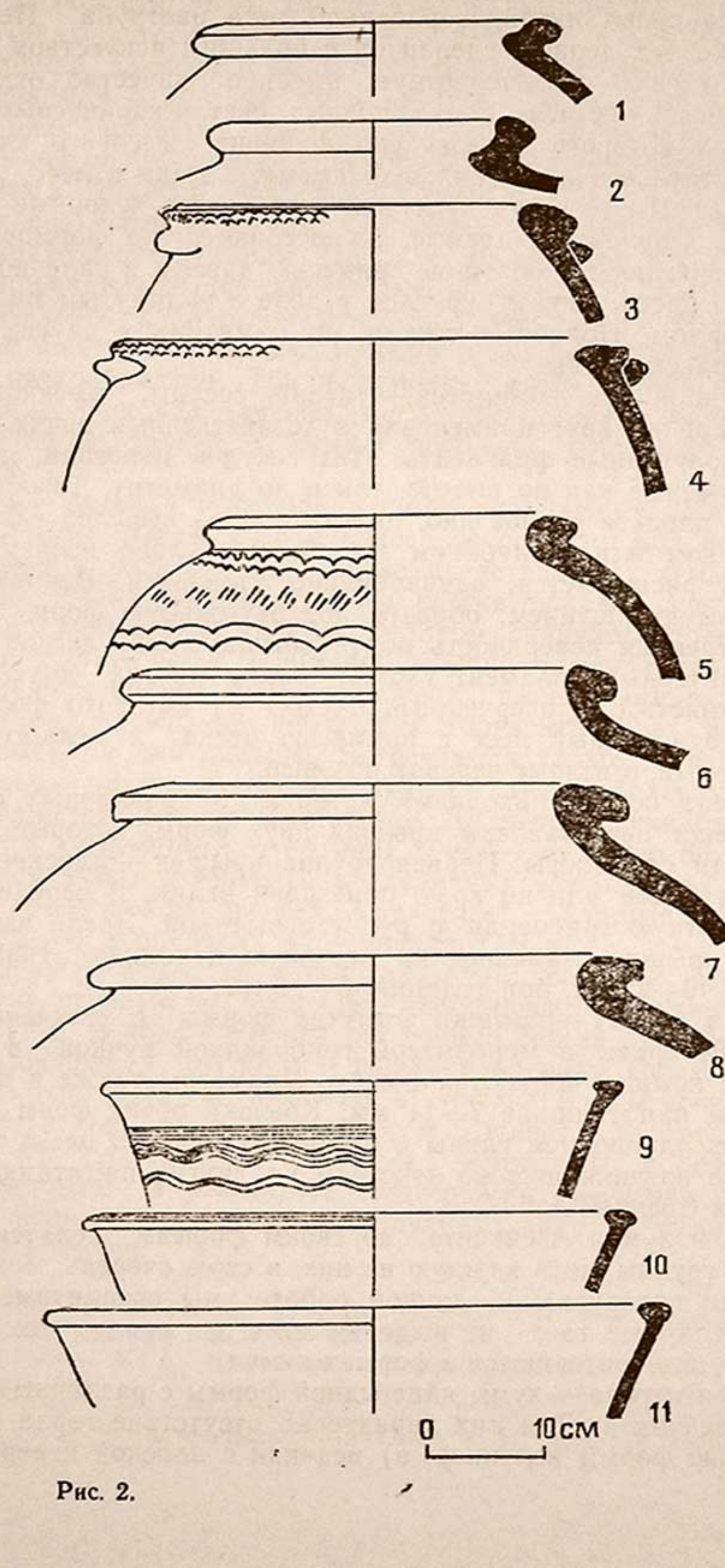


Рис. 2.

В нашем комплексе имеется лепной кухонный кумган в форме кувшина с вытянутой горловиной типа раструба. Несмотря на то, что сосуд лепной, сделан он с большим искусством и мастерством, о чем свидетельствует высокое качество отделки и симметричность формы. Сосуд покрыт светло-коричневым ангобом, поверх которого произведено лощение высокого качества. Состав теста здесь иной, большая примесь песка и лесс.

Незначительную часть кумганов составляют кухонные сосуды типа кура. Они также лепные, жаростойкие, но формованы из бело-желтой глины с большой примесью дресвы и галечного песка черного цвета, имеют округлое тулово с вытянутым цилиндрическим горлом. Подобные сосуды на памятниках других регионов не зафиксированы.

Следующий тип комплекса — тагора, сосуды, имеющие довольно широкий круг применения в хозяйственных целях (рис. 2, *9—11*). Полученные фрагменты этих сосудов показали, что размеры их разные как по высоте, так и по диаметру. Тагора обычно имеют плоское ровное дно, иногда поддон выделен еле заметным валиком или неглубоким желобком. Тулово кверху строго конически расширяется, одновременно утончаясь. Венчик выделен резким утолщением, образуя подтреугольную форму в сечении. Внутренняя поверхность борта обычно имеет легкое рифление. Характерный орнамент тагора, как у многих других сосудов — волнистый, прочерченный. Тесто, из которого формовали тагора — однородный лесс с примесью песка и мелкого гипса, обжиг ровный, в изломе черепок розовый.

Ахсикент богат находками крышек от различных сосудов. В комплексе представлены крышки двух форм, которые по размеру почти одинаковы. Первая группа крышек — плоские с приподнятым краем или по краю образован валик. В середине имеют монолитную грибовидную ручку с выемкой. После изготовления эти крышки ставились на песчаную подсыпку. Диаметры в пределах 19—22 см, при толщине 6—11 мм.

Вторая группа — крышки вогнутой формы с утонченным округленным краем и монолитной грибовидной ручкой в центре. Низ этих крышек обработан ножом. Диаметры также в пределах 18—22 см при толщине 7—14 мм. Крышки обеих форм изготовлялись из однородной глины с примесью мелкого песка и гипса. Подобные крышки широко известны на других памятниках средневековья Средней Азии.

Хумы и хумчи Ахсикента по своим формам делятся на две большие группы, хотя каждую из них, в свою очередь, можно разделить на подгруппы. В данной работе мы ограничимся двумя группами, кроме того, не выделяя хумы от хумчи, так как все формы хумов повторяются в формах хумчи.

Первая группа — хумы яйцевидной формы с различным оформлением венчиков. Для них характерно отсутствие горла и имеют следующие формы венчиков: а) венчики с плоской поверхностью,

подтреугольной формы в сечении. В одном случае внутренний край венчика заострен и округлен;

б) венчики клювовидной формы. Наружная окраина венчика притуплена или округлена. Один из них, сложнопрофилированный, по низу оформлен орнаментом из пальцевых защипов. Поверхность венчиков косо-горизонтальная, ровная, выполнена с помощью ножа. Диаметр — 37, 38,5 см (рис. 2, *6—8*). На двух фрагментах поверхность венчиков округлена и снаружи выделена четко выраженным валиком. Плечики одного из них орнаментированы процарапанно-прочерченными волнистыми линиями.

Значительное количество венчиков имеет пазы для крышек. Подобные выделки пазов для крышек в керамике Ахсикента поражают разнообразием. Три фрагмента имеют довольно мягко округленные края как венчика, так и паза. Первые два диаметром 26 и 30 см, третий, от хума с довольно широким устьем — Д — 50 см.

Имеются венчики подобной формы, украшенные защипами и круглыми штампиками в виде колеса со спицами под венчиком.

Довольно в большом количестве представлены хумы открытой формы. Цилиндрическое тулово, слегка сужаясь, дает венчик, выделенный четко выраженным валиком снаружи. Поверхность венчика горизонтальная, в сечении обычно подтреугольной формы, внешняя закраина часто украшена пальцевыми защипами. Под валиком закреплена небольшая горизонтальная налепная ручка с выемкой для пальцев. Встречаются также закрепленные под венчиком вертикальные полукруглые ручки, более удобные, как нам кажется, чем горизонтальные. Диаметры венчиков сильно варьируют в зависимости от размера хумов — от 40 до 80—85 см.

Аналогии хумам Ахсикента в единичных экземплярах мы находим в Ташкентском оазисе[6], Афрасиабе[7], Хорезме, Мерве[8] и датируются они в пределах XI — начала XIII в.

Приведенный комплекс неглазурованной керамики Ахсикента в некоторой степени представляет хозяйственную утварь ахсикентцев XII в. В ходе раскопок последнего сезона при сборе материала выяснилось, что не все формы найденных сосудов являются керамикой XII — начала XIII в., многие формы сосудов существовали с конца X в. (возможно и раньше). Это отнюдь не означает, что публикуемый материал перемешан с керамикой ранних периодов: в результате тщательного изучения удалось выделить формы сосудов, которые существовали в промежутке указанного времени.

---

[6] Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 90—91 и 96.

[7] Анарбаев А. А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981, с. 77, рис. 24; Немцева Н Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969, с. 189—193.

[8] Массон В. М. Хумы Нисы. — ТЮТАКЭ, т. 11, Ашхабад, 1953, с. 417, рис. 22—26.

В заключение небольшого сравнительного анализа можно сказать, что водоносные грушевидной формы и кувшины с яйцевидным туловом Эски-Ахси того же назначения находят прямые аналогии в пределах самого региона и в Ташкентском оазисе. Однако остальные являются локальными только для Эски-Ахси.

На основе исследования данного комплекса керамики можно судить о богатстве и разнообразии форм неглазурованной керамики Эски-Ахси по отношению к другим крупным памятникам Средней Азии.

Э. Ю. БУРЯКОВА

РАСКОПКИ БАНЬ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

В 1981—1983 гг. специальный отряд Согдийской экспедиции продолжал изучение средневекового хисара Самарканда, занимавшего площадь более 300 га к югу от Афрасиаба. Раскопки проводились на участках, подлежащих реконструкции при современной перепланировке города. Основные работы были сосредоточены на территории цитадели Тимура и Тимуридов, в центре средневекового города близ площади Регистан и в северо-западном секторе города в местности Чорроха близ Бухарских ворот. Были вскрыты жилые и общественные комплексы, изучалась фортификация цитадели.

Настоящая статья посвящена одной из наиболее интересных групп общественных сооружений города — баням. Точное время возникновения бань в Средней Азии неизвестно, но интенсивно их начали строить в IX—XI вв. Об этом свидетельствуют находки банных комплексов на Афрасиабе[1], которые в это время пользовались большой популярностью. В настоящее время на Афрасиабе известны пять бань. За пределами же Афрасиаба исследуемого периода данные сооружения выявлены не были, хотя письменные источники и вакуфные документы свидетельствуют о большом их количестве в средневековом хисаре.

Выявленные и раскопанные в последнее время банные комплексы IX—XIX вв. на этой территории позволили нам проследить эволюцию их планировки, общие черты и локальные особенности.

Наиболее ранние бани в рабаде Самарканда были открыты к юго-западу от Афрасиаба в районе Чорраха. Раскопом на месте котлована размером 25×20 м² на постройке VIII—IX вв.,

[1] Шишкина Г. В. Городской квартал VIII — нач. XI в. на северо-западе Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. 2, Ташкент, 1973, с. 127—145; Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—68 г. — Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 274—278.

стоящей на материке, была вскрыта часть сооружения из жженого кирпича размерами 36—40×19—21×8—8,5 см на глиняном растворе. Стены его сохранились на высоту в 8 кирпичей и были использованы частично при строительстве перекрывавшего его комплекса следующего этапа. Эта постройка возведена также из жженого кирпича, но несколько иного стандарта — 31—32×15—16×5 см, на глиняном растворе. Вскрыта часть верхнего комплекса с примыкающей дорогой, вымощенной серым сланцем и проходившей с севера на юг. Внешняя стена толщиной около 1,5 м, сложена из жженого прямоугольного кирпича 31—35×16—19×5 см с забутовкой рыхлой земли между кирпичной кладкой, в кладке использован и кирпич предыдущей постройки. Полностью вскрыты два помещения.

Первое — центральное, более крупное, 3×5 м с двумя выходами, в первоначальном варианте — на юг и восток. Но, возможно, был и третий, на север. Стены толщиной 30—60 см покрыты плотной серой водостойкой кыровой штукатуркой толщиной от 11 до 17 см, насчитывающей до 24 слоев. Пол вымощен плотно пригнанными крупными квадратными плитами из жженого кирпича размерами 46—47×45—47×5 см. В юго-восточном углу колодец-ташнау диаметром 71 см, заполненный рыхлыми отложениями со следами интенсивного стока воды, в северо-западном углу — фрагментарно сохранившийся овальный резервуар диаметром 50 см, стены которого облицованы жженым кирпичом.

Комната была проходной и сообщалась с влажными помещениями, о чем свидетельствуют кыровая обмазка стен с обеих сторон и продолжение выстилки в проходах. С течением времени помещение было немного перестроено. Южный проход был закрыт, а в юго-западном углу пристроена суфа размером 90×40 см. На полу слой более 30 см из земли и ганчевой крошки с остатками рухнувшего свода, скорее всего куполообразного. Под завалом около суфы были найдены симобкузача, рядом обломки стеклянного миниатюрного горшочка с маленькими петлеобразными ручками в верхней части тулова, фрагменты нескольких чирагов с округлым граненым туловом, плоским дном и петлеобразными ручками с листовидным навершием. Один чираг покрыт ярко-коричневой краской под бесцветной глазурью, другой — такой же формы, но глазурь темно-зеленого цвета. В комплексе найдены мелкие тарелки, украшенные по красному фону рисунком белой краской, на другом в центре дна — эпиграфический орнамент черного цвета на белом фоне. Данная керамика характерна для Самарканда X — нач. XI в. н. э.[2] Дата подкрепляется также караханидским фельсом.

На выходе из помещения на север можно было попасть, скорее всего, в помещение, в котором, судя по находкам, хранились

---

[2] Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

в резервуарах различные настои и растворы. Стены этого помещения зафиксировать не удалось, но сохранились остатки округлого в плане резервуара диаметром 60 см и высотой более 50 см. Он основан на постаменте из 5 слоев кирпича 32—31×17—16×5 см. Из такого же кирпича сложены стенки резервуара, сохранившиеся на высоту в 8 кирпичей. Между постаментом и дном резервуара — подсыпка из ганчевой крошки (10 см), затем идет

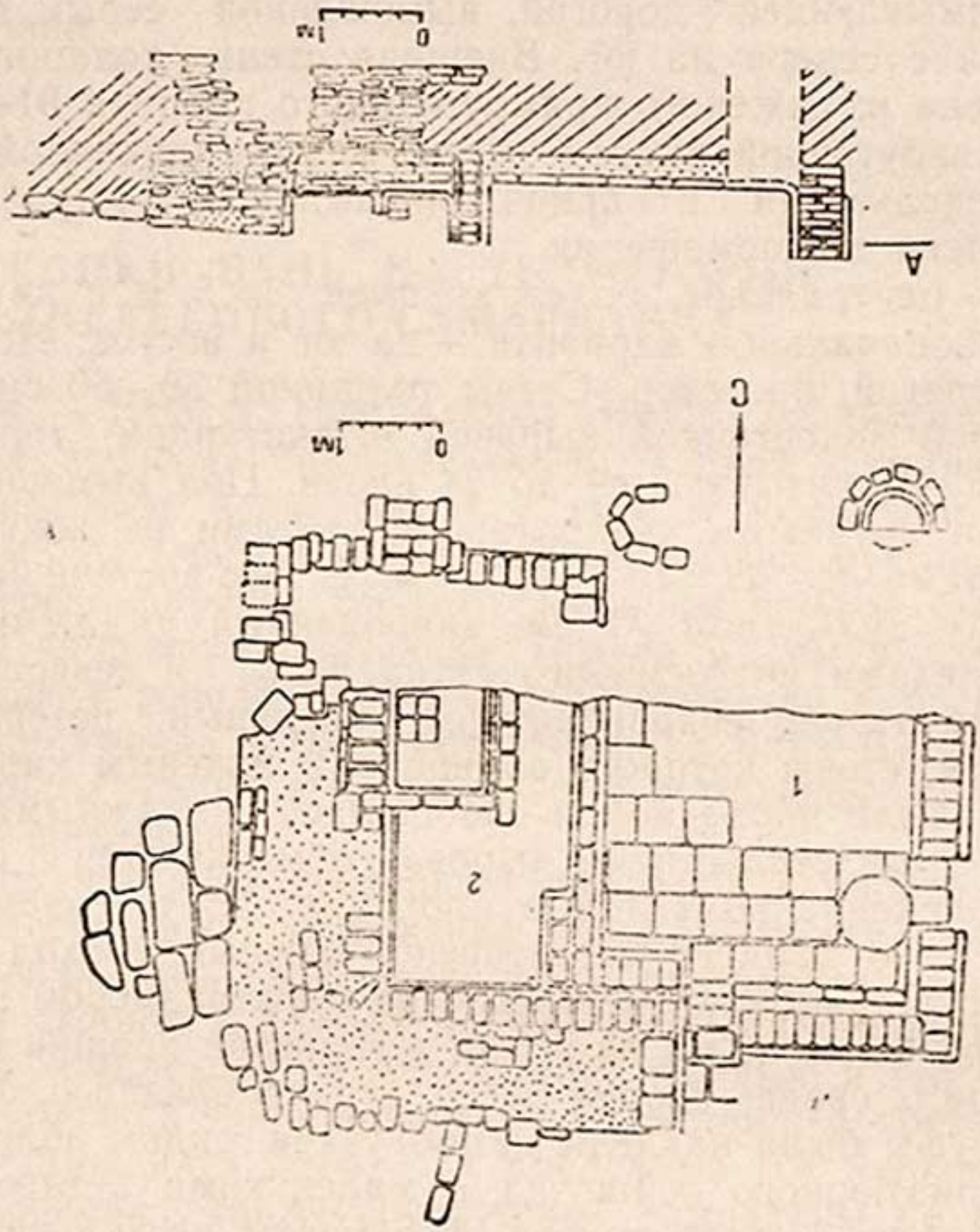


Рис. 1. План и разрез бани X—XI вв.

обмазка кыровым раствором стен в 12 слоев. Резервуары без стока известны в средневековых банях Нисы и Крыма[3]. В банях XII в. на цитадели Нисы рядом с такими резервуарами были врыты два хума, один из которых изнутри обмазан цементирующим раствором. Г. А. Пугаченкова предположила особое назначение помещений, в которых содержались щелок и ароматические настои[4]. Такого типа резервуары отмечены и в Афрасиаб-

[3] Якобсон А. Л. Средневековые бани Херсонеса.— СА, вып. VIII, 1946, с. 264.

[4] Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. — ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1946, с. 243—244.

ской бане[5]. Ибн Сина, описывая влияние купания в банях на организм, упоминает несколько растворов, получаемых кипячением некоторых растений, серы, золы, а также медные, железные, соленые, кварцевые и купоросные воды, с отварами шиповника, ягод и лавра[6].

Стены последующих помещений в котловане уничтожены работавшей техникой, часть же уходит в стены котлована. В завалах, заполнявших комнату № 1, найдено несколько фрагментов ганча, покрытого красной и голубой краской. Возможно, некоторые из ее залов были украшены росписью, что также находит аналогию в восточных банях этого времени[7].

Как отмечал Джелал Эссад, в банях Востока процесс купания был очень сложен. Он возводился в ритуал, чем славились прежде всего турецкие бани. «В течение длительной процедуры купания посетитель постепенно переходит из помещения в помещение с последовательно нарастающей температурой, ему делают массаж, ополаскивают, моют горячей водой и мылом. Все это перемежается отдыхом и завершается кейфом с кофе и трубкой»[8]. Известный средневековый каллиграф поместил на стене одной из бань Мешхеда сентенцию: «Пространство бани подобно раю, хотя строение ее из глины и кирпича»[9].

В нашем комплексе не удается воссоздать полную картину перехода от первого, прохладного помещения, которое само по себе могло быть и не первым, так как окружалось неширокой (60 см) внутренней стеной и имело в сохранившейся части два выхода в восточную и южную стороны. Скорее всего оно было проходным. Наличие в нем у восточного входа сливного отверстия, а в западном углу небольшой суфы, около которой было обнаружено несколько фрагментов находок X—XI вв., дает основание предполагать, что это могла быть комната для легкого омовения и отдыха.

Из жарких зал удалось вскрыть одно помещение — № 2 размером 2×4,1 м, заключенное между комнатой № 1 и основной стеной, граничащей с улицей. Помещения разделяет неширокая стена в 32 см, обмазанная с обеих сторон кыровым раствором в несколько слоев. Помещение включало в себя небольшую полочку-суфу в южной части, в юго-восточном углу — сливной желоб, в северо-западном углу размещалась ванна размером 200×90 см,

---

[5] Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. — Афрасиаб, вып. 11, 1973, с. 133.

[6] Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1945, с. 198.

[7] Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана. М., 1958, с. 242—245; Она же. Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976, с. 44—51; Бернштам А. Н. Баня древнего Тараза. — Труды отдела Востока. Т. 11. Л., 1940.

[8] Джелал Эссад. Константинополь. М., 1919, с. 267.

[9] Цит. по: Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества. — ТОВЭ, IV, Л., с. 283—336.

стены которой облицованы квадратными кирпичами форматом 19—20×3 см, поставленными на ребро и вцементированными в водонепроницаемую обмазку. Так же оформлено дно резервуара и пол всего помещения, кирпич в которых уложен плашмя. Под полом резервуара и всего помещения развернута сложная система отопления из жаропроводящих каналов и кубуров, некоторые из них зафиксированы в основной наружной стене. Такие горизонтальные каналы, проложенные под полом и полками — «каны», наблюдались и в банях древнего Тараза[10]. Наличие в жаропроводящей системе каналов и кубуров находит аналогию с обогревающими устройствами в здании цитадели Хульбука[11] и Афрасиаба[12]. Остатки отопительного канала прослеживаются и в северном участке стены раскопа. Ширина желоба 50 см. В нем остатки золы, мелкие угольки, проникавшие с пламенем. Сама печь должна оказаться севернее. В пределах комнаты найдены фрагменты круглодонных котлов и кувшинов с штампованным орнаментом, характерным для X—XI вв., предназначавшихся для горячей и холодной воды, хранение и подогрев которой проходили вне комнат для мытья.

В последующий период бани приобретают несколько иную планировку и более стандартный набор помещений, что наиболее четко прослеживается нами, начиная с комплексов тимуридского времени.

Данный период для Самарканда отмечен расцветом строительства — парадного, культового, общественного. Расширяются и перестраиваются улицы, город разбивается на кварталы, в которых строятся новые мечети, водоемы, чайханы и, конечно, бани.

По источникам известны центральные городские бани, размещавшиеся близ мечетей и базаров и внутриквартальные, которые служили не только для поддержания гигиены, но и были местом отдыха, общения, праздного времяпрепровождения, в них обменивались новостями, совершались крупные торговые сделки.

Основной структурный состав банных объектов известен по сохранившимся комплексам и по вакуфным документам. Л. Ю. Маньковская выделяет две типологические группы внутри этого типа многокамерных зданий.

Полный «классический» тип — полуподземное здание, заглубление в землю основного объема которого позволяет сохранить в нем тепло. Наземная часть каркасная — в основном складские помещения и комнаты для раздевания. Подземная часть вписы-

---

[10] Бернштам А. Н. Баня древнего Тараза и ее датировка. — ТОВЭ, т. 11, Л., 1940.

[11] Гулямова Э. Раскопки городища Хульбук в 1960 г. — Археологические работы в Таджикистане, вып. VIII, 1960. Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXIV, Душанбе, 1962, с. 120—124; Она же. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г. — Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXI, Душанбе, 1961, с. 155—159.

[12] Шишкина Г. В. Городской квартал..., с. 131.

валась в прямоугольник. Внутри баня расчленялась на три отсека по ширине и три—пять по длине и включала следующие помещения: 1. Раздевальню-люнчи, где получали набедренную повязку. 2. Комнату для адаптации к перепаду температур на пути в мыльное отделение и обратно, предназначавшуюся также для мытья ног — паша-хона. 3. Центральный зал с возвышающейся суфой — катта-гумбаз или кинник. 4. Массажная комната — ходимхона — и мечеть, расположенные по обеим сторонам зала. 5 и 6. Мыльные комнаты с прохладной, теплой и горячей водой в резервуарах-сувхона, помещенные за кинником. 7. Помещение топки, находившееся за сувхона.

Второй вид бани с неполным составом подсобных помещений[13]. Кроме обычного состава помещений в комплекс бань входили крытые колодцы, бассейны[14], иногда садики.

Обогрев помещений и резервуаров регулировался с помощью подземной системы жаропроводящих и дымоходных каналов путем их перекрывания.

Вакуфные документы, дошедшие до нас, дают некоторое представление о местоположении бань, их количестве, принадлежности. Они являлись коммерческими предприятиями и приносили доход их владетелю. Источники напоминают, например, бухарскую баню Домулло Шер, которая являлась вакуфом медресе того же имени. Доходы от нее делились между владельцами келий медресе, его служителями и частично шли на ремонты и поддержание медресе в порядке[15].

Большие доходы получал от бань крупнейший землевладелец, представитель духовенства Ходжа Ахрар. Только в Самарканде, по сохранившимся документам, ему принадлежали 4 бани. Так, в вакуфном документе 1484 г. говорится о купчей на половину бани «Хаммом-и Ходжа Низамаддина на базаре Мухаммад-Чап (у ворот Аханин)»[16]. Известна купленная и обращенная в вакф баня в квартале Хуне под названием «Хаммом-и кундалак» — «угловая баня»[17]. Документ 1546 г. упоминает баню, расположенную в квартале Такачийан (Подковщиков) с находящимися в ней многочисленными постройками с раздевальней и айваном[18]. Четвертая маленькая баня находилась в махалле Ходжа Кафши[19].

Дополнительные данные были получены при археологических раскопках, проводимых в порядке надзора при работах по рекон-

---

[13] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии IX — нач. XX в. Ташкент, 1980, с. 72—73.

[14] Воронина В. Л. Об узбекских банях. — СЭ, 1951, № 1, с. 114.

[15] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 84—85. Квартал Кутулук, в котором находилась баня, назван в вакуфной грамоте 1882—83 г.

[16] Чехович О. Д. Самаркандские документы XV—XVI вв. — Памятники письменности Востока. XXXI, М., 1974, док. 9, с. 104.

[17] Там же, док. 11, с. 284.

[18] Там же, док. 17, с. 341.

[19] Там же, док. 10, с. 175.

струкции Самарканда. Во время строительства «сада поэтов» близ площади Регистан[20], юго-западнее медресе Улугбека, были расчищены остатки резервуаров, печь с подземной системой отопления, котлы и кувшины для горячей и холодной воды, обилие фрагментов тонкостенной посуды XV в., коллекция точильных камней, цветная архитектурная облицовочная плитка. Среди находок в примыкающей дворовой части интересен мраморный шар диаметром 9 см и весом 1 кг. Все эти детали позволили выделить еще одну баню Самарканда, причем баню парадного типа, так как в раскопе были найдены облицовочные плитки, которые могли покрывать полы и стены бани. Находка точильных камней свидетельствовала о наличии в ее составе парикмахерской, а мраморный шар, употреблявшийся для игр знати, о включении подсобного, вероятно, озелененного, дворика для отдыха.

Садик как составная часть бани известен по источникам. Так, в вакуфном документе 1490 г. упоминается баня в Бухаре, находившаяся напротив медресе Улугбека, в составе которой, кроме раздевальни, общего отделения, отдельных комнат, печи, колодца, назван садик, примыкающий к этой бане[21].

Парадный характер бани позволил нам отождествить данную постройку с известной в источниках «баней мирзы», построенной Улугбеком. Описание ее имеется у Бабура: «Недалеко от медресе и ханаки он (Улугбек) построил хорошую баню: «баней Мирзы» называется. Полы в ней выстланы камнем всех цветов»[22].

Вторая баня этого же периода вскрыта почти в центре цитадели Тимура, северо-восточнее предполагаемого нахождения дворца Куксарай.

Баня прямоугольной формы с усеченными углами, ориентирована по линии север—юг. Вскрытый участок ее 12×18 м, судя по плану сохранившейся отопительной системы, включает лишь северную половину, общая площадь которого составляла, вероятно, 24×18 м. Вход с востока или юго-востока. Основные узлы топочной системы в северной и западной части. Частично сохранилась северная часть подземной топочной галереи, которая дает возможность реконструировать общую планировку.

Баня соответствовала классическому типу полуподземного здания и включала в себя весь набор помещений от раздевальни до парильни. Центром ее являлся восьмиугольный зал — катта гумбаз, от которого крестообразно расходились помещения с различной температурой воздуха. Система подземного отопления радиально-концентрическая, с подводом жаропроводящих каналов под каждое помещение. Основная отопительная камера со складскими помещениями располагалась в северной части. Дополнительные дымоходы и печь в западной части дают возмож-

---

[20] Ерназарова Т. С., Бурякова Э. Ю., Брусенко Л. Г. Раскопки в Самарканде. — АО 1974 г. М., 1975, с. 498—499.

[21] Чехович О. Д. Указ. соч., с. 272.

[22] Бабур-намэ. Ташкент, 1958, с. 61, 46 б.

ность определить, что центральная, северная и западная части включали в себя самые жаркие помещения для мытья и парильни. В северной же части проходил водосток, отводивший использованную воду. В юго-восточном углу находились более прохладные помещения: массажные, комнаты отдыха, мечеть и раздевальня.

Планировка продухов горячего воздуха в подпольной отопительной системе радиально-концентрическая. На скрещении основных продухов, вероятно, была вытяжная труба. Вся отопительная система подпольной части выложена из жженого квадратного кирпича со сторонами от 24,5 до 26 см и толщиной 5 см на глиняном растворе с саманом.

Дымоходные каналы сложены в виде кирпичных коридоров с арочными сводами и столбиков с наклонно закрепленными в верхней части кирпичиками, образующими перекрытие, на котором лежал пол. Полы и стены продухов накопили мощный, до 5—6 см слой сажи от длительного и интенсивного использования. Устье первой топочной камеры, располагавшееся под горячим водоемом, имеет диаметр 1,5 м. Из него шел центральный жаропроводящий канал на юг через вторую камеру меньшего размера, из которой, кроме основного южного, шел канал на запад. Центральный канал шириной 70 см, постепенно разветвляясь, образовывал радиально-концентрическую систему. Магистральные каналы «бог-куча», которые брали начало у топки и скрещивались под центральным помещением, сводились затем к вентиляционным трубам. В западной части бани имеется еще один очаг диаметром 70 см. Аналогичные по планировке бани известны в Самарканде[23], в Балхе[24], в Каршах[25], Бухаре[26], Ташкенте[27]. Но тимуридская баня цитадели отличалась от многих из них монументальностью и красотой отделки. Об этом мы можем судить по обилию глазурованных облицовочных плит — голубых и позолоченных, фигурных — пяти- и шестиугольных с красочным витиеватым растительным орнаментом, по набору мраморных и ониксовых плит, отделке пола и панелей.

Хорошая баня должна была обладать умеренной температурой, чистым воздухом, просторным предбанником с красивыми картинами хорошей работы. Автор XIII в. Рашид ад Дин писал: «надо, чтобы ты искал такую баню, которая имела бы древнее здание, прозрачную воду и чистый воздух и была бы просторна...»[28]. Открытая нами баня скорее всего отвечала всем этим требованиям.

---

[23] Воронина В. Л. Об узбекских банях, с. 117.
[24] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии XV в., с. 44—51.
[25] Маньковская Л. Ю. Указ. работа, с. 74, рис. 5а.
[26] Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, с. 88—89.
[27] Филанович М. И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента. — ОНУ, 1982, № 3, с. 39—41.

О продуманной архитектурной композиции свидетельствует и наличие бассейна рядом с банным комплексом. Раскрытый близ бани квадратный бассейн ступенчатой формы, размером 11,5× ×11,5 м, сложен, как и баня, из жженого кирпича того же формата, на водостойком растворе, так же врыт в лесс. На дне его среди археологических находок — монета чекана Улугбека 1425 г. Отвод сточных вод в северную сторону, где расчищена скрытая в земле общая канализационная система типа оби-мури, прослеженная на 25 м.

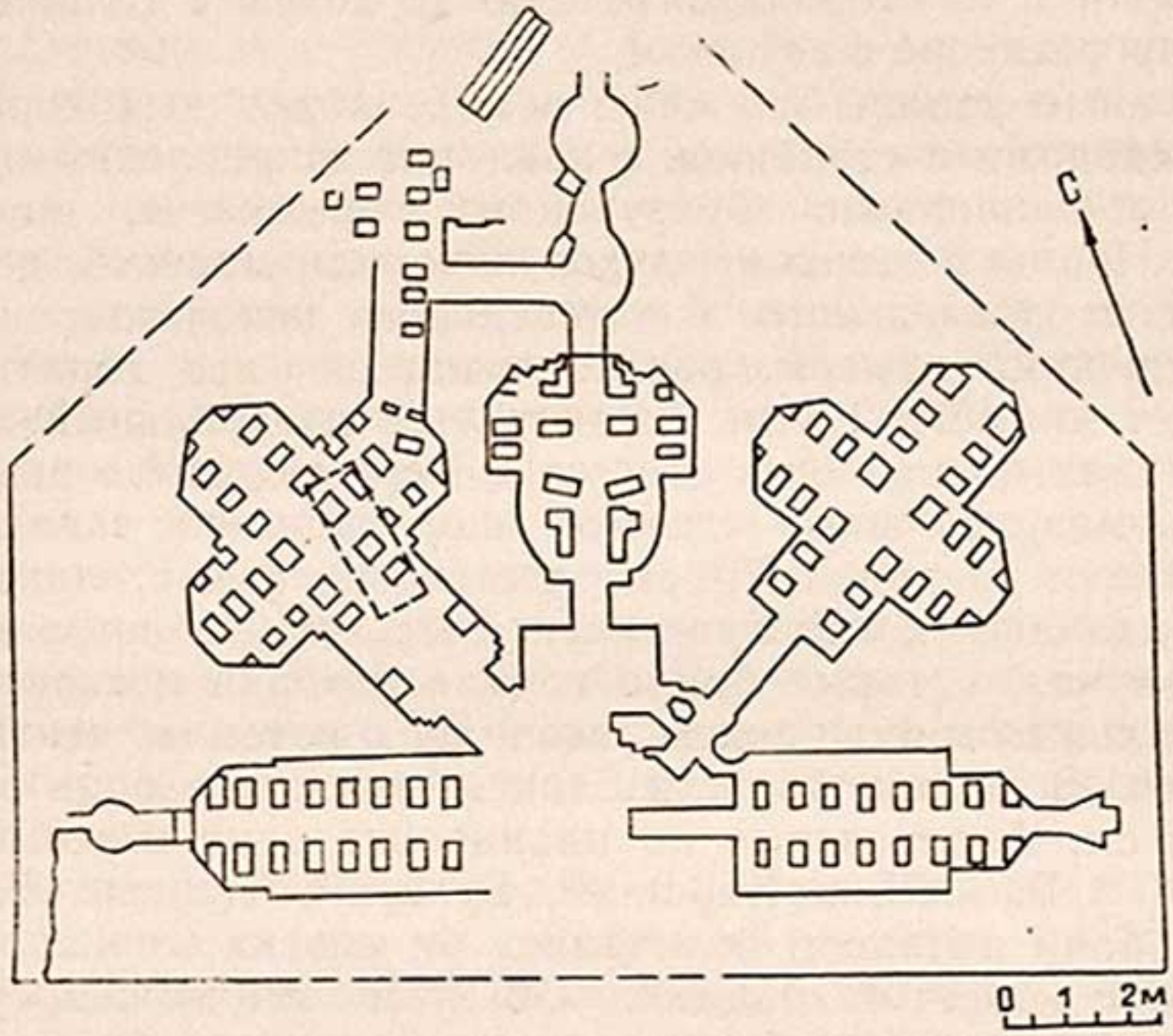


Рис. 2. План отопительной системы бани XIV—XV вв.

Более поздняя баня представляет собой в плане два квадрата — большой и малый, соединенные между собой ромбовидным проходом. Ориентирована она по линиям север—юг с небольшим отклонением к западу, что характерно для большинства поздних построек цитадели. Баня расположена к юго-западу от первой и включалась в поздний дворцовый комплекс, который был возведен чуть севернее дворцового ансамбля XIV—XV вв. Ее подземная часть врезалась своим основанием в культурные наслоения XIV—XVII вв. Малое помещение размером 6×5 м включало в себя с южной стороны устье топки диаметром 1,5 м и очаг под котел или резервуар с горячей водой диаметром 1 м. От очагов на север проложен дымоходный канал шириной 70 см. Основная часть помещения по обе стороны от канала была заполнена землей с обломками жженого кирпича, способствовавшей сохранению и направлению горячего воздуха под центральное помещение.

На площади ромбовидного помещения канал распределял жар системой участков типа кана, поддерживаемых столбиками из жженого квадратного кирпича с длиной стороны от 25 до 27 см и толщиной 5 см, уложенного на глиняном растворе с саманом. Далее основной канал, сложенный в полтора кирпича с арочным перекрытием шириной 70 см и высотой 17 см, проводил на север под центральное помещение кинник или катта гумбаз, упираясь в его северной части в поперечную стену, которая являлась и стеной предбанника. Под центральным помещением он образовал разветвленную в западном и восточном направлениях систему, которая, в свою очередь, делилась поперечными более мелкими отводами шириной 25 см.

Если в южной части сохранилась отопительная система, то в северной раскрыты остатки полов и стен. Это дает возможность восстановить всю планировку здания. Вход в баню находился в северной части. Через небольшое квадратное помещение размером 2,5×2 м — предбанник — посетитель проходил в восьмиугольный зал с умеренной температурой, для адаптации. Из него попадал в прямоугольное помещение 2,5×6 м с более высокой температурой, примыкавшее к киннику с западной стороны. В северо-восточном углу помещения находилась ниша или резервуар для воды. Из этого помещения можно было попасть в центральное восьмиугольное с суфой в центре, обведенной канавкой, которая отводила использованную воду. Под ним проходила разветвленная отопительная сеть, так что это была самая жаркая комната. Из кинника можно было попасть в две восточные комнаты с умеренной температурой и резервуаром, находящимся между кинником и комнатой. Такие же помещения с резервуаром располагались и с западной стороны от кинника. В северной части располагалась ромбовидная комната, в которой находились резервуары с горячей водой.

Пол помещений выложен жженым кирпичом, лежавшим на слое ганчевой крошки и кыровом растворе толщиной 7—10 см. Основные, наружные стены, состоящие из двух стен с засыпанной между ними рыхлой землей, выложены из жженого разноформатного кирпича (использовался и более ранний тимуридский) шириной 80 см. Изнутри стены покрыты белым ганчевым водонепроницаемым раствором. Керамический материал бани характерен для XVIII—XIX вв.

Таким образом, вскрытые нами бани разного периода позволяют проследить планировку этого типа общественных зданий на протяжении тысячелетия.

Можно констатировать, что система отопления типа кана, сложившаяся в X—XI вв., прочно вошла в элемент бань, но на позднем этапе она сосуществует с более сложной коридорообразной, этнографически подтвержденной регулировкой системой специальных задвижек.

Помещения с индивидуальной температурой, которая повышалась или понижалась по желанию посетителя на ранних этапах с помощью переносных очагов, заменяется увеличением комнат с различным температурным режимом, где посетитель сам выбирал необходимые для себя условия.

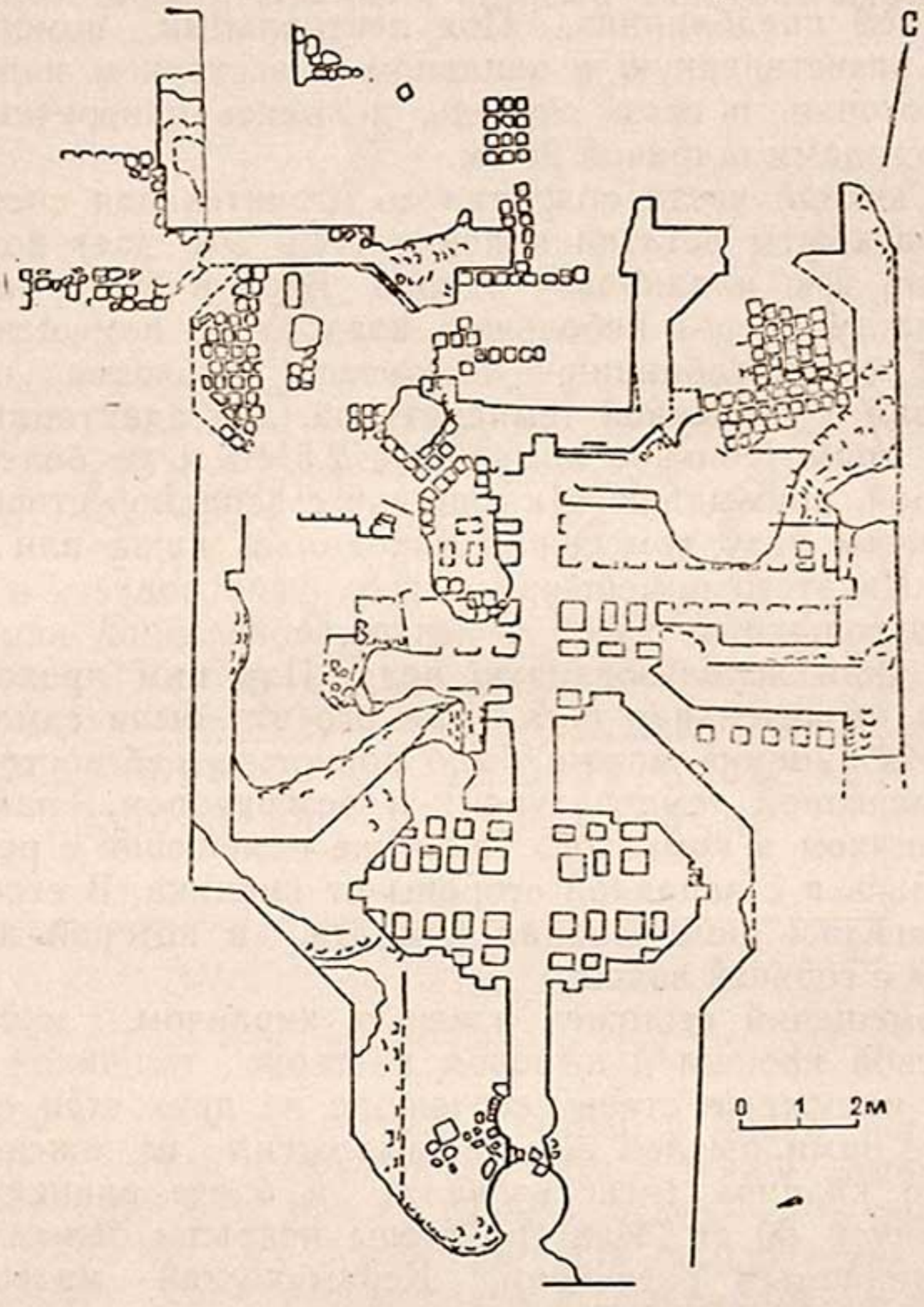


Рис. 3. План бани XVIII—XIX вв.

Изменяется и совершенствуется вид резервуаров для хранения холодной и горячей воды. При этом исчезают индивидуальные ванны, заменяемые удобными для массажа суфами и бассейнами.

Утепление внешних стен за счет засыпок рыхлой землей, имеющее древнюю традицию, дополняется углублением основного объема бани в землю для лучшего сохранения тепла.

Д. К. МИРЗААХМЕДОВ, И. А. АХРАРОВ

ПРИВОЗНАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОСУДА ПО МАТЕРИАЛАМ БУХАРСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.

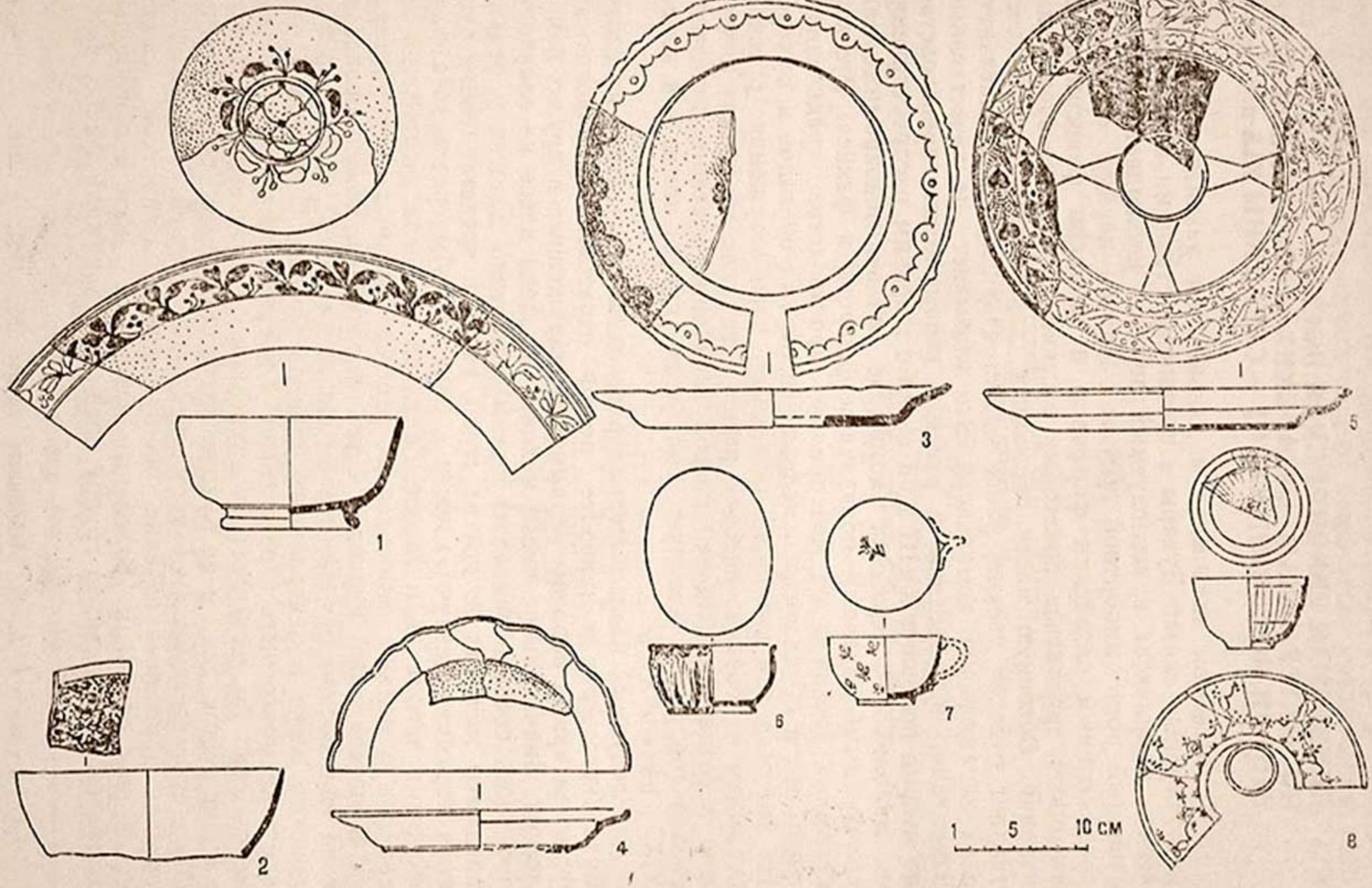
С подъемом экономики и дальнейшим развитием торговых и культурных связей Бухары с соседними странами в ее керамических комплексах в исследуемый период наблюдается количественный рост импортной посуды. Причем наряду со старым традиционным китайским фарфором и иранским фаянсом здесь начинают появляться привозные русские и западноевропейские изделия. Основную массу привозных европейских изделий составляет русская посуда, ранее не встречавшаяся в среднеазиатских керамических комплексах. Это указывает на качественные изменения, происшедшие в русском керамическом производстве во второй половине XVIII в. в связи с широким распространением майоликовой керамики (покрытые эмалью монохромные или полихромные изделия), появлением фарфора и фаянса. Русская керамика обогнала по материалам производства среднеазиатскую, что и обусловило появление ее первых образцов в Бухаре. Но вместе с тем это лишь начальный этап вторжения русской керамики на среднеазиатский рынок, так как ее привоз ничтожен в сравнении с общей массой продукции местного производства и той ролью, которую она будет играть позже — в конце XIX — начале XX в.

Исследуемый нами материал в основном происходит из слоев Бухарского Арка и наиболее полно отражает малочисленные фрагментарные образцы керамики, обнаруженные в других комплексах. Значительное число находок из Арка вовсе не означает, что здесь сосредоточивались преимущественно дорогие и редкие предметы экспорта из других стран, так как представленная русская керамика не принадлежит к образцам Императорского фарфорового завода или завода Гарднера, а была изготовлена на средних и мелких, относительно дешевых частных предприятиях.

В исследуемый период русское фарфоро-фаянсовое производство еще носило ручной, ограниченный характер[1], и фарфор был дорогим даже в центральных районах России. О массовом экспорте не могло быть и речи также и потому, что русские изделия не смогли бы выдержать конкуренции с китайским фарфором как по ценам, так и по художественно-стилевым особенностям, более соответствующим вкусам населения Средней Азии. Поэтому русские привозные изделия из бухарских комплексов, скорее всего, как отмечали отдельные источники, носили сувенирный характер. Наибольшую группу среди них занимали фаянс, затем

---

[1] Салтыков А. Б. Избранные труды. М., 1962, с. 378.



Образцы русской и европейской привозной посуды.

фарфор и керамика. Все они исполнены в формах и подразделялись на чаши, тарелочки, масленки и кофейные чашечки.

Керамика (майолика). Представлена единственным образцом полихромной тарелочки (рис., *3*) с волнистым завершением бортика и стеночкой, плавно переходящей в донце без кольцевой ножки. Тарелочка по бортику расписана голубой краской с коричневой окантовкой и желтыми кружками на фестонах. В центре читаются остатки росписи растительного характера. Тарелочка выполнена из глины желтоватого цвета и полностью покрыта белой эмалью слегка голубоватого оттенка. Д. в.— 24 см; д. д.— 17 см; высота — 2,6 см.

В литературе подобные изделия называются майоликовыми и широко известны по материалам Гжели, датируемым последней третью XVIII в.[2]

Фаянс. Представлен наибольшей группой образцов: чашами и тарелочками. Все они изготовлены в формах и покрыты прозрачной глазурью вплоть до поддона. Донца сохранились на немногих образцах, но марок заводов-изготовителей на них не имеется. Орнаментация в основном выполнялась росписью и лишь на немногих фрагментарных образцах — печатным рисунком. Судя по художественно-технологическим особенностям, большая часть лучше сохранившихся изделий из фаянса относится к русским фарфоро-фаянсовым предприятиям, а меньшая, сохранившаяся фрагментарно, пока не поддается определению.

Чаши по форме близки нашим, на сохранившихся образцах имеется кольцевой поддон. На рисунке (*1*) представлена археологически целая монохромная чаша с орнаментацией растительных и геометрических мотивов по центру внутренней и повторяющихся растительных мотивов по венчику внешней поверхности, выполненных синей краской. Фаянс белый с желтоватым оттенком, легкий. Д. в.— 15 см; д. д.— 9 см; высота — 7,5 см. Имеется еще один фрагмент донца с идентичными формой и орнаментацией.

Несколько фрагментарных образцов чаш, близких по технологическим особенностям вышеописанной, но выполненных полихромными красками, к сожалению, не поддаются реконструкции. На одном из них орнаментация из повторяющихся синих, красновато-желтых и зеленых растительно-цветочных мотивов была заключена в синюю ленточную полосу, проходящую по внешней поверхности венчика. На внутренней поверхности донца, исходя из синей круговой окантовки, также, видимо, был нанесен какой-то орнамент. Фаянс белый, покрыт глазурью с голубоватым оттенком.

На следующем фрагменте сохранился лишь обрывок росписи растительно-цветочного характера, выполненной зеленой и красной красками. Фаянс белый с глазурью желтоватого оттенка.

---

[2] Дулькина Т. И., Ашарина Н. А. Русская керамика и стекло XVIII—XIX вв. М., 1978, ил. 166.

Вторая чаша (рис., *2*), по технике исполнения отличается от предыдущих. Орнаментация ее внешней стороны состоит из нанесенных тонким слоем цветной пастезированной массы разводов синей, коричневой, красновато-коричневой, черной и белой красок. Орнамент у венчика в середине и, видимо, по низу оконтуривался рельефно выступающими синими ленточными полосами. Фаянс белый с глазурью желтоватого оттенка. Д. в.— 18 см.

Тарелочки (рис., *4, 5*) по форме близки вышеописанной майоликовой (рис., *3*), отличаясь лишь большей сложностью профилировки. Первая имеет ту же форму поддона, но без волнистой окантовки бортика (рис., *5*). Орнаментация, выполненная синей краской, составлена по бортику и стенкам повторяющимися растительными, а по днищу — геометрическими мотивами. Фаянс белый с глазурью желтоватого оттенка. Д. в.— 24,5 см; д. д.— 16 см; высота — 2,5 см. По цветовой гамме и мотивам орнаментации эта тарелочка очень напоминает изделия из полуфаянсов Гжели, датируемых второй четвертью XIX в.[3]

Вторая тарелочка более усложненной профилировки (рис., *4*). Она имеет волнистое завершение бортика, слабовыраженный кольцевой поддон. Орнаментация на сохранившихся образцах отсутствует. Тесто черепка белое, глазурь желтоватого цвета. Д. в.— 20 см; д. д.— 13 см; высота — 3 см. По всей видимости, она также относится к образцам русских фарфоро-фаянсовых предприятий первой половины XIX в.

Имеется также несколько мелких фрагментов тарелочки с тонким печатным рисунком, составленным из растительных и геометрических мотивов. К сожалению, их фрагментарность не позволяет судить ни о форме, ни о характере происхождения изделия.

Фарфор представлен двумя археологически целыми чайно-кофейными чашечками, масленкой и несколькими фрагментами изделий, форма и орнаментация которых не восстанавливаются.

Масленка (крышка не сохранилась) овальной формы (рис., *6*), изготовленная в технике рельефной орнаментации, дополнена надглазурной розовато-лиловой росписью. Роспись в отдельных местах сошла, марки на поддоне нет. Д. в.— 11 и 8,5 см; д. д.— 8 и 6 см; высота 4,5 см. Наш образец полностью идентифицируется с масленкой со скульптурным изображением утки на крышечке, происходящей из Гжели и датируемой второй четвертью XIX в.[4]

Чашечки. На первой чайно-кофейной чашечке (рис., *7*) небольшая ручка у венчика раздвоена. Внутренняя поверхность украшена одним, а внешняя — рядом разбросанных маленьких полевых цветочков желтого, зеленого и синего цветов. По зак-

---

[3] Бубнова Е. А. Старый русский фаянс. М., 1973, ил. 106; Дулькина Т. И., Ашарина Н. А. Русская керамика и стекло XVIII—XIX вв., ил. 182.

[4] Салтыков А. Б. Русская народная керамика. М., 1960, ил. 111.

раине венчика проведена красновато-коричневая кайма. На поддоне едва заметно нанесена желтой краской цифра «2» или, возможно, буква «г», несколько напоминающая марку завода братьев Гулиных (1830—1856)[5]. Д. в.— 7,5 см; д. д.— 3,5 см; высота — 4,5 см. В фондах Эрмитажа имеются чашечки, близкие по формам и расцветке, датируемые первой третью XIX в.[6]

Следующая чайно-кофейная чашечка (рис., *8*) орнаментирована вдавленными рельефными линиями по внутренней поверхности и расписана синей подглазурной краской в виде извивающихся побегов с цветочками — по внешней. На донце имеется марка в виде двух скрещенных шпаг. Фарфор белый, глазурь слегка голубоватого оттенка. Д. в.— 7,5 см; д. д.— 3 см; высота — 4,5 см. Близкие по технике исполнения и орнаментации изделия с подобными марками встречаются на саксонском фарфоре, датируемом примерно 1760 г.[7] Это пока первый наиболее ранний образец европейского фарфора, который, возможно, попал в Бухару через Россию или Британскую Индию и Афганистан.

Значение представленной нами привозной посуды заключается не только в том, что она относится к первым образцам европейских экспортных изделий на территории Средней Азии, но и в том, что они являются прекрасным дополнительным датирующим материалом для наших керамических комплексов (вторая половина XVIII — середина XIX в.)[8].

Интерес представляет также и тот факт, что аналогов формам чаш, имеющимся у нас в нескольких образцах и, видимо, происходящих из гжельских фарфоро-фаянсовых предприятий, мы пока в литературе не встретили. Возможно, это объясняется нехарактерностью данной формы для территории России. Видимо, впервые она начала производиться по восточным образцам и предназначалась специально для вывоза южным соседям России или по заказам купцов для продажи в восточных странах, где такая форма являлась главенствующей. Экспорт русской посуды не мог быть большим, но гжельская керамика пользовалась большой популярностью, поэтому не случайно ареал ее распространения охватывал не только европейскую Россию, Карелию или Украину, но и Кавказ[9], и Среднюю Азию.

---

[5] Салтыков А. Б. Русская керамика. М., 1952, с. 175, № 107—108.
[6] ЭРФ № 6640; ЭРФ № 6622.
[7] Walche O. Meißner Porzellan. Dresden, 1973, ill. 152.
[8] Мирзаахмедов Д. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVIII — начала XX вв. Краткие тезисы докладов IV искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых (21—24 апреля 1981 г.). Ташкент, 1981, с. 139—140.
[9] Салтыков А. Б. Гжельская керамика. М., 1949, с. 7.

Х. ХАЛИЛОВ

НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ДЖАРКУТАН И БУСТАН

Осенью 1982 г. Шерабадский археологический отряд Института археологии АН УзССР продолжил стационарные раскопки на могильниках эпохи бронзы Джаркутан 4 в, Бустан 4 и Бустан 5 в Шерабаде Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Здесь раскопано более 100 погребений катакомбно-подбойного и ямного типа, относящихся к памятникам сапаллинской культуры эпохи поздней бронзы.

Могильник Джаркутан 4 в расположен на 100 метров юго-западнее ранее изученного могильника Джаркутан 4 а. На нем вскрыты погребения, датирующиеся XV—X вв. до н. э. Из 48 погребений 10 принадлежало мужчинам, 13 — женщинам. Индивидуальные размеры черепов представлены в табл. 1. Остальные черепа оказались пригодными лишь для частичного изучения. Приведем краткие морфологические характеристики исследуемых черепов.

В целом вся серия из могильника Джаркутан 4в характеризуется долихокранией при большом продольном, малом поперечном и среднем высотном диаметрах. Лицевая часть ортогнатная, невысокая, узкая, сильно профилированная в горизонтальной плоскости. Выступание носа большое, нос узкий по абсолютным размерам и по указателю лепторинный. Переносье и носовые кости высокие. Орбиты средневысокие.

Бустан 4 расположен в восточной части ранее изученного памятника Бустан 3. Из 42 погребений 6 было мужских, 8 — женских, 6 — детских. Индивидуальные размеры и указатели черепов представлены в табл. 2. Обнаруженный антропологический материал датируется XV—XII и XI—X вв. до н. э.

Могильник Бустан 5 расположен в 30 метрах юго-восточнее могильника Бустан 4. Здесь раскопано 12 погребений катакомбного и ямного типа, относящихся к XI—X вв. до н. э. Из них было 6 погребений мужских, 3 — женских, 1 — детское (табл. 3).

Таким образом, мужская серия из могильника Бустан 4 и Бустан 5 характеризуется долихокранным с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Лицевая часть ортогнатная или мезогнатная, сильно профилированная в горизонтальной плоскости, со средневысоким и среднешироким лицевым скелетом. Орбиты низкие, по указателям средние. Нос узкий. Выступание его большое. Переносье и носовые кости довольно высокие.

В целом серию черепов из Бустансая можно отнести к восточ-

Таблица 1

Индивидуальные измерения и указатели из могильника Джаркутан 4в.

Признак	Муж. погр.			Жен. погр.			Дет. погр.
	7	31	35	18	39	40	37
	Возраст, лет						
	35–40	30–40	30–40	30–40	20–25	16–17	4–6
1 Продольный диаметр	189	183	—	181	177?	176	171
8 Поперечный диаметр	133	125	—	129		—	—
17 Высотный диаметр	134	145	—	136	138	—	—
20 Высотный диаметр	126	125	—	123	—	—	—
11 Ширина основания черепа	121	113	—	118	—	—	104?
9 Наименьшая ширина лба	93?	96	—	96	93	—	87
10 Наибольшая ширина лба	113	107	—	108	—	—	107?
5 Длина основания черепа	107	111	—	98	100	92	—
12 Ширина затылка	102	98	—	113	—	—	—
45 Скуловая ширина	133?	132	—	127	131?	114?	98?
48 Верхняя высота лица	67	71	69	72	68	63	52
47 Полная высота лица	113	124	—	115	119?	104	—
40 Длина основания лица	106	98	—	93	92	86	—
<Zm Зигомаксиллярный угол	—	123	—	124	144	—	123
77 Назомалярный угол	—	127	—	141	—	—	141
62 Длина неба	47	46	—	49	43	43	—
63 Ширина неба	41	37	—	41	—	30	—
55 Высота носа	48	49	51	61	49	47	38
54 Ширина носа	26	25	24	25	23	23	—
51 Ширина орбиты	45	43	42	43	37	39	34
51a Ширина орбиты	41	40	39	40	—	36	32
52 Высота орбиты	32?	31	35	30	35	33	30
SC Симотическая ширина	11	9	6	9	8	8	8
SS Симотическая высота	4	4	2	4	4	3	3
DC Дакриальная ширина	21	18	17	18	—	14	12
DS Дакриальная высота	7	10	12	6	—	6	5
— Высота изгиба скуловой кости (по By)	8	6	—	12	4	8	7
— Ширина скуловой кости (по By)	52	52	—	49	55	43	30
32 Угол профиля лба (*na*)	87	79	—	91		—	—
— Угол профиля лба (*gl*)	76	73	—	86	—	—	—
72 Общий угол лица	89	86	—	83	—	—	—
75(1) Угол носовых костей	26	38	—	35	—	—	—
Общий вид сверху	ов.	ов.	ов.	ов.	ов.	ов.	элл.
Надпереносье	5	4	4	3	3	3	3
Выступание надбровных дуг	3	3	2	3	2	1	1
Наружный затылочный бугор	1	1	0	4	0	0	0
Сосцевидный отросток	3	3	3	3	2	1	1
Глубина клыковой ямки, мм (левая)	—	2	—	5	6;5	—	2
Передненосовая ость (1–5)	4	5	—	4	3	3	2

Таблица 2

Индивидуальные размеры и указатели черепов из могильника Бустан 4

Признак	Муж. погр.				$\overline{X}$ (n)	Жен. погр.				$\overline{X}$ (n)
	12	26	30	39		4	20	37	41	
	возраст, лет					возраст, лет				
	30–40	30–35	40–50	20–25		20–25	30–35	30–40	40–50	
1 Продольный диаметр	188	191	187	180	186,5 (4)	195	187	—	189	190,3 (3)
8 Поперечный диаметр	138	136	128?	—	134,0 (3)	—	129	—	137	133,0 (2)
17 Высотный диаметр	131	141	—	—	136,0 (2)	133	—	—	139	136,0 (2)
20 Высотный диаметр	129	128	—	—	128,5 (2)	123	—	—	128	125,1 (2)
11 Ширина основания черепа	126	121	115	—	120,3 (3)	119	113	118	119	117,2 (4)
9 Наименьшая ширина лба	94	—	—	—	95,0 (2)	92	95	94	101	95,5 (4)
10 Наибольшая ширина лба	115	119	—	—	117,0 (2)	109	112	—	117	112,6 (3)
5 Длина основания черепа	101	105	100	—	102,0 (3)	102	101	100	104	101,7 (4)
12 Ширина затылка	105	105	110	—	106,3 (3)	—	106	—	—	106,0 (1)
45 Скуловая ширина	140	132	—	—	136,0 (2)	124?	122?	125	128	124,7 (4)
47 Полная высота лица	112	117	115?	—	114,6 (3)	115	—	105	110	110,0 (3)
40 Длина основания черепа	94	98	98	—	96,6 (3)	100	—	96	95	97,0 (3)
$<Zm^1$ Зигомаксиллярный угол	126	123	—	—	124,5 (2)	134	—	125	124	127,6 (3)
77 Назомалярный угол	137	139	—	—	138,0 (2)	141	—	134	134	136,3 (3)
62 Длина нёба	45	51	—	—	48,0 (2)	50	—	46	47	47,3 (3)
63 Ширина нёба	35	37	—	—	36,0 (2)	38	—	35	34	35,6 (3)
55 Высота носа	52	55	51	—	52,6 (3)	55	—	48	48	50,3 (3)
54 Ширина носа	24	24	26	—	24,6 (3)	25	—	21	24	23,3 (3)
51 Ширина орбиты	40	41	45	42	40,0 (4)	41	43	41	44	42,2 (4)

Продолжение таблицы 2

Признак	Муж. погр.				$\overline{X}$ (n)	Жен. погр.				$\overline{X}$ (n)
	12	26	30	39		4	20	37	41	
	возраст, лет					возраст, лет				
	30–40	30–35	40–50	20–25		20–25	30–35	30–40	40–50	
51a Ширина орбиты	38	38	42	—	39,3 (3)	39	41	39	42	40,2 (4)
52 Высота орбиты	33	34	32	35	33,5 (4)	37	33	31	35	34,0 (4)
SC Симотическая ширина	12	8	6	—	8,6 (3)	5	10	—	12	9,0 (3)
SS Симотическая высота	7	4	4	—	5,0 (3)	1	4	—	7	4,0 (3)
DC Дакриальная ширина	18	21	17	—	18,6 (3)	17	15	—	19	17,0 (3)
DS Дакриальная высота	9	8	10	—	9,0 (3)	5	7	—	10	7,3 (3)
— Высота изгиба скуловой кости (по Bу)	7	9	—	5	7,0 (3)	10	7	8	9	8,5 (4)
Ширина скуловой кости (по Bу)	58	56	—	48	53,3 (3)	45	48	45	52	48,0 (4)
32 Угол профиля лба	32	86	86	—	84 6 (3)	84	84	—	89	85,6 (3)
— Угол профиля лба	73	76	75	—	74,6 (3)	72	81	—	87	80,0 (3)
72 Общий угол лба	89	81	87	—	85,6 (3)	82	—	—	86	94,0 (2)
75(I) Угол носовых костей	37	29	25?	—	30,3 (3)	25	—	—	34	29,5 (2)
Общий вид сверху	ов.	ов.	ов.	ов.		ов.	элл.		ов,	
Надпереносье	4	4	4	3	3 7 (4)	4	3	3	3	3,2 (4)
Выступание надбровных дуг	3	3	3	2	2,7 (4)	2	1	2	2	1,7 (4)
Наружный затылочный бугор	4	3	0	1	2,6 (3)	2	1	—	0	1,5 (2)
Сосцевидный отросток	3	3	2	3	2,7 (4)	2	2	2	1	1,7 (4)
Глубина клыковой ямки, мм (левая)	7	4	—	—	5,5 (2)	1,5	—	4,5	4	3,3 (3)
Передненосовая ость (1–5)	4	5	—	—	4,5 (2)	—	—	4	3	3,3 (2)

Таблица 3

Индивидуальные измерения и указатели взрослых мужских черепов из могильника Бустан 5

Признак	Погр. 3	Погр. 4	Погр. 11	$\overline{X}$ (n)
	Возраст, лет			
	25–30	30–35	30–40	
1 Продольный диаметр	181	193	188	190,6 (3)
8 Поперечный диаметр	—	133	138	135 5 (2)
17 Высотный диаметр	—	144	128	136,0 (2)
20 Высотный диаметр	—	131	123	127,0 (2)
11 Ширина основания черепа	—	119	114	116,5 (2)
9 Наименьшая ширина лба	—	103	–	103,0 (1)
10 Наибольшая ширина лба	—	119	116	117,5 (2)
5 Длина основания черепа	—	104	99	101,5 (2)
12 Ширина затылка	—	106	112	109,0 (2)
45 Скуловая ширина	—	132	124?	128,0 (2)
48 Верхняя высота лица	—	75	—	75,0 (1)
47 Полная высота лица	—	125	—	125,0 (1)
40 Длина основания лица	—	98	—	98,0 (1)
$<Zm'$ Зигомаксиллярный угол	—	121	—	121,0 (1)
77 Назомалярный угол	—	134	—	134,0 (1)
62 Длина нёба	—	38	—	38,0 (1)
55 Высота носа	—	55	—	55,0 (1)
54 Ширина носа	22	24	—	23,0 (2)
51 Ширина орбиты	—	44	39	41,5 (2)
51а Ширина орбиты	—	41	36	38 5 (2)
52 Высота орбиты	—	34	31	32,5 (2)
SC Симотическая ширина	—	8	10	9,0 (2)
SS Симотическая высота	—	3	5	4,0 (2)
DC Дакриальная ширина	—	18	20	19,0 (2)
DS Дакриальная высота	—	7	9	7,5 (2)
Высота изгиба скуловой кости (по ВУ)	—	10	—	10,0 (1)
Ширина скуловой кости (по Ву)	—	57	—	57,0 (1)
32 Угол профиля лба	—	91	—	91,0 (1)
— Угол профиля лба	—	93	—	93,0 (1)
72 Общий угол лица	—	85	—	85,0 (1)
75 (1) Угол носовых костей к линии профиля	—	31	—	31,0 (1)
Общий вид сверху	св.	ов.	элл.	
Надпереносье	4	4	2	3 3 (3)
Выступание надбровных дуг	3	3	2	2,6 (3)
Наружный затылочный бугор	0	1	0	1,0 (1)
Сосцевидный отросток	3	3	2	2,6 (3)
Глубина клыковой ямки, мм (левая)	—	7	—	7,0 (1)
Передненосовая ость (1—5)	—	4	—	4,0 (1)

ной ветви средиземноморской расы. Самые близкие аналогии к бустансайским сериям встречаются в эпоху бронзы как в самой Средней Азии, так и в сопредельных территориях — Северо-Восточном Иране, Индии. Хотелось бы подчеркнуть, что расовый тип населения Передней и Средней Азии определяется как однород-

ный, не имеющий существенных различий в пределах этой расы. Бустансайский комплекс близок к восточносредиземноморскому II*, который был широко распространен в эпоху бронзы в Узбекистане (Чуст, Дальверзин, Сапаллитепа, Джаркутан, Молали), на юге Туркмении (Алтын-Депе) и в Юго-Западном Таджикистане (Тигровая Балка и Макони-Мор).

Т. К. ХОДЖАЙОВ, Т. Р. МУХАМЕДЖАНОВ,
Ю. П. МАНЫЛОВ, Ш. АБИЛОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕСЕФА

Антропологический отряд Института археологии АН УзССР в 1982 и 1983 гг. провел обследование могильника у городища Шуллюктепа, отождествленное М. Е. Массоном[1] со средневековым городом Несефом (Нахшебом). Наибольшего расцвета по данным археологических исследований этот город достигает в X — начале XIII в.[2]

Могильник Шуллюктепа расположен в 8 км северо-западнее г. Карши на правом берегу Кашкадарьи и в 700—800 м западнее развалин арка средневекового Несефа. Поверхность могильника в настоящее время в основном ровная, покрытая небольшими всхолмлениями. Его границы определить затруднительно, так как часть его территории уже освоена. Незастроенная площадь могильника равна примерно 5—6 га, общая площадь свыше 13 га. С северо-запада на юго-восток могильник разделен на две неравные части коллектором и примыкающей к нему дорогой.

Основные исследования проводились к северо-востоку от коллектора на площади более 0,5 га, в районе мавзолея Ок-овлия, время сооружения которого неизвестно. В юго-западной части могильника работы сводились, в основном, к выяснению границ его простирания до берегов Кашкадарьи. Здесь вскрыты две небольшие группы захоронений.

В течение двух полевых сезонов на указанной площади вскрыто около 200 грунтовых погребений, давших материал для изучения погребального обряда, типологии погребальных сооружений, а также антропологических особенностей населения.

На могильнике вскрыта одна кирпичная оградка размером 4,3×4,4 м с одним захоронением внутри. Наземная постройка

---

* Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. — Автореферат док. дисс. М., 1981.

[1] Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи. Ташкент, 1973, с. 121.

[2] Кочнев Б. Д. Исследования средневекового Несефа. — АО 1974 г. М., 1975, с. 501—502.

ориентирована стенами из жженых и сырцовых кирпичей соответственно размерами 27×15×5, 26×26×5 см и 31×32×4—5 см по сторонам света. Стены шириной — 0,62 м сохранились в отдельных местах на высоту около 0,4 м или 6—7 рядов кирпича. В кладке наряду с целыми кирпичами использованы и половинки. Некоторые кирпичи содержали фрагменты керамики VIII—XI вв. и стеклянных изделий. Вход в погребальное сооружение обнаружить не удалось в силу плохой сохранности стен.

В 30 см от восточной стены сооружения находится погребение женщины 19—25 лет. Погребенная лежит на спине в вытянутом положении. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте таким образом, что фаланги пальцев лежат около головы.

Погребение совершено в кирпичной обкладке прямоугольной формы, сохранившейся частично. В кладке использованы сырцовые кирпичи размерами 28—30×15—17×5 см. Стенки погребения, обмазанные тонким слоем алебастрового раствора, сохранились в высоту на 0,44—0,48 м. Ширина камеры — 0,74 м, длина — 2 м. В верхней части погребение, видимо, было перекрыто сырцовыми кирпичами. Конструкцию перекрытия определить не удалось.

Кирпичи вышеуказанных стандартов широко встречаются в комплексах X—XII вв.[3] К этому времени мы и относим возведение кирпичной оградки.

Работы на могильнике Шуллюктепа показали, что преобладают два типа погребальных сооружений. Первый представлен менее широко и отмечен в северо-западной части могильника. Могильные ямы обложены по периметру сырцовыми кирпичами шириной 24—28 см. Остальные размеры кирпича установить не удалось из-за чрезмерной влажности грунта. Боковые обкладки сохранились на высоту 0,28—0,52 м. Ширина могильных ям равна 0,32—0,44 м. Перекрытие ям удалось зафиксировать только в двух случаях.

Одна из ям перекрыта сырцовыми кирпичами размерами 45×24×9 см. Расстояния между погребениями различны — от 0,2 до 0,8 м. Зафиксировано несколько погребений данного типа, перекрывающие друг друга. Намогильные сооружения над погребениями этого типа не отмечены.

Вышеуказанный размер сырцовых кирпичей 45×24×9 см отмечен на памятниках поры раннего средневековья (VIII—IX вв.) для отдельных областей Средней Азии[4].

Второй тип — погребальные камеры прямоугольной формы,

---

[3] Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. — Афрасиаб, вып. 1, Ташкент, 1969, с. 184—209; Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда. — Афрасиаб, вып. 11, 1973. с. 210—211.

[4] Филанович М. И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. 11, 1973, с. 89.

возведенные из сырцового кирпича размерами 28—31×14—16×
×4—5 см. Высота обкладок различная и колеблется от 0,4 до 0,64 м. Длина и ширина камер равна соответственно 1,4—2 м и 0,5—0,8 м и зависит, вероятно, от роста погребенных.

От современной поверхности дно могильных ям лежит на глубине 0,6—1,2 м. О конструкции перекрытий говорить трудно, так как они почти нигде не сохранились.

В погребении 166 в заполнении могильной камеры обнаружены жженые кирпичи размерами 20—21×20—21×4—4,5 см со следами алебастрового раствора, стоящие вертикально. Можно предположить, что перекрытие могильной ямы было сводчатое.

Камера могильной ямы погребения 175 была перекрыта пятью водопроводными трубами длиной 0,65—0,70 м. Диаметр узкого конца — 16,6—18,4 см. Они были сделаны из грубо приготовленного теста на гончарном круге и приобрели при обжиге ровный красноватый оттенок. Трубы положены узкими концами в разные стороны, чтобы достичь максимально плотного прилегания их друг к другу.

На могильнике зафиксировано несколько случаев, когда могильные ямы перекрывают друг друга (например, погребения 90 и 90а, 166 и 167). Кирпичные обкладки более ранних захоронений при этом нередко разрушались. Над отдельными погребениями прослежены намогильные сооружения прямоугольной в плане формы, построенные из жженого кирпича. В кладках отмечены целые жженые кирпичи форматом 30×30×5, 27—28×27—28×
×4—5 см и их половинки. Эти постройки не всегда четко совпадают с контурами могильных ям и, вероятно, возводились спустя некоторое время после совершения обряда погребения. Сохранность их различная. Максимальная высота достигает 0,3 м или 4—6 рядов кирпича.

Наружные поверхности стен могильных сооружений по периметру украшены в отдельных случаях орнаментальными плитками из жженого кирпича размерами 28×13×4,6 см.

На могильнике отмечены фрагменты облицовочных плит с темно-зеленой глазурью: 23×15×4 см и 15×7×2,5 см, которые, вероятно, также использовались для украшения намогильных наземных сооружений.

Все погребенные, независимо от возраста и пола, в погребениях обоих типов лежат на спине в вытянутом положении головой на север с незначительным отклонением на северо-восток. Правая рука в большинстве случаев вытянута вдоль туловища, а левая, как правило, согнута в локте и кисть руки лежит в области таза. Отмечены случаи, когда погребенные лежат на правом боку, лицевой частью обращенные на запад или юго-запад.

Таким образом, первый тип захоронений предварительно можно отнести к концу VIII—IX в., второй тип мы датируем X — началом XIII вв. Предлагаемой дате не противоречит незначи-

тельный погребальный инвентарь: фрагмент бронзовой серьги, пуговица полуовальной в разрезе формы с циркульным орнаментом, фрагменты железной цепи.

В результате двухлетних раскопок на могильнике вскрыто около 200 погребений. Полученный антропологический материал находится в удовлетворительном состоянии. Почти все черепа мезобрахикранные. Длинноголовые встречаются крайне редко, что свойственно не только населению долины Кашкадарьи, но всей Средней Азии исследуемого периода. Население в целом характеризуется европеоидными особенностями. Однако нельзя исключить полностью наличие монголоидной примеси у отдельных индивидуумов. К тому же несколько изученных черепов из городища Шуллюктепа в предыдущие годы, датирующиеся тем же временем, что и рассматриваемые в данной работе, содержат в себе монголоидную примесь[5].

В целом серия европеоидная, сравнительный анализ с другими синхронными сериями показал, что население средневекового Несефа близко по антропологическому типу к городскому населению левобережья низовьев Амударьи (Миздахкан)[6], Зарафшанской долины (Афрасиаб)[7] и верхнего бассейна Амударьи (Старый Термез)[8].

Данными антропологии установлено, что со второй половины XI в. по территории Средней Азии перемещались племена с монголоидными чертами из северо-восточных областей Средней Азии. Племена, шедшие из долины Чу и Таласа, проходили через северные области Ферганской долины, Ленинабадскую область Таджикистана и оседали в долине Зарафшана, главным образом, в сельской местности[9]. Видимо, с этим связан европеоидный характер городского населения средневекового Несефа.

**Т. К. ХОДЖАЙОВ, Г. К. ХОДЖАЙОВА,
Е. Л. УСМАНОВА, Т. Р. МУХАМЕДЖАНОВ**

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛА, ПЛОДОВИТОСТИ И ВОЗРАСТА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО САГАРДЖА И НЕСЕФА

Для успешного решения ряда палеодемографических задач важны надежные методы определения пола, продолжительности

---

[5] Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. — Автореферат докт. дисс. М., 1981, с. 221.

[6] Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

[7] Ходжайов Т. К. Краниологические материалы из Афрасиаба. — Афрасиаб, вып. IV, Ташкент, 1975.

[8] Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

[9] Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы, с. 221.

жизни, количества родов. Особенную ценность представляют комплексные методы выяснения пола и возраста, при которых учитываются признаки на черепе, костях конечностей, лопатке, грудине, позвонках, тазе. Как указывают Ашади и Немешкери[1], комплексный метод определения возраста дает результат наиболее близкий к истинному.

Тазовые кости служат единственным критерием в оценке половой и возрастной принадлежности в случае плохой сохранности остального костного материала. В таких случаях они могут быть универсальны для определения и пола, и возраста, и плодовитости.

Половые особенности тазовых костей обычно хорошо видны, и дифференциация по полу не представляет большой трудности. Обычно учитываются следующие признаки: общий вид таза, форма входа в малый таз, угол, образованный лобковыми костями, соотношение длины и ширины крестца, характер большой седалищной вырезки и пр. Метод этот общедоступен и в основе его лежат анатомические различия мужского и женского таза.

Возрастные изменения на тазовых костях изучаются давно, но в практике используются редко. Тем не менее, каждый возрастной период характеризуется некоторыми особенностями, появляющимися на симфитической поверхности лобковых костей в определенном возрасте. Эти изменения хорошо заметны и укладываются в классификационную схему, созданную Тоддом[2] и Бруксом[3]. Их метод основан на изменениях рельефа поверхности сращения лобковых костей, появляющихся с возрастом. Они различали 10 фаз, охватывающих возраст от 18 лет до 50 (9 фаз) и более 50 лет (10 фаза).

Ашади и Немешкери, основываясь на своих собственных данных и вышеперечисленных авторов, выделили 5 морфологических фаз, при этом чем старше возраст умершего, тем с большей точностью можно определить количество прожитых лет. В работе В. И. Добряка[4] особенно подробно исследованы возрастные изменения на симфитической поверхности. Автор выделяет 13 фаз, из них 6 фаз — до 18 лет, 7 — после 18 лет. Все работы перечисленных авторов основывались на изучении трупного материала с заранее известным возрастом. Таким образом, по особенностям рельефа лонного сращения лобковых костей можно определить возраст у лиц разного пола, начиная с раннего детского возраста и кончая возрастом более 50 лет. При оценке детского возраста

---

[1] Acsadi G., Nemeskeri J. History of human life and mortality. Budapest, 1970.

[2] Todd T. W. Age changes in the publis bone «Male white pubis».—«Amer. J. Phys. Anthrop.», 1920, vol. 3.

[3] Brooks S. T. Skeletal age at death: The reability of cranial and pubis age indicators.— «Amer. J. Phys. Anthrop.», 1955.

[4] Добряк В. И. Возрастные особенности симфиза лобковых костей.— Вопросы антропологии, 1968, вып. 29.

по тазу можно использовать различные фазы времени окостенения костей. Так, слияние трех костей таза происходит к 14—16 годам, а окончательное окостенение — к 20—25.

В определении возраста по симфитической поверхности необходимо учитывать некоторые факторы, иногда искажающие определение реального возраста. Так, сильная деформация лонного сращения может наблюдаться при артрите. Кроме того, для многорожавших женщин при определении возраста по лобковым костям необходимо учитывать деформацию поверхности сращения при каждых родах. В таких случаях истинный возраст будет меньше, чем соответствующая возрастная стадия, определенная по симфитическому сращению. Методика определения возраста по тазовым костям хорошо разработана только для лонного сращения.

Для определения количества родов и беременностей используются изменения на лобковых костях, подзвдошных и на крестце.

Известно, что при родах происходит сильная деформация мышц и хрящей таза. Особенно велика нагрузка на области подвздошно-крестцовых и симфитического сращений. Именно в этих местах образуются новообразования на костях, которые становятся все более выраженными при каждой последующей родовой травме. Изменения имеют разную степень выраженности. Это обстоятельство и послужило основой для классификации в пятистадийную схему, в которой каждой стадии соответствует определенное количество родов — от 1—2 до 7—8 и более. У мужчин и бездетных женщин поверхность лобковой кости и крестца гладкая, нет никаких выпуклостей и углублений, краевые изменения возникают только с возрастом.

Наибольшую диагностическую ценность в определении стадий имеют области изменений на подвздошных костях и внутренних поверхностях лобковых костей. Менее уловимы изменения на крестце и внешней поверхности лобковых костей.

Кроме информации о количестве родов изменения на тазовых костях могут одновременно служить и надежным критерием половой дифференциации, т. е. при наличии отмеченных изменений в макроструктуре тазовой кости мы можем с уверенностью отнести данный индивид к женскому полу. Такая особенность тазовых костей важна при работе с отдельными их фрагментами и всего скелета.

Методы определения пола, возраста и плодовитости по тазовым костям были применены нами при исследовании средневекового костного материала.

Объектами исследования стали антропологические материалы из средневековых могильников: Сагарджа, расположенного в Пайарыкском районе Самаркандской области, и Несефа — в Касанском районе Кашкадарьинской области.

Сагардж. Всего было исследовано 60 тазовых костей. Из них — 21 мужская, 35 женских, 4 детских.

Все кости были разрознены и смешаны. Соотнести каждую кость с определенным индивидом было невозможно. В некоторых случаях можно было лишь идентифицировать парные кости. Так, выявлено, что 35 костей принадлежали 33 женщинам.

Как видно из табл. 1, количество умерших женщин, определенное по тазовым костям, значительно превосходит количество мужчин, что может быть связано, в первую очередь, с малой выборкой (всего 58 человек). Для сравнения приведены данные по соотношению полов, выявленные по черепам. Выборка почти вдвое больше. Видимо, этим и объясняются некоторые несовпадения процентного соотношения полов. Смертность детей составляет всего 6,8% (8,2% — по черепам). Такие невысокие показатели могут быть объяснимы как небольшой выборкой, так и плохой сохранностью детских скелетов.

Таблица 1

Соотношение полов населения Сагарджа

Показатель	Общее количество	
	n	%
Тазовые кости:		
мужские	21	36,2
женские	33	57,0
детские	4	6,8
Всего	58	100
Черепа:		
мужские	48	50
женские	41	41,8
детские	9	8,2
Всего	98	100

Для определения числа деторождений использовалась методика, предложенная Ульрихом[5]. Из исследованных мужских костей (21) только две имели небольшие новообразования, которые носили нетипичный характер изменений.

Таким образом, можно сказать, что ни на одной мужской кости не обнаружены изменения, характерные для тазовых костей рожавших женщин.

Из 35 женских костей в основном плохой сохранности лишь по 31 можно было определить число родов. В трех случаях кости сохранились полностью: хорошо видна деформация на лобковых костях. В нескольких случаях сохранились только фрагменты подвздошной кости с областью подвздошно-крестцового сращения. По фрагментам были определены не только половая принадлежность, но и число деторождений. В трех случаях полной сохранности тазовых костей определялись стадии и на подвздошной кости и на лобковой (внутренней и внешней поверхностях). Стадии совпали и соответствовали II, III и V стадиям (3—4, 5—6 и более 8 деторождений). В 28 случаях определение проводилось только по подвздошным костям. Такая диагностика только по одной области вполне допустима, так как наибольшую диагностическую ценность имеет именно эта область. Из 31 кости 2 были определены как женские, но характерных изменений не было об-

[5] Ullrich H. Estimation of fertility by means of pregnancy and childbirth alterations at the pubis, the ilicem and the sucrum. «OSSA», 1975, vol. 2.

наружено. Видимо, эти две женщины не имели ни беременности, ни родов.

Следует отметить, что большинство женщин имели 3—4 и 5—6 родов. В среднем число родов на одну рожавшую женщину составило 4,9, а среднее количество родов на одну женщину, включая бездетных — 4,5. Процент бездетных женщин невелик (6,3%), что может быть связано с небольшой выборкой. Но даже при таком количестве женщин (29 рожавших) значительно число женщин, имеющих более 6 родов (около 20%). Количество всех родов находится в пределах от 127 (по нижней границе числа деторождений) до 154 (по верхней границе числа деторождений), в среднем — 140 родов. Количество рождений у женщин Сагарджа можно проследить, исходя из следующих данных:

Стадия	*Число деторождений*	*Количество женщин*	
		n	%
0	0	2	6,4
I	1–2	5	16,1
II	3–4	8	25,8
III	5–6	10	32,4
IV	7—8	4	12,9
V	более 8—10	2	6,4
Всего	среднее 140	31	100

В связи с тем, что исследовались отдельные тазовые кости, а не целые костяки, не удалось индивидуально соотнести возраст каждой женщины с ее плодовитостью. В данном случае мы попытались сделать приблизительную оценку отношения возраст/количество родов и начала родовой деятельности. Средний возраст женщин, определенный по черепам для той же самой популяции, был равен примерно 30 годам. Таким образом, в возрасте 30 лет женщины из Сагарджа имели в среднем по 5 родов. Если предположить, что начало родовой деятельности начиналось с 15 лет (начало репродуктивного периода, принятого для европейских популяций), то средний межродовой интервал был равен 3 годам. Весь репродуктивный период исчислялся в этом случае 15 годами.

Как уже отмечалось выше, из-за плохой сохранности лобковых костей у большей части костного материала нельзя было определить возраст индивида. Лишь в 11 случаях это оказалось возможным. Были исследованы 4 детские, 3 женские, 4 мужские кости. Возраст по характеру рельефа симфитического сращения для взрослых индивидов определялся по Ашади и Немешкери, для детей — по В. И. Добряку. Двое женщин и двое мужчин имели возраст 23—40 лет (в среднем 32 года), двое других мужчин соответственно — 37—49 лет (в среднем 44 года) и 61—75 (в среднем — 67 лет) и женщина, имевшая 7—8 родов — 54—68 лет (в среднем — 60 лет). Двое детей в возрасте до 3 лет, двое других — 3—5 лет. Крайне малочисленный материал не позволяет сделать определенные выводы, поэтому мы ограничиваемся лишь приве-

дением конкретных результатов в определении возраста по лобковым костям.

Несеф. Исследовались тазовые кости 55 индивидов. Рассмотрим соотношения полов населения Несефа по тазовым костям:

Тазовые кости	*Общее количество*	
	n	%
Мужские	15	27,2
Женские	39	70,9
Детские	1	1,9
Всего	55	100

В нескольких случаях принадлежность тазовых костей женщинам была определена только по родовым изменениям, так как целиком кости не сохранились. В отличие от мужских тазовых костей из Сагарджа на пяти аналогичных костях из Несефа обнаружены новообразования, похожие на изменения, появляющиеся при родах. На подвздошных костях у этих же индивидов аналогичных характерных изменений не обнаружено. В двух других случаях впадины на мужских подвздошных костях были более глубокие, чем при 0 стадии. Таким образом, детальное рассмотрение тазовых костей из Несефа дает возможность уточнить применение методики определения плодовитости для определения пола. Возможно, такое большое число мужских костей (5 из 15), имеющих на внутренней стороне лобковых костей изменения, сходные с родовыми, связано с анатомическими особенностями тазовых костей, а также, возможно, и с возрастными (все 5 индивидов имели возраст более 50 лет). В результате обследования 21 мужской кости из Сагарджа аналогичные изменения не обнаружены.

Тем не менее появление изменений на мужских костях не позволяет рекомендовать эту область (внутреняя поверхность лобковой кости) для определения принадлежности тазовой кости только женскому полу. Поэтому наиболее надежной областью в данном случае может служить участок, подверженный родовым изменениям на подвздошной кости.

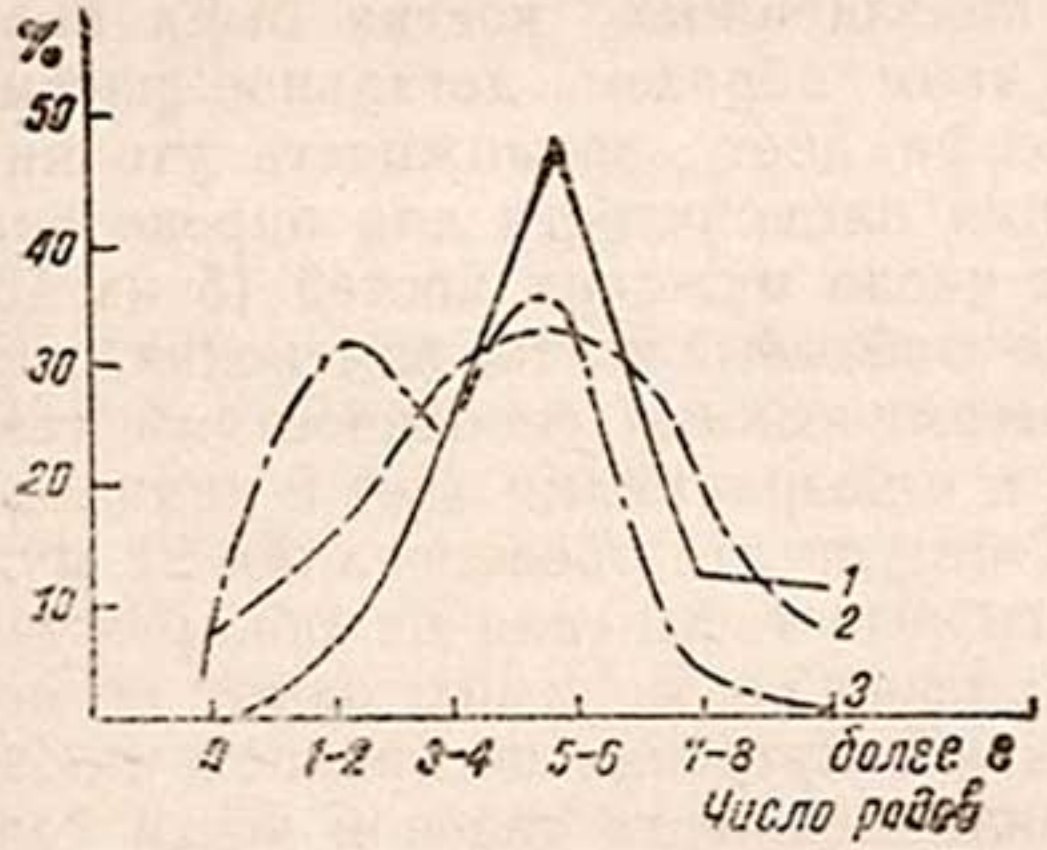
По **симфитической поверхности** определен возраст смертности мужчин — 53—70 лет (в среднем 61 год), женщин — 45—62 года (в среднем 53 года). С уверенностью можно сказать, что средняя продолжительность жизни женщин явно меньше, так как дополнительная родовая деформация искажает определение истинного возраста многорожавших женщин.

Определение количества родов учитывалось в конечном итоге только по двум областям — по внутренней поверхности лобковой кости и подвздошной кости. В двух других областях изменения были или нечетко выражены, или их не было вовсе (крестец), или они были сильно искажены (внешняя поверхность лобковой кости). Последнее, возможно, связано с возрастными изменениями этой области.

Количество деторождений у женщин Несефа представлено следующим образом:

Стадии	*Число деторождений*	*Количество женщин*	
		n	%
0	0	0	0
I	1—2	3	8,4
II	3—4	8	22,2
III	5—6	17	47,2
IV	7—8	4	11,1
V	более 8	4	11,1
Всего	Среднее: 184	36	100

Большинство женщин имело 5—6 родов. Количество всех родов находится в пределах от 173 до 195. В среднем 184 деторождения на 36 женщин, т. е. на одну рожавшую женщину приходилось 5,1 рода. Средняя смертность женщин — 37,6 года. Отсюда межродовой интервал — около 4,5 года, при начале репродуктивного периода в 15 лет.



Соотношение между количеством женщин Несефа *(1)*, Сагарджа *(2)*, Санскова *(3)* и числом родов.

Сравнительная характеристика плодовитости женщин в некоторых популяциях. Для сравнения со среднеазиатскими (Несеф и Сагардж) популяциями была взята европейская (Сансков, ГДР). Все три синхронны по времени (средневековье) и сравнимы по численности.

Некоторые особенности плодовитости популяций наглядно проиллюстрированы на графике. Во всех трех случаях наблюдается совпадение группы женщин с числом родов 5—6 (III). Эта группа в в каждой из популяций является самой многочисленной, но различной по величине. Половина женщин Несефа имеет 5—6 деторождений, другая же половина распределяется между остальными выделенными по числу родов группами: 1—2 (I), 3—4 (II), 7—8 (IV), более 8 (V). В Сагардже при наибольшей численности той же группы имеется тенденция к более равномерному распределению количества женщин в каждой группе. У европейских женщин характер распределения — количество женщин/число родов — совсем иной: у них кроме первой имеется еще одна, почти такая же многочисленная группа женщин, у которых было по 1—2 деторождения. В итоге численность малорожавших европейских женщин в 2—3 раза превосходит среднеазиатских.

Резкое отличие наблюдается и между группами многорожавших среднеазиатских и европейских женщин. В среднем в числе

среднеазиатских их было в 6—7 раз больше, чем среди европейских. Кроме того, в популяции из Санскова более 8 деторождений не наблюдается.

Численность групп, имевших 2—3 родов, примерно одинакова. Нерожавших женщин мало, а в Несефе они вообще не отмечены.

Межродовой интервал оказался различным у среднеазиатских популяций. В Сагардже он был 3 года, в Несефе — 4,5. По этому параметру европейские женщины (интервал — 4,2 года) оказались ближе к женщинам Несефа.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что репродуктивный период каждой популяции имеет свои особенности, и вместе с тем некоторые параметры, его определяющие, совпадают. Из трех рассмотренных популяций по таким показателям две среднеазиатские оказались более близкими друг к другу. Графические иллюстрации наглядно и наиболее ярко отражают сходство и различие популяций.

М. А. РЕУТОВА

ЖИВОПИСЬ ЗАР-ТЕПА

За последние десятилетия в Средней Азии открыты многие уникальные памятники монументальной живописи, которые свидетельствуют о том, что здесь существовал крупный художественный центр со своеобразной школой высокого художественного мастерства.

Подтверждением этого является открытие живописи на городище Зар-тепа, где уже около десяти лет ведутся археологические исследования. Памятник расположен на юге Сурхандарьинской области в 4 км к югу от районного центра Ангор. Живопись обнаружена в юго-восточной части городища, в помещении, примыкавшем к оборонительной стене и датируемом концом IV в. н. э.

Фрагмент был найден в завале изображением вниз, под углом 45° к поверхности пола, на расстоянии 50 см от дневной поверхности. Судя по расположению, он находился, видимо, на юго-западной стене помещения.

Результат расчистки показал, что сохранность ганчевого слоя, толщина которого едва достигала 0,3 мм, очень плохая. Он был сильно разбит, деструктирован, во многих местах лежал в виде пудры на плотном лессовом завале. Поэтому при консервации данного фрагмента отказались от традиционных средств закрепления растворами ПБМА, а применили растворы готового сополимера бутилметакрилата с метакриловой кислотой в смеси органических растворителей. Это высокомолекулярный полимер, растворы которого даже при невысокой концентрации (5%) имеют

вязкость 15,5 сек. по ВЗ—4. Он имеет довольно большую теплостойкость, поверхностную твердость, не меняет фактуру красок, при небольшом количестве пропиток хорошо закрепляет красочный слой без образования пленки на его поверхности[1].

Высокая вязкость при низкой концентрации способствовала только поверхностному закреплению красочного слоя, что было необходимо для облегчения расчистки лицевой стороны в процессе дальнейшей реставрации.

Расчистку живописи как в полевых, так и в лабораторных условиях вели по методике, разработанной в отделе монументальной живописи ВНИИРК. Обработка тыльной стороны росписи в поле заключалась в снятии с нее слоя штукатурки и расчистке ее до ганча, а также закреплении тыльника растворами БМК-5 различной концентрации, начиная с разбавленного и переходя к более концентрированным.

После закрепления и просушки тыльная сторона фрагмента обрабатывалась растворами БМК-5 с обессоленным лессом. Затем был нанесен слой искусственной штукатурки толщиной не более 1 мм. Мастика была сделана на обессоленном лессе и 20%-ном ацетоновом растворе ПБМА.

В результате проведенных работ фрагмент размером 1,7×1 м был подготовлен и снят. Дальнейшая обработка лицевой поверхности продолжалась в лабораторных условиях.

Основанием под живопись служат два лессово-саманных штукатурных слоя. Первый — выравнивающий, толщиной около 15 мм, содержал высокий процент рубленой соломы, о чем свидетельствует его большая пористость. На него был нанесен второй, более тонкий слой, толщиной около 3 мм. Материал грунта не имеет грубозернистых включений. Поверхность уплотнена и тщательно выглажена. Все красочные слои живописи нанесены на тонкий (0,2—0,3 мм) ганчевый грунт, который в некоторых местах заглажен, а в других комковат. Положение живописи лицевой стороной вниз способствовало более лучшему сохранению пигментов красок и авторской фактуры.

В росписи использована чрезвычайно широкая палитра красок, но их отбор подчинялся определенной декоративной идее. Художником использовались синий, желтый, красный, розовый, серый, белый, черный, зеленый пигменты. В лаборатории ВНИИР был проведен химический анализ пигментов и грунта живописи по разработанной методике[2].

---

[1] Иванова А. В. Укрепление фрагментов живописи на лессовой основе сополимером БМК-5. — Сообщения ВЦНИЛКР, М., 1972, № 28, с. 115.

[2] Желнинская З. М. Химический качественный анализ минеральных пигментов, используемых в масляной и фресковой живописи (методика). — Сообщения ВЦНИЛКР, М., 1966, № 17—18, с. 37.

Ниже приводятся результаты:

Цвет фрагмента живописи	*Пигмент*
Синий на белом грунте	Ляпис-лазурь
Черный	Сажа
Красный	Железоокисный
Розовый	Железоокисный с гипсом
Желтый	Железоокисный
Зеленый	Смесь ляпис-лазури и охры
Серый	Смесь сажи и гипса
Грунт	Гипс

Общий красочный слой живописи — синий на черной подложке.

Сюжет живописи, открывшейся после окончательной расчистки, отличается монументальностью. Центральное место занимает гигантская птица, держащая в лапах человека. На фрагменте росписи сохранилась часть крыльев, хвоста, туловища птицы и две лапы, в которых она придерживает человека. От его фигуры сохранились ноги и бедра. Слева от птицы изображены рыба и цветок, справа только цветок. В пространстве между крыльями и туловищем по две крупные красные капли диаметром около 6 см, возможно, бутоны цветов.

Птица написана желтой краской. На крыльях — рисунок в виде параллельных и пересекающих их красных линий. На концах крыльев четко выделены перья, которых было, видимо, десять. Хвост расчерчен подобным образом, хотя пересекающие линии на нем едва заметны. Оперение туловища птицы изображено в виде полукруглых чешуек, написанных черной краской. Лапы птицы крупные, зеленого цвета с черными когтями.

Обнаженные ноги фигуры человека написаны очень теплой розовой краской методом тональных градаций — с переходом от бледно-розового в центре до насыщенного по краям. Это одна из форм объемного моделирования посредством затемнения вогнутых и высветления выпуклых участков форм (лица, тела, одежды). Самые древние образцы живописи Среднего Востока со следами объемного моделирования принадлежат к раннекушанскому времени. В росписях Халчаяна, Дальверзин-тепе, Кара-тепе, Фаяз-тепе, Кух-и Ходжи запечатлен однотипный прием выявления объемности: по телесно-розовой подложке лица оттенялись темно-розовыми или жидко-красными красками, а затем высветлялись в две-три прокладки белой[3].

Подобная техника исполнения живописи Зар-тепа показывает глубокую преемственность методов объемного моделирования, которые применялись художниками в позднекушанское время.

---

[3] Бурый В. П. Технико-технологические особенности монументальной живописи Дильберджина (К вопросу развития монументального искусства древней и раннесредневековой Бактрии). — Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1982.

При прорисовке человека вначале был сделан подготовительный рисунок черными контурными линиями, которые затем были покрыты красной краской, а очерченное пространство заполнялось розовой. При этом местами на фигуре человека четко прослеживаются мазки кисти.

Ноги человека перекрещены. На щиколотках — браслеты. Вся фигура очень реалистична: прекрасно прорисован мягкий изгиб пятки, обнаженные пальцы ног. На бедрах — повязки. Одна, шириной 2 см, представляет собой чередование голубых и синих полос, вторая, шириной 4 см,— в виде чередования серых и черных полос с белыми горошинами по светлому фону.

Метод объемного моделирования применен художником для изображения рыбы и цветов. У рыбы брюшко белого цвета, а спинка сероватая. Чешуя изображена в виде пересекающихся тонких линий, образующих рисунок ромба.

Цветы выполнены в виде розетки из трех лепестков. От центра их бледно-красный цвет переходит к насыщенному красному по краям.

Сюжет центральной сцены живописи встречается в произведениях древних мастеров более позднего времени. Так, подобная композиция изображена на сасанидском блюде V в., найденном при раскопках в Чердыни Свердловской области. На нем изображен орел с женщиной в когтях, кормящей его плодами с плоской чаши[4]. К сожалению, верхняя часть анализируемого фрагмента не сохранилась и говорить о полном совпадении сюжета не представляется возможным. Однако композиция нижней части полностью совпадает с изображением на блюде.

Тот же сюжет известен по двум золотым кувшинам из клада, найденного в 1799 г. в Венгрии, в Нади-Сент-Миклош, который датируется IX в.[5]

Эта же композиция встречается на набойке, хранящейся в Берлинском музее и происходящей из реликвария Кведлинбургской церкви. Датируется XI—XII вв.[6]; на поливной чаше в собрании Келекиана, происходящей из Рея, которую относят к VII в.[7]

В связи с этим вспоминается, конечно, индийская послеведийского периода птица Гаруда, то в образе Сэнмурва, несущая на своей спине бога Вишну или богиню (на рельефах Санчи), то в виде колоссального орла с женщиной в когтях (на рельефах Гандхары). Следует вспомнить тут и находимые в большом количестве на Урале металлические литые пластины в виде орла с распростертыми крыльями, на груди которого изображена ма-

---

[4] Тревер К. В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937, с. 8.

[5] I. Hampel. Der Goldfund von Nagy—Szent—Miklos. Budapest, 1885, 12, рис. 4, 20—21.

[6] Der Thron des khosro, Jahrbuch der Preussishen Kunstsammlungen, Bd. 41, Heft II. Berlin, 1920, 133.

[7] La céramique archaïque de l'Islam. Paris, 1920, табл. XXIV.

ленькая человеческая фигура, которую орел как бы несет. Пластины эти относят к различным периодам, начиная с Ананьинской культуры (VII в. до н. э.) и вплоть до Ломоватовской (VI—VIII вв.)[8].

Таким образом, можно сказать, что подобный сюжет очень распространен в искусстве древних народов, и за каждым из его вариантов стоит определенное толкование, определенная идея.

Найденная на городище Зар-тепа стенная роспись расширяет круг исследований по искусству позднекушанского времени и дает новые данные о характере художественной школы древней Бактрии.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, В. Д. РУЗАНОВ

ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИ И БРОНЗ ИЗ ГОРОДИЩА ЕРКУРГАН

Обращаясь к работам, посвященным материальной культуре Согда, нетрудно заметить диспропорцию изученности ее составляющих. Если некоторые стороны культуры у согдийцев, в частности планировка и фортификация поселений и городов[1], искусство[2], керамика[3], сравнительно полно исследованы, то о цветной металлообработке в этой исторической области нам практически ничего неизвестно.

Систематические раскопки на памятниках Согда, среди которых особое место занимают Афрасиаб, Еркурган и Пянджикент, дали ряд изделий из меди и ее сплавов. Количественно данная

---

[8] К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборник Музея антропологии и этнографии. VI, 125—164, табл. I—II.

[1] Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афрасиаба. — Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966; Шишкина Г. В. Древнейшая оборонительная стена Самарканда. — ОНУ, 1970, № 9; Сулейманов Р. Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана. — ИМКУ, вып. 14, 1978; Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. — Автореферат канд. дисс. М., 1981.

[2] Живопись древнего Пянджикента. М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959; Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. История искусства Узбекистана. М., 1965; Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966; Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пянджикента. М., 1973; Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

[3] Тереножкин А. И. Согд и Чач. — КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1949; Гражданкина Н. С. К истории керамического производства в Средней Азии. — ИМКУ, вып. 5, 1964; Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966; Ташходжаев Ш. С. Вопросы исторической классификации поливной керамики Афрасиаба. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972; Исамиддинов М. Х. Керамика южного Согда в эпоху древности и раннем средневековье. — Автореферат канд. дисс. Л., 1979; Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда.— Ташкент, 1979.

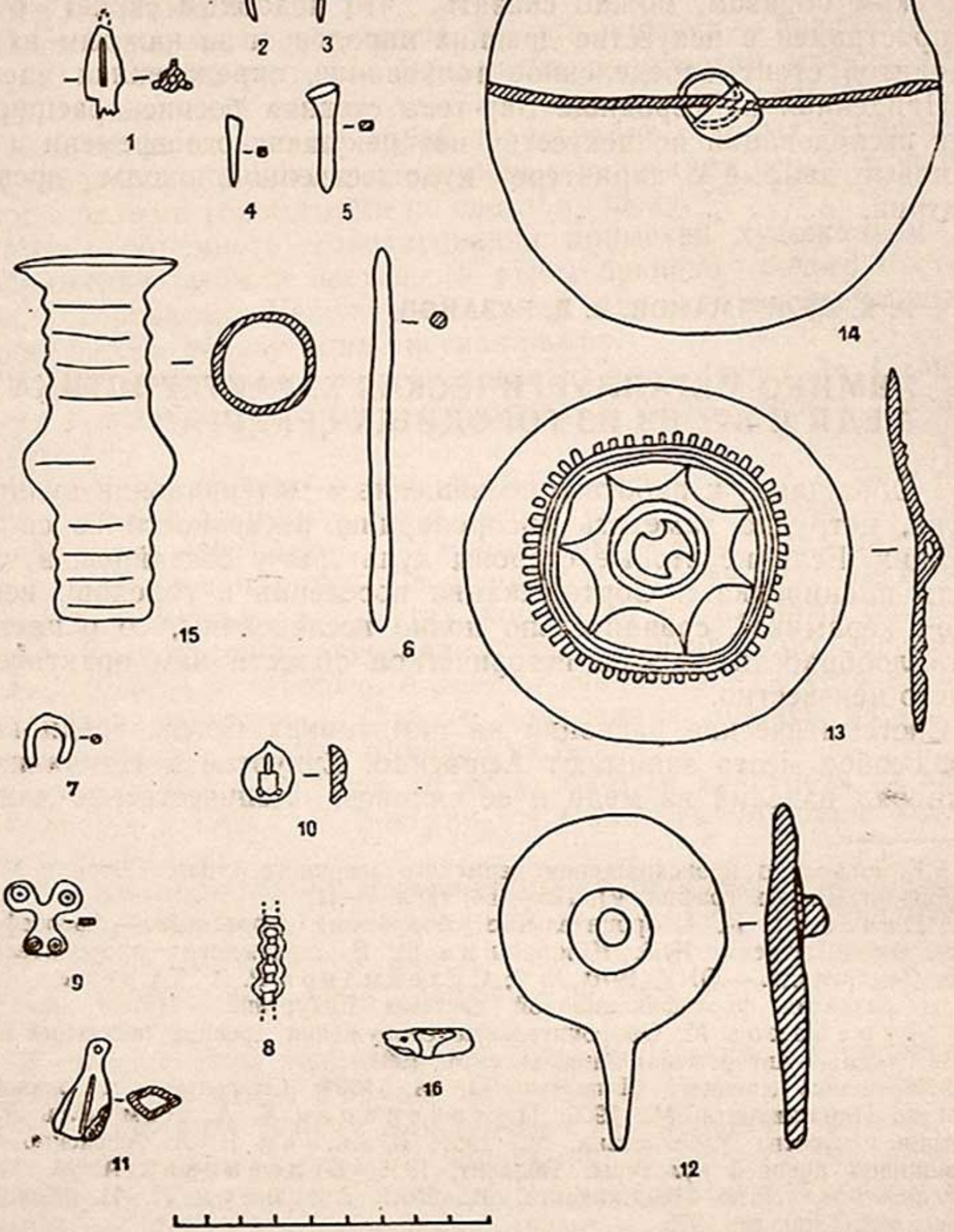


Рис. 1. Изделия из меди и серебра из городища Еркурган.

коллекция значительно уступает, например, металлическому инвентарю эпохи бронзы, что объясняется вытеснением в античный и более поздние периоды меди железом. Спектроаналитические

исследования согдийского металла только начаты[4]. Пока проанализирован состав медных находок из Еркургана — городского центра в южной части Согда.

Исследованные изделия из Еркургана подразделяются на несколько категорий. Из оружия и орудий труда здесь известны:

1. Трехгранный втульчатый наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 1, *1*). Его длина 3,2 см, длина и диаметр втулки соответственно равны 0,7 и 0,4 см.

2. Гвозди, 4 экземпляра (рис. 1, *1, 2—5*). Длина гвоздей варьирует от 1,3 до 3,3 см.

3. Шило, изготовленное из круглой в сечении проволоки (рис. 1, *6*). Длина 11,3 см.

Украшения, туалетные принадлежности, посуда.

4. Перстень, сделанный из круглой в сечении проволоки (рис. 1, *7*). Диаметр = 1,4 см, диаметр проволоки = 0,2—0,3 см.

5. Фрагмент цепочки, звенья которой выполнены из плоской в сечении пластинки (рис. 1, *8*). Диаметр звеньев — от 0,6 до 0,8 см.

6. Подвеска молоточковидной формы с отверстиями для подвешивания, изготовленная из плоской в сечении пластины (рис. 1, *9*). Длина 2,2 см.

7. Бляшка литая, каплевидной формы с отверстием и выступами для крепления (рис. 1, *10*). Диаметр 1,5—1,8 см.

8. Колокольчик литой с отверстием для крепления и трапециевидным сечением устья (рис. 1, *11*). Длина 3 см.

9. Зеркала, 3 экземпляра. Одно из них имеет выступающую ручку (рис. 1, *12*). На его тыльной стороне в центре имеются кольцевидные выступы различных диаметров. Диаметр диска 6,5 см, длина ручки 3,5 см. Второй экземпляр относится к типу зеркал с ручкой-петелькой (рис. 1, *13*). Тыльная сторона зеркала украшена семилучевой звездой. Диаметр диска 10,8 см. У третьего зеркала на тыльной стороне есть кольцевидный валик (рис. 1, *14*). Диаметр диска 13,1 см.

10. Фрагмент горловины сосуда (рис. 1, *15*). Горловина украшена кольцевидными валиками. Длина сохранившейся части 10,7 см. Диаметр горла от 3 до 4,4 см.

11. Фрагмент фигуры собаки (рис. 1, *16*). Сохранилась головная часть.

Прочие находки в связи с фрагментарностью типологически не определены.

Спектральному анализу были подвергнуты 43 находки, в том числе несколько слиточков, оставшихся после литья (табл.). Для определения химико-металлургических групп построены частотные гистограммы распределения концентраций примесей и изучена их корреляционная взаимосвязь (рис. 2). Асимметричность и двухвершинность гистограмм олова, свинца, висмута и серебра (рис. 2, *1*) указывает на неоднородность коллекции в химическом

---

[4] Спектральный анализ проведен в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР.

отношении. Корреляционные графики пар примесей олово-свинец (рис. 2, *2*), свинец-серебро (рис. 2, *3*), цинк-висмут (рис. 2, *4*) и висмут-серебро (рис. 2, *5*) позволяют выделить несколько металлургических и химических групп.

В металлургическом аспекте коллекция из Еркургана представлена оловянистыми, оловянно-свинцовыми, оловянно-цинковыми, свинцово-цинковыми, оловянно-свинцово-цинковыми сплавами, латунью и металлургически «чистой» медью. Металл последней группы, насчитывающей 12 экз., в отличие от предыдущих, включает небольшое количество примесей, не превышающее

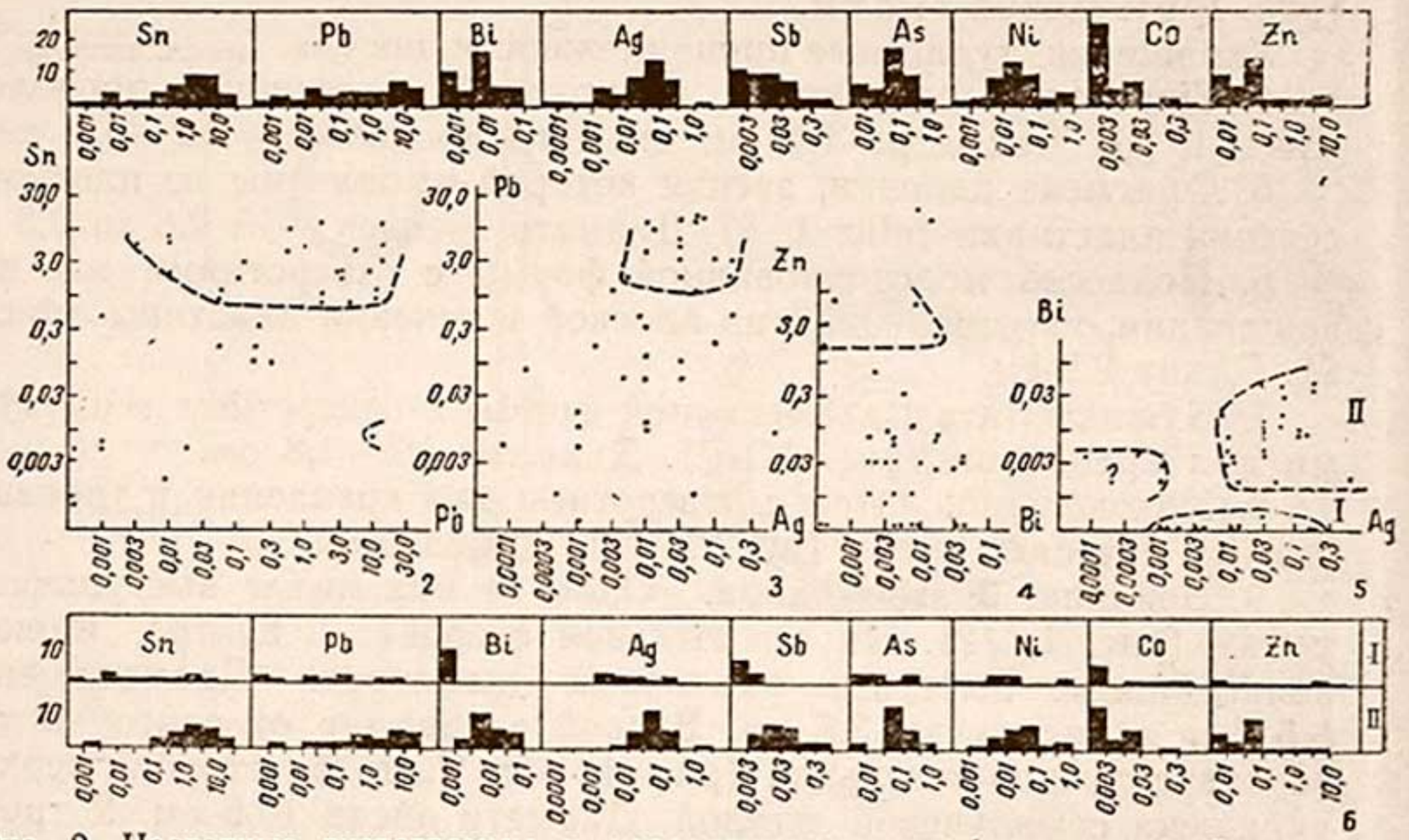


Рис. 2. Частотные гистограммы и корреляционные графики примесей к меди Еркургана.

концентрацию 0,5%. Граница искусственного ввода олова, как показывает корреляционный график олово-свинец, колеблется в пределах от 0,5 до 1,0%, тяготея к 1,0%. По-видимому, в разряд оловянистых сплавов может быть отнесена медь с содержанием олова 0,7—0,8% и выше. Таких бронз здесь насчитывается 25. Среди них в 15 случаях зафиксировано повышенное содержание свинца и цинка — свыше 1,0%. Судя по корреляционному графику свинец-серебро (рис. 2, *3*), а также графику цинк-висмут (рис. 2, *4*), концентрация 1,0% является границей легирования меди этими элементами. Следовательно, отмеченную группу из 15 образцов представляют многокомпонентные двойные и тройные сплавы, о которых мы уже говорили ранее. Кроме них в единственном числе здесь встречена латунь.

Четыре находки — колокольчик, бляшка и два не определенных по функциональному назначению обломка оказались изготовленными из сплава серебра с медью.

Таблица *

Результаты спектрального анализа меди и бронз из городища Еркурган.

Лабор. №	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
17782	—	осн.	14.0	2 0	—	0.04	0.2	0.3	0,15	0.004	0 2	0,01	0.003
17783	—	—.—	0.2	0,2	15,0	—	0 002	—	0.01	0,45	0.008	—	0,003
17784	1,8	—.—	2,4	3.0	8,2	0.003	0 2	0 05	0.2	0 15	0.04	0,003	0,003
17785	—	—.—	0,45	0,55	0.03	0,04	0 2	0.1	0.3	0,02	0 02	—	0,003
17786	—	—.—	0.1	0,2	—	0,008	0,1	0,05	0,15	0,06	0,01	0,003	0,003
17788	1.2	—.—	0.005	0.02	0,3	—	0,001	—	—	0 03	0,001	—	0,003
17789	—	—.—	2.4	0,01	2.1	—	0,01	—	0,01	0 3	0,02	—	0,003
17790	1 1	—.—	1.4	0,05	0,03	0,003	0,01	0.006	0.01	0,02	0 02	0,003	0,003
17792	—	—.—	0,7	2 0	0,03	0,004	0,03	0,01	0,03	0.05	0,05	0,003	0.003
17793	—	—.—	6 0	10,0	—	0.008	0 01	0.02	0.04	0.08	0 08	0,004	0,003
17794	—	—.—	0.002	0,01	0,03	0,002	1,0	—	—	0.06	0,003	—	0.1
17795	—	—.—	0.1	0,3	0,07	0.004	0 01	0,01	0,03	0,005	0,03	—	0,003
17796	—	—.—	2,4	3,5	—	0,004	0,03	0 03	0.05	0.06	0,04	0.01	0 003
17797	—	—.—	0,005	—	—	—	0,2	0,003	0.15	0,45	?	0,6	0,003
17798	—	—.—	2,4	0,1	0,1	0 008	0,03	0,01	0.03	0,03	0 008	—	0,003
17799	—	—.—	0 005	0,001	0.09	—	0,2	0.003	0,15	0.05	0,05	0,15	0,003
17800	1,9	—.—	1,7	2,0	0,03	—	0 004	—	?	0,25	0.01	—	0,003
17801	—	—.	4,6	0.55	0,07	0,02	0,007	0,02	0,06	0,05	0,04	0.15	0,003
17802	1,3	—.—	0.5	0,001	0,03	0,002	0 04	0.004	—	0,01	0,001	—	0,003
17803	1.15	—.—	2.4	9,5	0,07	0,002	0.015	0.01	0 03	0,004	0 01	—	0,003
17804	—	—.—	3,0	10,0	0 04	0,04	0 05	0,04	0.05	0.05	0,02	0.003	0,003

Продолжение таблицы *

Лабор. №	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
17805	1,16	—.—	2.4	3,0	0.03	0,01	0 1	0,05	0,05	0.005	0,3	0,003	0,003
17806	1,4	—.—	0,001	—	0,02	—	0,001	—	—	0,01	0 001	—	—
17807	—	.—	0,05	0,005	0.01	0.002	0,001	0,01	0,01	0 02	0.005	0 003	0.003
17808	—	—.—	0.2	0.05	--	0,04	0,03	0,35	0,2	1.2	0,08	0.01	0 003
17809	—	—.—	7,0	0,01	0,03	0.003	0 001	—	0.03	0,01	0,01	0,003	0,003
17810	1.6	—.—	0,005	0,001	—	0.004	0,0004	—	—	0,001	0,01	0,003	--
17811	1,14	—.—	7,0	0.01	0,01	0,004	0,01	0 003	0.15	0 45	0 04	0.01	0,003
17812	—	—.—	3,0	0 2	3,6	—	0,01	—	0,03	0,01	0.005	?	—
17813	—	—.—	6,0	1,5	0,08	0,02	0,05	0.02	0,05	0,02	0,04	0,003	0,003
17814	1 12	—.—	6,0	0,005	0,07	0 004	0,0001	0 004	0 03	0,2	0,02	0 003	—
17815	1,13	.—	10,0	0 6	0.01	0,008	0,03	0,03	0,06	0,1	0 04	0,01	0,003
18776	—	—.—	2,0	12,0	0,4	0.005	0 05	0 01	0,08	0,25	0,01	0,002	0,001
18777	—	—.—	5,0	6,0	0.02	0,02	0,03	0.03	0,04	0,25	0,01	—	—
18778	—	—.—	0 9	12,0	2,5	0 02	0,03	0 003	0.07	1 2	0 007	0,001	0 001
18779	—	—.—	0 02	6,0	9.4	?	0,03	—	0,1	1.2	0,4	0,05	0,001
18780	1,5	—.—	0.9	0,05	—	—	0,004	0,001	0,01	0.1	0,02	0 02	—
18781	—	—.—	12 0	12,0	0,025	0 03	0 07	0.15	0 6	0 3	0,5	0,02	—
18783	1,7	—.—	0,8	4,2	0,003	0,003	0,01	0 007	0.2	0,25	0,003	0,004	0,001
17787	1,10	есть	0.02	7,0	—	0,02	осн.	—	—	—	—	—	0,1
17791	—	30.0	0,01	0,65	0 03	0,004	осн.	—	—	0,005	0,001	—	0.1
17816	1.11	есть	0,001	0,001	есть	—	осн.	—	—	0 01	—	—	0.1
18782	—	50,0	0,005	0,04	0,04	0,005	50,0	—	—	0,25	0,007	—	много

* Обозначения: осн. основа сплава, ? - возможное присутствие элемента,—(тире)—методом спектрального анализа элемент не обнаружен.

Рассмотрим теперь химическую характеристику меди. Диагностическими элементами на группы здесь могут быть висмут и серебро. Корреляция взаимосвязи содержаний этой пары (рис. 2, *5*) позволяет выделить две количественно неравноценные химические группы.

Первую представляют 10 предметов, медь которых отличается малыми содержаниями висмута, менее 0,001. При этом обнаружилась положительная связь между висмутом и сурьмой, а именно: незначительной концентрации висмута соответствует малое содержание сурьмы (рис. 2, *6*). Выявленная закономерность важна в решении вопроса происхождения меди с такой химической характеристикой. Присутствие серебра в меди данной группы фиксируется в области достаточно высоких концентраций — от 0,001 до 0,3%. Металлургически первая группа подразделяется практически на все выделенные типы сплавов за исключением оловянно-свинцово-цинковых. Пять изделий в этой группе оказались «чисто» медными.

Металл второй химической группы, куда вошли 25 предметов, в отличие от предыдущей, включает достаточно высокие содержания висмута от 0,001 до 0,1%. Здесь также фиксируется количественная взаимосвязь между висмутом и сурьмой, только в области высоких концентраций (рис. 2,*6*). Концентрации остальных примесей также высоки. Все это отличает данную группу от первой. Доля изделий, легированных оловом, во второй группе высока — 19 предметов, что составляет 76% количества образцов в группе. Из них 12 относятся к двухкомпонентным бронзам — оловянно-свинцовистым. Два изделия сделаны из оловянно-свинцово-цинковых сплавов. «Чистая» медь здесь представлена 6 образцами.

В коллекции есть еще четыре предмета (рис. 1,*6* и *12*) не вошедшие в вышеуказанные группы (ан. 17807, 17809, 17810 и 17814). Причиной тому послужило наличие в их меди малых концентраций серебра, чего не наблюдается в металле прочих изделий. Хотя области содержаний микропримесей в меди данных предметов компактны, что предполагает использование одного и того же источника металла, однако малочисленность изделий пока что не позволяет выделить их в самостоятельную химическую группу. Поэтому, все они отнесены в разряд химически не определенных.

Большая часть коллекции спектрально исследованных предметов из Еркургана стратифицирована, что позволило нам распределить ряд вещей по хронологическим группам и определить химическую разницу между ними. Данные изделия (29 экз.) были подняты при раскопках позднеантичного храма. Установлено, что здание перестраивалось пять раз и функционировало в IV—VI вв.[5]

---

[5] Сулейманов Р. Х., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. Раскопки на городище Ер-Курган, — АО, 1975, М.; 1976; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV—V вв. из южного Согда. — ИМКУ, вып. 13, Ташкент, 1977.

Приведем данные по распределению предметов из храма по химическим группам:

Строит. периоды	*Химич. группы*			*Всего*
	I	*II*	*?*	
4 и 5	4	4	—	8
3	1	3	1	5
2	2	10	1	13

Следует обратить внимание на тот факт, что металл обеих групп сосуществовал на протяжении четырех периодов. Обращает на себя внимание различие количественных соотношений изделий в группах в том или ином периоде. Если группы предметов, встреченных в верхних горизонтах (4 и 5 периоды), датируемых VI в., количественно равноценны, то для раннего времени это равновесие нарушено. Наблюдается преобладание изделий второй группы над первой. Особенно заметен приоритет металла группы II во втором периоде, т. е. в IV в. Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. На протяжении IV—V вв. важную роль в развитии металлообработки у населения этого города играл металл второй группы. Медь группы I имела второстепенное значение. Позднее, в VI в. металл I и II групп становится равноценным по своей значимости для мастеров Еркургана.

Каковы же исходные районы еркурганского металла? Из-за отсутствия сведений о составах медно-бронзовых изделий из синхронных памятников, для сравнения был взят металл эпохи бронзы[6]. Коллекции этого времени происходят из памятников земледельческого и степного круга культур, а также культур «расписной» керамики северо-восточных районов Узбекистана. Ни с одной из них цветной металл Еркургана не обнаружил соответствий по химическому составу. Поэтому можно полагать, что месторождения изученного нами металла, использовавшиеся в эпоху бронзы, мастерам этого городища были незнакомы. Применялась медь иных месторождений. Данных источников, по-видимому, было два или три. Учитывая сравнительно низкие содержания ряда примесей в меди, можно предположить, что исходные районы этого металла, возможно, находятся в западной части Узбекистана, поскольку руды месторождений этих мест также небогаты такими примесями, как висмут, сурьма и мышьяк. Видимо, отсюда поступало и олово.

Таким образом, по находкам слиточков металла на территории городища можно заключить, что его население занималось металлообработкой. Следов металлургической деятельности мастеров, связанной с выплавкой меди из руды, пока здесь не обнаружено. Активное применение железа не могло не отразиться на меделитейном производстве. Сфера использования меди и ее бронз

---

[6] Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. — Автореферат канд. дис.. М., 1982.

заметно сократилась. Практически выходят из употребления медные орудия и оружие, их заменяют железные.

В основном медные сплавы шли на изготовление различных украшений, посуды и предметов туалета. Использовались они и в монетном деле. Еркурганские мастера знали рецептуру многих сплавов. Они применяли бронзы с приплавом олова. Известны им были латуни, а также двух- и трехкомпонентные сплавы, получаемые при легировании меди оловом и цинком, свинцом и цинком или оловом, свинцом и цинком вместе взятыми. Занимались они также обработкой серебра и золота. При использовании сплавов учитывались не только их литейные, но и механические качества. На это указывают визуальные наблюдения за составами металла изделий. Так, оружие и орудия труда оказались изготовленными из «чистой» меди, в то время как прочие изделия — из вышеуказанных искусственных сплавов.

Металлообработка в этом центре базировалась, по-видимому, на месторождениях горнорудных районов западной части Узбекистана. Такими могли быть Букан-Тамды-Ауминзатауский и, возможно, Нуратинский районы, поскольку химическая характеристика их месторождений находит параллели в составах меди и бронз из Еркургана. Источников металла было немного — всего два или три. Причем, в том или ином периоде развития металлообработки они играли различную роль. Литейщики этого города не знали нужды в олове. Этот металл, очевидно, доставлялся им из Кызылкумских гор или Зирабулак-Зиаэтдинского горнорудного района, где известны месторождения касситерита.

Данная характеристика охватывает самую позднюю фазу развития металлообработки в данном городе. Металл более раннего времени из Еркургана, возникшего в IX—VIII вв. до н. э.[7], пока нам неизвестен.

А. А. АБДУРАЗАКОВ, С. ДЖАЛАЛОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ХИМИЧЕСКИХ СОСТАВОВ ДРЕВНЕЙ БЫТОВОЙ КЕРАМИКИ ЮГА УЗБЕКИСТАНА

Расширение археологических раскопок на территории республики, в особенности в ее южных районах, привело к появлению уникальных коллекций керамической бытовой посуды, отличающейся высоким качеством и широким ассортиментом. Безусловно, без наличия высококачественных источников сырья, без квалифицированных мастеров-керамистов, знакомых с многовеко-

[7] Сулейманов Р. Х. Основные этапы развития городища Еркурган.— В сб.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». (Тезисы докладов). Ташкент, 1979, с. 11—12; Исамиддинов М. Х. Стратиграфия Еркургана и некоторые вопросы этнокультурных связей Согда и Бактрии в античное время. — Там же, с. 63—65.

выми традициями гончарного производства, невозможно было организовать изготовление этой посуды на месте. Для исследования особенностей технологии важное значение имеет знание химических составов археологических находок и остатков их производства. Мы попытались выяснить особенности химического состава бытовой керамики и сырья, найденных на территории Бактрии.

Юг Узбекистана издревле был центром высокоразвитых ремесленных производств, в частности — керамического и металлургического[1].

В табл. 1 приведены химические составы керамической посуды из поселения-могильника Сапаллитепе (эпоха бронзы) и некоторых сырьевых материалов. Результаты химического анализа сосудов показывают, что все изделия, за исключением конической чаши (I), в основном близки по составу. Судя по анализу, коническая чаша изготовлена из высококремнеземистого сырья типа песчаника, в котором роль связующего играли соединения кальция (известь). В незначительном количестве присутствуют щелочи, которые также могли способствовать склеиванию кварцевых зерен при высокой температуре. По археологическим данным, три анализа (5, 6, 10) относятся к сероглиняным основаниям. Химические анализы в двух случаях (5, 10) подтверждают такое заключение, в одном (6) — опровергают. Древние мастера, как правило, стремились использовать для изготовления обычной керамики суглинки и глины с низким содержанием окислов кальция и магния. В то же время сырьем для производства сероглиняных изделий служили светложгущиеся глины, содержащие эти компоненты в больших количествах. Подобные глины обычно дают после обжига очень светлые зеленовато-палевые тона черепков. Таким образом, в первом сероглиняном образце — вазе на поддоне (5) сумма $CaO+MgO$ составляет 14,81%, а во втором — сероглиняном кувшине (10) их сумма равна 20,74%. В то же время в третьем образце (6) она представлена 8,32%, т. е. находится в пределах содержания данных окислов в обычной керамике.

Обсуждая результаты анализов обычных керамических изделий Сапаллитепе, необходимо отметить, что все они, за исключением сероглиняных, сходны по химическому составу. В целом для их изготовления использовались высококачественные глины, содержащие больший процент глинозема и сравнительно низкий процент кальциевых и магниевых соединений, чем в обычных глинах, лессах и суглинках.

В табл. 1 для сравнения приведены химические анализы некоторых лессов и глин местного происхождения и из Афганистана.

[1] Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; Он же. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Ташкент, 1982; Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. — Автореферат канд. дисс. М., 1982.

Таблица 1

Химические составы бытовой керамической посуды XVIII—XVI вв. до н. э. из поселения Сапаллитепе (весовой процент)

№№ п.п.	Наименование предмета	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	ппп	MnO	SO_3	TiO_2	Сумма
1	Коническая чаша 95/3	80,00	2 46	2.71	6,21	2,57	3.33	1,36	1,02	0,05	0.20	0,02	99,92
2	Кувшин 88/3	54,12	19,48	3,76	5,97	2,56	3,66	2,49	5.26	0.07	2,20	0.02	99,59
3	Крышка 71 а 1	61,92	13,19	3.92	5 50	1,20	4,27	2,93	5,36	0.06	1.43	0.04	99,80
4	Ваза 109/6	56,86	17,23	4,52	5,02	2,10	4,02	2,96	4,98	0.07	2,08	0,02	99,86
5	Ваза на поддоне (сероглиняная) 86	52,40	14,89	4,53	9,93	4.88	4,72	2,59	3.86	0,08	1,68	0,02	99 56
6	Чайник (сероглиняный) 88	56.94	13,75	6.91	4 96	3,36	4,18	3,58	3,96	0,08	1,84	0,02	99,58
7	Горшок	57,22	13.20	7,18	5,60	3,53	3,77	2,74	4 56	0.02	2,10	0,04	99.92
8	Кувшин 103/8	55,98	15,68	6,82	6,36	3,48	3.48	1,17	5,22	0,05	1.29	0,02	99,53
9	Кубок 112/4	59.62	17,64	5,93	3,70	0,94	3,29	2,73	4,28	0.08	1,48	0,04	99.69
10	Кувшин сероглиняный 89/2	56,64	7,02	4,68	14.45	6,29	3.26	0,94	4.29	0.07	2,23	0,02	99,78
11	Лесс с поселения № 1	49,85	11,69	4,08	10.60	2,15	3,70	1.01	16,34	0,03	0,17	0.04	99,75
12	Лесс с поселения № 3	50,90	16.83	4,01	7,70	1,23	7,60	3.57	15,12				100,12
13	Лесс с поселения № 4	42,81	14.30	3.88	11.08	2.33	3.70	1,71	4,23	0,07	3,12	0,05	99,54
14	Глина из Калянтепе Сурхандар. обл.	50.37	12,94	6,06	11,08	5,07	неопр.	неопр.	10,09	неопр.	3,09	неопр.	99,50
15	Глина из Афганистана	46,24	12,96	3,91	12,49	2,65	1,21	1.75	18,71		0,23		100.15

Данные химического анализа показывают, что повышенное содержание глинозема характерно для глиняного сырья Сурхандарьи. Если для выработки сероглиняных изделий можно допустить использование местных лессов, то для отмеченной керамики мастера применяли специальные высококачественные глины с малым содержанием кальциевых и магниевых соединений. Глина из Афганистана также высококачественная. Она характеризуется низким содержанием кремнезема и высокими включениями глинозема, окислов кальция и магния. В ней очень много также и органических веществ, вызывающих повышение потери веса пробы при прокаливании до 18,71%. Она является доброкачественным сырьем для сероглиняной керамики.

Таким образом, из анализированных десяти предметов из Сапаллитепе один имеет кварцевую основу, два — сероглиняную и остальные глиняную. Последние также отличаются по количественному соотношению химических компонентов, но в целом общая композиция главных составляющих хорошо сохраняется во всех изделиях.

На сегодняшнем этапе изучения вопрос о взаимосвязи составов с функциональным назначением керамических сосудов пока остается открытым из-за недостаточности аналитического материала.

Химико-аналитическому изучению были подвергнуты также и бытовая посуда из поселения Джаркутан, датируемая XV—XIV вв. до н. э. (табл. 2). В исследованной коллекции сосудов содержится 10 предметов, отличающихся друг от друга по функциональному назначению.

Химические составы их очень сходны между собой. Здесь по сравнению с сапаллитепинскими изделиями повышено содержание кремнезема и окислов кальция и магния, содержится низкий процент глинозема. Подобный химический состав дают тугоплавкие глины благодаря наличию большого количества кремнезема и несколько низкого содержания глинозема. Этот состав также тяготеет к светложгущимся глинам из-за более высокого содержания окислов кальция и магния.

Наряду с посудой анализирован и красный ангоб, нанесенный на сосуд для хранения зерна и жидкостей — хум. Как видно, для получения красного цвета использовалась железистая глина с более высоким содержанием окислов железа (6%).

В данном памятнике среди комплексов керамики был обнаружен порошок металла с серебристыми зернышками. Его анализ (11) показал, что основу составляют кремнезем, глинозем и окислы железа, что позволяет отнести его к глинистому железняку, который, по-видимому, применялся в качестве составной части ангоба для покрытия керамических сосудов. Действительно, на поверхности некоторых сосудов Джаркутана встречаются блестящие зерна данного порошка. Месторождение последнего ши-

Таблица 2

Химические составы бытовой керамической посуды XV—XIV вв. до н. э. из Джаркутана (весовой процент)

№	Наименование предмета	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	ппп	MnO	SO_3	TiO_2	Сумма
1	Тагора	58,30	13,85	4.21	9,70	2,42	3.55	2,61	3,23	0,04	1,06	0,23	99,52
2	Чаша	58,77	13,93	4,77	7,70	2,38	3.60	2,93	3,07	0,04	1.04	0.42	99.72
3	Кубок	59,99	12.18	3,27	8,53	4,71	2,99	1,89	3,59	0,04	0,90	0,26	99,60
4	Ваза	59,50	12,93	5,51	9,61	4,15	2,86	1.27	2,50	0,05	0,98	0,21	99,84
5	Коническая чаша	59,86	10,11	2,26	9,36	5,83	3,50	2,41	4.54	0,03	1,02	0.24	99,64
6	Крынка	59.85	14.45	4.30	8.58	2.83	2,99	1,93	3,52	0.03	1.06	0,28	99,82
7	Блюда	56,93	12,72	4,67	8,85	4,83	3,99	1,39	3,29	0 04	1.06	0,18	99.76
8	Хум	58,40	11.88	5,08	9.82	3,20	3,28	1.99	3,89	0,05	1.62	0,17т	99,84
9	Хум с красным ангобом	55,40	12,85	5.03	10,28	5,68	3,59	1,02	3,63	0,05	1 01	0.24	99,74
10	Красный ангоб хума	56,95	12.24	6,00	8,07	2.27	6,52	3,65	2,39	0,03	0,78	0.12	99,86
11	Металлический порошок	26,06	24,02	40.67	3,04	0,34	3,28	0.95	1,64	0,05	0,22	—	99.64

Таблица 3

Химические составы бытовой керамической посуды Сурхандарьинской области (весовой процент)

№	Наименование предмета	Датировка	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	ппп	MnO	SO_3	TiO_2	Сумма
1	Керамическая тагора из Мирзакультепе	I в н. э.	47.82	18,68	5,19	10,65	4.32	3,34	3,90	5,00	0,11	0,29	0,35	99,55
2	Тарелка из Мирзакультепе	—"—	60,17	15.27	4,47	6,72	1,84	4.27	2,94	3.29	0,11	0.48	—	99,52
3	Чаша "—	"—	56,39	16 26	4,19	7.92	1.36	4,81	3,60	3,99	0,09	0,33	0,50	99,73
4	Миска —"—	—"—	54,14	16,51	4,97	8,45	2,02	3,17	3,48	5,32	0,07	0.92	0,38	99,43
		I в до н. э—												
5	Чаша из Талашкантепе	I в н. э.	59.44	16,04	4,35	7,61	2,61	3.37	2,50	4,10	0,12	0,29	0.20	99,73
6	Тарелка —"—	—"—	58,05	16,60	4.86	7.94	2,02	3,72	2.97	3,62	0,06	0.80	0.05	99.98
7	Ваза —"—	"—	60,85	14,60	5,13	8,59	0.41	2.74	3.78	3.52	0.07	0.34	—	100.36
8	Чаша —"—	—"—	56.39	15.38	5,92	10.86	1,79	2.74	3,30	4.29	0,12	0,89	—	99,98
9	Чаша —"—	—"—	60,43	15,88	4,10	6.52	2,23	4,01	3,37	3.31	0,10	—	—	99,95

роко распространено на территории Сурхандарьинской области. В горах Байсунтау у селения Авлят к востоку от города Байсун с давних пор существовала кустарная выплавка железа из сферосидеритов (бурый и глинистый железняк), добываемых в руслах саев. Содержание железа в этой руде достигает 43,45%[2].

Объектом нашего исследования была также керамика из других памятников Сурхандарьи более позднего периода. В табл. 3 даны химические анализы четырех керамических сосудов из Мирзакультепе (анализы 1—4) и пяти образцов керамики из Талашкантепе (анализы 5—9).

В целом составы посуды из двух памятников аналогичны. Отмечается колебание лишь в содержании отдельных химических компонентов. Основу всей керамики составляют высококачественные глины с несколько пониженным содержанием окиси кальция. Среди них только в двух случаях (1, 10) ее процент высок.

Таким образом, резюмируя приведенные данные, можно отметить, что на юге Узбекистана начиная с эпохи поздней бронзы до первых веков нашей эры существовало высокоразвитое керамическое производство, основанное на высококачественном глиняном сырье. Разнообразие использованных сырьевых ресурсов свидетельствует о наличии у мастеров-керамистов юга Узбекистана большого опыта и обширных знаний в выборе необходимых материалов.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, Г. Л. СЕМЕНОВ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ В ПАЙКЕНДЕ (РАБОТЫ НА «ЦЕНТРАЛЬНОМ» РАСКОПЕ В ПАЙКЕНДЕ В 1982—1983 гг.)

Одним из спорных вопросов в исторической топографии Пайкенда является наличие внутренней стены, делящей шахристан на две части (I и II). В кратком отчете об экспедиции 1939 г. А. Ю. Якубовский упрекал первого исследователя Пайкенда Л. А. Зимина в том, что тот не заметил ее остатков в свою первую поездку. В действительности же на плане 1913 г. показан южный отрезок этой стены, на севере заканчивающийся «насыпным, почти круглым холмом» из того же материала, как и стены города, только с небольшой примесью глины, придающей холму желтоватый оттенок. Этот холм имеет 135 шагов в окружности и приблизительно 5 аршин в высоту от основания до плоской вершины. По другую сторону холма нет никаких признаков стены или каких-либо построек, хотя пространство, отделяющее холм от крепости, мало занесено песком. Поэтому можно предположить,

[2] Соседко А. Ф. Черные металлы Средней Азии. — Сб.: Минеральные богатства Средней Азии. Л., 1935, с. 163.

что если стена в этом месте и имелась, то она, вероятно, была разрушена ранее оставления города.

Во время своей второй поездки Л. А. Зимин отмечает и северный отрезок указанной стены. В центральной части, по его справедливому замечанию, трасса стены прерывается. Время постройки внутренней стены города и ее перестройка, как показали раскопки 1982—1983 гг., относятся к V—VI вв. Для уточнения времени разрушения средней части стены было решено исследовать холм, примыкающий к ее сохранившемуся торцу. Этот холм, резко выделяющийся на фоне довольно плоского рельефа городища, привлек и внимание В. Н. Кесаева, предположившего, что он скрывает остатки домусульманского храма[1]. Им в 1940 г. было раскопано несколько помещений IX—XI вв., примыкающих к внешним стенам центрального здания, и остатки построек этого же времени на вершине холма[2].

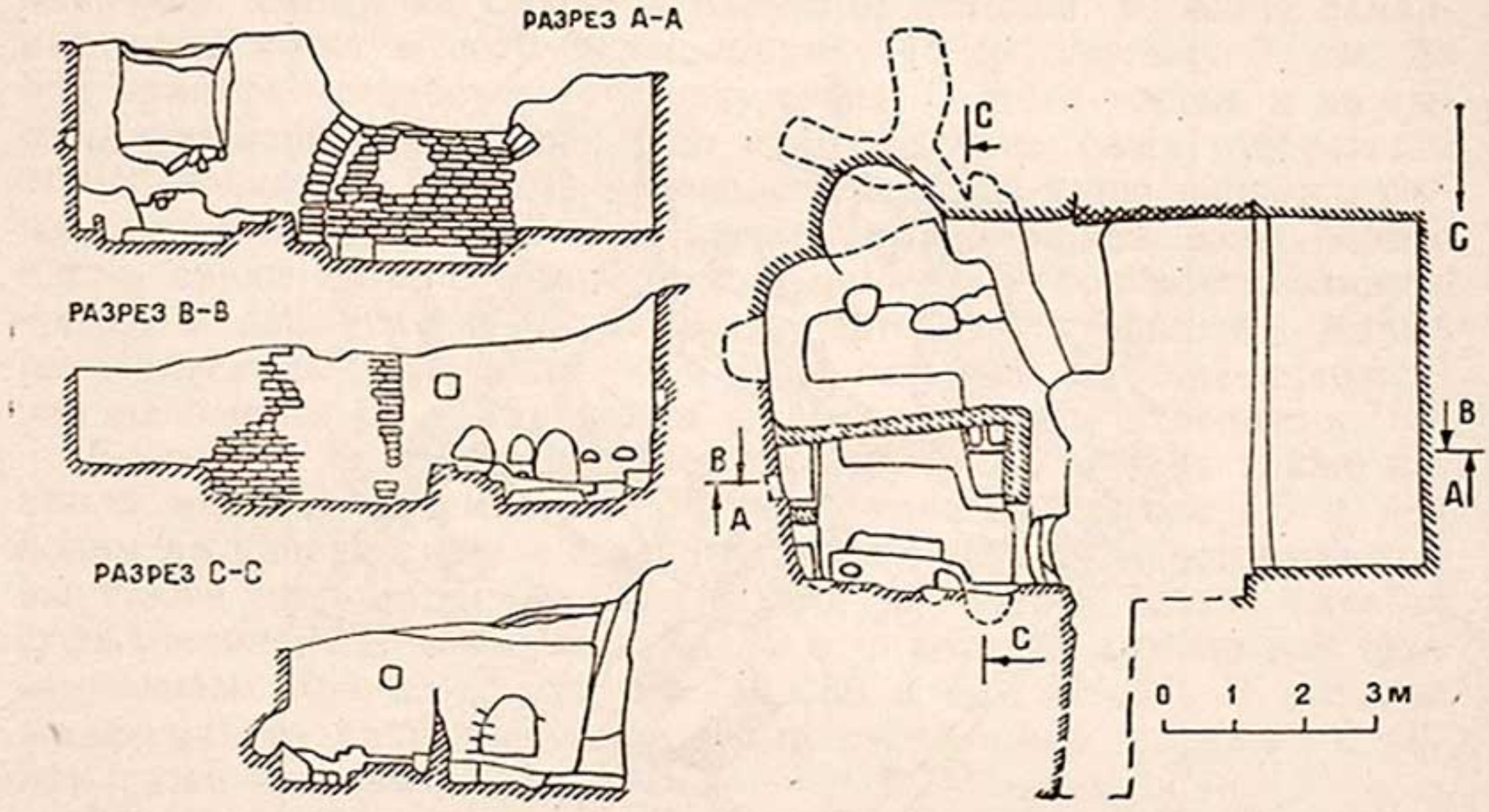


Рис. 1. План и разрезы помещения.

К моменту возобновления работ в 1982 г. от раскопанных в 1940 г. помещений не сохранилось ничего. Основная постройка, насколько можно судить, до раскопок фасада представляла собой квадратное здание со сторонами около 15 м, ориентированное по сторонам света. Вход в здание находился с северной стороны, его ширина составляла 2,5 м. Внутри имелось два крупных помещения, связанных между собой проходом той же ширины, что и вход в здание. Но если вход имел плоское перекрытие с деревянной дверной коробкой, то проход между помещениями

[1] Кесати Р. Работы на Пайкенде в 1940 г.— СГЭ, IV, Л., 1947, с. 26—29.
[2] Кесати Р. Отчет Пайкендской экспедиции Эрмитажа 1940 г.—Архив ОВ Гос. Эрмитажа, с. 50.

был перекрыт сводом, дуга которого начиналась на высоте 2,2 м от пола.

Помещение 1 размером 9,9×5 м вытянуто с востока на запад. Стены сложены из сырцового кирпича (22—25×37—42×8—9 см) с раствором между рядами толщиной 8—10 см и покрыты штукатуркой в два слоя толщиной 0,5 см. Северная, восточная и западная стены помещения — фасадные стены дома, южная стена с проходом, общая с помещением 2. Помещение состоит из трех частей. Центральная часть представляет собой прямоугольный участок, соединяющий вход в здание с проходом в помещение 2. Пол на этом участке плавно поднимается от входа к югу. Часть помещения к западу от прохода занята суфой шириной 2,15 м и высотой 0,8 м со ступенькой, идущей вдоль всей суфы. Восточная часть помещения занята двумя мастерскими.

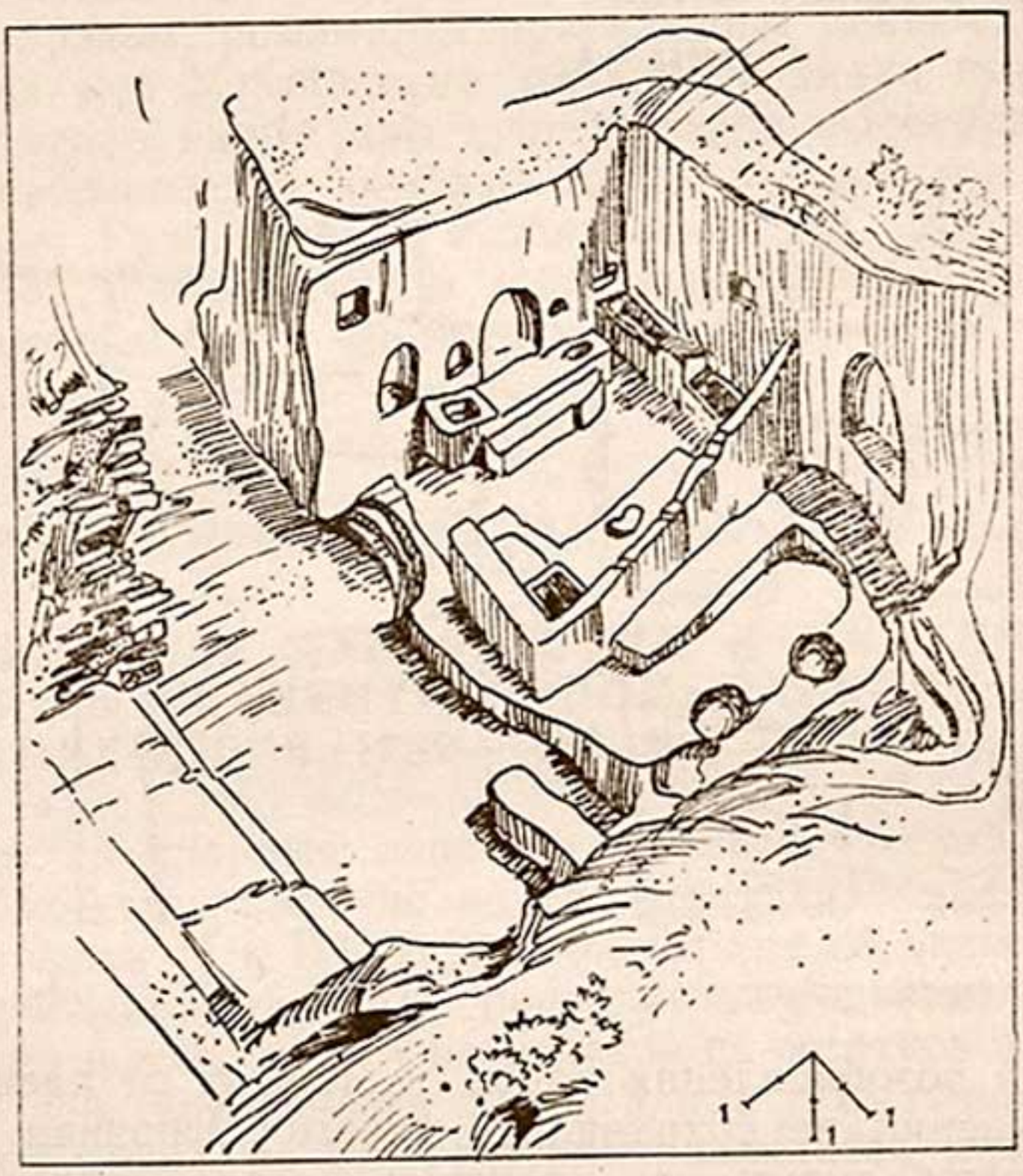


Рис. 2. Мастерская № 1.

Мастерская 1 имеет размеры 2,2×3,5 м, расположена в северо-восточной части помещения. Уровень ее пола приподнят относительно уровня пола в центральной части помещений на 30—40 см. В мастерскую попадали через проход шириной 70 см, устроенный вдоль северной стены. Для подъема в проходе сделаны две ступени. Северная стена мастерской сохранилась на высоту от 2,25 до 3,1 м. К ней в средней части пристроена суфа шириной 40 см, высотой 25 см и длиной около 2 м. Суфа с юга

имеет приступку высотой 17 см, шириной 27 см, длиной 1,3 м. По краям суф имеются две ямы, в западной был найден раздавленный кувшин.

Примерно у середины суфы в стене сделана неглубокая ниша высотой 80 см и шириной 60 см с округлым верхом. Ее полом является верх суфы. Стены ниши оштукатурены. В северной стене имеются еще пять ниш меньшего размера: две из них расположены к западу, две — к востоку от центральной ниши и одна над входом в мастерскую. Восточные ниши, находящиеся в 34 см над поверхностью суфы, однотипны. Их пол горизонтален, а верх скруглен. Высота ниш 18 см, ширина 31 и 36 см, глубина 18—20 см. Ниши, расположенные к западу от центральной, несколько иные. Основание ближайшей к центру ниши находится на той же высоте, что и у восточных ниш, совпадают также ширина и глубина. Отличается эта ниша своей высотой (53 см) и наличием копоти на стенах и округлом потолке. Крайняя западная ниша имеет высоту 80 см, ширину 70 см, глубину 50 см. Ее пол примерно соответствует верху суфы. С этого уровня и до высоты основания остальных ниш снаружи она была отгорожена стеной толщиной 10 см, а впоследствии и вся ниша снаружи была заложена кирпичом. Она служила хранилищем золы белого цвета, среди которой были найдены носик-трубочка стеклянного сосуда и два венчика глиняных узкогорлых кувшинов. Кроме пяти описанных ниш в северной стене есть еще одна, расположенная на высоте 1,5 м над полом в западной части помещения.

Восточная стена сохранилась на высоту 2,5 м. Она также покрыта местами потемневшей штукатуркой. На высоте 1,5 м над полом на уровне ниши в северной стене в середине восточной стены также открыта ниша (30×30×30 см). Перед стеной имеется суфа шириной 0,5 м и высотой 0,35 м, в которой вырыто два прямоугольных хранилища-ящика (40×30 и 40×95 см). В угловом ящике найден археологически целый стеклянный сосудик с обломанным носиком.

Южная стена толщиной в полкирпича разделяет мастерские 1 и 2. Причем оштукатурена она лишь со стороны мастерской 1. Стена сохранилась на высоту 1 м, однако, судя по отпечатку на восточной стене, она была не ниже 1,5 м. Возможно, что верхняя часть стены была каркасной. Вдоль южной стены также имеется суфа шириной 47 см и высотой 20 см. Примерно в середине поверхность суфы и стена перед ней обожжены и закопчены. На суфе найдена половина каменного жернова.

Большой интерес представляет юго-западный угол мастерской. Суфа, идущая вдоль южной стены, обрывается перед входом. На ней в углу вдоль западной стены имеется ступень высотой 18 см и шириной 37 см в северной части и 65 см — в южной. В углу ступени выделен прямоугольник 60×35 см, где устроен двухкамерный очаг. Его южной стеной является стена между мастерской 1 и центральным проходом помещения. С севера очаг

имеет стенку толщиной 10 см и высотой 16 см, стоящую на второй ступени суфы. Очаг состоит из двух прямоугольных камер (23×26 и 17×27 см), утопленных в суфу на 40 см. Стенки их обожжены и прокалены. Между камерами — сырцовая перегородка толщиной 15 см. В заполнении большой камеры среди земли найдены свыше 20 медных монет, часть которых фрагментирована.

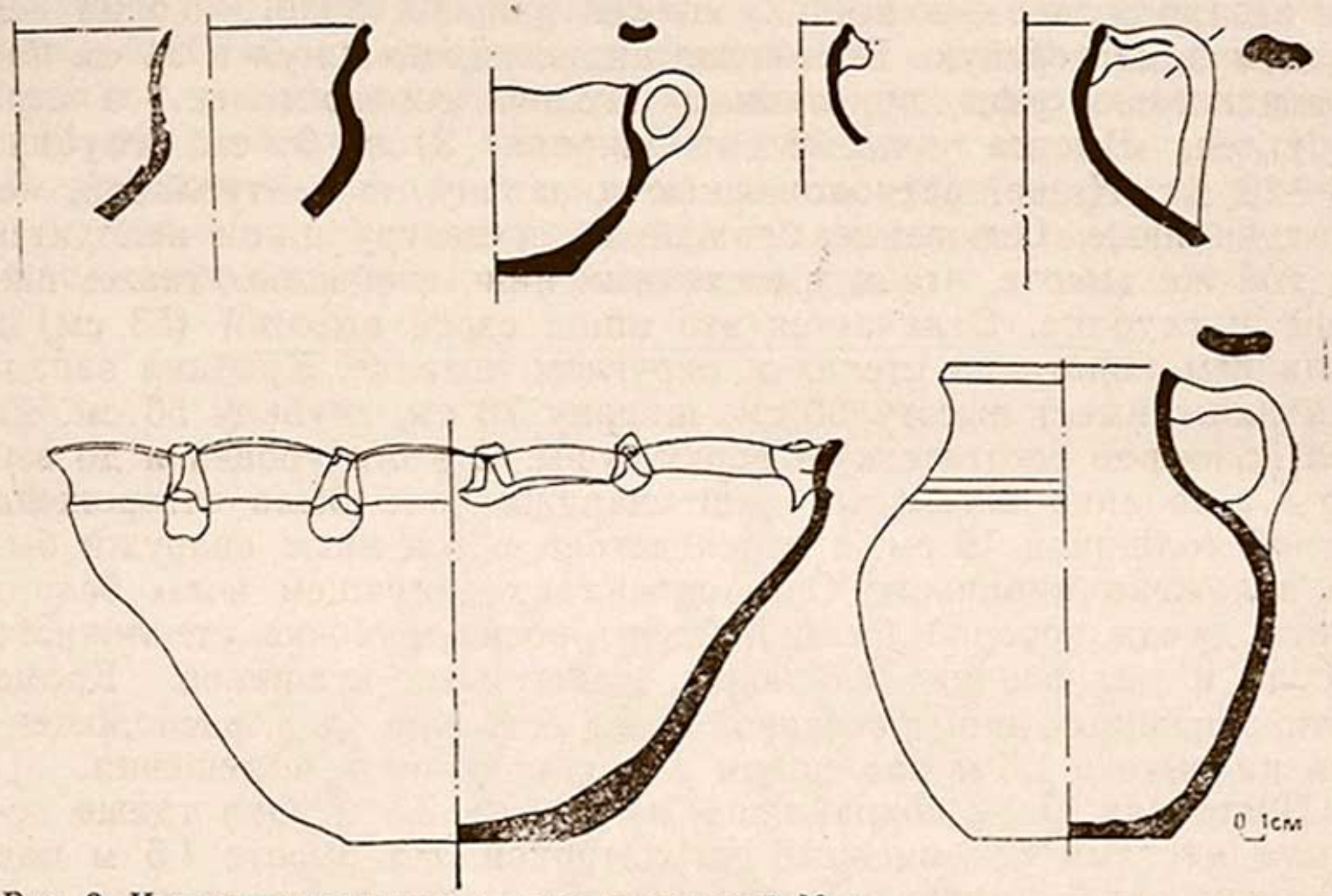


Рис. 3. Комплекс керамики с пола мастерской № 1.

Мастерская 2. Расположена к югу от мастерской 1 и имеет с ней общую стену. Это прямоугольная комната с суфами по трем сторонам. В середине торцовой восточной стены устроена большая ниша (высота 95, ширина основания 95, глубина 55 см) со сводчатым потолком. Пол в нише совпадает с верхом суфы перед стеной, на ее стенах и потолке следы копоти. Стена и ниша покрыты штукатуркой в три слоя толщиной 1 см. Юго-западная часть мастерской разрушена ямой бадраба. Уровень пола в мастерской 2 несколько выше, чем в мастерской 1. В полу открыты три ямки диаметром 50—60 см и глубиной 20—30 см, причем две из них частично перекрывают друг друга. На полу и в ямках — зола и древесные угли, стенки ям обожжены, вероятно, это были основания очагов. Стена, отгораживающая мастерские 1 и 2 от центрального прохода, в средней части образует уступ. Здесь вырублено начало спуска в кладовую — сардобу, идущего с севера на юг под полом помещения. Высота подземной кладовой около 1 м при средней ширине 70—80 см. Через 4 м от входа кладовая делится на два отсека, каждый длиной по 2,3 м, расходящиеся в восточном и западном направлениях. Кладовая была заполне-

на осыпавшейся со стен землей и натеками, в заполнении найден обломок резной «чернильницы» с зеленой глазурью.

Помещение 2 расположено к югу от помещения 1 и имеет с ним общую стену толщиной 1,5 м. Помещение имеет ширину 6,5 м на западе и 5,75 м на востоке. Его длина не установлена, хотя оно исследовано уже на 7 м. Северная стена помещения сохранилась в высоту на 3,3 м. В ней к западу от прохода на высоте 0,8 м над полом устроена ниша с горизонтальным основанием и округлым верхом. Ширина основания 1,3 м, высота 1,23, глубина 0,45 м, постепенно сужающаяся кверху. Стены ниши оштукатурены на толщину до 1 см. К востоку от прохода в помещении 1 стена сохранилась плохо. Многочисленные бадрабы и грабительские ходы привели к тому, что в процессе раскопок пришлось разобрать угрожавший падением свод прохода. Стена сложена из кирпича 38×25×9 см с раствором между рядами толщиной 3 см. Со стороны помещения 2 западная щека прохода оформлена выступающей перед плоскостью стены «полуколонной». Южная стена сохранилась в высоту на 2,6 м. Она сложена из кирпича тычками ?×24—25×8—10 см с раствором между рядами толщиной 8—10 см. Стена в средней части прорезана бадрабом диаметром 1,2 м, в восточной части ее разрушила песчаная яма, в западной части стена с высоты 1,5 м над полом подрублена в древности, подрубленная поверхность носит следы огня.

Хорошую вертикальную оштукатуренную поверхность имеет отрезок стены в 1,5 м к востоку от бадраба и 0,5 м к западу от него. В восточной части помещения к этой стене последовательно примыкают две стены. Первая из них имеет толщину 0,23 м, сложена из кирпичей 33×42×8—9 см с раствором между рядами толщиной 3 см и чередованием ложковых и тычковых кирпичей, сохранилась в высоту на 0,7 м и длину 1,7 м. Ее продолжение разрушено песчаной ямой. Стена сложена из сырцовых кирпичей 26×35×10 с раствором толщиной 1 см. Вторая стена толщиной 0,6 м сохранилась в высоту на 0,7 м и в восточной части также обрывается ямой.

Западная стена помещения имеет длину 6,3 м. Состоит из трех примыкающих друг к другу стен. Первая, видимо, фасадная стена дома, сохранилась в высоту до 2,5 м, сложена из кирпича, в кладке чередуются ряды тычковых и ложковых кирпичей (35×25×7—8 см) с рядами раствора между ними в 2—3 см. Штукатурки на открытой поверхности стены не обнаружено. Примыкающая к данной стене изнутри стена имеет толщину 1 м, сложена кладкой «кирпич вразбежку» тычковыми кирпичами 24× ×?×9 см с раствором между рядами и кирпичами в ряду 9—10 см. К ее оштукатуренной поверхности примыкает еще одна кладка толщиной 0,5 м на севере и несколько утолщающаяся в южной части. В северной части кладка не доходит до северо-западного угла помещения на 1,75 м, видимо, на этом участке она

разрушена. В западной стене помещения были сделаны четыре ниши, три из которых сохранились достаточно хорошо. 1 (южная) ниша имеет глубину 1 м, высоту 70—80 см и ширину 80 см. Она вырублена в кладке стены, имеет округлый потолок и горизонтальный пол, который находится примерно на одном уровне с поверхностью суфы. Нижняя часть ниши отгорожена невысокой стенкой толщиной 15 см. 2 ниша со сводчатым перекрытием рас-

Рис. 4. Черепок *(1)* с арабской надписью.

положена на 75 см к северу от первой. Ее ширина 0,8 м, глубина 1,25 м. На высоте 0,85 м от пола отмечен карниз свода шириной 2 см. Стены и сохранившаяся часть свода носят следы сильного огня и копоти на нижнем слое штукатурки толщиной 1 см и пола. Поверх закопченного слоя нанесен еще один слой штукатурки толщиной 0,4 см. В северо-западном углу ниши находится прямоугольная в плане ямка (30×17 см) глубиной 60 см. 3 ниша с вырубленным округлым потолком имеет ширину 0,5 м и глубину 0,5 м. Ее верх находится на 0,6 м выше, чем верх первых двух ниш, но пол ниши на столько же утоплен в суфу. В нишу был вставлен хум высотой 60 см так, что над суфой возвышался только его венчик.

К северу от 3 ниши находятся остатки еще одной ниши, о чем свидетельствует регулярная кладка стены в верхней части и мягкое рыхлое заполнение в нижней. Ниша сохранилась фрагментарно. К югу от северной стены в 80 см на штукатурке второй стены имеется вертикальный уступ, выдававшийся на 5 см, возможно, также след от ниши.

Вдоль западной и южной стен помещения расположена большая суфа. Она расширяется к середине помещения: если ее ширина перед южной стеной составляет 1 м в восточном углу и 3 м в западном, то вдоль западной стены соответственно 1,75 и 3 м (считая от второй стены). Третья стена на востоке стоит на суфе, примыкает ко второй стене. В край суфы вдоль западной стены вмуровано бревно 15×15 см в сечении, сверху, видимо, обмазанное глиной. Пол в помещении повышается с севера на юг, поэтому если у северного края высота суфы составляет 50 см, то у южного — 20 см. Надо отметить, что уровень пола понижается и далее на север в помещении 1, а поверхность большой суфы помещения 1 совпадает с уровнем суф помещения 2.

В суфе вдоль западной стены ближе к ее северному краю была вырыта прямоугольная ямка 70×80 см, глубиной 35 см, заполненная мягкой землей. У ее южного края вкопана нижняя часть кувшина, край которого совпадает с поверхностью суфы. К третьей стене была приставлена еще одна суфа, начинающаяся в 2 м к югу от северной стены. Ее высота 45 см, ширина 70 см. Она сохранилась в длину на 1,2 м, далее к югу разрушена ямой. Суфа частично закрывает третью нишу, верх которой находится в 30 см над ее поверхностью.

Помещение имеет два уровня полов с ровной глиняной обмазкой в 20 см один над другим, между ними кирпичная закладка. Наличие перестроек, кроме уже отмеченных двух кладок у западной и южной стен, можно проследить и в боковых стенах бадраба. Так, оштукатуренная поверхность южной стены продолжается ниже уровня суф на 0,6 м, на нижнем полу слой белой золы толщиной 8—10 см.

Относительно хорошая сохранность раскапываемого здания обусловлена тем, что на конечном этапе его существования проходы в помещения были заложены сырцовым кирпичом, а сами помещения до сохранившегося верха — чередующимися рядами обломков кирпичей и строительного мусора. В результате весь дом превратился в монолитную платформу. От сооружений, возведенных на ней, к моменту раскопок сохранилось только несколько бадрабов. В одном из них был найден комплекс керамики X в., который, по нашему мнению, может помочь в определении характера верхней постройки. Целые или почти целые формы представлены одной поливной чашей, четырьмя кувшинами, тремя кухонными котлами и двумя крышками от кувшинов. Кроме того, в бадрабе было найдено несколько венчиков от поливных чаш и венчиков кувшинов, среди них и венчик водоносного

QCL. NVer

сосуда с пластинчатой ручкой и керамическим ситом, вставленным в горло. Обнаруженный в бадрабе комплекс представляет собой набор керамической посуды одной семьи, и, видимо, позволяет говорить о том, что над кирпичной закладкой был построен жилой дом.

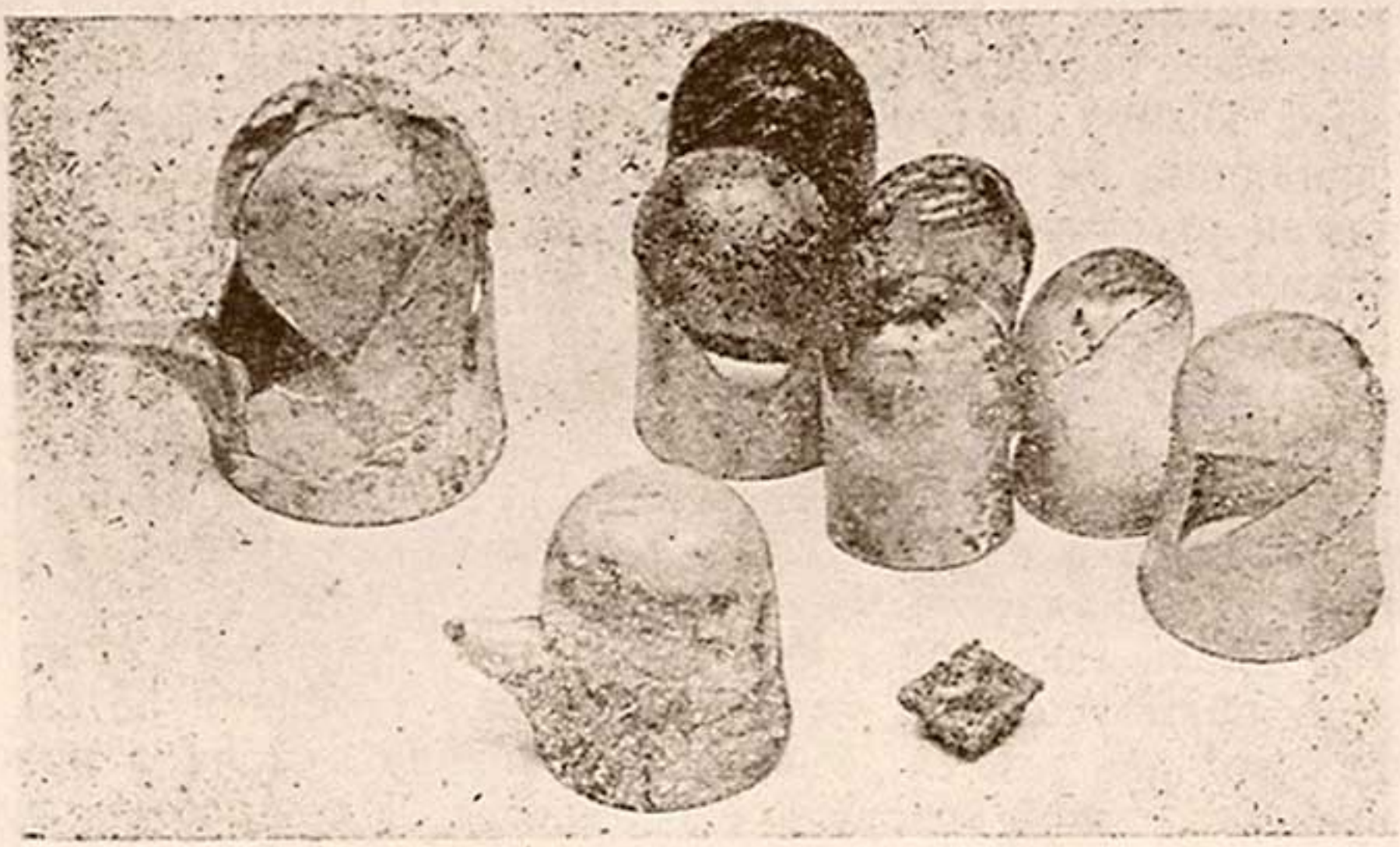


Рис. 5. Алембики с пола мастерской № 1.

Керамика, собранная с полов помещений 1 и 2, дает совершенно иной набор. В комплексе преобладают кружки с округлым плечиком и высоко посаженной петлевидной ручкой (одна целая и 8 крупных фрагментов), кувшины (один целый и три фрагмента). Целый кувшин имеет грушевидное тулово, слабо выделенное горло с слегка отогнутым венчиком, треугольным в сечении, и пластинчатую ручку. У фрагментов кувшинов выделяется валик под венчиком. Археологически целым профилем представлена крупная чаша с фестончатым краем и маленькими декоративными ручками между фестонами. К тарной керамике относится небольшой хум высотой 56 см и диаметром венчика 24 см. Обращает на себя внимание полное отсутствие широкогорлых кувшинов и кухонных котлов, обязательно присутствующих в комплексах керамики из жилых помещений. По всей видимости, набор посуды, как и общий облик дома, где нет жилой части, говорит об особом, нежилом его характере, т. е. производственном.

Датировка помещения основана на довольно большом количестве монет, обнаруженных на полу и суфах помещений 1 и 2. Все определенные монеты являются раннеаббасидскими фельсами второй половины VIII в. (определение Б. Д. Кочнева). Еще более конкретная дата указана на черепке с арабской надписью

(суббота, 30 июня 790 г.), обнаруженном на полу мастерской I (чтение и перевод А. А. Иванова). Не противоречит дате конца VIII в. и комплекс керамики, набор форм которого ближе к керамике Согда VIII в., чем IX—X вв. Поливная керамика представлена одним фрагментом «чернильницы» с зеленой поливой.— форма, появляющаяся именно в это время.

Еще до завершения работ на объекте можно предполагать, что раскапываемое сооружение представляет собой отдельно стоящее здание из двух крупных комнат. Совершенно отчетливо выступает производственный характер помещения 1 с его двумя мас-

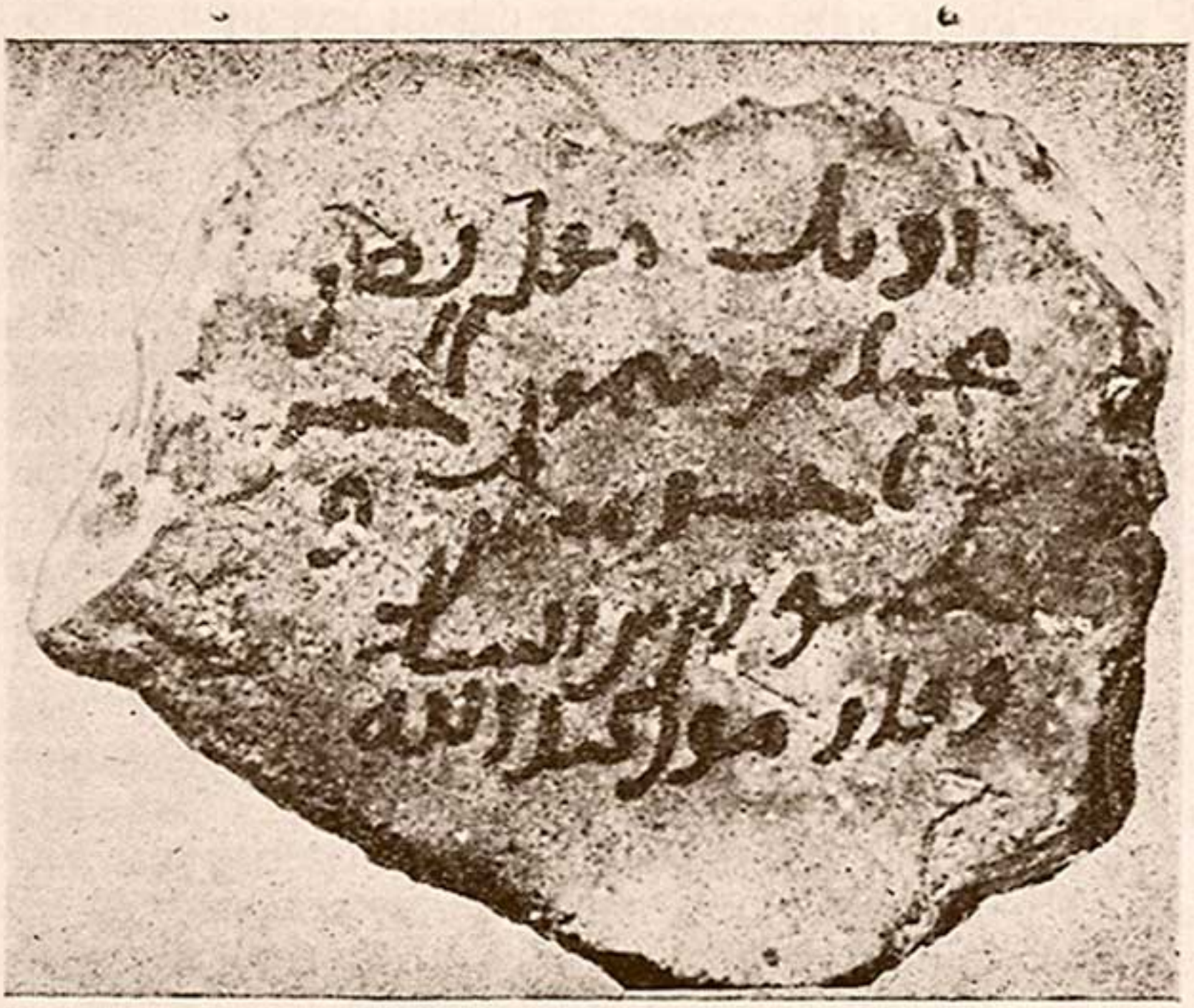


Рис. 6. Черепок (*2*) с арабской надписью.

терскими. Многочисленные ниши помещения 2, скорее всего, были складскими. Сквозной проход шириной более 2 м через оба помещения на улицу также не свойствен жилой застройке. Жилая часть в доме практически отсутствует.

Для определения характера производства обратимся к анализу вещественного материала из раскопок — комплексу стеклянных изделий с пола мастерской 1. Он состоит из 13 целых сосудов и их фрагментов. Все они относятся к одному типу специальной химической посуды, получившей в литературе название алембик[3]. Это стеклянные цилиндры с округлым дном и слегка утолщенным венчиком высотой от 4.5 до 8 см при диаметре от-

---

[3] Wiedemann E. Alembic in Enciclopaedic of islam, vol. I, Leyden—London, 1913, p. 252.

крытого края от 3,5 до 5,1 см. От боковой части сосуда отходит стеклянная трубочка (в два сосуда удалось вклеить основания трубочек, еще у двух на тулове остался след от них). Трубочки несколько наклонены ко дну. Изготовлены алембики из зеленоватого полупрозрачного стекла, на некоторых из них имеются следы ирризации. Для каких-то химических реакций была предназначена и маленькая бронзовая чашечка с остатками воска на дне. Таким образом, можно считать установленным, что по крайней мере часть дома (мастерская 1) занимала химическая лаборатория. Косвенно о назначении здания могут говорить и два черепка с арабскими надписями: на одном зафиксирована дата, на другом — перечень имен. Совокупность перечня имен и дат характерна для учетных документов общественных учреждений (ср. перечень имен на черепке с арабской надписью с цитадели Пенджикента и согдийские надписи из храма 1 в Пенджикенте).

Таким образом, местоположение здания, особенности его архитектуры, анализ вещественного материала: керамики, стекла, надписей говорят о его связи с химическим производством.

В предварительной публикации раскопок приводились данные в пользу предположения о том, что мы имеем дело с древней «аптекой». Раскопки этого сезона не противоречат данной гипотезе. Впрочем, отсутствие аналогов делает правомерными и другие предположения. Вещественный материал из раскопок пока не позволяет однозначно решить вопрос о конкретном характере химического производства.

Работы на центральном раскопе имеют важное значение и для изучения исторической топографии Пайкенда. Они показывают, что не позже конца VIII в. часть внутренней стены между шахристанами I и II была разобрана, а освободившаяся территория застроена. Аналогичный процесс (снос части внутренней стены с последующей застройкой этой площади) отмечен в начале VIII в. в Пенджикенте. Однако несмотря на то, что конкретные причины этого явления в обоих случаях могут быть разными, есть здесь и принципиальное сходство: при необходимости в новой застройке возможности для этой цели изыскиваются внутри крепостных стен, а не снаружи, как это делалось в V в., когда расширяли площадь Пенджикента и Пайкенда, или в IX—X вв., когда снаружи крепостных стен строились рабады. Второе сходство заключается в факте самого сноса внутренней стены, просуществовавшей около 200 лет. Этот снос означал и для Пенджикента и для Пайкенда конец трехчастной структуры города: цитадель, внутренний и внешний шахристаны, и мог быть связан как с изменениями социальной структуры населения (о чем в Пайкенде конкретных данных не имеется), так и принципов обороны города.

Н. Б. НЕМЦЕВА, Г. Я. ДРЕСВЯНСКАЯ

ПАМЯТНИКИ ЗААМИНА И ЕГО ОКРУГИ (К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРНОЙ УСРУШАНЫ)

Работы по составлению археологической карты Джизакской области начались в 1973 г. усилиями совместного археологического отряда Института искусствознания МК УзССР и кафедры археологии ТашГУ по линии Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана.

Более 60 памятников было взято на учет и обследовано впервые, около 40 из них с наиболее выразительной планировкой подверглись детальной топосъемке и фотофиксации. С большинства тепе взят подъемный керамический материал. Принятые до сих пор классификационные схемы районов Средней Азии основаны на учете внешних признаков[1]. В данной работе в качестве критериев отнесения памятников к тому или иному типу используются топографические признаки с учетом параметров и географического положения памятников. Эта условная классификация может быть уточнена лишь после проведения широких археологических раскопок.

Зааминский район, занимающий обширную территорию степных предгорных и горных зон, уже привлекал внимание исследователей. В 1964 г. некоторые памятники посетила М. Аминджанова, опубликовавшая результаты своих наблюдений, но без иллюстративного материала и без точной топографической привязки[2].

Работы 1973 г. охватили предгорную территорию северных отрогов хребта Мальгузар до сел. Ломакино и Обручево, от кишлака Кутчи на востоке до кишлака Пшегар на западе, т. е. более 2 тыс. кв. км.

В райцентре Заамин находится 3 тепе. 1. Урда-тепе — на левом берегу Зааминсая, на юге райцентра — представляет собой остатки небольшого памятника размером 70×50 м, высотой 4 м, с хорошо выраженной в микрорельефе северной частью высотой 7—8 м, площадью 30×20 м. Со всех сторон Урда-тепе окружено современными строениями. На поверхности встречена керамика VI—VII вв. и XIX в. В прошлом это была, по-видимому, укрепленная усадьба. Название памятника «Урда-тепе», возможно, связано с поздним использованием его как крепости в годы гражданской войны (20-е годы XX в.).

---

[1] Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — Сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974; Дресвянская Г. Я., Сагдуллаев А. С., Усманова З. И. Классификация раннесредневековых памятников среднего течения Кашкадарьи. — Тезисы к Всесоюзной научной конференции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». Л., 1977.

[2] Аминджанова М. Археологическое обследование Зааминского района в 1964 г. — ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1964, с. 137—142.

2. Курган-тепе — размером 100×95 м, высотой 4 м, с наиболее хорошо выраженной С-В угловой частью размером 40×40 м, высотой 10 м. В 40 м западнее отмечены остатки пахсовой стены и рва, появившихся не ранее XIX — нач. XX в. Подъемная керамика свидетельствует об обживании тепе в X—XI вв., когда оно служило укреплением. Не исключено, что нижние слои могут датироваться более ранним временем.

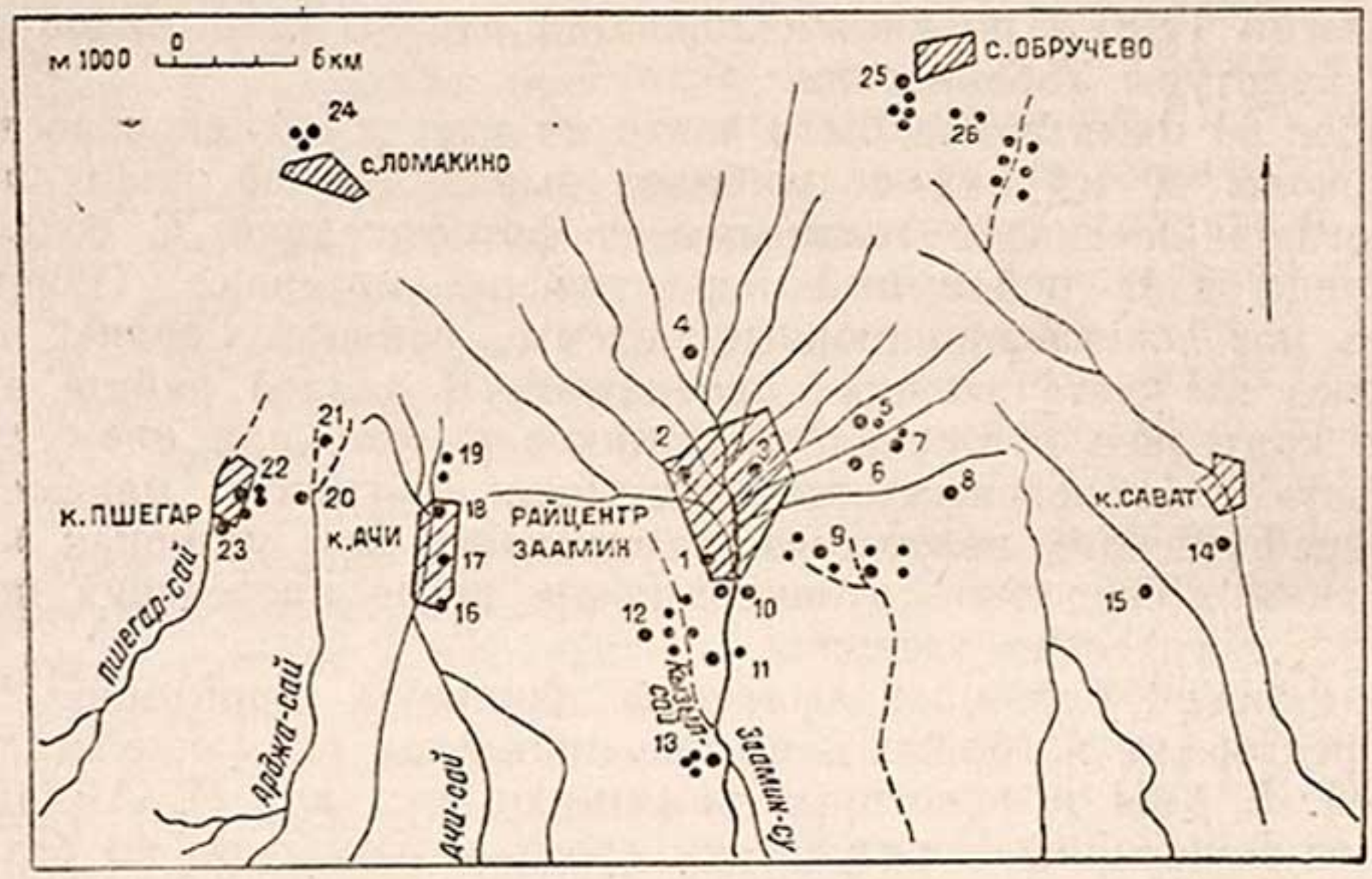


Рис. 1. Схематическая карта расположения археологических памятников в Зааминском районе:

8—Урда-тепе, *2*—Курган-тепе, *3*—Ак-тепе, *4*—Джар-тепе, *5*—Мазар-тепе I, *6*—Мазар-тепе II, *1*—Исмалак-тепе, *9*—Туркмен-тепе I—VII, *10*—Юмалак-тепе I, *11*—Юмалак-тепе II, *12*—Азляр-тепе I, *13*—Азляр-тепе II—III, *15*—Кулели-тепе, *16*—Ачи-тепе I, *17*—Ачи-тепе II, *18*—Ачи-тепе III, *19*—Ачи-тепе IV—V, *20*—Арджи-тепе I, *21*—Арджи-тепе II, *22*—Караул-тепе, *23*—Пшегар-тепе, *24*—Ак-тепе II, *25*—Кара-тепе, *26*—Каракчи-тепе I—VIII.

3. Ак-тепе I — очень плохой сохранности. Остатки его имеют размеры 100×40 м, высотой 2—4 м, с наиболее высокой площадкой на С-В. Памятник сильно пострадал от непосредственного соседства с жильем, в настоящее время используется под кладбище и полностью утратил микрорельеф. Время возникновения Ак-тепе — укрепленного поселения в прошлом — может быть отнесено к раннему средневековью. В северном обрезе зафиксированы остатки керамической печи X—XII вв.

Все три объекта райцентра Заамин имеют направленные на север, в сторону степи, наиболее укрепленные части. Это наиболее массивные и высокие холмы, хорошо выделяемые в рельефе памятника. Расстояния между памятниками не превышают 4 км.

4. Джар-тепе расположено севернее райцентра Заамин, примерно в 6 км от Курган-тепе и Ак-тепе, представляет собой остатки размытого с востока холма почти квадратного плана размером 75×65 м, высотой 3—4 м. Наиболее выделяется С-В часть площадью 30×30 м, высотой 6—8 м. Подъемный керамический

материал и материал из зачисток в обрезах (керамика, сырцовый кирпич) дают основание для датировок объекта VI—VII вв. и определения времени его вторичного обживания в XII в. Первоначально Джар-тепе использовалось как укрепленная усадьба.

5. Мазар-тепе I расположено восточнее райцентра Заамин у кишлака Сейсари. Тепе овальной формы 40×25 м, высотой 4 м, сильно задерновано, используется как кладбище. На верхней площадке — мазар, глинобитный дувал с вотивной ветошью внутри ограды. Рядом находится тепе меньшего размера, представляющего собой оплывшую разрушившуюся постройку. Немногочисленная керамика датирует эти тепе V—VI вв.

6. Мазар-тепе 2 расположено в 1 км южнее предыдущего, прямоугольной формы 60×35 м без выраженного микрорельефа. Керамика V—VII вв.

7. Мазар-тепе 3 расположено в 350 м от предыдущего. Размеры его 50×60 м, высота не превышает 3—4 м, неподалеку отмечен котлован хауза и небольшое безымянное тепе округлой формы. Невыразительный материал не позволяет с уверенностью отнести его к определенной эпохе.

Скорее всего, описываемая группа Мазар-тепе являла собой неукрепленные сельские поселения и отдельно стоящие дома земледельцев в раннесредневековый период.

8. Исмалак-тепе расположено у кишлака Туркмен. Частично распахано. Сохранившаяся часть размером 60×45 м с возвышением в центре около 6 м является остатками укрепленной усадьбы.

9. Туркмен-тепе I—VII, состоящее из 7 тепе, находится вблизи одноименного кишлака, сильно разрушено. Одно из тепе нивелировано почти полностью под современную постройку, другое распахано, от третьего остались незначительные остатки. Тем не менее удалось установить, что в основе они естественного происхождения, то есть обживалась последняя сбросовая терраса. В верхних обрезах видны гумусные и зольные прослойки, неполивная малочисленная керамика.

Относительно неплохо сохранилась площадка 150×60 м с буграми оплывших строений и остатками стен (?). Восточный ее край дает довольно четкую планировку трех прямоугольных помещений шириной 16—17 м, а в середине — остатки пахсовой стены, идущей под углом к внешним стенам. Она использовалась, видимо, как загон для скота в позднее время, судя по подъемной керамике, в XIX — нач. XX в.

Эта группа тепе, вероятно, представляет собой также остатки неукрепленных поселений или отдельно стоящих жилищ земледельцев средневековья.

10. Юмалак-тепе I находится южнее райцентра Заамин, на правом берегу Зааминсу. Сильно размыто саем. Тепе прямоугольной формы, вытянуто вдоль сая в меридиональном направлении. Северная часть более высокая, выше южной на 3—4 м.

В обнажениях видны кладки из сырцового кирпича и гуваляков. Многочисленные сборы керамики датируют его V—VII вв. Судя по подъемному материалу, тепе использовалось как крепость в XIX — нач. XX в. На противоположном берегу имеются остатки синхронного тепе с одноименным названием.

11. Юмалак-тепе II расположено южнее Юмалак-тепе-I, в 1,5 км на левом берегу Зааминсая. Округлой формы, Д — около 40 м, высота 10 м, южная часть уничтожена, на верхней площадке построен дом с айваном. Керамика датирует время обживания тепе V—VII вв., когда памятник был укрепленной сельской усадьбой. На противоположном берегу сохранились остатки одноименного тепе того же времени. Все это, видимо, в древности составляло единый комплекс.

12. Азляр-тепе I расположено в 2 км юго-западнее райцентра Зааминн, на берегу сухого русла Кызылсая — притока Зааминсая. Трехчастное, прямоугольной формы, ориентировано в широтном направлении, размер 150×100 м. На востоке в середине фаса выделяется площадка 60×30 м, высотой 2—4 м, на севере которой имеется бугор 20×10 м, высотой 4 м. Это самая высокая точка памятника — 12 м от подошвы Азляр-тепе. Судя по хорошо сохранившемуся микрорельефу, въезд осуществлялся с северной стороны. Северо-восточный угол фиксирован башней. Подъемный материал (тонкостенная, краснолощеная керамика) позволяет датировать памятник первыми веками нашей эры, но обживание его продолжалось и в пору раннего средневековья. В непосредственной близости от него вдоль русла Кызылсая находится 5 небольших безымянных тепе и целая серия мелких всхолмлений в округе. Видимо, это был небольшой, но хорошо укрепленный городок или укрепленное поселение в центре сельскохозяйственного владения, состоящего из многочисленных неукрепленных поселений и отдельных жилищ.

13. Азляр-тепе II расположено в 4 км Ю-В Азляр-тепе I, на левом берегу Кызылсая, очень плохой сохранности из-за размыва саем. Сохранилось на площади 45×35 м, с наиболее высокой — 7 м — частью на востоке. Подъемный материал V—VII вв.

Западнее расположено три тепе разных размеров (одно — Азляр-тепе III 50×30 м, другие значительно меньше), занятые современными постройками. По сведениям местных жителей, здесь находили керамическую посуду, бронзовое кольцо, серьги и т. д. Видимо, эти памятники также представляют собой остатки комплекса сооружений, куда входило главное укрепленное поселение и серия неукрепленных поселений и усадеб.

Описанные памятники тяготеют к Зааминну, связаны общими водными источниками Зааминн-сая, его притоков и ответвлений и являют собой городища, укрепленные поселения, усадьбы, неукрепленные поселения и отдельно стоящие дома земледельцев.

Восточнее этой компактной группы памятников расположено несколько тепе вблизи кишлака Сават.

14. Кутчи-тепе расположено в кишлаке Кутчи. Сохранилась лишь площадка 35×25 м с наиболее высокой частью — 10 м. На топографической крупномасштабной карте 1960 г. это тепе отмечено и имело размеры не менее чем 85×35 м. Керамика датирует время сбживания его V—VII вв. В прошлом это укрепленная усадьба.

15. Куляли-тепе расположено у кишлака Урта на естественном всхолмлении, представляет собой округлый холм 30×21 м, высотой 3—4 м. На поверхности встречена маловыразительная неполивная керамика и поливная X—XI вв., дающая время существования неукрепленного жилища.

Западнее Зааминской группы памятников были обследованы и взяты на учет памятники по Ачисаю, Арджисаю и Пшегарсаю.

Рис. 2. Топопланы укрепленных усадеб.

16. Ачи-тепе I расположено на южной окраине кишлака Ачи, на естественном возвышении по правому берегу сая. Сохранилось частично на площади 100×50 м, несет следы разрушения. Наибольшая высота в южной части составляет 8 м. Найдена маловыразительная керамика V—VII вв. и сильно фрагментированная поливная IX—X вв., датирующая время обживания памятника. Типологически Ачи-тепе I может быть определено как укрепленное раннесредневековое поселение, обживавшееся вплоть до X в.

17. Ачи-тепе II расположено в кишлаке Ачи, представляет собой вытянутый с севера на юг овал с сильно нарушенным рельефом, т. к. тепе занято современным кладбищем. На возвышении построен мазар в виде павильона с двускатной кровлей на четырех угловых столбах. Подъемный материал раннесредневекового времени. По типу Ачи-тепе II являлся укрепленной усадьбой.

18. Ачи-тепе III расположено на северной окраине к. Ачи, почти квадратное в плане 48×45 м с бугром 20×20 м на С-З участке высотой 5 м. Общая высота над прилегающей территорией — 12 м. В Ю-В углу имеется оплывшая котловина (20×10 м) хауза (?). Обилие керамики датирует объект V—VII вв. н. э. Видимо, памятник представляет собой укрепленную усадьбу раннесредневекового времени.

19. Ачи-тепе IV и V. Два небольших тепе размером 40×35 м, высотой 5 м, и 20×20 м высотой 3 м, расположены в пшеничном поле одноименного кишлака на расстоянии 80 м один от другого и представляли собой отдельные жилища земледельцев.

По Арджисаю, примерно в 6 км на запад от описанной группы находятся следующие памятники:

20. Арджи-тепе I расположено на левом берегу сая, перерезано шоссейной дорогой Джизак-Заамин. Представляет вытянутый с севера на юг прямоугольник размером 190×80 м, в северной части холм 60×60 м высотой 6 м с понижением в центре (провал перекрытия здания?). На западном участке сохранились валы стен. Из-за сильной задернованности датирующий материал не был получен. Судя по размерам и топографическим признакам, памятник мог быть укрепленным поселением.

21. Арджи-тепе II расположено севернее предыдущего, в 3 км по сухому руслу сая. Представляет собой почти правильный квадрат 95×85 м, с хорошо сохранившимся валом стен. В центре бугор 40×40 м высотой 5 м. Поверхность сильно задернована. Памятник может быть отнесен к укрепленным усадьбам раннесредневековой поры.

22. Караул-тепе расположено на естественном горном возвышении у кишлака Пшегар. Прямоугольное в плане 120×70 м, с широтной ориентацией, четко разграничено на две части. В северо-восточной выделяется площадка размером 20×20 м. Общая высота ее от подошвы естественного всхолмления, на котором она была возведена, составляет около 35 м, а по отношению к пониженной южной части — 10 м, С-В угол фиксирован башней. Восточнее, в непосредственной близости, расположено 5 округло-прямоугольных тепе размером 20×10 м, 15×10 м, 10×10 м и т. п. высотой 2—4—5 м. Подъемная керамика встречена и на Караул-тепе и на тепе-спутниках поры раннего и развитого средневековья от V—VI вв. до XV в. Видимо, название отражает функцию памятника на протяжении этих эпох. Караул-тепе являлось горной крепостью Пшегарсая, в округе которой были расположены неукрепленные селения и жилища.

23. Пшегар-тепе находится южнее Караул-тепе, в 1,5 км по левому берегу Пшегарсая. Представляет собой холм подквадратного плана 38×35 м с разрушенной промоиной центральной частью. По типу это усадьба земледельца. Подъемной керамики нет, время функционирования не определено.

Севернее описанной группы памятников, примерно в 12 км, в степной зоне у с. Ломакино обследовано:

24. Ак-тепе II, уничтоженное в значительной степени железнодорожной линией, окружающими садами и постройками. Оставшаяся часть размером 50×50 м, высотой 3-4 м окружена глинобитным дувалом и занята современным христианским кладбищем. Юго-западнее, в 500 м находятся 2 низких безымянных тепе, сильно задернованных. Несмотря на отсутствие подъемного материала на основании топографических признаков можно говорить о наличии здесь в пору раннего средневековья комплекса сооружений, состоящего из укрепленного селения или усадьбы (Ак-тепе) и многочисленных неукрепленных поселений, жилищ земледельцев, от которых остались лишь оплывшие руины двух тепе.

Северо-западнее райцентра Заамин, примерно в 12 км, у с. Обручево изучалась группа памятников, относящихся к Зааминскому ирригационному вееру.

25. Кара-тепе, размером 200×90 м, ориентировано З-В, трехчастное. Восточная часть, примерно 50×70 м, понижена, она примыкает к холму 150×90 м, в центре которого окруженная рвом площадка размером 30×20 м, высотой более 10 м. Общая высота по отношению к прилегающим полям 24 м. В рельефе хорошо видны валы стен, севернее и южнее памятника в 30—50 м сохранились остатки еще одной линии стен, которая раньше, возможно, окружала значительно большую площадь. На расстоянии 300 м расположено несколько небольших отдельно стоящих тепе. Подъемный материал позволяет датировать памятник первыми веками н. э., вторично обживаемый в пору раннего средневековья до VIII в. Встречаются отдельные черепки этнографической керамики XVIII—XIX вв. По-видимому, в древности на этом месте был укрепленный городок, хотя и небольших размеров, но со всеми атрибутами города — цитаделью, фортификационными устройствами, собственно городским поселением, пригородами, возможно, ремесленными и сельскими округами с неукрепленными поселениями и укрепленными усадьбами (не сохранившимися).

26. Каракчи-тепе I—VIII расположены в 2 км юго-восточнее Кара-тепе, вдоль русла Каракчи-сая, на расстоянии 50—150 м, высотой 1,5—2 м. Представляют собой оплывшие руины жилищ земледельцев.

Таким образом, археологическая разведка в районе Заамина и прилежащей округи показала, что эта часть северной Усрушаны наиболее активно начала обживаться в раннее средневековье (V-VII вв.). Именно к этому времени относится появление подавляющего числа небольших укрепленных и неукрепленных поселений, усадеб и крепостей.

Некоторые памятники с хорошо выраженной фортификацией и трехчастным делением (цитадель, шахристан и пригород) могут быть интерпретированы и как небольшие городки, причем появлявшиеся еще в античность (Кара-тепе у с. Обручево, Азляр-тепе

на Кызылсае). Большая часть памятников, возникших в V—VI вв., прекратила свое существование в XI—XII — начале XIII в. (Ак-тепе, Джар-тепе в Заамине и др.). Отдельные объекты после некоторого запустения вновь обживались и функционировали до позднего средневековья (Урда-тепе, Курган-тепе в Заамине, Туркмен-тепе, Юмалак-тепе I).

Отдельные дома, усадьбы существовали сравнительно недолго (V—VII вв.) — Мазар-тепе у кишлака Сейсари. Ряд памятников, в частности горное селение или укрепленная крепость Караул-тепе в Пшегаре, был возведен в раннее средневековье и функционировал вплоть до XV в.

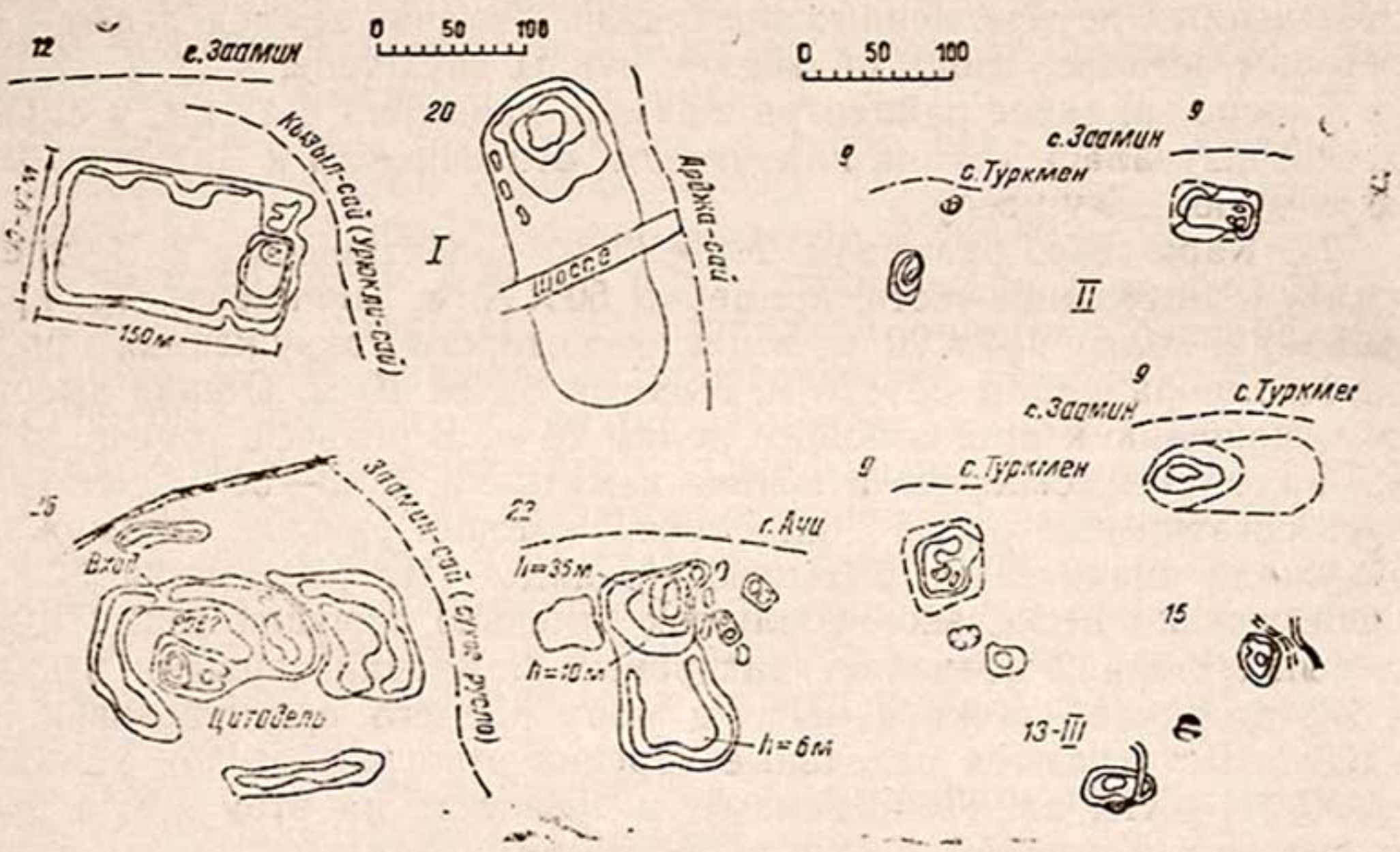


Рис. 3. Топопланы поселений:
I—укрепленных; *II*—неукрепленных отдельных домов.

Типологически обследованные памятники представляют собой небольшие укрепленные поселения или даже городки, укрепленные усадьбы, дома, крепости и неукрепленные поселения сельских жителей. Укрепленные части ориентированы на север, в сторону степей. Все поселения связаны с естественными водными источниками. Обследованные памятники характеризуют определенный ирригационный район, расположенный по Заамин-саю и его огромной сети притоков и отводов, частью высохших. Центром этого ирригационного района являлся г. Заамин, окруженный укрепленными и неукрепленными поселениями.

Предгорная зона, наиболее обильно орошаемая, не нуждалась в дополнительных ирригационных сооружениях. В основном использовался лиманный способ орошения низовых затухавших малых горных саев и параллельно — веерообразная оросительная система. Видимо, веер Заамина частично создавался в пору рабовла-

дельческого и раннефеодального времени. По материалам Хорезма, Кашкадарьи и др. известны принципы концентрации поселений в группы, доминирующее положение в которых занимал замок феодала[3]. Этот принцип отмечен и в описываемых комплексах, хотя невозможно сказать что-либо определенное о системе феодальной иерархии, приложимой конкретно к описываемым памятникам или вычислить площадь феодального владения. Из-за сильной освоенности территорий значительная часть памятников уже навсегда утрачена, а сохранившиеся несут следы частичного разрушения. Тем не менее, сплошной учет и первичное обследование делает возможным начать уже в ближайшее будущее стационарное археологическое изучение с целью осветить многочисленные вопросы, связанные с историей северной Усрушаны. Наиболее перспективны в плане стационарного изучения являются Кара-тепе у с. Обручево, Азляр-тепе на Кызылсае, Караул-тепе у кишлака Пшегар и др. Главное же внимание должно быть сосредоточено на остатках средневековых поселений в самом Заамине. Не исключено, что в Урда-тепе, Курган-тепе и Ак-тепе I в Заамине, а также несколько удаленном от него Джар-тепе сохранились остатки средневекового Заамина, как известно, расположенного «по обе стороны Заамансу»[4].

Учитывая, что интереснейшие памятники расположены вблизи зоны отдыха (санаторно-курортные, заповедно-лесничество), а часть попадает прямо в зону лесничества (Юмалак-тепе), необходимо наиболее выдающиеся из них музеефицировать, т. е. создать первый в Джизакской области музей под открытым небом, принимая во внимание положительный опыт музеефикации археологических памятников в нашей стране и за рубежом[5].

---

[3] Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, стр. 59; Она же. Сельские поселения Афригитского Хорезма. М., 1966. с 112—116; Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, с. 99—108; Дресвянская Г. Я. Комплекс памятников Тырна-сая (материалы к археологической карте). — Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ, № 630, Ташкент, 1980, с. 26.

[4] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I. М., 1963, с. 224.

[5] Бадер О. Н. Музеефикация археологических памятников. — СА, № 3, М., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Х. Ташкенбаев. О результатах исследования Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки 3

У. И. Исламов, Т. Оманжулов. Некоторые итоги изучения эпохи мустье Ташкентского оазиса 9

С. Р. Баратов. К вопросу типологической классификации каменных наконечников стрел эпохи бронзы Средней Азии 19

Б. Н. Абдуллаев, Х. Дуке. Исследования в зоне Туябугузского водохранилища в 1980 г. 28

И. Д. Иваницкий, Б. Р. Абишева. Предварительные результаты археологической разведки к северо-западу от Афрасиаба . . 32

А. А. Грицина, К. Алимов. Каунчинские печати 36

М. И. Филанович. Две находки на Шаштепа в Ташкенте . . . 45

М. Исамиддинов, М. Хасанов. К вопросу о специализации ремесленного производства древнего Согда (по материалам Еркургана) 50

Б. Абдулгазиева. Раскопки на городище Кургантепе . . . 60

Г. И. Богомолов. Изображения всадников с городища Канка . . 69

Х. Г. Ахунбабаев. Новые находки согдийских монет из раскопок 1978—1981 гг. в центральной части Афрасиаба 79

А. Р. Мухамеджанов, Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары 98

Ю. Ф. Буряков, Г. И. Богомолов. К семантике изображений на оссуарии из кишлака Чанги 114

М. Р. Тихонин. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка 120

Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 7 (Караханиды) 125

Т. И. Лебедева. О самаркандских тагхона 136

С. Ильясова. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси 146

Г. Мирзалиев. Неглазурованная керамика XII — начала XIII в. с городища Эски-Ахси 153

Э. Ю. Бурякова. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда 162

Д. К. Мирзаахмедов, И. А. Ахраров. Привозная европейская посуда по материалам бухарских комплексов второй половины XVIII — середины XIX в. 173

Х. Халилов. Новые краниологические материалы эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан 178

Т. К. Ходжайов, Т. Р. Мухамеджанов, Ю. П. Манылов, Ш. Абилов. Предварительные результаты археолого-антропологических исследований некрополя средневекового Несефа . . 183

Т. К. Ходжайов, Г. К. Ходжайова, Е. Л. Усманова, Т. Р. Мухамеджанов. Определение пола, плодовитости и возраста населения средневекового Сагарджа и Несефа . . . 186

М. А. Реутова. Живопись Зар-тепа : . . . . . : 193

Р. Х. Сулейманов, В. Д. Рузанов. Химико-металлургическая характеристика меди и бронз из городища Еркурган . . . 197

А. А. Абдуразаков, С. Джалалова. Исследование химических составов древней бытовой керамики юга Узбекистана . . . 205

А. Р. Мухамеджанов, Г. Л. Семенов. Химическая лаборатория в Пайкенде . . . . . : : 210

Н. Б. Немцева, Г. Я. Дресвянская. Памятники Заамина и его округи (к археологической карте Северной Усрушаны) . . . 221

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

Вып. 20

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии, Отделением истории, языкознания
и литературоведения АН УзССР

Редактор *Л. Леус*
Художник *Е. Владимиров*
Технический редактор *В. Тарахович*
Корректор *Л. Сагановская*

ИБ № 3226

Сдано в набор 29.11.85. Подписано к печати 24.01.86. Р03248. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,5. Уч-изд. л. 15,0. Тираж 1000. Заказ 236. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Фан» УзССР. 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 2 р. 40 к.